

Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки —
курфюрст

Гай Юлий Орловский

РЧ@РЧ

Длинные Руки —
курфюрст

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки —
властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — явл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бургиграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — гротсграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — лаугграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — раугграф
Ригард Длинные Руки — конуни
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрст

Ригард Длинные Руки —
курфюрст

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
курфюрст

ЭКСМО
Москва
2011

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — курфюрст / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2011. — 384 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-50128-1

Блестящий рыцарь-одиночка, победитель драконов, троллей, огров, кентавров и даже Морских Всадников, он впервые сталкивается с жизнью королей, где запутанные интриги и провокации — привычная обыденность. И с ужасом понимает, что на их уровне он наивен, беспомощен и слаб, он все еще на уровне простых людей и простых рыцарей...

Но что-то же спасло лягушку, попавшую в кувшин с молоком?

**УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

© Орловский Г.Ю., 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-50128-1

Часть первая

Глава 1

Мысли не текут, а бегут, скачут, летят — злые, горячечные, мстительные: я не могу такое простить, проглотить, стерпеть, я расшибусь, но все верну...

Затем, по мере остывания, приходят и трезвые. У меня в руках роскошный пирог, а я, как осатаневший безумец, собираюсь драться за черствый сухарик, оставшийся где-то за Хребтом? С которым не знаю, что и делать? Выкинуть жалко, а заниматься им, когда в руках такое сокровище, да еще выход к океану, вот-вот выстрою огромный флот...

Возможно, Гиллеберд, сам того не подозревая, помогает решить эту проблему. Я могу повозмущаться против такого произвола и нарушения международных договоров, выразить протест, но отныне целиком сосредоточиться на Сен-Мари. А что фюрст, а не король, так это сейчас, когда варвары подступают с моря, а кейдановцы поднимают головы в королевстве...

Сэр Жерар вошел тихохонько, сегодня он в темном костюме, ничто не выдает его высокого статуса, кроме золотой цепи на груди, застыл у двери, неподвижный, как одна из статуй.

Я взглянул на него с раздражением.

— Сэр Жерар?

Он торопливо поклонился.

— Ваша светлость...

— Сэр Жерар, — твердым голосом сказал я, — мне придется ненадолго оставить дворец. Надеюсь, за время моего отсутствия вы его не спалите.

Он поклонился.

— Как скажете, ваша светлость. Армландию вы тоже оставляли ненадолго, кстати.

Я дернулся, посмотрел на него злыми глазами, но он ответил взглядом праведника: мол, я же вам говорил, да и все вас предупреждали и просили не зарываться.

— Ладно-ладно, — сказал я резко, — что случилось, то случилось. Будем спасать хотя бы обломки. Инструкции барону Альбрехту, сэру Растеру и полевым командирам, что так вовремя прислал граф Ришар, я оставил...

— Вас проводить?

Я подумал, кивнул.

— Да, это недалеко.

Стражи распахнули передо мной двери во двор, мраморные ступени блестят от ночного дождя, холодный злой ветер ожег лицо, гнет верхушки деревьев, небо в тучах, под ноги полетели безжалостно сорванные молодые листья.

Внизу переминаются с ноги на ногу барон Альбрехт в роскошном малиновом камзоле с плотным шитьем двойными золотыми нитями на плечах и отворотах, а также сэр Растер в полных рыцарских доспехах, даже в шлеме, хоть и с поднятым забралом.

Сэр Растер, чтобы среди придворных хоть как-то походить на придворного, набросил на плечи роскошный плащ, а на грудь повесил толстую золотую цепь, как и у барона Альбрехта, но у того выглядит, как будто с нею и родился, а у сэра Растера... несколько, ну, не совсем так, чтоб уж смотрелась.

Я произнес коротко:

— Барон... сэр Растер...

Они поклонились.

— Ваша светлость!

Я кивком велел идти следом, все трое пошли за мной молча, за нами еще двое стражей, сохраняют почтительную дистанцию, чтобы не слышать разговоры господ.

Из подземной тюрьмы вышел могучий мужик в кожаном переднике на голом торсе, лицо блестит в мелких бисеринках влаги, даже не поежился от пронизывающего ветра, глубоко вздохнул и вытер потные ладони о штаны.

Сэр Жерар издала вперил в него требовательный взгляд, но тюремщик дождался, пока приблизимся, неловко поклонился.

— Ваша светлость... изволите спуститься?

Я посмотрел на темное низкое небо, зябко передернул плечами.

— Думаю, там еще хуже. Веди сюда.

Барон Альбрехт понимающе кивнул, сэр Растер хранит молчание, как гробница древних королей. Тюремщик повернулся и пошел вниз, опираясь рукой о мокрую каменную стену.

Мы слышали, как внизу гремят ключи, затем донесся скрип тяжелых металлических дверей, снова затихающий звон, удаляющиеся голоса. Насколько помню, там длинный коридор, на каждом повороте приходится подолгу открывать железные двери, отворяются медленно и туго, любой побег отсюда практически невозможен.

Мы не обменялись ни словом, только сэр Жерар пару раз вздохнул так тяжело, что я раздраженно дернул щекой, и он поспешно отодвинулся за спины Альбрехта и Растера.

Снизу донеслись тяжелые шаги, звон цепей. Герцог Сулливан вышел в простой белой рубашке, черных брюках и в старых сапогах, с черной щетиной на щеках и подбородке, сразу болезненно прищурился от яркого солнечного света.

Все так же высок, мне почти вровень, это гигант, по здешним меркам, широк в плечах, на руках толстые железные оковы, между ними короткая цепь. Двое могучих парней в красных одеждах королевской стражи поднялись следом, а

когда выбрались наверх, слегка придерживали за локти осужденного к жестокой казни четвертованием.

Я смерил его угрюмым взглядом, а он проморгался и в свою очередь посмотрел на меня с откровенной ненавистью.

— Можешь не молиться, — сказал я ему с кротостью крокодила. — Я за тебя уже помолился.

Сэр Растер спросил в великом удивлении:

— Правда?

Я поморщился.

— Сэр Растер, мы же рыцари... конечно, я помолился! Про себя.

— А-а-а, — сказал он с облегчением, — все хорошо, мой лорд, а то я уж было испугался.

Барон Альбрехт посмотрел на простодушного рыцаря с ласковым укором, как на дитя. Сулливан же игнорировал нас, с предельным равнодушием глядя мимо в темно-серое небо над остроконечными крышами домов.

— Герцог Сулливан, — произнес я холодно, — вы признаны виновным и будете казнены.

Он буркнул:

— Это я уже где-то слышал.

— Просто приятно напомнить, — сказал я с тем же холодком. — Есть ли просьбы, прощения?

Он поморщился.

— От меня? Не льстите себе.

— Значит, нет, — сказал я с удовлетворением. — Это еще лучше. Приятно, когда ни пятнышка на совести... Однако у меня есть к вам предложение.

Он искривил рот.

— Повеситься самому? Нет уж, душу свою не загублю.

— Зачем же? — возразил я. — Мне самому куда приятнее видеть, как вас казнят согласно строгой и ох какой справедливой и неспешной процедуре. На труп врага всегда смотришь с великим удовольствием, не правда ли? Даже с превеликим. Но предложение заключается в другом...

Он чуть откинул голову и рассматривал меня с выражением полнейшего превосходства, как будто это он король, а я пришел просить милостыню.

Не дождавшись реакции, я поинтересовался:

— Вам даже не интересно, какое?

Он презрительно оттопырил губу и, делая мне величайшее одолжение благодаря широте своей души и величайшей щедрости, проговорил лениво:

— Ну... какое?

— Мне нужно отлучиться, — сказал я. — Из королевства. Однако ожидается нападение пиратов на Тараскон... слышали о таком?... и его бухту. Там заложена, как вы наверняка знаете, королевская верфь. Пираты очень жаждут уничтожить там все, пока мы не построили гигантские корабли. Вам как патриоту королевства должно быть небезразлично, будет в Сен-Мари... то бишь в Орифламме, могучий флот или не будет.

Он слушал с вялым интересом, наконец ответил с прежним пренебрежением:

— И что?

— Я не могу вмешиваться в работу суда, — сказал я, — иначе что это будет за справедливый и независимый? Но в моей власти временно отсрочить саму казнь. Если дадите слово, что за это время не обратите меч против тех, кто вам его вручит, я верну вам прежнюю свободу с условием, что немедленно отправитесь в Тараскон, осмотрите там укрепления и сделаете все, чтобы защитить тамошний город и верфь. Верфь мне, вообще-то, важнее. А когда вернусь, вы сдадите оружие и приедете из Тараскона сюда, где вам и отрубят голову.

Он поморщился, холодно напомнил:

— Четвертуют.

— Четвертуют, — согласился я. — Кто мы, чтобы вмешиваться в работу независимого и беспристрастного суда?

Барон Альбрехт что-то тихо хрюкнул за моей спиной, сэра Растер переступил с ноги на ногу, но смолчал, а сэра Жерара вообще как будто нет.

Сулливан долго смотрел на меня, мне показалось, что прокручивает в памяти первую нашу встречу, когда мы сошлись в трудном поединке, который я позорно проиграл и был вынужден отвести армию, а его землям предоставить независимость, вернее, оставить прежнее подчинение королю Кейдану, что еще хуже.

Это было трудное решение, меня упрекали не столько за поражение, как за предоставление ему льгот и свобод, которые я так глупо пообещал, да еще и в бароны возвел, чтобы он мог выйти со мной на поединок!

Наконец он заинтересовался с ленцой:

— Почему я?

— Все мои полководцы сейчас в Гандерстейме, — объяснил я. — Как и все войска.

Он пожал плечами.

— У вас есть герцог Фуланд, осудивший меня на четвертование. Он влиятельнее, богаче, у него связи, огромная родня...

— Возможно, — согласился я, — он и хорош, даже очень хорош. Но насколько — проверять некогда. Зато я видел, и все мои лорды видели, как умело вы укрепили свои земли. Сэр Растер, он был секундантом в нашем поединке, как вы помните, мне все уши прожужжал, что их практически невозможно захватить, разве что после долгой и кровопролитной войны, которая нам тогда была совсем ни к чему. Как и сейчас, вообще-то. Собственно, потому я и пытался тогда все решить поединком между нами... Ваши крестьяне живут богато, это значит, ведете хозяйство умело, ухитряетесь держать хорошую армию, не изнуряя подданных налогами и поборами.

Барон Альбрехт выдвинулся чуть и встал рядом со мной.

— Очень умелые налоги, — сказал он одобрительно. — И крестьяне не разоряются, и лорд богатеет!

Я кивнул и закончил:

— Если кто-то и сумеет создать пояс обороны вокруг верфи, то это либо я, либо вы. Но меня срочные дела отзывают на ту сторону Великого Хребта...

Он морщился, кривился, хотя мне казалось, что раздумывать не о чем. Однако сэр Растер, барон Альбрехт и даже стражи за нашими спинами смотрят на него с полным пониманием, разделяя его сомнения и колебания, известные мне только умозрительно.

— Я буду защищать один? — поинтересовался он с иронией.

— В ваших землях уже собрано неплохое войско, — напомнил я сухо. — Вы собирались его использовать против меня, не забыли? Кроме того, под ваши знамена соберутся доблестные лорды со всего королевства, кто не желает служить лично мне, но готов пролить кровь, защищая королевство от пиратов. У всех у них есть неплохие личные дружины.

Он подумал, потом в глазах мелькнуло грозное веселье. Откинув голову, посмотрел на меня в упор.

— А не опасаетесь, ваша светлость, что нарушу слово?

Я фыркнул:

— Опасаюсь? Да я надеюсь на это!

Он взглянул настороженно, зыркнул по сторонам, но подсказок нет, спросил угрюмо:

— Почему?

— Мы сошлись с вами в поединке, — напомнил я. — Маркграф и простой рыцарь. Чтобы вы получили право со мной драться, я прямо там же на месте поединка возвел вас в бароны, помните? Но когда вы одержали верх, я отвел свои войска и даровал вам независимость от моей власти, чтобы вы могли и дальше считать своим сюзереном короля Кейдана. Если кто и был мною недоволен, все равно признали, что я действовал как рыцарь, благородно и честно. Разве я не сдержал слово?

Он поморщился, ответил нехотя:

— Во всем, признаю.

— Я заслужил тем поступком репутацию человека чести?

Он ответил раздраженно:

— Да.

— Честь дороже жизни, — сказал я высокомерно, — но буду рад, если это вы ради спасения шкуры нарушите рыцарское слово! Все наше сословие благородных людей увидит, каков вы на самом деле, сэр Сулливан! И я буду отомщен. Прощайте. Желаю вам забыть о рыцарской чести! Жизнь и ее блага дороже, помните.

Я сделал знак стражникам, чтобы позвали кузнеца и освободили приговоренного к казни от оков.

Барон Альбрехт, сэр Растер и сэр Жерар молча провожали меня во дворец, но в первом же зале барон взорвался злым воплем:

— Сэр Ричард, я не понимаю!..

— Чего, дорогой барон?

— Вы нарочито не взяли с него клятву? Хотя бы клятву? Я удивился:

— Какую клятву? Клятву верности? Он ее не даст. Клятву защищать Тараскон?

— Ну, хотя бы...

— Дорогой барон, — ответил я грустно, — вы совсем уж стали политиком и никому не верите. Клятвы требуем от простолюдинов и людей с непонятно какой репутацией. Что из себя представляет Сулливан — знаем. Я не случайно захватил вас троих. Сэр Растер был не только моим, но и Сулливановым секундантом! Мы тогда по обоюдному согласию не стали приглашать его рыцарей, чтобы не откладывать начало поединка. Сулливан сам выбрал сэра Растера своим секундантом. И сейчас он видел нашего доблестного сэра Растера, смотрел в его честное лицо настоящего рыцаря, олицетворение всех рыцарских доблестей, и... решится поступить нечестно?

Барон пробормотал:

— Ну... знаете ли... это же Сен-Мари... здесь же прогнило...

— Это в городах прогнило, — напомнил я, — а в замках и отдаленных землях еще допотопная Вандея. В общем, я от-

бываю по срочным делам. Не развалите без меня королевство. Вернусь, со всех шкуры спущу.

Конюх вывел на длинном поводке арбогастра, тот красиво потряхивает гривой, блистает огненным взглядом и грациозно перебирает копытами. Пес пронесся по двору и снова прибежал к нам, сел на толстый зад и смотрит влюбленными глазами, умоляя приказать ему хоть что-нить, он сейчас же все выполнит!

Отец Дитрих вышел с двумя священниками, но те оба остановились, когда великий инквизитор подошел ко мне и благословил.

— Вот и подошли настоящие испытания, — произнес он грустно, — сын мой во Христе.

Я вздохнул.

— Почему Господь допускает это?

— Господь не забыл о нас, — ответил отец Дитрих строго. — Он испытывает нас. С Богом, сын мой.

— Спасибо, отец Дитрих. Надеюсь, у вас все идет без потрясений.

Он кивнул.

— Да, все по плану. Разные мелочи разве что... Вот вчера приходила старуха и уверяла, что ее из леса прямо в город перенес демон и велел явиться ко мне. Эх, суеверия...

Я спросил:

— И что со старухой?

Он посмотрел несколько удивленно.

— Как со всеми упорствующими, сын мой. Отказалась признаться, что все придумала, пришлось ее на костер. Велел удавить сперва, чтоб в огне не мучилась. Надо быть милосердными... по возможности.

— Гм, — сказал я, — ну да, без пролития крови. По возможности.

Я приложил к его руке, сердце стучит тревожно, в груди тяжелый камень. Никому не признался бы, но отцу Дитриху сказал честно:

— Мне кажется, не справлюсь.

Он сказал непривычно мягко:

— Сын мой во Христе! Вспомни старую легенду о неком бароне, который в своем замке протянул проволоки от одной башни к другой, чтобы ветер превратил их в Эолову арфу! Нежные ветерки играли вокруг замка, но музыка никак не рождалась, и барон был опечален. Но однажды ночью разразилась неимоверная буря, ужасная и чудовищная, не только сам замок, но и гора, на которой он стоит, содрогнулись от ее мощи. Барон в страхе подошел к окну посмотреть на страшный ураган, а там за стеной мир был наполнен звуками дивной музыки! Понимаешь, сын мой, иногда нужна буря, чтобы вызвать музыку! Настоящую.

Я опустил голову.

— Да, но...

— Во времена безмятежного благополучия, — сказал он, — большинство людей просто существуют. Без света в душе, без музыки в сердце, но когда буря... о, эти люди изумляют силой и мощью своей музыки не только других, но и себя. Сын мой, рассчитывай на Господа и не прячься от бури.

Он благословил меня, я чуточку ободренный пошел к арбогастру. Барон Альбрехт последовал за мной, рассерженный и утрюмый.

— Сэр Ричард!

— Да, дорогой барон.

— Мне будет легче, — сказал он с вызовом, — управляться здесь, если буду знать хотя бы примерно, что за глупость задумали на этот раз, сэр Ричард!

Я огляделся по сторонам, здесь везде уши, сказал негромко:

— Король Гиллеберд мудр, абсолютно точен и расчетлив. Он не допустил ни единой ошибки! Он просчитал все, а удар нанес в самый нужный момент. А если учесть, что его королевство на долгом подъеме, народ богатеет, ремесла развиваются, армия получила новые доспехи и прекрасное

оружие... победить ее практически невозможно, а обыграть Гиллеберда — невысказано.

Он посмотрел на меня остро.

— Да?... А то у вас такое лицо, словно уже деретесь.

Я сказал еще тише:

— Мне кажется, я нащупал нечто, что Гиллеберд не учитывает.

— Вы же сказали, учитывает все!

— Он знает, но не принимает всерьез, — уточнил я. — Когда-то знал, но теперь позабыл, как глупость и неуместность.

— Что же это?

Я прямо посмотрел в его встревоженное лицо.

— Он умен и... полагает, что я тоже буду поступать по-умному. А по-умному, это выругаться и в самом деле отказаться от холодной, бедной и драчливой Армландии. Здесь у меня целое южное королевство! Богатое, сытое, а еще и на берегу южного океана, что дает возможности, не так ли?

Он спросил с напряженным интересом:

— Ну-ну, а в чем ошибка Гиллеберда?

— Еще не видите?

— Нет.

— Он общался со мной, — ответил я. — Мы долго обсуждали разные вопросы, он уже тогда понял, что я не дурак, умею выбирать варианты... Так вот, дорогой барон, он ошибся. Я — дурак!.. И не стану выбирать варианты, когда задета моя честь, моя гордость, мое достоинство! Я не только король... пусть и не король, но еще и оскорбленный самец.

Он усмехнулся.

— Ай-ай, какое мальчишество...

— Пусть, — сказал я злобно, — пусть мальчишество. В этом и есть ошибка Гиллеберда. Он решил, что я — умный правитель, как он. Но я не так стар, во мне все еще кипит та дурь, что в Гиллеберде давно выбурлила. Это оскорбленное чувство толкает на такую глупость, как попытаться отвоевать

у Гиллеберда захваченные земли, хотя это и кажется просто невысказано.

— А... мыслимо?

Я ответил честно:

— Сейчас даже не представляю, как. Но это, если по-умному. Однако знаю, если бы мир создавался только умными, это был бы совсем другой мир! Человечество держится не только на лжи, как уверяют... некоторые мои знакомые, но и на чести, самолюбии, уязвленной гордости и даже ущемленной гордыне. Во мне есть вся эта дурь, ущемленность, обида, баранье упорство, нежелание считаться с реальностью... пусть эта сволочь сама считается со мной!.. В общем, барон, пришло время испытаний и... нестандартных решений.

Он вздохнул.

— Да уж, куда нестандартнее.

— Вы о Сулливане?

— А что, будут еще?

— Будут, — пообещал я.

— Господи, спаси и сохрани!

Я ухмыльнулся и вскочил в седло. Пес ликующе подпрыгнул, я сказал с сожалением:

— Зря я тебя беру. Здесь бы отоспался на кухне, гонял бы кур, гусей, проверял, как жарят мясо...

Он обиженно взвизгнул.

— Ладно, — сказал я. — Пришло время не совсем... умных поступков. Не отставай!

Я повернул коня мордой к воротам, те распахнулись, словно почувствовали мой требовательный взгляд, с той стороны в королевский сад вошли трое очень рослых мужчин в полных рыцарских доспехах и с торчащими из-за плеч рукоятками мечей.

Я уже привык, что у сенмаринцев мечи слева у пояса, это у армландцев рукоятки торчат почти под мышками, не очень удобно ходить, пока не привыкнешь, но позволяет с легкостью носить клинки в полтора раза длиннее всех, кого я ви-

дел. У этих же слишком своеобразная манера... давно такой не видел...

Далеко за воротами оруженосцы держат под уздцы рослых коней, а эти трое идут ко мне размеренно и мощно, как три колосса из неведомой страны.

Во главе рослый гигант, как бы даже не выше меня, но в плечах явно шире, массивнее, лицо отмечено шрамами, вид достаточно зловещий.

Не доходя до меня трех шагов, он остановился, преклонил колени и склонил голову, глядя в землю.

Я помедлил, показывая барону Альбрехту и остальным, что и это мои подданные, хотя что-то не припоминаю таких, наконец произнес ровным голосом:

— Сэр...

Рыцарь поднялся, еще раз поклонился с неуклюжей грацией северянина, где нет изящества и желания понравиться, а только необходимый ритуал, вроде «Драсьте», распрямился и посмотрел мне в глаза. Точно выше меня, так это на палец или даже два, крепко сбитый, сухощавый, без лишнего жирка, это видно даже и под доспехами, лет ему за тридцать, даже под сорок, лицо суровое, морщин мало, зато глубокие и резкие, что не портят общего впечатления, как от человека мужественного, битого жизнью, много повидавшего, умеющего встречать опасность, не отводя взгляда.

— Ваша светлость, — произнес он сильным голосом.

— Кто вы, сэр, — поинтересовался я. — И что привело вас в наши края?

— Клемент Фицджеральд, — ответил он почтительно. — Баннерный рыцарь, воевал, командовал конными отрядами, пехотой и даже лучниками. Знаком как с прямыми атаками, так и рейдами в тыл противника. Несколько лет отвечал за объединения, что выполняли самостоятельные задачи.

Я наклонил голову, этот Фицджеральд выглядит опытным воином, но кое-что прояснить нужно до того, как приму какое-то решение.

— Сэр Клемент, — сказал я, — у вас странные цвета и незнакомый девиз. Вы явно не из Армландии?

Он чуть кивнул.

— Совершенно верно, ваша светлость. Я вассал барона де Пусе.

Я охнул:

— Ого! Далеко же вы забрались!

— Ваша светлость, — ответил он с достоинством, — до наших земель докатились слухи, что простой рыцарь из наших земель, даже не баннерный, у вас на службе стал бароном...

— Вы о бароне Жераре де Брюсе? — спросил я. — Он показал себя очень хорошо в боях, а баронский титул и земли заслужил в жестоких схватках, когда первым поднялся на стену вражеской крепости и сбросил вниз знамя противника.

Он порывисто вздохнул.

— Я знаком с Жераром де Брюсом, — сказал он. — Он поручится за меня. Ваша светлость, я хочу поступить к вам на службу!

— А что за люди с вами? — поинтересовался я.

— Из наших краев, — ответил он. — Как только узнали, что я готовлюсь пойти вслед за де Брюсом, ко мне начали стягиваться безземельные рыцари, младшие сыновья лордов, просто хорошие воины... Я не брал всех, ваша светлость! Я принимал только тех, за кого мне стыдно не будет.

Я чувствовал громадное облегчение, но виду показывать нельзя, сказал с отеческим благодушием:

— Если будете служить так же верно, как это делает барон де Брюс, то у вас появятся и титулы, и земли. Я жажду вести тихую, мирную жизнь отшельника и книжника, но так уж получается, что сам поднимаюсь по лестнице титулов, и поднимаются все, кто мне служит!

Он поклонился.

— Ваша светлость, я клянусь служить вам верой и правдой. Я приложу все усилия, чтобы все ваши указания и распоряжения были выполнены. У меня никого нет в землях,

которые я оставил, и нет никого здесь. Так вся моя жизнь будет в служении вам, ваша светлость!

— Добро, сэр Клемент, — сказал я растроганно, — я распоряджусь, чтобы вам выделили места для отдыха, перековали коней, если понадобится, исправили оружие и доспехи... а потом я возьму вас с собой.

Его глаза загорелись.

— Ваша светлость! Это даже больше, чем мы мечтали!

Ну еще бы, мелькнуло у меня. Ты и подумать не можешь, что беру вас не из-за особого доверия или приязни. Когда тонешь, то и за гадюку схватишься.

— Как только переведете дух, — сказал я, — берите отряд и отправляйтесь обратно через Тоннель в Армландию. Вы там проехали, когда добирались сюда. Вам нужно будет прибыть... прибывать... скажем, к замку маркиза Ангелхейма. Туда я велю собираться всем рыцарям, которые еще остались в Армландии.

— Ваша светлость, — сказал он истово, — все будет исполнено!

— Отлично, — сказал я. — Вижу, горите желанием добыть честь и славу в жарких боях! Это я вам обеспечу. Ну, а о добыче благородные люди не говорят, хотя она будет выше всяких ожиданий, обещаю.

Глава 2

Барона де Пусе за глаза называли Крысой, в мире воинов он не котируется, но эту слабость восполнял хорошими отношениями с многочисленной родней, что поможет в случае чего, а также поддержит своим авторитетом в принадлежащих ему деревнях.

Еще Гунтер мне объяснял, что барон налоги собирает небольшие, в жизнь деревень не вмешивается, за что его считают лучшим из хозяев, и если кто из соседних лордов вздумает вторгнуться в земли барона, то сами крестьяне будут

доносить хозяину о каждом шаге противника, тому придется везти все с собой, ибо в землях де Пусе не отыщут ни хлеба, ни сена, а по ночам будут недосчитываться часовых и тех, кто по нужде отлучился дальше, чем светит костер...

Словом, барон уже оказал мне большую услугу, послав на помощь начальника своей стражи Жерара, а теперь вот помог собраться и отправил ко мне отряд намного больше по численности. Нужно будет барона де Пусе иметь в виду на случай, если под рукой окажется какая-то мелкая награда.

Тяжелое гнетущее состояние, что расплющивало, как ганнибаловы слоны римлян, начало оставлять, когда проскочили Тоннель, а громада Великого Хребта начала быстро уходить за спину.

Сквозь холодный, злой ветер мы неслись по узкой щели между темным небом и мрачной землей, как между молотом и наковальней. Бобик мчится рядом очень серьезный, чувствует, не время давить по дороге оленей и кабанов.

Я продрог на свирепом ветру, но, когда впереди выросли высокие стены Вексена, ощутил вдруг с теплотой, что королевство Фоссано, где правит мой сюзерен, король Барбаросса, все еще родное, здесь прошла, можно сказать, часть моего детства, безоблачного, как теперь понимаю.

— Никого не стопчи, — предупредил я арбогастра, — это наши как бы друзья... Бобик, не улыбайся! От твоей улыбки заиками становятся.

В город привычно тянутся подводы с продовольствием, через широко распахнутые ворота гонят стада коров на городские бойни, привычный мир, но я осматривался очень заинтересованно.

Барбаросса богатые и цветущие земли королевства Фоссано сумел сделать еще более богатыми и цветущими, этого от свирепого рубачи никто не ожидал. Я хорошо помню, когда по городу проехали герольды и под звуки труб возвестили, дескать, сегодня в полдень состоится свадебная церемония, благородный король Фердинанд Барбаросса берет в жены Алевтину, дочь короля Джона Большие Сапоги.

Хотя Барбаросса далеко не благородного происхождения. То есть отважный и очень рискованный сорвиголова. То ли в самом деле рыцарь, то ли объявивший себя рыцарем разбойник, что собрал десяток таких же и с ними захватывал ничейные земли, укреплял власть, подчинял мелких, а затем и крупных хозяев, а когда в соседнем королевстве начались распри, стремительно вторгся, используя большой торговый караван в виде прикрытия, захватил королевский дворец, убив растерянного короля и провозгласил себя сюзереном.

Даниель, старшина купеческого союза вольных городов Мальбрука, на пиру в честь свадьбы короля Барбароссы сказал мне, что торговые союзы поддерживают Барбароссу, потому что тот положил конец распрям, прижал соседей, очистил земли от нежити, и все двадцать лет его правления королевство только богатеет, а простолюдины не перестают молиться за его здоровье.

Когда мы приблизились к воротам столицы, Бобик и Зайчик привычно ринулись обгонять стадо коров и перепрыгивать через телеги. Стражи только успели повернуть головы, как мы пронеслись мимо и пропали в тесноте улочек. Вскоре распахнулась площадь, а за ней на той стороне — величественный королевский дворец, окруженный заботливо выдвинутым далеко вперед забором из толстых металлических прутьев, имитирующих копыта кверху остриями.

К моему удивлению, меня узнали моментально, а я же здесь коннетабль, офицер козырнул, а стражи торопливо распахнули ворота. Арбогастр влетел на королевский двор, звонко цокая подковами, гордо и красиво пронесся по мощенной цветными плитами дорожке к ступеням дворца.

Бобик мчался длинными прыжками рядом, собранный и настороженный, на меня косится умоляюще.

— Ну что тебе еще? — крикнул я. — Возьму-возьму, только держись, как мышь в норке!

Был соблазн въехать на коне и в зал, в прошлый раз я так и сделал, но сейчас, увы, я не в том положении...

Со всех сторон сбежались стражи, приблизиться утрашились, глядя со страхом на Адского Пса, хотя тот даже не смотрит на них, чтобы не пугать.

Я покинул седло, арбогастр посмотрел на нас двоих с укором.

— Я недолго, — заверил я, а воинам велел строго: — Кормить и холить!

Один ответил несмело:

— Знаем, ваша светлость. Я сам ему в прошлый раз гвозди носил... Жрет, как сухую солому!

— Прекрасно, — ответил я.

Ступеньки замелькали под подошвами, я влетел в первый зал, куда являются все придворные, быстро пересек и вбежал в следующий, поменьше, куда допускаются уже не все, а в третьем — вообще народу мало, только высшие лорды.

Нам с Бобиком загородил дорогу огромный и величественный церемониймейстер.

— А вы куда... Ох, простите, ваша светлость, я вас не сразу... богатым будете!

— Я стал мельче? — спросил я и, не дожидаясь ответа, поинтересовался: — Как Его Величество?

Он ответил с поклоном:

— Здоров. Сейчас ведет прием посетителей и просителей...

— Это то, — сказал я, — что мне оно. Я и есть этот самый проситель.

Он улыбнулся, давая понять, что шутку понял, наклонил голову чуть ли не к плечу.

— Если хотите поприсутствовать, я проведу вас в зал. Только как насчет собачки...

— Она очень тихая, — сказал я.

— Ну, если и останется тихой, тогда можно...

— Премного обяжете, — ответил я.

— Следуйте за мной, ваша светлость.

— Только не объявляйте, — попросил я. — Так, постоим в задних рядах.

Он сказал в нерешительности:

— Коннетаблю королевства вроде бы не совсем... однако да, как изволите. Вам Его Величество позволяет всякие вольности по старой дружбе.

— Изволю, — ответил я и слегка смягчил, добавив: — Нам так удобнее. Мы скромные.

— Наслышан...

Он сам распахнул перед нами дверь, но входить не стал, а я проскользнул, стараясь не выделяться, хотя с моим ростом это трудновато, встал позади пышно разодетых придворных, все одеты как на продажу, а пышные шляпы с веером перьев позволяют мне прятать лицо. Бобик смиренно сел рядом и старался дышать как можно тише, чтоб никто не оглянулся и не заорал, увидев его клыки на уровне своего лица.

Всего четыре ряда, дальше свободное пространство в четыре-пять ярдов, это где коленопреклоненные просители излагают свои жалобы, а дальше на небольшом помосте в двух роскошных креслах восседают Барбаросса и Алевтина. За их спинами высятся очень серьезные сэр Маршалл и молодая красивая женщина, прима-фрейлина королевы.

Я подумал, что впервые вижу Алевтину рядом с королем, обычно Барбаросса принимал меня в кабинете, куда свободно вхож разве что сэр Уильям Маршалл.

Коленопреклоненный проситель путано излагал жалобу на людей сэра Карла Людвиг Бёрне, что не следят за скотом, а тот забредает на их поля и тем самым наносит почти непоправимый ущерб посевам, а также чести и достоинству местного лорда...

Барбаросса, надо отдать ему должное, вот уж отец народа, не зеваet, не чешетсЯ и не смотрит по сторонам, а как бы даже слушает, во всяком случае, лицо такое, отценоародное. Алевтина тоже смотрит внимательно, могучая и красивая, чуть располневшая за годы со дня замужества, настоящая королева: рослая и внушающая, такая что угодно на скаку остановит.

Барбаросса в черном камзоле, на котором выгодно смотрятся огромные серебряные украшения, а массивная золотая цепь с крупным драгоценным камнем в самом низу сразу дает понять, что выше этого человека в королевстве нет никого.

Алевтина тоже в черном, но обилие серебра на платье, крупные гроздья бриллиантов, оттягивающих уши, и блистающая корона в волосах говорят о том, что о трауре нет и речи. Возможно, черное для того, чтобы было меньше работы прачкам, женщины — существа практичные, а королевы — тоже местами женщины.

Сэр Уильям время от времени отечески пробежал взглядом по рядам вельмож, иногда наклонялся к королю и что-то шептал ему на ухо. Мне показалось, что высмотрел и меня, как я ни прятался среди шляп. Во всяком случае, когда в очередной раз наклонился к королю и что-то шепнул, тот вдруг вскинул голову, в глазах появился странный блеск.

— А это кто там затаился? — произнес он зловещим голосом. — Лорды, прячьте кошельки! И своих жен тоже...

Церемониймейстер неслышно появился со мной рядом, поклонился и сказал громовым голосом:

— Коннетабль Его Величества сэр Ричард!.. Простите, Ваше Величество, но это было желание сэра Ричарда войти вот так тихо.

Придворные от меня отступили и почтительно кланяются, на лицах смятение пополам со жгучим любопытством. Кто-то все-таки вскрикнул дурным голосом, увидев смиренную собачку.

Король мощно прогрохотал с трона:

— Точно что-то украсть надумал!.. Он никогда не бывает тихим. Сэр Ричард...

Я приблизился, велел Бобику сидеть, и преклонил колено.

— Ваше Величество...

Он сделал жест подняться, я встал и с предельным почтением посмотрел ему в глаза. Барбаросса выглядит сытым

и довольным, тоже заметно пополнил от счастливой жизни, даже темные круги под глазами исчезли. Алевтина светится довольством и благополучием, на меня смотрит с соболезованием, сразу женским чутьем уловив, что мне как раз хреново.

Барбаросса поднялся, огромный и массивный. Все превратились в слух, а он сказал мощно:

— Прием продолжит сэр Уильям Маршалл. Ему доверено решать неотложные вопросы, как решал бы их я сам... А вы, сэр Ричард, следуйте за мной.

Маршалл бросил на меня кислый взгляд, тоже интересно, что же привез за новости, ни разу еще не являюсь просто поболтать и чайку попить, но с выражением полного достоинства на лице выдвинулся вперед, встал около трона и кивнул просителю.

— Продолжайте, сэр.

Королевские покои везде располагаются по единому принципу: король должен как можно меньше находиться среди толпы. И здесь, покинув трон, Барбаросса не пошел через длинный зал, отвечая на поклоны, а сосступил с помоста влево и через два шага вошел в охраняемую боковую дверь.

В зале раздался многоголосый вопль, Барбаросса даже не оглянулся, как и я, сообразив, что бедный Бобик измучился целых две минуты сидеть в полном одиночестве и стремительно нагоняет хозяина и того, кого однажды охранял в лесу.

В коридоре крепкая стража в стальных доспехах громко стукнула тупыми концами копий в пол, приветствуя короля, заодно и меня, того самого, благодаря которому уже многие из их собратьев нежатся в сказочном южном королевстве Сен-Мари на берегу теплого моря.

Бобик шел сзади, неслышно переступая толстыми лапами, но в кабинет короля все же пролез первым. Там, на

мой взгляд, ничего не изменилось, словно последний раз я был сегодня утром. Неслышное тепло коснулось моей холодной и быстро черствеющей души, растеклось по всему телу.

Король прошел вперед, тяжело опустился в кресло, посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— А ты чего стоишь?

— Жду приглашения, Ваше Величество, — ответил я предельно скромно. — Как и собачка.

Он изумился:

— Когда это тебе требовалось приглашение? Ты не болен? А то какой-то странный... Садись-садись, совсем тебя не узнаю. Или хочешь спереть что-то совсем уж непомерное?... Смотри, собачка уже села.

Я деликатно опустился в кресло, Барбаросса все еще смотрит недоверчиво, ждет подвоха.

— Ну и что, — спросил он наконец, — у тебя там творится?

Я ответил кротко:

— Милостиво данной вами, Ваше Величество, властью я продолжаю осуществлять в меру моих скромных сил правление в вашем вассальном королевстве Сен-Мари, завоеванном и приведенном к покорности вашими доблестными войсками и отважными рыцарями...

Он прервал, хлопнул в ладоши и велел зычно:

— Вина и еды! На троих. Нет, на шестерых, я тоже немножко поклюю... И окорок побольше для песика. Продолжайте, сэр Ричард, продолжайте. Очень интересно, особенно насчет данной мною власти, да еще милостиво, ваших скромных сил, моего вассального королевства и наших доблестных войск... Слушаю и по сторонам смотрю, о ком это?

— Ах, Ваше Величество, — сказал я скромно, — я как ваш преданнейший коннетабль не только захватил то разнеженное и увязшее в роскоши и распутстве королевство, но и привел к покорности мятежный Гандерсгейм, где хозяйни-

чали варвары. Сейчас вот строю огромный и могучий флот... и все думаю, назвать ли флагманский гордым именем «Барбаросса» или же «Король Барбаросса»?.. А может быть, то и другое, а третий поименовать «Алевтиной»?

Он сказал сердито:

— А это еще что за шуточка? Чтобы говорили, что ездят на Алевтине, что Алевтина скрипит, Алевтина принимает всю команду?

Я поклонился, пряча взгляд, Барбаросса проговорился, дав понять, что, несмотря на показное недоверие, воспринимает мой рассказ достаточно серьезно.

— Хорошо, Ваше Величество, — сказал я покорно, — сами назовите парочку следующих. Вы сумеете, как никто, дать гордые и красивые, как павлины, имена!

Слуги внесли и расставили по столу холодные закуски. Один вытащил из шкафа два серебряных кубка, второй быстро и красиво налил вина.

— Промочи горло, — посоветовал Барбаросса. — Как бы ни добирался быстро на своем черте, но пыли наглотался.

Еще двое слуг внесли впереди себя, откинувшись назад всем корпусом, целиком зажаренного кабана.

Барбаросса вскинул в удивлении брови, а один из слуг объяснил виновато:

— В прошлый раз собачка сэра коннетабля сперла у нас из кухни именно вот такого... Так лучше уж мы сами, Ваше Величество...

— Разумно, — одобрил Барбаросса и продолжил, обращаясь ко мне: — Как видишь, у меня даже самые низшие слуги делают то, что считают нужным для короля и королевства. И даже для собачки. И меня не спрашивают! Вот как обесценилась моя власть...

Я сказал с глубоким уважением:

— Ваше Величество, я уже малость побывал в шкуре отдающего приказы. Это только дураку приятно, да и то в первые дни, покрикивать и повелевать, а потом понимает, что

это такая нудная и грязная работа, у золотаря и то чище... И каждый начинает выстраивать ее так, чтобы делалась без окриков и подталкивания как бы само по себе, без напоминаний и указывания пальцем. Вам это удалось, искренне восхищаюсь и завидую. Сэр Уильям сейчас говорит в зале те же слова, что говорили бы вы...

Он вяло отмахнулся.

— Лучше. Удивляюсь, этот старый зубр все время учится, а мне как о стенку горохом!

Под столом довольно урчало, чавкало и взрыкивало, словно сам Барбаросса там пирует напропалую.

Барбаросса прислушался к хрусту костей, довольно и с некоторой завистью заулыбался.

— Вот кто самый счастливый.

После холодной закуски принесли горячую, я ел быстро, король лениво погрыз чуть гусиную лапку и бросил ее под стол, там довольно клацнули зубы, мгновенно захрустели перемалываемые тонкие косточки и снова продолжился труд над кабанчиком.

Не переставая работать над гусем, я очень подробно рассказал, как вторглись в Гандерсгейм, как войска из Фоссано, мудро и своевременно посланные Его Величеством, с легкостью захватывали королевства... да-да, королевства!.. не меньше двух десятков захватили с ходу, потом вышли к океану, а в это время я начал строительство большого флота из гигантских кораблей, вы не поверите, Ваше Величество, каких огромных, а сам на двух каравеллах, так называются гиганты чуть поменьше, совершил рейд в океан и обнаружил там целый архипелаг, который Его императорское Величество Генрих Третий пожаловал мне вместе с титулом эрцгерцога...

Он пробормотал:

— Уже эрцгерцог?.. Господи, а еще не вечер.

Сэр Уильям явился раньше, чем я предполагал, еще от двери сказал успокаивающе:

— Важных вопросов не было, а мелочи разберут сэр Теодор и сэр Каспар. Я с вашего милостивого разрешения их давно натаскиваю.

— Разумно, — сказал Барбаросса.

Сэр Уильям спросил с интересом:

— Что наш дорогой друг сумел украсть кроме подсвечников?

— И двух полков отборной конницы, — проворчал Барбаросса, — но пока темнит.

— Значит, — предположил сэр Уильям, — сопрет, так уж сопрет... Сэр Ричард?

Он, как и король, посматривал на меня с непонятным удивлением в глазах, а когда на лице начало проступать выражение крайней подозрительности, я спросил прямо:

— Сэр Уильям, что-то случилось?

— Не знаю, — ответил он. — Это, вообще-то, вопрос к вам, сэр Ричард.

— Какой?

— Что-то случилось? — произнес он с расстановкой. — Точнее, катастрофа?

— Ну почему, — пробормотал я с неудовольствием, — как я, так и катастрофа...

— Серьезный вы больно, — пояснил он. — Все прошлые разы, когда мы виделись, вы сверкали и бурлили, как водопад шуток и острот, кусали и злили, а сейчас вас не отличить вон от тех статуй. Или настолько огосударствились?

Я помолчал, вздохнул и ощутил, что прозвучало настолько тяжело, что да, катастрофа, мне не до шуточек.

— Все вместе взятое, сэр Уильям. Короны, оказывается, тяжелые штуки. На мне сейчас эрцгерцогья, и то шея подламывается. Соболезную Его Величеству.

— Да что случилось?

Он тяжело опустил за стол, цапнул кубок с вином, разом осушил, лицо слегка порозовело, а он покрутил головой, дескать, хорошо-то жить, оказывается, кто бы подумал.

Глава 3

Я вздохнул и сам ощутил, как медленно темнеет мое лицо, гаснет блеск глаз, а улыбка превращается в гримасу.

— Вы меня предупреждали, — сказал я невесело, хотя и не помнил, чтобы предупреждали, но лучше такое сказать самому, чем обязательно скажут они, — говорили, чтобы я не зарывался... Но, увы, теперь вижу, что вовсе не мудрый и предусмотрительный, каким себя считал, а дурак дураком. А еще и самоуверенный без меры...

Сэр Уильям покосился на Барбароссу, тот кивнул, и сэр Уильям спросил участливо:

— Сэр Ричард, ошибок не делает только тот, кто еще не родился. Что за беда такая у вас?

Я помолчал, собираясь с мыслями и прикидывая, с чего начать, Барбаросса проворчал:

— А ты знаешь, что он уже эрцгерцог? Титул получен от заокеанского императора! Теперь я точно что-то не понимаю.

В его мощном голосе проскользнула даже не угроза, а всего лишь неудовольствие, но меня передернуло, будто попал под удар молнии.

— Ваше Величество, — произнес я преданно, — вы же знаете, Сен-Мари завоевывалось вашими войсками! Пусть даже две трети считают себя армландцами, но я не сепаратист, я убежден, что Армландия — неделимая и неотъемлемая часть королевства Фоссано!.. Таким образом и королевство Сен-Мари — вассальная территория вашего Фоссано. И даже те острова — часть королевства Фоссано, хотя мне и подарил их император, обретающийся на Юге!

Сэр Уильям проворчал уязвленно:

— Хорошо дарить то, что самому не принадлежит. Мы тоже так умеем. Особенно Его Величество...

Барбаросса посмотрел на него волком, обратил царственный взор ко мне.

— Так, про успехи слышали. А теперь давай про то, о чем будешь говорить быстро, вскользь и шепотом.

— А еще почему, — сказал сэр Уильямс с удовольствием, — дурак дураком?

— Да-да, — поддержал Барбаросса, — и громче, громче! С выражением. Мое Величество это любит.

Я вздохнул.

— Смеетесь, думаете, что какие-то пустяки... Но это в самом деле серьезно. Я потерпел поражение. И без вашей помощи у меня нет шансов. Вообще!

Оба посерьезнели, Барбаросса промолчал, сэр Уильям кивнул.

— Начинай.

— Как я уже рассказал Его Величеству, — сказал я, — победы сыпались со всех сторон. Сен-Мари полностью под нашим контролем, что значит — под вашей властью, Ваше Величество. То же самое и с Гандерсгеймом, где мы практически уничтожили все вражеские войска и захватили все земли. Одну из бухт в Сен-Мари я сумел обезопасить от пиратов, теперь там строится настолько могучий флот, что сметет всех пиратов с лица Земли, а Его Величество станет королем всех океанов!.. И вот тут-то я и просчитался.

— В чем? — потребовал сэр Уильям.

— Что Его Величество, — сказал Барбаросса иронически, — то есть мое Величество станет королем океанов. Шас он мне так и подарит это мокрое королевство!

— Вы им станете, — заверил я. — только погода. По дороге некоторый облом... Для того чтобы захватить Сен-Мари недолгой, изнурительной войной, в которой у нас не было шансов, так как Сен-Мари богаче и сильнее Армландии и даже, простите, Фоссано, я увел из Армландии, как вы знаете, все войска! И рыцарей, и пеших, и вспомогательных. Потом из покоренного Сен-Мари я двинул все эти войска в Гандерсгейм...

— Зачем? — спросил Барбаросса.

— Опять же, — ответил я, — чтобы не увязать в долгой войне. Мы практически сокрушили варваров...

Барбаросса нахмурился, явно хочет сказать про необходимость надежного тыла, сэра Уильяма как услышал его мысли, повернулся ко мне, ожег строгим взглядом.

— Самонадеянно, — произнес он. — Не укрепив тыл? И что, в Сен-Мари вспыхнуло восстание?

Я покачал головой.

— Нет, Сен-Мари полностью под контролем. Местные лорды мне верны... В основном.

— Так в чем же дело?

Я вздохнул, обвел их тоскливым взглядом.

— Гиллеберд вторгся в Армландию.

Сэр Уильям грубо выругался, Барбаросса с силой ударил кулаком по подлокотнику, брови сдвинулись над переносицей, а глаза грозно засверкали.

— Сволочь, — сказал он с нажимом. — Хитрый лис, никогда не вступит в сражение, пока не убедится, что противник впятеро слабее! Он не рыцарь!

— Зато король, — буркнул Уильям. — И армию, как мы знаем, готовил долго и старательно.

Барбаросса обратил на меня гневный взор.

— Что Гиллеберд успел к этому времени?

— Продвигается в глубь Армландии, — ответил я с тоской. — Укрепленные замки обходит, все равно сдадутся, а сам старается захватить как можно больше земель.

— Всю Армландию?

— Да, — нехотя признал я, — это ему сейчас по силам. Но уверяет, что только часть.

— Врет, — сказал сэр Уильям убежденно.

Барбаросса кивнул.

— Да, он не остановится, пока не подойдет к Тоннелю. И в его руках окажется контроль над всей торговлей с Югом!

Они надолго задумались, Барбаросса покрутил в пальцах кубок с вином, но машинально отставил. Боевой огонь

в глазах Уильяма медленно угасал, лицо первого советника короля мрачнело.

Я напрягся, гдтовясь услышать то, чего боялся больше всего. Сэр Уильям старался не смотреть на меня, а когда заговорил, в голосе было полно горечи:

— Мы не готовы воевать. Часть наших войск в самом деле сейчас по ту сторону Великого Хребта. В этом самом проклятом Сен-Мари. Остальных нужно еще долго собирать. А у Гиллеберда прекрасная и хорошо вооруженная армия. Его Величество прав, Гиллеберд не нападает, пока не убедится, что противник впятеро слабее. Он точно просчитал все, сэр Ричард.

Барбаросса пробормотал:

— И учел нашу возможную помощь.

— Наверняка, — согласился сэр Уильям. — Его шпионы в последнее время слишком уж активно собирали сведения о наших настроениях, военных силах. Он знает, что если и выступим на помощь, он успеет как укрепиться в замках, так и перекрыть мосты и дороги.

Барбаросса рыкнул:

— Черт, какая же хитрая сволочь! И не бросишь ему вызов на поединок!

Сэр Уильям пожал плечами.

— Почему? Можете бросать сколько угодно.

Барбаросса поднял на меня угрюмый взгляд.

— Похоже, в самом деле Гиллеберд всех нас обыграл вчистую. Еще до начала войны.

— Войны не будет, — сухо сказал сэр Уильям. — Сэр Ричард совершил серьезнейшую ошибку, оставив Армландию без защиты, так что Гиллеберд берет ее фактически без боя. Нам пришлось бы двигаться через те проклятые болота, где нет дорог. Это погубит половину армии! А та, что измученно выберется на берег, поляжет под ударами его хорошо обученного и отдохнувшего войска.

Барбаросса снова ударил кулаком по подлокотнику.

— Сволочь, сволочь!.. Он заберет у меня всю Армландию!.. И границей будут именно эти проклятые болота!

— А с южной стороны, — сказал сухо сэр Уильям, — Великий Хребет.

Барбаросса в ярости смял кубок в могучей длани и швырнул через всю комнату.

Я напомнил отчаянно:

— Под Хребтом Тоннель...

— И что? — спросил сэр Уильям зло. — Считай, что его нет! Закрывать его легко с любой стороны. А если пользоваться, то лишь с разрешения Гиллеберда. И на его условиях.

Я сказал отчаянно:

— Не решайте сейчас! Дайте мне шанс...

Барбаросса прорычал:

— Да нет шансов...

— Я поговорю с королем Роджером Найтингейлом, — пообещал я. — Королевство Шателлен примет нашу сторону!

Барбаросса угрюмо смотрел на меня исподлобья с нескрываемой злостью.

— Думаешь, — прорычал он, — сэр Уильям не подумал о нем? Шателлен — слабое королевство, армии в нем почти нет, сам король воевать очень даже не любит.

Я сказал умоляюще:

— Но кто же должен быть?.. Кто с той стороны Турнедо? Королевство Варт Генц? У меня с ними торговый договор...

Сэр Уильям поморщился.

— Сэр Ричард, не хватайтесь за соломинку, это не по-мужски. Варт Генц заключает лишь те торговые соглашения, которые выгодны ему. Кстати, как и все мы. С какой стати Варт Генц будет поддерживать вас в ненужной ему войне?

— Не знаю, — ответил я растерянно. — Но какой-то выход же должен быть? Ну нельзя же так... Почему я должен проиграть так сокрушительно?.. Это другие могут, но не я...

Я чувствовал, насколько выгляжу жалким, Барбароссе уже противно, старается вообще на меня не смотреть, а сэр Уильям произнес с великой неохотой:

— Дело в том, сэр Ричард, что для кого-то как раз вы — «другие». Которые проигрывать могут сколько угодно.

Барбаросса подытожил усталым голосом:

— Давайте на этом закончим. Уже ночь на дворе. День был тяжелым... Сэр Ричард, вас проводят в ваши покои. Собачку можете оставить. Спокойной ночи!

Я поднялся, отвесил церемонный поклон.

— Ваше Величество...

Он кивнул, и я удалился в коридор, куда Пес ухитрился выскользнуть, словно умеет становиться худым, как червяк, раньше меня. Молчаливый слуга поклонился и жестом попросил следовать за ним.

Бобик помнит ту комнату не хуже меня, первым взбежал на этаж и сел возле двери, показывая, что вот, нашел, что бы мы без него делали.

— Спасибо, — сказал я, обращаясь то ли к Бобику, то ли к слуге, то ли к тем, с кем разговариваю мысленно. — Спасибо...

Совсем не печалиться нельзя, но и слишком скорбеть — тоже. Мудрецы сказали, что человек пусть белит дом свой, но пусть оставляет небольшое место небеленым в воспоминание о Иерусалиме.

Я напоминал себе эту нехитрую истину, чтобы душа не сгорела в незримом огне отчаяния и злости. Знаю, война — нехорошо, все мыслители ее осуждают, я — тем более, как великий мыслитель и чистейшей души паладин, но как же хочется схватить что-то тяжелое в руку и бить по головам гадов, что посмели, напали, вероломные, подлые, такие вообще не должны жить и загрязнять окружающую среду...

Я отослал слуг, сел на край ложа, скинул правый сапог с натруженной ноги и остался так в тупом оцепенении, когда

мысли ворочаются толстые, сонные и отупевшие, а сам я чувствую себя на уровне развития хламидомонады...

Некий сгусток тумана, похожий на пар из кухонного котла, выплыл из стены. Я видел краем глаза и не обращал внимания, но тот не рассеялся, а стал еще плотнее.

Я устало повернул голову, туман с трудом обретает какую-то форму, в верхней части проступило некое подобие лица, тут же смазлось, как под порывом ветра, начало восстанавливаться снова.

— Логирд, — проговорил я, еще не веря себе. — Это ты?
После паузы прошелестело нечто едва слышное:

— Да-а...

— Логирд, — сказал я радостно. — Как я рад, что с тобой ничего не случилось!

В тумане снова проступило лицо, на этот раз удлинненное и с тяжелой лошадиной челюстью.

— Разве, — прошелестело оттуда, — не случилось?

Я сказал бодро:

— Многие хотели бы вот так, как получилось у тебя!

Туман колыхался, я видел, что некромант пытается закрепить формы, но удалось только с лицом, а ниже туман продолжал клубиться бесформенный и неопрятный.

— А я уже устал, — прошелестел все тот же безжизненный голос, лишенный оттенков. — Трудно оставаться... когда ничто животное не держит... Человек не может одним разумом, это я ощутил... И скоро растаю, исчезну...

— Нет, — сказал я в тревоге, — если ты здесь, то это и есть твое чистилище!.. За твое самопожертвование ты не попал в ад, но и в рай тебе нельзя... пока... пока ты не сделаешь что-то важное!

— Боюсь, — ответил он тихо, — не успею. Мне открыто многое, но без низменных человеческих желаний все件 нужно, неинтересно, ни к чему...

Я сказал быстро:

— А ты можешь предсказывать будущее?

Он покачал головой.

— Будущего еще нет. Потому предсказать его нельзя. Точнее, невозможно. Кто предсказывает — лгуны. Но могу сказать, что когда Темный Бог убил меня, он забрал и все мои умения. А вы, сэр Ричард, убив Терроса, забрали и его умения, и мои, и всех, кого он поглотил. Например, вы можете вызывать души мертвых...

Я сказал резко:

— Ни за что!.. Даже если Террос еще во мне, я темным не стал.

Логирд прошелестел едва слышно:

— Он в вас, сэр Ричард... Отныне в вас и пребудет... Самое большее, что можете сделать — не пользоваться его мощью.

— Вот и не буду, — отрезал я. — Это нечистая мощь.

— Мощь, — шепнул он, — как многие ошибочно полагают, не может быть чистой или нечистой... Дескать, просто мощь. И вы не утерпите...

— Утерплю, — пообещал я.

В сгустке тумана темные впадины глазных ям стали глубже и чернее, проглянуло жуткое небо, во мне застыла кровь, когда я увидел далекие холодные звезды.

— Человек, — произнес он совсем тихо, — может удержаться от всего. Но не от применения силы. Весь человек... в силе... И вы станете Темным. Это неизбежно...

— Логирд!

— Станете, — повторил он, — если только...

— Что?

— Если только, — договорил он, — если в вас мощи не меньше...

Он таял на глазах, я вскрикнул:

— Логирд! Не уходи!

— Еще вернусь, — донесся затихающий голос. — Еще не конец...

Он исчез, а я остался сидеть в той же глупой позе, когда один сапог лежит на ковре, а второй на мне. Логирд прибыл вовремя или не вовремя, это с какой стороны смотреть,

со дна сознания как раз начала было всплывать соблазнительная мысль воспользоваться темной силой, а то и черной короной. Драконом вряд ли здесь смогу, это потухребтовая возможность, даже птеродактилем, но все равно что-то да сумел бы, я же гуманист и человек высокой культуры, мне соблюдать рыцарство ни к чему, мне нужен результат...

Два чашки горячего крепчайшего кофе ошпарили горло и внутренности, заставили сердце стучать чаще, разгоняя застывшую, как у глубоководной рыбы, кровь. Внутри черепа стало горячо, усидеть не удастся, я вскочил и, сорвав в раздражении с ноги и второй сапог, пошел мерить крупными шагами комнату.

Хоть головой бейся о стену, но пока ничего не идет в череп, кроме совсем уж дури. Нет, точно надо еще кофе...

Глава 4

Слуга поклонился с порога, в глазах я увидел выражение сочувствия успешного человека к уже свалившемуся с коня на полном скаку не то в грязь, не то на камни.

— Ваша светлость, вы так и не заснули?
— Слышно было, — спросил я, — как топал?
— По стене, — уточнил он, — и потолку.
— Это я головой бился, — объяснил я. — Кстати, помогает. Рекомендую. А стена уже и была поцарапанная.

Он вздохнул.

— Да-да, и во вмятинах. Завтрак сюда подать или в общем зале?

— Позавтракаю в дороге, — сообщил я. — Надо спешить. Передайте его светлости Уильяму Маршаллу, что смиренно прошу перед отъездом аудиенции у Его Величества.

Он поклонился.

— Сейчас же сообщу.

Ждать пришлось недолго, Барбаросса тут же отменил какие-то важные встречи, словно чувствует вину, хотя, на-

против, должен гневаться, что я не уберег вверенную мне Армландию.

Сэр Уильям пришел тоже, могучий стареющий лев и лучший боец на турнирах в самом недалеком прошлом, а теперь в руках вместо копья постоянно кипа бумаг.

Я сказал с ходу:

— Да, ошибки я допустил крупные, но что нас не убивает, то делает сильнее, не так ли?

Барбаросса поморщился.

— Уильям, смотри и дивись. Когда сэр Ричард критикует себя за допущенные ошибки, я вижу, как пыжится от хвастовства, дескать, смотрите, какой он непредвзятый...

— Это сэр Ричард, — вздохнул Уильям, — другим его и представить не могу. Что изменилось, сэр Ричард? У вас такой задиристый вид.

— Я придумал, — сказал я, — что можем пообещать Фальстронгу.

Оба явно заинтересовались, но Барбаросса смолчал, а сэр Уильям вежливо поинтересовался:

— Что?

— Часть земель королевства Турнедо, — ответил я.

Сэр Уильям оглянулся на Барбароссу, тот поморщился и с тяжелым вздохом отвернулся.

— Полагаете, — спросил сэр Уильям с сарказмом, — король Гиллеберд на это пойдет?

— А что ему останется? — спросил я. — Нужно только не останавливаться на полпути. Давайте все-таки будем решительными! Если королевские войска Фоссано начнут готовиться переходить болота, Гиллеберд стянет все силы, как мы уже вчера говорили, чтобы не позволить им выйти на берег и развернуться в боевой строй. Но в это время войска короля Фальстронга ударят в незащищенный тыл.

Сэр Уильям спросил в недоумении:

— В тыл армии Гиллеберда? Фальстронгу нужно сперва пройти через все Турнедо!

— Я имею в виду, — пояснил я, — ударить по королевству с северной стороны, где расположен Варт Генц. Фальстронгу нужно всего лишь не останавливаться, пока не подступит к столице! И тогда королевство Гиллеберда получит такой сокрушительный удар, что Гиллеберд должен будет обязательно оставить армию в Армландии и мчаться спасать положение!

— Ну-ну, — поощрил Барбаросса.

— Шателлен ударит с фланга, — повел я дальше мысль. — Обязательно!

Сэр Уильям с хмурым видом повернулся в нашу сторону.

— Шателлен?

— Он выступит, — пообещал я. — А за это получит как минимум избавление от нависшей и над ним угрозы. Участие в такой справедливой и освободительной войне сделает его нашим соучастником. Если пойдем этим путем, то навсегда избавимся от хитрого и властолюбивого правителя, который постоянно думает о расширении своей территории за счет соседей. С ним рядом никто не может жить спокойно и мирно трудиться! Нам нужно только не оглядываться на то, что о нас скажут! Мы должны не просто сокрушить королевство Турнедо, но и вообще заставить его исчезнуть. Сделать слово «Турнедо»... географическим понятием. Мы это можем! Объединенные армии королевств Фоссано, Варт Генц и Шателлен сметут кого угодно! Да еще я соберу оставшихся рыцарей Армландии... Не все же отправились воевать в далекий Сен-Мари, большинство все-таки — домоседы. А свои земли защитить захотят поневоле... Ваше Величество, понимаете ли вы, у вас уникальный шанс вернуть Армландию под свою милостивую длань!

Барбаросса скептически хмыкнул, а сэр Уильям буркнул:

— Отвоевав у Гиллеберда? Ну да, так он и отдаст. У него все просчитано, как вы сами согласились.

— Просчитано, — подтвердил я. — Поодиночке он побьет любого из нас. Но не троих, если выступим согласованно. А мы это сделаем!

Глаза Барбароссы медленно угасали, он посмотрел на сэра Уильяма, тот невесело улыбнулся и кивнул.

Я спросил встревоженно:

— Ваше Величество... что-то случилось?

Барбаросса вяло махнул рукой.

— Просто вернулся с облаков на землю. Король Фальстронг и не подумает нападать на Турнедо. Репутация Гиллеберда заставляет всех не просто побаиваться, а кланяться издали!

Я поднялся, учтиво поклонился.

— Ваше Величество, я или договорюсь с королем Фальстронгом, или погибну в попытках. Я не могу вернуться побежденным! Только короли, потерпев поражение, могут возвращаться на троны, но не эрцгерцоги.

Барбаросса кивнул, вид у него был невеселый, а взгляд почему-то старательно уводил в сторону.

Я поднялся.

— Ваше Величество... Сэр Уильям...

За дверью ко мне бросился слуга, который отводил меня на ночь в спальню.

— Ваша светлость, что для вас сделать?

— Седлать коня, — сказал я. — Отбываю.

— Ваша милость...

Он поклонился и умчался. Я перевел дыхание и потащился следом медленно, чувствуя себя совсем раздавленным.

Придворные, сгорающие от любопытства, кланялись и старались протиснуться поближе, гость я здесь редкий, но всякий раз что-то случается, надо держать нос по ветру.

Пес прыгал, рассказывал, как нажрался вперед на неделю, да что там на неделю, на месяц, хорошо быть королем, но еще лучше — Бобиком...

Конюхи вывели Зайчика. Арбогастр на этот раз идет мирно, не поднимает их на узде, тоже чувствует, что не до шуток их хозяину.

Я опустил ладони на седло и готовился запрыгнуть, как вдруг сверху из окна прокричали:

— Сэр Ричард!.. Сэр Ричард!.. Оостановитесь!

Я вскинул голову, там высунулся до пояса и машет обеими руками слуга, приставленный вчера ко мне.

— Что случилось? — крикнул я.

— Его Величество, — закричал он, — изволил послать за вами!

— Мы уже попрощались, — ответил я громко, но безумная надежда, что вдруг что-то изменится в лучшую сторону, заставила добавить: — Иду, уже иду!

Конюхи снова перехватили повод, я повернулся и пошел обратно. Двое придворных встретили у входа и, часто кланяясь, сообщили, что им поручено проводить меня в рабочие покои Его Величества короля Фердинанда Барбароссы, как будто я не знаю, как его зовут.

Я пошел быстрее, эрцгерцог выше не только грамматики, но и солидности, за мной только шелестели одежды да звенели украшения из драгоценностей.

Часовые в коридоре распахнули передо мной двери, Барбаросса в кабинете за столом, будто и не король, сэр Уильям спиной к книжным полкам смотрит то на короля, то на меня.

— Ваше Величество, — произнес я вопросительно.

Барбаросса посмотрел на меня хмуро.

— Ну, уже догадался?

— О чем?

— Что именно хочу сказать.

— Вы забыли обматерить меня на дорогу, — напомнил я вежливо. — А это не в вашем характере.

Он сказал ворчливо:

— Значит, догадался.

Сэр Уильям подтвердил:

— Посмотрите на его рожу, Ваше Величество! Он даже знает, в каких словах ему сообщите.

— А это уж нет, — возразил Барбаросса, — это никто не сумеет... В общем, сэр Ричард, вы ни разу не напомнили мне, что я двадцать лет правил королевством и... однажды по беспечности потерял бдительность. Меня почти вышибли с

трона, как паршивого кота. Только ваше вмешательство, сэра Ричард, спасло мою шкуру и то, что дороже шкуры — честь!..

— Ах, Ваше Величество...

Он остановил меня нетерпеливым жестом.

— Молчи, не хрюкай!.. Ты все годы уклонялся от выражения моей благодарности, и я всегда чувствовал себя в долгу... что весьма раздражало.

Он покосился на Маршалла, тот слегка наклонил голову.

— Да, Ваше Величество, я заметил. Да и не только я.

Барбаросса повернул голову в мою сторону.

— Видишь, народ мои решения одобряет.

— Я тоже ваш народ, — сказал я дипломатично, — весьма верноподданный, и тоже одобряю, но... какие решения?

— У меня появился шанс, — сказал Барбаросса очень серьезно, — вернуть тебе долг и тем самым очистить свою весьма заскорузлую совесть.

Маршалл добавил:

— Я сейчас же пошлю гонцов во все наши земли с наказом собирать войско.

— Большое войско, — уточнил Барбаросса. — Впервые за двадцать лет! Подумать только, целое поколение выросло без войны, стыд какой.

— Да, — согласился я, — как они в глаза своим сыновьям смотреть будут, Ваше Величество?.. Как могут спать спокойно? Просто не понимаю!

Барбаросса прислушался к моему тону, глаза стали строже.

— Да? А я не понимаю, как это ты понимаешь!.. В общем, я подготовлю армию. Но выступать и не подумаю в одиночку! Это самоубийство. Гиллеберд всю жизнь готовился к войнам с соседями, у него каждый шаг расчерчен на все случаи жизни. Зато обещаю тебе, если сумеешь уговорить выступить короля Фальстронга, я тотчас же двину свою армию на освобождение Армландии!

Сердце мое застучало чаще, я сказал с чувством без всякого притворства:

— Ваше Величество, никогда я от вас не слышал более важных для меня слов! Я сейчас же ринусь в Варт Генц!

Он с довольным видом наклонил голову.

— Да-да, у вас хорошая, как я помню, лошадка. Быстрая.

— И собачка, — подсказал сэр Уильям, — ей не уступит.

— Я сам быстрый, — сказал я. — Ваше Величество... Сэр Уильям...

Я направился к двери, но Маршалл окликнул:

— Сэр Ричард, погодите минутку...

Я остановился.

— Весь внимание, сэр Уильям!

Он поднялся, взял меня за локоть и повел в дальний конец огромной комнаты.

— А теперь, — сказал он доверительно, — когда самое главное решено Его Величеством, мы с вами поговорим о пустяках... Прежде всего — долг чести, мы же рыцари, а честь и верность прежде всего, но с этим, благодаря решению Его Величества, уже ясно... Теперь нам с вами нужно разобраться с такой ерундишкой, как в случае возможной победы поступить с королем Гиллебердом...

Я спросил настороженно:

— А что, у вас есть какие-то дикие предложения? Я полагаю, Гиллеберд просто красиво погибнет в бою. Во избежание.

Он замялся.

— Ну, если так... тогда еще один весьма щекотливый вопрос... как поступить с его королевством?

— Отнять и поделить, — ответил я твердо, — по справедливости! Грабь награбленное! А оно все награбленное, если не наше. Потому само королевство Турнедо следует упразднить, а земли разделить между победителями.

Он посмотрел на меня несколько смущенно, вздохнул.

— Как хорошо быть молодым... Никаких компромиссов, никаких угрызений, все просто и понятно... Хотя да, Его Величество по моему настоящему совету примет именно такой вариант окончательного решения вопроса по Турнедо.

— Я рад...

— ...только нужно сразу договориться, — закончил он, — как разделить этот объемный пирог.

— Сэр Уильям, — возразил я, — но мы еще не знаем, чего захочет король Фальстронг!

— Сделаем несколько вариантов, — предложил он. — И по каждому определим, где и сколько можем уступить в торге. Мы не купцы какие-то, благородный человек всегда готов уступить другому благородному человеку в ответ на его уступки!

Я посмотрел на него с уважением.

— Сэр Уильям, вам, как и Его Величеству, надо завоевать для себя королевство! Хотя бы крохотное.

Когда мы втроем наконец-то вышли из дворца, в моей сумке на самом дне прибавилась карта Турнедо, расчлененного на две большие части и одну крохотную. Моей доли не предусмотрено, я получу обратно Армландию, и за это должен счастливо вилять хвостом и смотреть с благодарностью всем троем королям в глаза.

О судьбе легитимного короля Гиллеберда мы предпочли деликатно умолчать, да и, собственно, что наши жизни рядом с глобальными планами?

Сэр Уильям провожал меня до выхода, но наружу выходить не пожелал, бережет от мелкого дождя свою львиную шевелюру, вздохнул и зябко повел плечами.

— Опять дождь... Может, переждете?

— Это надолго, — сказал я с тоской о вечно синем небе Сен-Мари. — Туч столько, что вот-вот небо обвалит.

Холодный дождь, несчастый, а из тех, которые называются обложными и могут длиться неделями, сыплется ровно мелкими, но частыми каплями. Грязно даже на вымощенном каменными плитами дворе, а за воротами дворца нам придется мчаться по жидкой грязи, где потоки мутной воды несут мусор прямо по улицам.

День выглядит темным и отвратительным, словно уже поздний вечер. Пес то и дело оглядывался на меня с вопросом в больших честных глазах, я качал головой, дескать, надо. Те, кто умел себе сказать это слово, а потом встать и пойти, стал человеком, а кто не сумел себя преодолеть, остался в райском саду простым милым или не совсем милым, но животным.

Пес первым взбежал на вершину холма, остановился и, повернув голову в нашу сторону, требовательно гавкнул. Арбогастр взлетел к нему буквально в то же мгновение, Бобик еще не успел закончить свой гав, а я сжался при виде жутковатой картины.

Долина впереди запружена войсками, но странно не количество, а та слаженность и дисциплина, что впечатляет даже тех, кто не придает ей значения.

Солдаты маршируют в ногу, красивые отряды двигаются как один человек из полусотни тел, в центре не меньше сотни ярких разноцветных шатров из дорогого шелка, а вокруг них бесчисленное множество обычных палаток для простых воинов.

Лагерь только начинают обустривать, вот роют вокруг него глубокий ров, другие уже устанавливают высокий частокол: невиданное дело со времен римлян. Все предусматривающий Гиллеберд даже здесь не дает противнику ни единого шанса на внезапное ночное нападение, хотя мы же рыцари, ночью ни в коем случае, это нерыцарственно, вообще нечестно, как удар в спину, благородный человек такого отвратительного поступка себе позволить просто не может... и от других тоже не ждет.

Я нагнулся к уху арбогастра.

— Ну, лапочка... Вон до того поста, понял?

Пес тоже понял, метнулся вперед, как черная молния. Арбогастр гневно заржал, меня бросило назад, чуть не сбив спину, через несколько мгновений мы оказались перед опешившими солдатами.

Я уже держал в руке рог, а сейчас поднес к губам и мощно затрубил. Солдаты выставили копья со всех сторон. Я убрал рог и сказал дружелюбно:

— Я на переговоры к Его Величеству Гиллеберду.

Они переглянулись, а старший спросил резко:

— Кто такой?

— Ричард Длинные Руки, — ответил я милостиво. — Друг Его Величества. Он знает.

Они снова обменялись взглядами, старший сказал одному:

— Беги доложи.

Солдат умчался, но не к самому богато украшенному шатру, а остановился и доложил офицеру. Тот повернулся и долго всматривался в меня, арбогастра и особенно в Бобика, затем развернулся и побежал слишком не по-благородному суегливо.

Солдаты поглядывали то на меня, то на ужасающего Пса, он хоть и сидит рядом со мной неподвижный, как вырезанный из черного гранита, но чувствуется его совсем не собачья мощь. Арбогастр тоже, как сгусток черной ночи, однако кони, даже очень злые, людей не едят, а вот такой пес и льва задавит, как мышью...

Офицер пришел очень быстро с двумя лордами, те издали перешли на степенный шаг, учтиво поклонились.

— Мы проводим вас к Его Величеству, — сказал один.

— Оружие можете оставить на коне, — добавил второй вежливо, но твердо.

Это прозвучало, как приказ, а заодно и указание, что пора спешиться, по лагерю разъезжать не дадут.

— С удовольствием, — ответил я сердечно. — Как глубоко мирный человек, я терпеть не могу оружия. Ношу лишь потому, что так селявивно. Это как пугови... как застешки и пряжки на нужных, а также всех прочих местах.

Двое солдат тут же приняли повод, я соскочил на землю. Лорды сразу начали смотреть мрачно, я выше на полго-

ловы, а они совсем не карлики, обидно такое терпеть от противника.

— Следуйте за нами, — сказал один с холодной учтивостью.

— Конечно, конечно!

— Его Величеству уже о вас доложено, — добавил второй.

Ближе к центру все чаще начали встречаться настоящие лорды, у которых свои войска и телохранители, от таких у любого государя головная боль, но, судя по всему, Гиллеберд сумел как-то их обуздать или хотя бы ограничить в правах и вольностях.

Шатер Гиллеберда на деревянном помосте, к нему ведут три ступеньки, у входа двое королевских стражей в парадной одежде, а также несколько слуг, с виду дюжих и расторопных, с цепкими взглядами, явно умеют не только подавать на стол, но и управляются с оружием не хуже самых умелых бойцов.

Мне велели ждать, один офицер отбросил полог шатра, мы видели только, как мелькнули золотые шпоры на сапогах. Я пытался услышать, о чем говорят, но лагерь заполнен негромким, но мощным гулом, где топот, звон железа, треск веток у костров, конское ржание, голоса солдат у огня...

Полог резко отлетел в сторону, офицер высунулся наполовину.

— Сэр Ричард!.. Его Величество изволит принять вас.

Я наклонил голову.

— Благодарю за столь любезное приглашение.

Он взглянул в недоумении, даже не понял причины сарказма, настолько в Турнедо уже не уважают здешнего графа, хотя не так уж давно я побывал там и даже захватил замок...

Впрочем, полог он почтительно придержал, пока я переступал порог. В шатре непривычно тепло и сухо, горят три светильника, хотя вряд ли это они так прогрели воздух, изгнав сырость и слякоть, в центре большой стол, вокруг него

с дюжину кресел с дорогой резьбой на спинках и подлокотниках, под дальней стеной настоящий трон, однако сам Гиллеберд трудится за столом, перед ним чернильница, перья в бронзовом стакане, несколько листов бумаги, еще странного вида кубок, какие-то громоздкие амулеты...

Стены шатра завешаны плотными тяжелыми коврами, дополнительная защита от холода и сырости, на ткани крупно вытканы королевские гербы.

Офицер доложил громко:

— Гроссграф Армландии, Ваше Величество!

Глава 5

Гиллеберд поднял голову, брови приподнялись в веселом изумлении. Он показался мне похожим на лесного царя, таким я представлял его по сказке Гете: весь в благородном серебре, на голове золотая корона, длинные седые волосы красиво падают на металл доспехов, как и борода с усами, что закрывают грудь, где тускло блестит синеватая сталь панциря работы гномов.

Взгляд его все так же остер и жив, на лице выражение неприкрытого удовольствия.

— Сэр Ричард! — произнес он с сердечностью паука, к которому в паутину влетела молодая толстая муха. — Как же мне приятно вас видеть!

— Счастлив это слышать, — ответил я церемонно.

— Не стойте там, сэр Ричард, — произнес он еще сердечнее. — Садитесь, да вот сюда, поближе... Нам есть что вспомнить, о чем поговорить. Мы с вами общались хорошо и сердечно!

Я сел в указанное кресло, учтиво наклонил голову.

— Вы абсолютно правы, Ваше Величество. Я смотрю, вы помолодели, Ваше Величество! Война разогревает кровь, не так ли?

— Оживляет, — согласился он. — И дает возможность вспомнить молодость... нет, вернуться в нее, побывать в ней!

Мой взгляд то и дело устремлялся на тот странный кубок, что привлек внимание, едва я переступил порог, теперь вижу, что он из человеческого черепа, весь покрыт золотом, а в пустые глазницы вставлены крупные сверкающие сапфиры.

Гиллеберд перехватил мой взгляд, сказал со вздохом:

— У герцога Гуго были дивные синие глаза... Мне до сих пор его недостает. Когда я убил его, то распорядился сделать из черепа этот кубок и подобрать камни в цвет тех прекрасных глаз.

— Красиво, — согласился я. — Только слишком, на мой взгляд, вытарашены. Как будто постоянно удивляется.

— Он и выглядел так, — объяснил Гиллеберд. — Как широко распахнул глаза, когда увидел мой занесенный над ним меч... Он всегда был уверен, что сильнее. Это была моя первая крупная победа, с тех пор я всегда беру череп с собой, как талисман... хотя, как понимаете, это не талисман.

— Тогда все соответствует, — согласился я и поставил кубок на место. — Воспоминание о былых победах подталкивает одержать и новые... Ваше Величество, вы наверняка удивлены моим визитом, но я настроен гораздо миролюбивее, чем вы думаете.

В его очень внимательных глазах блеснули хитрые огоньки.

— Почему же? — ответил он понимающим голосом. — Я так и предполагал. И даже на это рассчитываю. У вас, как я слышал, война в Гандерсгейме еще не закончилась?

— Увы, Ваше Величество, — ответил я сокрушенно, — варвары сопротивляются упорно.

— Я это предполагал, — самодовольно произнес он. — И что вы предлагаете сейчас мне? Я не поверю, что прибыли просто поговорить о наших прошлых встречах.

— Вы правы, Ваше Величество.

— Так с чем же?

— У меня несколько необычное предложение, — сказал я. Он кивнул.

— Я слушаю очень внимательно.

— Предлагаю разделить Армлиндию, — сказал я. — Вы догадываетесь, почему меня посетила такая вроде бы странная идея. Вовсе не от слабости или трусости, как могут предполагать очень недалекие люди...

Я замялся, подбирая слова, он произнес спокойно:

— Потому что у вас на столе гораздо более лакомый пирог.

Я сказал с облегчением:

— Ваше Величество как в воду смотрит!

— Я король, — ответил он с некоторым самодовольством. — Я должен видеть дальше других. Я обязан!

— Спасибо за понимание, — сказал я, — мне было неловко произносить это вслух, все-таки я верховный лорд Армлиндии, гроссграф, на меня надеются и на меня рассчитывают, а я как бы предал их, покинув страну и всецело посвятив себя королевству Сен-Мари.

Он кивнул и произнес с усмешкой:

— Как бы.

— Да, — сказал я убито, — как бы. На самом деле, но это между нами, правителями, это вовсе не как бы. Я в самом деле покинул их, соблазнившись более богатым и могущественным королевством, что полностью в моих руках и под моей властью.

Он взглянул остро, ибо если я имею в виду, что полностью отгорожен от северных королевств Великим Хребтом, а Тоннель всецело в моих руках, то да, королевство полностью защищено от всех врагов, однако же существует угроза с моря... да и в Гандерсгейме пожар только разгорается.

Я ждал, но он этот момент не затронул, о некоторых вещах говорить глупо, не дети, иные вещи понятны без слов.

— Значит, — произнес он мягко, без всякого нажима, но он чувствовался в самом подтексте, — вы готовы отказаться от части Армлиндии?

Я вздохнул.

— Готов.

— И подписать все необходимые бумаги?

— Верно, Ваше Величество.

Он уточнил:

— С полным отказом от определенных земель в мою пользу? С присоединением их к королевству Турнедо?

Я поднял голову и прямо взглянул ему в глаза.

— Ваше Величество, это все я готов сделать. И даже больше. Однако только...

Он спросил с подозрением:

— Что?

Я замялся, сказал, отводя взгляд:

— Если подпишу вот так полный отказ от прав на половину или хотя бы треть Армландии, то буду выглядеть... не очень. Даже, хотя все будет понимать, что я оказался бессилен и был... вынужден. Однако воин должен сражаться, таково мнение не очень умных людей, а их, как вы знаете, абсолютное большинство...

Он кивнул.

— Да. А с их мнением приходится считаться даже мне. И что у вас за идея?

Я сказал застенчиво:

— Я должен изобразить какую-то деятельность... У меня нет сил, но я буду пытаться найти каких-то союзников...

Он сразу же исполнился подозрительности.

— Союзников?

— Ну да, — ответил я. — Конечно, я не буду их искать слишком уж старательно, это не в моих интересах, как вы понимаете.

Он коротко хохотнул:

— Ну да, на вас снова тяжелой гирей повисла бы эта драчливая Армландия!

— Вот-вот, — сказал я. — Я счастлив, что вы со своей прозорливостью так прекрасно понимаете мое двойственное положение! Потому я все равно должен продемонстрировать

своим вассалам, что пытаюсь как-то отвоевать эти суровые и плохо приспособленные для земледелия земли. И только тогда, когда у меня ничего не получится, а вы знаете, что будет именно так, я отступлюсь... В этом случае меня никто не осудит...

Он подумал, глядя на меня испытующе, наконец нехотя кивнул.

— Вообще-то, да, вы должны будете как-то малость побарахтаться. Лорды не поймут бездействия и осудят.

Я сказал быстро:

— А за это я вам отдам и остальную часть Армландии! Мне оставлять часть земель по эту сторону Хребта совсем незачем. Вы понимаете?

Он помолчал, не сводя с меня взгляда очень живых глаз, за которыми я просто вижу, как мощно работает великолепный мозг.

— Кажется, да, — ответил он ровным голосом, — но с удовольствием послушаю вас.

— Защищать их очень трудно, — сказал я честно.

— Ну да, — согласился он, — Сен-Мари от северных королевств защищает сам Великий Хребет. Знаете, сэр Ричард, из личной симпатии к вам я, вообще-то, готов вам даже подыграть. Я люблю запутанные дипломатические игры. Именно в них раскрывается искусство правителя, а не в грубых войнах...

— Спасибо, Ваше Величество!

Он кивнул.

— Войны — всего лишь завершение. Последний камень в возводимую стену. На самом деле войны выигрываются задолго до того, как армия получает приказ переходить границу! Но вам это, видимо, понять пока трудно.

— Увы, — ответил я грустно, — сейчас вот, кажется, улавливаю суть...

Он ободряюще засмеялся.

— Вы станете там в Сен-Мари могучим королем, сэр Ричард! У вас есть все задатки. Вы очень молоды, но уже

умеете рассуждать. И не очень горюйте, что проиграли такому опытному стратегу, как я. Я учился этому искусству десятки лет.

— Спасибо за понимание, Ваше Величество!

Он засмеялся.

— Я вам еще и подыграю, не забыли?

— За это особое спасибо!

— Что вы намерены делать, — поинтересовался он деловито, — ну... для имитации сопротивления?

Я ответил, не задумываясь:

— Поеду к королю Барбароссе просить помощи!

Он кивнул.

— Так-так, это ожидаемо. Но вы понимаете, его возможности ограничены...

— Конечно, — ответил я невесело, — но я все равно это должен сделать! Лорды именно этого от меня ждут.

— Иначе вас не поймут, — согласился он. — Вы должны изобразить не просто сопротивление, а яростное сопротивление! Возможно, вам нужно обратиться еще и к Найтингейлу. Да, он не воин, но вам будет в плюс, если демонстративно побываете и у него, попросите помощи... Все делайте так, чтобы это было видно всем придворным.

Его лицо стало деловым, в глазах проступил даже азарт, как у игрока, что прокручивает ходы слабейшего противника и даже подсказывает, как проиграть более достойно, а не получить детский мат в три хода.

— Спасибо, Ваше Величество!

Он вдруг улыбнулся.

— Знаете, сэр Ричард, когда вы так безрассудно въехали прямо в середину моего войска, у меня сразу же возникла вполне понятная мысль, как вы догадываетесь...

Его глаза смеялись, я сказал осторожно:

— Лишить меня жизни?

Он кивнул.

— Да.

— И что удержало?

— Ее простота, — ответил он. — Примитивность идеи. Хотя да, за такое безрассудство нужно было бы сразу, это самое, лишить вас головы. Но, во-первых, на этом настаивали мои военачальники, прямо требовали, представляете?.. Особенно один, вы его хорошо помните...

Я спросил осторожно:

— Кто?

Он ухмыльнулся, посмотрел хитро.

— Хоффманн, — произнес он с неким торжеством, — некогда владетельный лорд Армландии! Он всегда меня поддерживал, а когда вы захватили его замок... должен признаться, меня впечатлила та легкость, с какой вы все проделали... он бежал ко мне и стал у меня одним из прекрасных военачальников. Теперь я вернул ему его владения, земли, деревни...

Я кивнул.

— Не сомневаюсь, Хоффманн особенно добивается моей смерти...

— Вот-вот, — сказал он, — но когда такие простые и прямолинейные люди на чем-то настаивают, то проницательный государь должен хорошо подумать, прежде чем их послушать. Но безрассудство не в вашем характере. Да и когда вы в моем лагере и не уйдете без моей воли, то могу без торопливости понять, в самом ли деле сделали огромную ошибку, положившись на рыцарственность таких монархов, как я? Так вот, сэр Ричард...

— Да-да, слушаю со всем вниманием!

— Вы очень не глупы, — произнес он довольно. — Я это увидел и убедился. У вас есть рассудочность и ясное понимание ситуации. Вы очень разумны, сэр Ричард. Не по годам. Я понял, что, оставаясь королем Сен-Мари, вы можете быть прекрасным деловым партнером, а если вас... лишит жизни, как вы говорите по-церковному изысканно, то с вашими преемниками сперва придется долго ссориться, что-то выяснять, утрясать обиды, да и нет гарантии, что с себялюбивыми дураками смогу договориться.

Я смотрел внимательно, а он закончил благодушно:

— Потому мы с вами заключим очень выгодные для обеих сторон торговые договоры. Мы оба понимаем, что Тоннелем сможем пользоваться только с согласия обеих сторон, а чтоб заблокировать его — достаточно желания одной стороны. И потому мы обречены на взаимное сотрудничество.

Я сказал смиренно:

— Знаете, я сам об этом подумывал. Мы обречены на сотрудничество. Любые ссоры повредят обеим сторонам. Ваше Величество, не буду больше злоупотреблять вашим вниманием...

Он кивнул.

— Действуйте, сэра Ричард.

Я поднялся, поклонился со всей учтивостью и так, чтобы было видно, насколько я благодарен и доволен нашим уговором.

— Ваше Величество...

За пологом только двое стражей, бесстрастные и немые, как каменные статуи, а офицер ждет на расстоянии, чтобы не услышать, о чем был разговор, Гиллеберд не доверяет даже доверенным.

— Мой конь? — спросил я.

Офицер ответил почтительно:

— Он съел горящие угли из походной кузницы, а ваша собачка стащила у солдат самого крупного кабана вместе с вертелом.

Я подал ему золотую монету.

— Отдайте им, пусть утешатся и добудут другого. А собачка вертел не съела? А то если он железный, у нее живот проболит целый день.

Он покачал головой.

— Нет, вертел у нее отнял и сожрал ваш конь.

Я отмахнулся.

— Ну, ему можно.

Солдаты подвели мне арбогастра, он лениво щурится, морда выглядит седой от лохмотьев пепла, довольный.

Я свистнул Псу и вскочил в седло.

— Еще увидимся, — пообещал я.

Мимо проносятся почти опустевшие сады и гумна, словно чуют надвигающуюся беду. Ветер рвет и треплет не только нас троих, но и деревья в лесу и вдоль дорог, то и дело проскакиваем через серое унылое пространство дождя, мелкого и тоскливого. Между низкими тучами изредка пробивается трепещущий и какой-то неуверенный свет северного солнца, вот как далеко меня занесло, хотя на самом деле всего лишь по другую сторону Великого Хребта, о который с той стороны разбивается воздушный Гольфстрим...

Холодно сияет в просветах между тучами металлически серое небо, по земле бегут пугающе черные тени, сами тучи скользят над миром низко и гнетуще, а впереди снова сеется дождь... иногда удастся проскочить, но чаще приходится ломиться сквозь ливень с ветром и темнотой.

Замок выступил вдали из тумана, призрачный и загадочный, но когда начал стремительно приближаться, то быстро обрел объем и цвет: одно массивное здание, слишком огромное, чтобы обойтись без внутреннего двора, с четырьмя высокими остроконечными башнями по углам, на высоком холме, что даже не холм, а скала...

Подъехав ближе, я рассмотрел, что к единственным воротам дорога идет вдоль стен, откуда неприятеля не только перестреляют из арбалетов, но и просто камнями закидают или заливают кипящей смолой.

— Здесь не Сен-Мари, — сказал я вслух и с некоторой гордостью. — Здесь каждый дом — крепость...

Пес пошел длинными скачками, а Зайчик, дождавшись разрешения идти следом, во мгновение ока догнал, и уже вместе они остановились перед воротами.

Не давая времени, пока сонные часовые заметят и окликнут, я вытащил рог и звонко протрубил.

Бобик настобурчил уши и мощно гавкнул. Арбогастр посмотрел на обоих и заржал так, что со стен посыпались мелкие камешки, а на башнях затрепетали флаги.

По ту сторону ворот слышались испуганные голоса, заскрипела калитка сбоку в башенке, выглянула голова в круглом шлеме.

— Кто тут... батюшки, это же сам грессграф!.. Его светлость!

— Он самый, — сказал я ворчливо. — Узнал?

Солдат вскрикнул воспламененно:

— А как же, я с вами был в трех походах! Даже в Турнедо ходил и замок Орлиный захватывал!

— Скоро все Турнедо захватим, — пообещал я. — Надоело такое противное соседство.

Его напарники уже с натугой отворяли створки ворот, арбогастр через узкую калитку не протиснется, на меня смотрели с любопытством и почтением, почти все совсем молодые ребята, а когда взгляды падали на Бобика, то бледнели и начинали прятаться друг за друга.

Мы прошли через ворота упругим шагом победителей, копыта звонко стучат по каменным плитам, будто стальные подковы, хотя Зайчик в них не нуждается.

Пока я неспешно слезал с коня, конюхи опасливо спрашивали, предпочитает ли лошадка кусаться или только лягается, Пес обежал двор на предмет «чего-нить», а в замке нарастала суматоха, наконец я услышал, как за спиной шумно распахнулись двери, а по ступенькам протопали частые шаги.

Ангелхейм был все так же одет щегольски и с нарочитой небрежностью, бледен, как вампир, хотя пышные кудри прекрасного льняного цвета дышат жизнью, широкая перевязь блестит не только золотыми нитями, но и сложными узорами, сапоги с золотыми шпорами выше колен, пышные рукава, богато украшенный камзол, расшитые бисером брюки.

Спускался он с широчайшей улыбкой на лице, глаза горят восторгом, но за три шага до меня вдруг преклонил колено.

— Ваша светлость...

— Дорогой друг, — ответил я с чувством.

Он поднялся, растопырил руки, мы обнялись, он сказал с широчайшей улыбкой:

— Наконец-то смогу принять вас, дорогой мой сюзерен, в моем маленьком, но страсть каком уютном замке!

— Очень уютном, — подтвердил я.

— Кто бы мог подумать, — сказал он с превеликим чувством, — о таком тогда, когда мы искали мелкую компромиссную фигуру для гроссграфства над Армландией.

Мы пошли в замок, я сказал легко:

— Я за это время успел стать эрцгерцогом, если вы не слышали еще, и даже фюрстом. Но это такие мелочи в сравнении с тем, что я гроссграф такой великой державы, как Армландия с ее замечательным мужественным народом, исполненным... да, исполненным! Всяческими.

Он взглянул коротко, но смолчал. Мы прошли два зала, богато украшенных свисающими сверху красными с желтым полотнищами, поднялись наверх, слуги тарашатся с суеверным ужасом и опускаются на колени, склоняя головы.

На господском этаже я сказал доверительно:

— Дорогой друг, я вижу, как вы разрываетесь от сочувствия ко мне, бедному и страдающему от поражения... конечно, ужасающего и просто разгромного. Смею уверить, ничего подобного. Я прибыл сюда лично, чтобы возглавить совместный поход королей на Турнедо, чтобы раз и навсегда решить этот неприятный и постоянно возникающий вопрос.

Он охнул.

— Решить?

— Точно-точно.

— Но... как?

Мы подошли к богато украшенной двери, он поспешно распахнул ее передо мною, я важно вступил в пределы этого роскошного небольшого зала, огляделся.

— Ваши покои, — произнес за спиной Ангелхейм торжественно и даже несколько высокопарно. — Отныне навсегда будут именоваться вашими. И детям своим буду рассказывать, что здесь останавливался сам Ричард Длинные Руки.

— Спасибо, — ответил я. — Очень тронут. А насчет как... Скоро к вашему замку начнут прибывать воинские отряды из Сен-Мари. Принимать у себя не нужно, встанут лагерем поблизости. Ваш замок я дал как ориентир. Много не будет, предпочитаю воевать не числом, а умением. В общем, скоро словом «Турнедо» будем называть расположенные от нас к северу земли, а не королевство. Королевству с таким названием как бы и незачем. На мой взгляд. По зрелому размышлению я решил его упразднить ввиду ненужности в этой части суши подобных образований.

Он смотрел на меня с суеверным восторгом. Вроде бы и немного воды утекло с той поры, как мы в первый день знакомства скрестили мечи в поединке, но Ангелхейм все так же в свое удовольствие живет и радуется, коллекционирует вина, украшения, женщин, а мы вот, Ричард, пошли другим путем...

И довольно далеко прошли, как теперь вижу, глядя на Ангелхейма.

Глава 6

В честь посещения замка сюзереном Ангелхейм закатил грандиозный пир, созвал своих ближайших вассалов. На стол подавали специально испеченные для такого случая караваи размером с тележные колеса, целиком запеченных кабанов, оленей, лебедей с распростертыми крыльями, а вино, естественно, лилось рекой.

Когда все захмелели, я незаметно наполнял кубки сперва вином, потом ромом, гости шалели, а обалдевший Ангелхейм допытывался у слуг, из какой именно бочки в подвале нацедили такого немислимо дивно крепкого вина.

Я сказал ему тихонько:

— Вы продолжайте, дорогой друг, а я незаметно исчезну. Мне нужно сколотить консорциум...

— Что это?

— Ну, это такое... общество с ограниченной ответственностью по уничтожению... нет, это грубо, по упразднению административной единицы под названием Турнедо. Полу-контрольные пакеты у королей Фоссано, Варт Генца и Шателлена...

Он спросил встревоженно:

— Сэр Ричард, а у вас?

Я развел руками.

— У меня ничего. Но разве мы о доходе думаем, когда творим благое дело? Мы только о чести, вере, справедливости, всеобщем благе и процветании!

Он кивал, вид немножко ошалелый, потом вдруг сказал:

— Ну да, это когда могущественные и богатые лорды, чтобы не уступать друг другу, решили поставить гроссграфом Армландии вас...

— Все-то вы понимаете, — сказал я, — может быть, хватит быть гулякой праздным? Не пора ли послужить Отечеству?

Он спросил с подозрением:

— А что это?.. Ах да, это вам, сэр Ричард!.. Вообще-то, идея интересная, но я настолько ленивый, что буду драться, если война сама ко мне придет на дом, а вот так выйти и топтать в какое-то Турнедо...

— Она уже пришла, — ответил я. — Войска Гиллеберда всего в сотне миль западнее. И, думаю, Гиллеберд продвинется еще миль на двести к югу до того, как войска Барбароссы переберутся через болота.

Он нахмурился.

— Барбароссы?

— Он придет освободить Армлиндию от Гиллеберда, — успокоил я, — а не присоединять к Фоссано. Вообще-то, я прорабатываю вариант...

Я умолк, не зная, говорить ли еще, если мысль достаточно сырая, но Ангелхейм спросил настойчиво:

— Какой?

— Чтобы Барбаросса признал Армлиндию, — произнес я наконец, — самостоятельной, единой и неделимой! Может быть, ее впоследствии стоит даже объявить королевством.

Он вскрикнул пораженно:

— Сэр Ричард! Вы будете королем? И мы начнем обращаться к вам как к Вашему Величеству?

— До этого еще далеко, — ответил я скромно. — Не меньше недели, а то и двух. Да и не знаю, стоит ли... Я, вообще-то, скромный до невозможности, сам удивляюсь такой застенчивости! Так что пока только все мысли, думы и чаяния — об Отечестве!.. А уж потом, когда это Отечество окажется в моих хищных нежных лапах... гм...

Он поднялся вслед за мной, сделав знак гостям, чтобы продолжали пир, вышел во двор. Воздух сыро пахнет болотом, хотя я не видел вблизи водоемов.

Я знаком велел слуге сбегать в конюшню, но раньше чем вывели арбогастра, примчался Бобик, все еще сытый, но всегда готовый извопить покушать, помахал Ангелхейму хвостом, мол, узнал, мы с тобой вместе в подвал ходили, помнишь?

Тот поинтересовался бледным голосом:

— Этот калидонский вебрь вас все еще слушается?

— Я ему отец родной, — заверил я. — В общем, маркиз, собирайте желающих добыть честь и славу в боях за Отечество!.. Не все же ушли в Сен-Мари. Многие из тех, кто остался, сейчас наверняка жалеют... У них есть шанс прославиться в сражениях, где упоение в бою у бездны мрачной на краю... Можете вскользь упомянуть, но только вскользь, чтоб не ранить нежные рыцарские души грубыми меркан-

тильными мыслями и чуйствами!.. что по окончании кампании будет обычная раздача пряников в виде пожалования земель и опустевших турнедских замков...

Я вскочил в седло, арбогастр довольно фыркнул и повернулся в сторону ворот, а Пес ринулся к ним сразу.

Ангелхейм спросил заинтересованно:

— Сэр Ричард, а можно с этого момента... насчет пряников, подробнее?

Я отмахнулся.

— Да это такая рутина, что одухотворенным личностям вроде нас и говорить о ней как-то неловко. Главное — слава на поле боя, крики мертвецов, а еще уважение со стороны противника, иначе как без этого жить, спрашивается?

В Варт Генц из Армландии можно попасть либо через Турнедо, либо через Шателлен, оба граничат, хотя Шателлен соприкасается самым краешком, а Турнедо — довольно широкой полосой.

С моими Зайчиком и Бобиком можно и через Турнедо, там если и заметят, все равно остановить не успеют, но что лучше хранить в тайне, лучше в ней и хранить.

Мы мчались практически по линии между Турнедо и Шателленом, места пустынные, даже опасные, один Орочий Лес чего стоит, ни единого домика, ни клочка распаханной земли, ни дымка от охотничьего костра.

Есть более пустынные, насколько помню, за королевством Варт Генц, земли Гиксии. Я проезжал там однажды в своем квесте к Югу, помню эти разоренные места, где прошла беспощадная армия Тьмы, так называют войска императора Карла за то, что он сумел привлечь на свою сторону троллей и даже огров.

Между Варт Генцем и Гиксией тоже нет четкой границы, как вообще между многими королевствами. Все потому, что все мы селимся в благополучных землях, развиваем их, укрепляем и украшаем, и никто не желает брать себе опасные

территории, где живут большими племенами тролли, огры, кентавры или другие опасные твари. Тем более те, за которыми закрепилась слава зачарованных.

Похожая ситуация на стыке королевства Турнедо и Шателлен, тут Орочий Лес, а углубляться в него и терять людей в бесполезной войне с чудовищными троллями не желает ни Гиллеберд, ни тем более мирный Найтингейл...

Между Варт Генцем и Гиксией, как я запомнил из прошлой поездки через эти земли, кроме всякой нечисти существуют и вполне благополучные деревни. Правда, огородившиеся частоколом, амулетами и заговорами, они живут как в осаде, зато никаких властей, никаких налогов, поборов, повинностей, а от нечисти и нежити отбиться удастся довольно легко, если не зевать...

В прошлый раз мы проехали земли графа фон Кастелинга и остановились, выбирая дорогу мимо урочища Плачущего Младенца, там кое-кто ухитрялся проскочить и остаться живым, но раз уж такие смельчаки находились, мы тогда рискнули...

Бобик радостно гавкнул и ринулся вперед огромными прыжками, я заорал вслед «Рядом!», он обиженно скулянул и побежал слева от арбогастра, поглядывая на него с вызовом: дескать, не будь этого приказа, давно бы обогнал тебя, ленивое и неповоротливое копытное...

Впереди на широкой и хорошо пробитой в земле дороге, хотя и довольно заброшенной, показалась кучка людей. Пес подпрыгивает, хоть и рядом, всячески обращает на себя внимание, это же он первым заметил, ну хоть погладьте же, черстве...

Группа приблизилась, там четверо мужчин с удовольствием лупят пятого. Тот уже на земле, его пинают ногами в растоптанных сапогах, еще двое заломили руки за спину женщине средних лет, а третий неспешно разрывает ей на груди платье. Все трое довольно похохатывают, две большие корзины лежат на дороге, вывалив нехитрое добро простолюдина.

Женщина кричит и плачет, дура, это только распаляет мерзавцев. Просто изнасиловать — не так интересно, а вот поглумиться — это как бы сожрать хорошо прожаренное мясо с соусом и подливкой. Тем более, поизгаляться на виду беспомощного избитого мужа или просто спутника, который должен защищать женщину, но не смог...

— Эй, — рявкнул я люто, — что здесь, ага?

На меня оглянулись с удивлением, я выгляжу как здоровенный крепкий парень в простой одежде, у меня хороший конь и крупный пес, лук за плечами и меч у седла, но не вельможа с кучей телохранителей и даже не закованный в железо рыцарь, всегда готовый к драке и даже выискивающий, с кем бы.

Тот, что разорвал женщине платье, ухватил в обе ладони ее спелые груди, а мне бросил через плечо:

— Убирайся, дурак!

Я не поверил своим ушам:

— Ты это сказал мне?

— Тебе, дурак, — повторил он благодушно, — пока у нас... ха-ха... совсем другое настроение...

Говорил медленно, тягуче и не успел закончить, как я выдернул меч, быстро секанул справа налево и, разворачивая коня, крикнул бешено:

— На колени!

Двое, что заламывали женщине руки, выхватили короткие мечи. На колени рухнула только женщина, перед нею тяжело опустилось обезглавленное тело, из обрубка шеи со свистом выходит воздух и сильными толчками бьет кровь, а голова откатилась далеко на обочину.

Я сразил еще одного, парировал удар второго и рассек ему голову до нижней челюсти.

Те четверо, что пинают поверженного, схватились за оружие, кто за меч, кто за короткое копье, у одного вообще плотницкий топор, но увидели мое перекошенное дикой яростью лицо, разом повернулись и бросились бежать. Двое

помчались рядом локоть в локоть, а двое резко пошли в стороны.

Я бросил меч на землю, не совать же в ножны с кровью на лезвии, сорвал с плеча лук и торопливо наложил стрелу. Тот хитрый прием, когда все в стороны, спасает только от тех, кто гонится с мечом...

Стрела исчезла бесшумно, только тетива больно шелкнула по пальцу. Самый быстроногий вскинул руки и на полном бегу рухнул. Вторая стрела сразила соседа, этот еще и закувыркался, третьей я догнал самого кровожадного, он старался бить лежащего ногами в лицо, а четвертого чуть было не пожалел: тяжелый, грузный, бежит с хрипами, в руках топор плотника... еще не успел стать разбойником по-настоящему, вкусить запретных сладостей убивать и грабить, насиловать и оставаться безнаказанным...

Стрела сорвалась с тетивы и, нагнав, ударила в основание шеи. Он рухнул, раскинув руки, и так застыл.

Женщина с плачем уже поднимает мужчину, тот весь в лохмотьях, кровь хлещет из перебитого носа и расквашенных губ, сам хрипит и с перекошенным лицом хватается обеими руками за грудь.

Я спрыгнул с коня, подобрал меч и старательно вытер запачканное лезвие об одежду убитых.

Женщина взглянула с ужасом на лице.

— Спасибо... ваша милость!

Но в ее глазах оставался страх, я могу оказаться зверем и похуже, чем эти оборванцы, что и разбойники-то липовые.

Я отмахнулся.

— Пустяки...

— Ваша милость, наши жизни в ваших руках!

Я подошел к мужчине, опустил ему на плечо руку и чуть подержал. Его искаженное болью лицо на глазах изменилось, он посмотрел на меня с испугом.

— Ваша милость...

— Отдохни чуть, — сказал я, — и можете ехать. Кости целы, а мясо заживет.

Пес наконец поднял зад от земли, подошел к ним и обнюхал. Они закрыли глаза в ужасе и даже приподнялись на цыпочках, будто старались оторваться от земли и взлететь повыше.

Я вскочил в седло.

— Бобик!.. Рядом!

Арбогастр сразу пошел карьером, ветер засвистел в ушах. Женщина и ее мужчина сейчас соберут вещички, обойдут убитых и снимут с них все ценное, начиная с сапог и башмаков, порадуются удаче, а я вот, дурак, сразу повеселел, будто чего-то в самом деле стою. Спас двух оборванцев от других оборванцев, это вроде бы перевешивает то, что про... в общем, продул с треском, будто после касторки, огромную страну.

От земли пошел редкий неопрятный туман, ветер иногда разгонял его, однако не рассеивал, а комья сбивались в кучу и катились, пока не застревали в кустах. Холодный и отвратительно сырой ветер все время дул навстречу, даже когда Зайчик шел шагом.

Мне показалось, что мгла начинает сгущаться, как при солнечном затмении, но это всего лишь черные тучи укрыли небо в несколько слоев.

Впереди показались крыши домов, мы выметнулись на околицу, я придержал арбогастра, на земле в лужах крови несколько свирепо растерзанных трупов, над ними громко рыдают женщины. Дети режут и прячутся в их подолы, мужчины угрюмо сжимают кулаки и грозно хмурятся.

За спиной слышались окрики, там нестройная толпа, вооруженная кольями, топорами, вилами и косами, волнуется и потрясает своим грозным оружием, перед ними размахивает руками приземистый и грузный мужик с черной разбойничьей бородой.

— Доколе будем только прятаться? — орал он. — Мы что, овцы?.. Доколе, я спрашиваю?

Кто-то возразил несмело:

— Дядя Джон, мы ж не прячемся уже...

— Отбиваемся! — крикнул мужик, которого назвали Джоном. — А нас уже сколько?... Вон старгатцы влились в нашу деревню, мы теперь село, а не деревня!.. Почему трусим?

Я пустил коня к ним ближе, мужик замолчал и посмотрел на меня с надеждой.

— Тролли? — спросил я.

Он выкрикнул в ярости:

— Зеленомордые опять напали ночью и выкрали скот!.. А еще и убили двоих, вот с краю мой свояк лежит с разорванным горлом!

— За свояка надо мстить, — согласился я.

— А как же, ваша милость!

— И что надумали?

Он прокричал:

— Надо наконец-то самим пойти на них!

— Ого, — сказал я. — А что, их там кучка?

Он фыркнул.

— Не кучка, но они не живут большими племенами. Их там не больше десятка самцов и три-четыре десятка самок с детенышами. Раньше жили охотой, а теперь повадились нас грабить!.. Это легче, мы же хуже овец!

Парень, что пугливо держится в сторонке от толпы, возразил:

— Но мы все равно богатеем, дядя Джон!

Он зыркнул на него злобно и с отвращением:

— Умолкни, трусливая тля!.. Мы, люди, должны смести их с лица Земли! Чтобы наши внуки жили спокойно!

Я поинтересовался:

— А где зеленые?

Он протянул руку в сторону леса.

— Вон там! Даже не прячутся. Сразу же за первыми деревьями. Солнца не очень любят, жабы проклятые!

— Высыхают быстро, — объяснил я.

— Вот-вот, а в дождь так и вообще ходят у нас между домами, скот забирают!.. А наши сидят за дверьми и дрожат, на все крючки и запоры закрываются.

Я сказал:

— Тогда действуйте! Я здесь проездом, но мне как раз в ту сторону. Помогу.

Мужик посмотрел на меня недоверчиво.

— Хорошо, если так. Спасибо на добром слове! И один такой... с мечом и луком — помощь... Эй, парни, двинулись! Не расходиться, держаться вместе, прикрывать друг друга!..

Он поехал сбоку, поглядывая, как они двинулись молча, злые и решительные, сжимая в руках крестьянское оружие.

Мужик оглянулся на парня.

— Ты остаешься?

Я сказал ему:

— Оставь этого политкорректника.

— Кого-кого? — переспросил он.

— В моем королевстве, — объяснил я, — трусость называют политкорректностью. Ну, чтоб не так стыдно. Тогда как бы и не трусость...

— А-а, — протянул он понимающе, — значит, остатки совести еще остались.

— Но их быстро затаптывают, — сказал я, — без совести жить спокойнее.

Парень, покраснев до корней волос, ухватил длинный кол с острым концом, обугленным в костре для крепости, побежал за отрядом.

Мужик ухмыльнулся.

— Иногда те остатки могут разгореться в костер.

— Иногда, — согласился я. — Жаль, что совсем иногда.

Глава 7

Толпа крестьян, бестолково гогоча, как глупые гуси, поперла в сторону леса. Я уже пожалел, что пообещал помочь, зачем мне эти дурацкие разборки — кто у кого корову спер, не эрцгерцожье дело, но отступать уже поздно, да и стена деревьев приближается с каждым шагом.

Всегда замечал, что лес выставляет на охрану границ самые могучие деревья, в глубине может быть любая мелочь, а тут на кордоне самые что ни есть исполины... а дальше вдали мелькнуло нечто живое, хоть и зеленое. Я всмотрелся и помахал рукой крестьянам, чтобы поторопились, тролли вот-вот заметят и успеют приготовить неласковую встречу.

Джон подбежал, весь красный и запыхавшийся.

— Их уже видно?

— Нас уже видно, — пояснил я.

— Плохо...

— Зови всех в атаку!

Он повернулся, но не стал орать, а вскинул над головой топор и бешено понесся к стене деревьев. Мужики, к моему удивлению и удовольствию, молча бросились следом, по их движениям я видел, что уже приходят в ярость и неистовство.

— Никого не щадить! — прокричал я. — Пленных не брать!

Они неслись с топотом и сопением, я вырвался вперед, меч во вскинутой руке, первых же выскочивших из шалашей троллей срубил безжалостно, а следом с дикими криками набежали крестьяне, началась некрасивая и безобразная схватка.

Я носился по кругу и в азарте рубил, крушил, повергал. Несколько троллей, то ли самцов, то ли самок, наконец-то бросились наутек. Я схватил лук, однако успел поразить только три зеленые спины: Джон, пользуясь преимуществом численности, расставил своих людей так, что те перехватывали бегущих и брали их на колья.

Голова раскалывалась от дикого визга, рева, хриплых криков, но затем все начало затихать, слышались только стоны раненых. Джон покрикивал, посылал проверить распростертых в лужах крови, кто-то может прикидыватьсядохлым.

Когда я подъехал, он повернул ко мне сияющее лицо.

— Ваша милость, спасибо! Мы даже не думали, что удастся справиться так быстро! Народ пуглив, привык бояться... Могли бы и раньше, зря терпели.

— Армия Тьмы ушла давно, — ободрил я. — А с мелочью справитесь! А это была не мелочь.

— Ваша милость, останетесь на пир в честь победы?

Я помахал рукой.

— Увы, дела... Вы там не больно увлекайтесь насилowaniem...

У него брови взлетели выше лба.

— Насилованием?.. Ох, ваша милость шутит...

— Ага, — согласился я. — Конечно, шучу.

Они бросились добивать раненых троллей, не разбирая — самец или самка, которых можно бы сперва... а потом добить, и смотрели вслед, как мы втроем красиво и гордо уносимся между деревьями на залитый солнцем простор.

Через несколько минут я снова ощутил, что никакой я не герой, а вообще-то трус, что пытается как-то увильнуть от главной проблемы: как выбить врага из Армландии.

Это два-три года назад можно было бы гордиться и задирать нос: прискакал на красивом коне, сам красивый и величественный, помог, не слишком-то и утруждая себя, спас... но сейчас-то понимаю, что это мышиная возня для моих нынешних масштабов.

— Вперед, — сказал я Зайчику в ухо. — Не останавливаемся! Даже если прямо перед нами дракон будет выкрадывать или насиловать принцессу... Всех не наспасаешься. Их, как муравьев, а мне королевство спасать надо... А то и человечество, как говорят.

Он всхрапнул и ускорил бег, стараясь обогнать Пса. Тот нагло скалился и стелился над землей, как огромная низколетающая птица.

По дороге то и дело попадались отряды вооруженных людей, но мы проскакивали слишком быстро, чтобы они успевали нас остановить и о чем-то спросить, а в погону

за нами никто и не бросался. И слишком быстро мчимся, и одинокий всадник никакой опасности не представляет...

Несколько сел и деревень остались позади, далеко слева на возвышенности проплыл город, еще дальше появился справа город еще крупнее, крепостная стена сохранила отметины жестоких схваток, кое-где видны заплатки из новенького камня, ворота тоже новые, даже доски не успели покрасить.

Я пронесся мимо, на стенах только проводили нас взглядами. Дальше дорога стала оживленнее, чаще попадаются как группки странствующих, так и караваны с нагруженными верблюдами и лошадьми.

Бобик оглядываться перестал, сообразив, что будем мчаться до некой цели по прямой. Арбогастр понесся как гигантская черная стрела, а я зарылся в гриву и все думал о странном существе, живущем в ручье, которое сумело растворить свою суть в реке, теперь ни на сушу, ни в море — там вода соленая, серьезный минус, зато нехилый бонус — бессмертие...

Алхимики утверждают, древние нашли путь к бессмертию, превращаясь вот так в элементы воды, земли или воздуха, потому до сих пор можно встретить живые скалы и даже горы, не говоря уже о деревьях, которым тысячи лет. Но, во-первых, это не бессмертие, потому что даже горы разрушаются через миллионы лет, не говоря уже о деревьях, во-вторых, чем-то этот путь нехорош... И потому, то ли немногие решили доживать остаток жизни в камнях, то ли камень за тысячи лет победил и разум погас, не находя себе применения, но я ни разу не встретил живых и развитых интеллектуально скал...

Солнце сползает к далекому лесу, словно собирается поджечь, как сухую траву. Тучи в небе — уже не тучи, а облака, а так небо чистое, ясное, облака розовые. Мир посветлел перед тем, как погрузиться во тьму, а когда солнце наконец сползло по тверди небосвода, оставляя его таким пурпурно-раскаленным, если бы вдруг дождь — точно бы потрескался,

свет не исчез, а плавно перетек в нежно-серебристый и колдовской, словно вокруг заплясали ночные эльфы.

Я оглянулся, луна смотрит нам в спину пристально, как огромный небесный зверь в некотором замешательстве, еще не зная, добыча ли?

— Через лес не попрем, — сказал я. — Бобик, выбирай место для ночлега.

Арбогастр гневно ржанул, когда черный Пес ринулся вперед к быстро приближающемуся лесу, исчез, словно разбился комком тьмы о несокрушимую стену из толстого дерева.

Мы въехали под высокую зеленую крышу не так стремительно, какая-то ветка может и шарахнуть по морде так, что вылетишь, кувыряясь, как уличный акrobat.

В темноте требовательно гавкнуло, арбогастр рысью пошел в ту сторону. Я присмотрелся, убрав ночную пелену с глаз, место неплохое, я сказал довольно:

— Молодец, Бобик!.. В прошлой жизни ты был разведчиком.

Он ринулся целоваться и уверять, что никогда никем не был, а только вот таким, какой есть, замечательный и умный, вообще чудо...

Потом я развел небольшой костер в ямке, чтобы никто не увидел огня издали, подогрел мясо, перекусил и лег под деревом. Бобик сразу примостился рядом, положил голову мне на плечо и тут же бесстыдно заснул раньше меня.

Я еще долго лежал, глядя в темный свод из веток, мучительно раздумывал, не за слишком ли неподъемную задачу взялся. Одно дело — пыжиться перед другими и уверять, что все схвачено, все под контролем, все идет, как я и задумал... более того, это я все и подтолкнул, чтобы именно так, мол, мои стратегические задачи того требуют, но сам-то понимаю, что меня переиграли, что, вообще-то, слаб в мире сильных, жестоких и умелых...

Когда сопение Бобика у самого уха начало навевать сон, вдали послышались голоса. Я насторожился, к голосам при-

бавился и неясный шорох, словно несколько человек на грани слышимости идут между деревьями, кое-где продираются через кусты.

— Бобик, — велел я шепотом, — лежать!.. Здесь. И ждать.

Он засопел недовольно, как это без него, это же свинство какое-то и вообще чудовищная несправедливость, но я выкарабкался из-под него, отошел, пригибаясь и всматриваясь изо всех сил.

Они шли медленно через ночной лес, мрачные и закапюшоненные. Время от времени останавливались, я слышал монотонные голоса, к счастью — не пение, было бы совсем гнусно, а всего лишь хоровой речитатив. Когда уже почти скрывались из виду, я увидел, как передний из них взял из рук помощника лопату с короткой ручкой, присел к земле и начал старательно копать.

После того как здесь прошла армия Тьмы, в земле немало осталось амулетов нечистой силы, и все еще находятся недобрые люди, что надеются с их помощью получить власть, хотя бы в своем селе...

Гнев разгорелся в груди, но не успел я сказать себе, что это не мое дело, как гнев перешел в ярость и я уже не мог сидеть, меня подняло то, что туманит разум, я обнажил меч и пошел к ним, яростно сверкая глазами.

— Ночью поряdochные люди спят, — сказал я громко, — выходят только любовники и воры, но на любовников вы похожи мало!

Тот, который жадно копал землю, поднял голову и, убедившись, что я один, бросил коротко:

— Убейте дурака.

На меня бросились сразу трое или четверо, за деревьями и не рассмотреть, но ярость не только туманит мозг, но и убыстряет животные реакции, я двигался втрое быстрее, чем эти в черных балахонах, похожих на халаты, бил зло и безжалостно, сперва рукоятью меча, кулаком и ногами, но пару раз меня сильно достали чем-то тяжелым по голове и чуть не выбили руку из плеча, я заорал и начал рубить люто и без пощады.

Крики наполнили лес, нападавшие начали пятиться, я пошел за ними, рубил и топтал, а когда дошел до того, кто уже вытаскивал из земли нечто, вокруг него не осталось то ли охраны, то ли последователей культа Тьмы.

Я протянул лезвие меча и упер ему в шею.

— Застынь или умри!

Он медленно поднял голову, в лесу сплошная темень, но я чувствовал, что видит меня так же отчетливо, как и я его. Наши взгляды скрестились, он смотрел так, словно старался пронзить меня незримым лезвием, но я не ощутил даже холода, а странный холодок чувствую только из земли, откуда торчит наполовину выкопанный позеленевший кувшин из старой меди, небольшой, размером с крупный кубок.

— Что тебе нужно? — спросил он хриплым голосом, но страха я не услышал.

— Что там? — спросил я.

Он ответил так же медленно:

— Если не знаешь... могу сказать что угодно.

— Вряд ли, — возразил я и повертел острием клинка у него перед глазами. — Я пойму, когда врешь. И убью моментально.

— Но ты уже убил многих, — сказал он. — Не сейчас. Раньше. А если доставали нечто, что сделает всех людей счастливыми?

Я фыркнул.

— Не смейся. Ночью? Как воры? Прячась от тех, кого собирались осчастливить?

Острие меча уперлось сбоку ему в шею, и на этот раз я не стал его убирать. Незнакомый пробормотал:

— А когда было иначе?

— Ты мне не софитствуй, — пригрозил я. — Умник в ночи... Что там, говори?

Он ответил так же негромко, двигая только губами:

— Только я смогу снять заклятие и сломать печать...

— А я могу просто разбить кувшин, — сказал я грубо.

— Да, — ответил он, — конечно. И злой дух тут же с удовольствием разорвет тебя на части.

— А если пролезет через горлышко, то станет белым и пушистым?

— Горло закрыто особой печатью, — возразил он. — Вылезти может только по желанию того, кто знает особое заклятие.

— Ага, — сказал я саркастически, — это значит, мне с моим рыцарским рылом нечего и думать, чтобы отнять у тебя кувшин и самому покомандовать джинном?

Он ответил тихо, потому что острое меча прикасалось к горлу:

— Вы угадали...

Я с силой ткнул клинком, как копьем. Острая сталь рассекла артерию и дыхательное горло. Я повернул меч резко и с нажимом, рванул в сторону. Голова отделилась от тела и упала в траву.

В широко вытаращенных глазах я видел дикое изумление, не должен рыцарь поступать так, как я. Но Логирд уже сказал, что постепенно отхожу от рыцарства и, что хуже всего, потерял ориентиры и не считаю это преступлением.

Переступив через труп, я отковырял мечом землю вокруг кувшина, разрыхлил остатки и, ухватив за горлышко, потихоньку потянул.

Он подался сразу, пошел легко, словно пустой. Хотя, если там джинн, то и должен быть легкий, джинны — вроде бы существа из воздуха или чего-то еще невесомого...

Пес прибежал, обнюхал находку и посмотрел на меня в недоумении.

— Думаешь, — огрызнулся я, — обязательно должен знать все на свете? А если ерунда?

Он сел и, наклонив голову набок, приготовился слушать объяснения. Я отмахнулся и, отряхнув комья земли, сунул кувшин в мешок и снова закинул на конский круп.

— Поехали, — сказал я строго. — Трансвааль, Трансвааль, страна моя в огне! Не до джиннов, когда с миром такое... А мир, вообще-то, это я!

Вообще-то глупо ехать через лес, но мы уже малость отдохнули, к тому же ночи летом коротки, но даже в ночи можно ехать в ясном лунном свете, как только выберемся из леса.

Настроение улучшилось, хотя, если на то пошло, разумных причин нет. Почти беспричинно, на одном лишь подозрении, убил несколько человек, раньше бы совесть не позволила, а если бы и сделал, неделю бы есть и пить не мог, ночами бы вскакивал... сейчас же подумываю, как бы дотянуться до сумки и вытащить ломоть сыра, что-то пожевать захотелось...

Но я это уже за собой заметил: становлюсь все черствее и в то же время изворотливее. Логирд называет это весьма четким словом, черт бы его побрал, некромант, а честнее и даже чище меня, свинство какое-то...

Но самое худшее, что вот отбил этот кувшинчик без ключа и доволен, будто одержал невесть какую победу. Может быть, и надо было остановиться на таких вот... достижениях? А то полез в высокую политику, а уже видно, что руководить народами — это не по зубам, дурак еще. Или скажем мягче — герой-одиночка.

С двух сторон быстро и угрожающе неслась навстречу, пугая, чернота высоких стволов, но уже наметилось за ними предрассветное небо, и когда мы выметнулись на простор, оставив за спиной хмурую и мрачную массу деревьев, даже Пес, как мне показалось, вздохнул с облегчением.

Заря начала подниматься на востоке, странно похожая на вечернюю, но небо светлело, а лунное серебро на земле теряло блеск, тускнело, наконец восток стал красным, зажглись облака, а еще через полсотни миль мы встретили первое стадо, которое под управлением пастуха и двух лохматых псов выходило из села.

На дороге вскоре встретили подводку с сонным возницей, он выслушал странный вопрос с недоумением, ткнул в пространство кнутовищем.

— Вон там...

Я переспросил:

— А дорога вроде ведет не туда?

Он пробурчал:

— Я думал, тому, кто на таком коне, дороги не шибко нужны.

— Спасибо, — сказал я и бросил ему серебряную монету. — И за теплые слова тоже.

Пес охотно сбежал с дороги, арбогастр тоже с удовольствием ринулся напрямик, и через несколько минут бешеной скачки впереди возник и начал разрастаться каменный город, мрачный и угрюмый, с массивными стенами, однако ворота распахнуты широко, телеги въезжают и выезжают, как в любом другом городе, где жизнь налажена, а старые беды остались позади.

Улицы такие же кривые и тесные, как и во всех подобных городах, но на стенах каменных домов следы ударов тяжелых топоров, несмываемые пятна копоти, мертвая ржавчина, словно засохшая кровь, хотя люди не обращают внимания, голоса беспечные. Часто слышен смех, на перекрестке бродячие актеры дают представление...

Арбогастр продвигался медленно, Пес идет рядом смирно и чинно, смотрит только вперед. Я тоже, как и Пес, упер взгляд в далекую громаду королевского замка, так проще не замечать пристающих уличных торговцев и женщин, назойливо предлагающих свои услуги.

Глава 8

Замок окружен рвом, через него перекинут широкий подъемный мост, уже отвык от такого в Сен-Мари, ров глубокий и широкий, вода течет медленно, но чувствуется, что проточная. Ворота замка распахнуты, решетка поднята, однако наверху в привратных башнях видны прохаживающиеся стражи.

Копыта бодро простучали по дощатому настилу моста. Я проехал под железной решеткой и уже на той стороне, во

дворе замка часовой с копьем в руках лениво окликнул из дверей караульной будки:

— Эй, ты кто?

— К королю Фальстронгу, — ответил я, — гонец из Армландии.

Он махнул рукой.

— Проезжай.

Двор широк, суров и строг, ничего лишнего, только серые плиты камня под копытами и стены, окружающие замок, сложенные из таких же глыб. Во дворе только три повозки вдали у стены, пара лошадей у коновязи, еще доносятся удары молота по железу, с той стороны замка наверняка кузница.

У входа в замок двое дюжих стражников скрестили передо мной копья.

— Куда?... Да еще на коне?

— Ах да, — сказал я и соскочил на землю. — Привык, знаете ли, у нас там все проще...

Оба ухмыльнулись, шутки любят все, но копья не убрали, хотя я передал повод одному из прибежавших сзади конюхов.

Спустя несколько минут появился старший, оглядел меня внимательно и прицельно.

— Кто? С какой целью?

— Ричард, — ответил я, — Длинные Руки. Маркграф Гандерсгейма, эрцгерцог архипелага Рейндольса, майордом Сен-Мари, гроссграф Армландии и даже чего-то там фюрст...

Он посмотрел на меня внимательно, в глазах появилось нечто вроде: ага, что-то о таком слышал, но вслух сказал:

— Побудьте здесь.

— Кого-то надо ждать?

— Да, — ответил он сухо, но пояснил: — К вам изволит выйти сенешаль замка.

— Премного благодарен, — ответил я.

— Не за что.

Бобик сидит рядом, как изваяние, только глазами чуть двигает из стороны в сторону. Из ворот вышел важный и породистый человек в богатой одежде и с золотой цепью на груди. По ее размерам я догадался, что это и есть сенешаль, а он издали вперил в меня взгляд, полный подозрения.

— Это вы... Ричард Длинные Руки?

Я ответил с достоинством:

— Он самый.

— Фридрих Геббель, — произнес он с легким поклоном, — сенешаль Его Величества. Лорд малой печати. Сейчас Его Величество занят. Вам будет предложено подождать в общем зале. А сейчас можете переодеться, отдохнуть, помыться, пообедать...

— Спасибо, — ответил я. — Но лучше сразу в зал.

Он понимающе улыбнулся.

— Хотите взглянуть на здешних придворных? Да, понимаю. Следуйте за мной.

Я оглянулся на Бобика.

— Побудь с копытным. Если что, кухню отыщешь сам.

Он вздохнул, посмотрел с укором и побежал в сторону конюшни. Сенешаль проводил его задумчивым взглядом.

— Это где ж такие водятся?

— Да он сам меня нашел, — ответил я туманно. — Милый песик.

— Гм... да, я бы так и сказал.

Часовые на входе в первый зал поймали взгляд сенешаля и не сдвинулись с места. Там внутри полутемно, людей немного, но когда вошли в следующий, там уже и помещение втрое больше, и людей множество, веселых и празднично одетых.

Солнечный свет проникает через узкие окна наверху, зал странно поделен на светлые и полутемные участки, люди то исчезают в тени, то появляются в солнечном свете, а множество свечей в вычурных подсвечниках почти не разгоняют полусумрак.

Женщины здесь одеты строже, чем в Армландии или Фоссано, а по меркам Сен-Мари, так вообще монашки, однако глазки блестят хитро, улыбки расточают со значением, движения грациозны, а мужчины и здесь петушатся и выпячивают грудь, смотрят свысока и всячески подчеркивают свою мощь и грубую силу.

Я держался скромненько и под стеночкой, предпочитая разглядывать народ и вслушиваться в разговоры, умному этого достаточно, чтобы узнать очень многое. Но меня заметили местные щеголи, неспешно приблизились и демонстративно нагло и пренебрежительно начали осматривать мою запыленную дорожную одежду, простые сапоги. Перевязь с мечом я оставил на седле, как и прочее оружие, я же чужак, а эти щеголи едва не сгибаются под тяжестью гигантских мечей, а у их вожака еще и два жуткого вида ножа на поясе.

Он рассматривал меня с подчеркнутым пренебрежением, а его приятель справа громко зевнул и сказал скучным голосом:

— Еще один бродяга с гор...

— Думаете, — проговорил второй, — явился за милостыней?

— Да нет, — возразил первый, — наверняка убежище ищет... Что скажете, дадим?

Третий произнес задумчиво:

— У меня на заднем дворе пес издох от старости... Конура свободна.

Их вожак воскликнул:

— Сэр Скотт! Ваша щедрость не знает границ! Как можно предлагать ему конуру?.. С ума сошли! Конура еще совсем новая!

— Но там блохи, — ответил сэр Скотт задумчиво, — почему нет?

Черная волна поднималась и поднималась, но я гасил и продолжал с самым спокойным видом смотреть мимо них.

С подносом в руках прошел слуга, в металлических чашах подрагивает красная поверхность вина, я взял одну и поднес к губам.

Щеголи слишком увлеклись травлей очередной жертвы, слуга прошел мимо, но вожак прикрикнул зло, а когда поднос приблизился, цапнул одну чашу, не глядя, его друзья поспешно разобрали остальное.

Я с самым невозмутимым видом тянул вино сквозь зубы, голова работает лихорадочно, просто дураки ищут забавы или же что-то серьезнее? Вдруг Гиллеберд подсказал своим шпионам и тем, кому доплачивает, чтобы встретили меня и подпортили мне появление в замке короля Фальстронга...

Нет, похоже, просто ищут развлечений. Более того, если сдамся и признаю их лидерство, то, возможно, примут в свой круг, хоть сперва и на самое низшее место, но все-таки буду под их защитой...

Видимо, не переключились на другую жертву, потому что я высок и с виду достаточно силен. Любой вожак хотел бы такого иметь в тупых исполнителях...

Я делал вид, что их шуточки меня не касаются, а они, начиная злиться, нагнетали так, что в зале уже заметили, сперва прислушивались, потом начали сторониться, не спуская с нас встревоженных взглядов.

Другой слуга неспешно двигается мимо, на подносе такие же кубки, я поставил ему свой, наполовину пустой, и повернулся к придворным забиякам.

Они уже не посмеиваются, а хохочут, глаза наглые, хозяева жизни и придворных дам, рассматривают меня, как корову на бойне.

— Милорды, — сказал я вежливо, — вы очень долго и упорно оскорбляли меня, чему свидетели все присутствующие здесь и о чем, безусловно, будет доложено Его Величеству.

Сэр Скотт захохотал:

— О таких пустяках Его Величеству не докладывают!

— Это не будет пустяком, — сообщил я.

— Да ну?

Он как раз подносил ко рту кубок, я коротким ударом вбил его в пасть по самую ножку. Вожак еще не успел убрать улыбку с морды, я ударил ребром ладони, и передние зубы верхней и нижней челюсти с хрустом провалились в глотку.

Пока он хрипел, стараясь выплюнуть обломки зубов, я ухватил за головы двух справа и слева, хряснул лбами друг о друга, и все услышали сухой треск, будто обломился край столешницы.

Пятый, последний из их группы, смотрел выпученными глазами. Я сказал вежливо:

— Сэр... как вас там, вы не отпустили ни одной шуточки в мой адрес, потому я разрешаю вам воспользоваться благородным оружием для поединка. Но так как вы гнусно подхихикивали, как мелкая шлюшка, я вас весьма убью. Голыми руками.

Он завизжал, выхватил меч, лицо трясется, и губы прыгают, движения судорожные, его собутыльники хрипят, разбрызгивая кровь из разбитых лиц, у их вожака вместо рта огромная кровавая дыра, разбитые о зубы губы превратились в красные лохмотья, а сэр Скотт все еще не может выдернуть застрявший во рту кубок.

Несколько человек бросились пятому из той группы на помощь, разделив нас, чему тот явно обрадовался, но не мог показать виду, все-таки дворянин, умирать надо красиво и с гордой улыбкой на устах... хотя и очень не хочется, разьелся на легких хлебах и разнежился в доступных утех.

— Ну? — спросил я. — Я вас все равно найду, вы же понимаете!

Он несколько мгновений смотрел в мое свирепое лицо, мне говорили, что когда я вот такой, легче взглянуть в глаза самой Смерти, затем опустил меч острием в пол и сказал сломленно:

— Я приношу извинения гостю нашего двора за свое недостойное поведение и поведение моих друзей. Они уже наказаны по заслугам, в воле благородного сэра наказать и меня. Я передаю свою жизнь ему в руки.

Все замерли, он говорит красиво и значительно, и несмотря на признание им вины и склоненную голову, симпатии сразу же перепорхнули на его сторону.

И хотя все еще хочется рубануть ребром ладони по этой лицемерно склоненной шее, я некоторое время помолчал, не двигаясь, для значительности, потом небрежно обронил:

— Извинения приняты.

И неспешно повернулся к нему спиной. Этот щеголь все равно не ударит меж лопаток, тоже политик, и понимает, что замазает себя таким гнусным поступком на всю жизнь, ничем не отмоется ни он, ни его дети и внуки.

Придворные шушукаются уже по всему залу, группу искателей приключений подхватили под руки и то ли вывели на улицу, то ли потащили к лекарям, я не следил, а посматривал, как в наш зал забежал то один слуга в одежде с гербом короля Фальстронга, то другой, исчезли, зато появились двое придворных, что уже не сводили с меня взглядов.

Появление в зале Фридриха Геббея, сенешаля Его Величества и лорда малой печати, вызвало некоторое оживление, с ним раскланивались, некоторые старались попасться на глаза и кланялись усерднее других.

Он прошел через зал, я смиренно стою под самой стеной, да не плюнет никто в спину, рассеянно глазаю на женщин, нужно выглядеть именно таким, сэр Фридрих остановился и впери в меня полный неодобрения взгляд.

— Сэр Ричард, — произнес он сухо, — мне кажется... вы торопите события.

Я изумился.

— Как?

— Его Величеству, — сообщил он, — уже доложили об... инциденте. Его Величество вынужденно прерывает некоторые весьма важные переговоры, чтобы принять вас.

— Как жаль, — ответил я. — Однако, клянусь, это не я затеял!

Он поморщился.

— Так вам и поверят. Ваша репутация вас опережает, ваша светлость! Следуйте за мной.

В главном зале, где мне пообещали прием, гремит веселая музыка, в танцах лихо выплясывают друг перед другом ярко и богато одетые люди. Конечно, «выплясывают», это не то слово, но здесь и это считается вольным и смелым танцем, когда десять на десять на расстоянии пяти шагов друг от друга слегка шевелят коленями и плечами, все — с каменными лицами, чтобы не уронить-с, а вот так кавалер с дамой, и хотя еще не прикасаются друг к другу даже кончиками пальцев, но уже улыбаются и смотрят друг другу в глаза.

Под дальней стеной возвышение с тремя ступеньками, на нем роскошный балдахин, как над королевским ложем, столбы густо покрыты фигурками из золота, сверху слегка свисают края закинутой туда шелковой ткани, так что если ее опустить, то в самом деле вместо двух кресел с высокими спинками можно поставить двойное ложе...

На креслах величественный старик с короткой седой бородой и огненными глазами и юная прекрасная женщина, достаточно молодая с виду, чтобы быть ему внучкой, но на голове у нее такая же корона, как и у него, только поменьше и поизящнее.

Сенешаль подвел меня к величественному господину в роскошнейшем камзоле и с головы до пят в золоте.

— Оставляю вас церемониймейстеру, — сообщил он. — Но мы еще увидимся, ваша светлость.

— Сочту за честь, — ответил я светски.

Церемониймейстер провел меня среди танцующих и остановил перед помостом. Ступеньки покрыты посередине дорожкой из пурпурной ткани, королевский цвет, сапоги короля упираются в нее уверенно и властно, и так же властно он вперил в меня взгляд.

Я коротко поклонился и посмотрел в ответ так же открыто и бесстрашно. Некоторое время мы ломали друг друга взглядами, наконец церемониймейстер, который явно знает о причудах короля, проговорил торжественно:

— Его Светлость Ричард Длинные Руки, маркграф Гандерсгейма, эрцгерцог архипелага Рейнольдса, майордом Сен-Мари, гроссграф Армландии, пфальцграф королевства Фоссано, фюрст...

К моему удивлению, он знает все мои титулы, словно я каждый день тут топчу ковры, король тоже слушает внимательно и как будто что-то мотает на ус, хотя вид у него рассеянный и словно бы отдыхательный, но меня не обманешь, такие люди никогда не отдыхают, по себе знаю.

Церемониймейстер закончил, молодец, хорошие легкие, все на одном дыхании, поклонился и отступил. Король некоторое время рассматривал меня, вид все тот же: а чего явился, танцевал бы себе, я в твои годы только так и делал, тоже дураком был, наконец он проговорил медленно, не наклоняя головы:

— Ваша светлость...

— Ваше Величество, — ответил я.

Он снова помолчал, давая мне возможность нарушить этикет, но я молчал и рассматривал его с тем интересом, когда смотрят на равного и трезво оценивают его возможности.

Фальстронг понял мой взгляд, нахмурился.

— Ваша светлость, вы умеете ускорять события. Мне пришлось прервать очень важное совещание, чтобы по настоянию моих лордов принять вас вне всякой очередности.

— Благодарю вас, — сказал я. — Ваше Величество, вы всегда отличались мудростью и предусмотрительностью.

— А вы — умением подталкивать события.

— Благодарю...

Он кивнул, спросил уже другим тоном:

— Что привело вас в наши далекие края, ваша светлость?

— Государственные интересы, — ответил я скромно.

— Вот как? — спросил он. — Вы так молоды, сэр Ричард. Слушая о ваших делах, я был уверен, вы намного старше.

— Я молод, но старые книги читал, — ответил я привычно, — потому я местами все же стар. Как леопёрд, пятнами. Это мне помогает в моей... деятельности.

Он сказал медленно:

— Старые знания и молодое сердце?

— И холодная голова, Ваше Величество, — добавил я. — Насчет чистых рук умолчим, мы же здесь не выступаем перед народом.

Он чуть-чуть улыбнулся, повернул голову к королеве.

— Вот видишь, Элизабет, какие бывают правители!

Элизабет вежливо наклонила голову, улыбка поистине королевская: милостивая, царственная и по-женски очаровательная.

— Сэр Ричард, — произнесла она красивым музыкальным голосом, словно учительница пения, — я надеюсь, вы найдете наш двор доброжелательным и хорошо отдохнете.

Я поклонился.

— Не сомневаюсь, Ваше Величество. Ваш супруг и повелитель прекрасно знает, как мы обожаем хорошо отдыхать.

Король улыбнулся уже откровеннее.

— Сэр Ричард, — произнес он, — вы пока поразвлекайтесь по своему вкусу, только старайтесь не перебить половину хвастливых дураков... да-да, уж будьте осторожны, я ваши мотивы понял, а вечером дам вам аудиенцию.

Я поклонился.

— Спасибо, Ваше Величество, за понимание.

Он отмахнулся.

— Да полно вам. Вы же знаете, никакая это не аудиенция. Хоть вы и прибыли без богатой и знатной свиты, как у нас принято, но мы уже наслышаны о вашем особом стиле... и никто, кроме дураков, не воротит нос.

— Спасибо, Ваше Величество, — повторил я уже искренне, — за понимание.

— Я приму вас, — сообщил он, — как правитель правителя.

Я еще раз наклонил голову и отступил, слишком уж многие стали приближаться, стараясь услышать все, о чем мы говорим с королем.

Глава 9

В коридоре спиной к окну стоит в позе ожидания одетый в оранжевое с черным немолодой человек с суровым непроницаемым выражением лица, на груди эмблема короля.

Выждав, когда я приближусь к незримой границе между нами, он коротко поклонился.

— Сэр Клифтон Джонс, доверенный слуга Его Величества, его личный секретарь.

— Сэр Клифтон? — произнес я с вопросом в голосе.

— Если желаете отдохнуть, — произнес он ровным голосом, — мне велено отвести вас в покои, что сейчас готовят для вас.

— Премного благодарен, — ответил я, — но после разговора с Его Величеством я чувствую такое восхитительно радостное возбуждение... ну, вы понимаете, как всегда у простого человека при соприкосновении с чем-то действительно грандиозным! Я не то что не засну, даже просто лежать не смогу — вскочу и буду бегать по комнате.

Он позволил себе намек на улыбку.

— Понимаю вас.

— Потому я лучше прогуляюсь по саду.

— Да, это весьма.

— Не хотите меня проводить?

Он поколебался, вижу по лицу, затем вежливо поклонился.

— Если это вам чем-то поможет...

— Очень, — воскликнул я. — Вы самый знающий человек во всем Варт Генце, иначе бы не стали личным секретарем государя!

— Вы мне льстите, — сказал он скромно, но глазки довольнo блеснули, коротко и едва заметно, но я такие детали схватываю.

— Нисколько, — воскликнул я. — Уверен, ваше влияние на Его Величество как раз и помогает ему принимать мудрые решения и вести королевство по пути просвещения и накопления материальных ценностей!

— Ах, сэр Ричард...

— Да вы и сами знаете, — сказал я, — что король без вас, как без рук. Одно дело — царствовать, другое — ежедневно готовить для этого почву.

Мы прошли длинным извилистым коридором, ни разу не пройдя залы с придворными, свернули несколько раз вправо и влево, спустились дважды по старым ступеням и вышли из неприметной боковой двери в сад.

Я продолжал рассыпать комплименты положению госсекретаря, на него могут претендовать только самые мудрые и умеющие заглядывать в будущее люди. Клифтон на всякий случай промолчал, хотя глазки заблестели еще больше, но то и дело бросал быстрые взгляды по сторонам.

— Его высочество принц Марсал, — проговорил он вполголоса, — идет в нашу сторону.

— И что?

— Если заговорит, — сказал он уже шепотом, — будьте повежливей.

Я оглянулся, к нам приближается высокий крепкий мужчина в очень дорогом костюме темно-лилового цвета с золотой цепью на груди и множеством золотых украшений. За ним двигаются то ли настолько пышно одетые слуги, то ли настолько верные ему лорды, что выглядят как слуги.

Он замедлил шаг и остановился перед нами, заложив руки за спину. Сильно выпуклые глаза окинули меня с головы до ног. Я воспитанно молчал, наконец он проронил неспешно:

— Ваша светлость...

— Ваше высочество, — ответил я с почтительным поклоном.

Сэр Клифтон отступил в сторону, поклонился и молча ждал. Принц Марсал продолжал оглядывать меня с головы до ног весьма заинтересованно.

— Дорогой сэр Ричард, — сказал он достаточно доброжелательным голосом, — я слышал, группа юных шалопаев задирала вас? Я разберусь и велю всех наказать.

Я отмахнулся.

— Не стоит, ваше высочество.

— Почему? — удивился он.

— Шалопаи, — повторил я. — Юные, хотя двум уже за тридцать, но зрелость не ко всем приходит вовремя. Иные остаются идиотами на всю жизнь.

Он нахмурился, но переспросил:

— Значит, у вас к ним нет претензий?

— Нисколько, — сообщил я. — Мало ли кто их натравил... Бить надо не собаку, а хозяина.

Его зрачки сузились, а ноздри, напротив, расширились в бешенстве, однако он сдержал себя, сказал бодро:

— Вы абсолютно правы! Хотя, я уверен, просто выпили и потому задирались.

— Да, ваше высочество, — ответил я. — Но ничего, я и у других охоту отобью задираться.

— У других?

— Да это я так, — ответил я громко, — на всякий случай. Нас многие слушают, мотают на ус.

Он криво улыбнулся.

— Да, вы правы. Думаю, больше задираться так глупо не будут.

Его лицо и глаза ясно говорили, что да, такая глупость больше не повторится. В другой раз будет что-то похитрее.

Я поклонился.

— Ваше высочество.

— Ваша светлость, — ответил он.

Он прошел мимо, а я посмотрел на лица его сопровождающих, если злость или сочувствие — то и другое хорошо, а равнодушные морды не интересуют.

Сэр Клифтон приблизился и сказал с неодобрением:

— Вы ухитрились вызвать неодобрение его высочества.

— Это его наследник? — спросил я.

Он покачал головой.

— Нет, наследником считается принц Роднерик. Старший сын.

— А на самом деле?

Он пожал плечами.

— Еще неизвестно. У нас система не прямого наследования, короли сами назначают, кому быть после них королем. Могут вообще передать трон внуку...

— Знакомая система, — сказал я. — И более справедливая. Есть еще сыновья?

— Есть, — ответил он без улыбки. — Всего их трое. Правда, он хотел одного, но остальных же не выкидывать...

— Понятно, — вздохнул я, — соперничают?

— Еще как! Даже младшенькому уже сорок. Все считают, что засиделись в наследниках.

— Тогда старшему под пятьдесят?

— Сорок пять, — сказал он. — Они все почти погодки. Было еще двое, но один погиб в уличной драке, а второй наглотался какой-то дряни в болоте, когда ловил изумрудную лягушку, заболел и умер. Извините, что так резко, но оба были слишком уж... резковаты. Их не любил ни отец, ни остальные братья. Ваша светлость, я вынужден оставить вас, в это время у меня назначен прием глав гильдий кожевников и бронников...

Я сказал с уважением:

— Счастливого королевство, где даже таких простых людей принимает сам госсекретарь!

Он поклонился.

— Ваша светлость...

— Сэр Клифтон...

Он удалился, а я, подумав, все же не решился идти в покои, лучше все-таки этот сад, тут не только деревья, но и люди, а не в моем положении провести эти часы взаперти

в ожидании решения ответа Фальстронга. Особенно, когда уже понимаю, каким он будет.

В саду прогуливаются парами и целыми группами, одиночек незаметно, да и вообще одинокие всегда подозрительны, мужчины на меня смотрят с пугливым интересом, уже знают про стычку с молодыми бретерами, женщины строят глазки, но не так откровенно, как в Сен-Мари, хотя здесь после нашествия Тьмы мораль и рухнула, но и рухнувшая все еще выше, чем в просвещенных королевствах, где культура на высоте.

Я улыбался и раскланивался, для меня сейчас главное — не отпугивать, а дичь сама набежит, даже если уверена, что она охотник.

К концу прогулки удалось увидеть еще и принца Роднерика. Он мне как-то не понравился сразу, слишком смотрит на всех вызывающе, словно каждого жаждет нагнуть, заставить целовать ему сапоги и наслаждаться чужой покорностью.

Я терпеливо напомнил себе, что это старший сын Фальстронга, потенциальный наследник, с ним нужно быть предельно вежливым и почтительным. Если и скажет что-то оскорбительное, пусть, что с дурака требовать, я здесь ненадолго, завтра уйду, а они тут пусть хоть на голове стоят...

Высокий, крупный, но уже с брюшком и седыми висками, он следил, как придворные проходят, кланяясь ему низко и почтительно. Мне даже показалось, что ему кланяются ниже, чем самому Фальстронгу. Странно, он хоть и старший сын короля, но Фальстронг еще крепок, как старый дуб, что простоял сто лет на просторе и простоит еще неизвестно сколько.

Принцу Роднерику уже сорок пять. Вообще-то можно понять его злое нетерпение: вот уже сколько лет мог бы сидеть на троне и править, так и жизнь пройдет, а королем не побудет...

Я начал присматриваться внимательнее. Благородная сыновья любовь к отцу редко перевешивает у наследников

приземленную жажду сесть на трон. Ждут с нетерпением, когда же этот старый пень помрет, а он кажется старым в любом возрасте, с надеждой ловят любые слухи о его немощи, а когда отец подхватит насморк, уже в мечтах примеривают корону.

Роднерик, судя по виду, с детства привык, что ему не перечат, а он получает то, что возжелает. Такие не просто ждут, обычно ищут пути, чтобы ускорить свое восхождение на трон.

Я понаблюдал издали, а затем, от греха подальше перешел в другую сторону сада. Что-то я чересчур быстро привлекаю к роли вершителя судеб, и когда мне напоминают, что это не так, так же слишком быстро даю сдачи, даже не смотрю, кто передо мной. Как всегда, неадекватно оскорблению, хреновый из меня христианин, даже и скоблить не надо, чтобы увидеть дикого и кровожадного варвара.

Король обещал подумать над моим предложением, но это всего лишь вежливый жест. С возрастом даже самые грубые люди перестают грубить без необходимости или грубят вот так, обещая подумать, а на простом языке это означает: пошел вон, дурак, а если не уедешь сам якобы по своим делам, то через некоторое время тебя вызовут к королю, где он прямым языком скажет, что ему влезать в нашу свару просто в лом, что значит, пошлет уже без иносказаний...

По дорожке, ведущей ко мне, идет очень быстро молодая леди в расшитом бисером платье, волосы целомудренно подобраны в высокую хитрую прическу так, чтобы все видели, как их много и какие они пушистые и блестящие.

Сверху чудом держится украшенный бисером чепец, настолько вычурный, что больше похож на корону. Мне показалось, что он чуточку сдвинут, а ворот платья несколько помят жадными лапами, да и дыхание у леди все же прерывистое наряду с непривычно ярким румянцем на всю щеку.

Она вздрогнула, чуть не наткнувшись на меня, но тут же мило заулыбалась, а я учтиво поклонился.

— Леди...

— Ах, — прошебетала она и кокетливо поправила волосы, — как вы меня, бедную, напугали!..

Я предложил:

— Напугать еще?

Она рассмеялась.

— Да, мне так понравилось!

— Гав, — сказал я и показал зубы. — Страшно?.. То-то. Меня зовут Ричард, я здесь проездом.

Она присела в церемонном поклоне.

— Леди Мисэлдон из Ланнуа, урожденная Цвейбрюккен.

— Не страшно одной в саду? — спросил я.

Она кокетливо засмеялась, на нежных щеках проступили милые ямочки.

— Ах, сэр Ричард, разве красивая женщина может хоть где-то оказаться одна? Или вы хотите сказать, что я некрасивая?

— Упаси Господи, — сказал я испуганно, — да Господь меня тут же покарает за такую неправду!

— Я уже слышала о вас, — сообщила она, мило опустила глазки, а потом красиво вскинула, словно в изумлении. — Как случилось, что вы прибыли один?

— Ехать пришлось через опасные земли, — объяснил я.

— Ах! — воскликнула она. — Вам нужно было взять с собой еще больше лучших воинов!

Я ответил галантно:

— Большой отряд труднее охранять от чудовищ, чем себя одного.

— Ох, — воскликнула она, — я имела в виду... охранять вас...

— Я слишком нетерпелив, — объяснил я. — Благородные люди едут по дорогам, а я, как дурак, напрямик через реки, леса, горы... зато это коротко и быстро.

Она расхохоталась.

— У нас говорят: герои не ищут брода.

Я с удовольствием смотрел в ее румяное лицо.

— У нас тоже.

Со стороны дворца в тени деревьев нам навстречу идет высокий мужчина в сопровождении двух спутников, тоже в дорогах камзолах, с мечами на широких шитых золотыми нитями перевязях, в сапогах с золотыми шпорами. Увидев нас, средний сперва притормозил, и его спутники тоже остановились, затем он нахмурился и двинулся в нашу сторону уже быстрым шагом.

Они вышли на свет, тень соскользнула с их лиц, я узнал принца Роднерика. Я не успел спросить прелестную спутницу, нет ли у них чего-то общего, из-за чего принц может весьма разозлиться на меня, идет слишком уж быстро, словно готов начать ссору, а она даже не замечает, смотрит на меня и глупо играет глазами.

— Милая леди Мисэлдон, — сказал я негромко, — это не ваш муж?

Она вздрогнула, посмотрела в изумлении.

— Я не замужем, сэр Ричард! Так что вы вполне можете...

Принц подошел тяжелыми, но быстрыми шагами, почти такой же высокий и крупный, как я, только я выгляжу, надеюсь, добрее, а этот как будто только что из камеры пыток, где отдыхает, втыкая в жертв железные прутья.

— Сэр Ричард, — произнес он резко, — я бы не сказал, что вы прибыли в удачное время!

Я поинтересовался:

— Да, я сэр Ричард. А вы кто... сэр?

Последнее я постарался произнести так, чтобы в нем отчетливее звучало, что со мной таким тоном разговаривает сэр, а не конюх или свинопас.

Он побагровел, один из его спутников произнес торопливо:

— Вы разговариваете с его высочеством принцем Родне-риком, старшим сыном Его Величества короля Фальстронга!

— А-а, — сказал я доброжелательно, — то-то не заметил никакого сходства!..

Они слегка опешили, не поняв, леди Мисэйдон испуганно пискнула, присела пару раз и торопливо исчезла.

Я поинтересовался:

— Вы что-то хотели сказать мне... принц Роднерик?

Он стиснул челюсти, лицо стало багровым, вот-вот лопнет, я насторожился и старался уследить сразу за всеми тремя. Похоже, они заметили, что я готов к схватке, а слух о том, как я обошелся с дворцовыми бретерами, наверняка уже разнесся всюду, принц только скрипел зубами и пожирал меня взглядом, не привык, чтобы кто-то стоял вот так и не гнулся.

Его спутник слева сказал быстро:

— Его высочество уже сказали вам!

— Че? — поинтересовался я.

— Они сказали, — повторил придворный торопливо, — что вы прибыли в неудачное время!

— Передайте ему, — ответил я, — что сожалею, если для него оно такое уж неудачное. Зато для меня в самый раз.

Принц уже стал лиловым, пыхтел и кряхтел, спутник справа изумился:

— Удачное? Да вы уже восстановили против себя весь двор!

— И вас? — спросил я. — Знаете, это вообще-то верный ход. Можно долго возиться и просчитывать варианты, а можно вот так... Зато сразу видно, кто друг, кто враг, кто в стороне.

Я улыбнулся многозначительно, и он дернулся, в глазах появилось опасение.

— Мы не враги, — заверил он, — мы просто сообщаем...

Принц бросил резко:

— Пойдемте, сэр Корибер. А этот... пусть пожинает то, что посеял!

Они прошли мимо, придворный намеренно задел меня краем плаща, что считается оскорблением и достаточно для

вызова на поединок, но я сделал вид, что не заметил. И так, принц Роднерик — явно враг, но вовсе не потому, что сейчас погавкались. И не из-за той смазливой дурочки. Чем-то ему не нравится противостояние с Гиллебердом, хотя вроде бы мог отличиться, возглавив войска вартгертцев...

Глава 10

По аллее в мою сторону весело, именно весело, идут двое пышно одетых придворных, румяные и всем довольные, а когда приблизились, мощно и просто здорово пахнуло вином.

Оба уставились с любопытством, один сказал беспечно:

— Ого, какой здоровенный!.. Это он выбил зубы сэру Скотту?

Второй сказал с пьяной лихостью:

— Я бы сам их выбил. Если бы меня тронули... Или тебя!

Первый чуть-чуть поклонился, да и то едва удержался на ногах.

— Сэр... к вашим услугам Карл Теодор Кёрнер и Отто Людвиг. Он Карл, а я Отто...

Второй возразил:

— Ты чего? Это я Отто!

Первый спросил с сомнением:

— Ты уверен?.. А чего тогда к моей жене ходил, если не ты Карл?

Второй вздрогнул:

— Правда? Может быть, я и в самом деле Карл...

Оба захохотали, очень довольные, хлопали друг друга по плечам и спинам. Не оглядываясь, я видел, как из той же боковой двери в стене дворца-замка вышел человек в оранжево-черном, к нему подошли трое дворян, но он покачал головой и быстро направился в мою сторону.

Я обернулся.

— Сэр Джонс?

Клифтон коротко и очень по-деловому поклонился.

— Его Величество просит посетить его в личных покоях. Если ваша светлость позволит, я провожу.

— С превеликим удовольствием!

Сэры Карл и Отто моментально посерьезнели, уловив такие непривычные слова из королевских уст, как «просит» и «в личных покоях», а я пошел за Клифтоном, что идет уверенно, готовый и оттолкнуть с пути зазевавшегося придворного, что значит, точно не из простолюдинов, об этом говорит не только «сэр», но и уверенные манеры и твердый шаг.

На этот раз прошли через зал вдоль стены за спинами тех, кто наблюдает за танцующими, дальше двигались узким коридором, больше похожим на суставы ревматика: изломанным и раздутым на изгибах, зато в таком, как легко догадаться, удобно отбиваться от внезапного нападения.

Могучие часовые с короткими мечами в ножнах молча подтверждают, что я прав, король выбрал личные покои со знанием дела в самом защищенном месте.

Сами покои обставлены с варварской роскошью, хотя мне показалось, что Фальстронг к этому отношения не имеет. Ну налепили везде золота на стены, ну и налепили, ну стол с золотыми ножками, ну и пусть, мужчина на такие мелочи внимания не обращает, а настоящий король — тем более.

— Садитесь, сэр Ричард, — пригласил он и указал на кресло. — Не удивляйтесь нашим пирам и танцам. После тяжелых лет народу необходимо веселье.

— Я понимаю, Ваше Величество. Кстати, у вас их не так уж и много пируют.

Он удивился.

— В самом деле?

— Видели бы вы Сен-Мари, — пояснил я.

Он спросил заинтересованно:

— И что там?

Я сказал с тяжелым вздохом:

— Они живут пирами! Как будто.... Я даже не знаю... Голодали, что ли? Так нет же, край всегда был богатый.

— И трудностей не было, — переспросил он с удивлением, — а веселятся, как будто последний день живут? Да, это понять трудно.

Я опустил в кресло, Фальстронг чуть наклонился из своего, впиваясь в мое лицо быстрыми и очень живыми глазами.

— Что на самом деле привело вас к нам, сэр Ричард? Я теряюсь в догадках. И все мои советники ломают головы.

Я криво ухмыльнулся.

— Неужели безуспешно?

— Представьте себе!

— Гнать таких из советников, — ответил я. — У меня же все на лбу написано. Льстят вам, Ваше Величество. Мол, они не догадались, а вот вы сразу...

Он чуть растянул губы в осторожной улыбке.

— Да у меня только предположения. А вы либо укрепите их, либо развеете. А я скажу, что именно так и думал.

Я вздохнул.

— Ваше Величество, я предпочел бы прибыть в ваш стольный град именно на танцы. Увы, государственные дела не оставляют времени даже на утехы...

Он отшатнулся в удивлении.

— Совсем?

Я вяло поморщился.

— Ну, не считать же служанок, прачек, белошвеек, фрейлин... нет, фрейлин не трогаю, ну их, лучше уж кухарки...

Он понимающе кивнул.

— Да, кухарки лучше. Есть за что взяться. Сам не люблю изящных. Значит, какие-то сложности?

— Увы, — сказал я. — Здесь уже знают, что я еще и фюрст, в мои владения отныне входят острова в океане, их несколько сотен! Сейчас спешно строится огромный флот, мы покорим мир... и вы сделали очень мудрый шаг, прислав столь представительное посольство и предложив помощь...

Он слушал внимательно, кивал, когда я хвастался, лишь чуть нахмурился, едва я упомянул, что предложил помощь, его посол на самом деле говорил не о помощи, а об участии в некоторых проектах, естественно, взаимовыгодных, это несколько другое...

— В общем, — закончил я, — в самое неподходящее время, когда все мое внимание и все силы сосредоточены в Сен-Мари... и не просто в Сен-Мари, а на дальнем его побережье, где та самая грандиозная стройка... в мою Армландию, где я гроссграф, с тыла вторгся король Гиллеберд из Турнедо!

Он вздрогнул, его глаза расширились, и в молчании он смотрел на меня долго и внимательно. Я видел, как в его мозгу прокручиваются сотни вариантов ответа.

— Да, — произнес он медленно, — это в самом деле новость. Хотя мы и граничим с Турнедо, однако их королевство вытянуто, как большая толстая рыбина, мы касаемся хвоста, а ваша Армландия — головы. Потому эти новости до нас еще не дошли...

— Да, — согласился я, — он долго и умело сосредотачивал большую массу войск у своих южных границ, как вы образно сказали, у головы, а потом внезапно и без предупреждения... без объявления войны!.. перешел границу и ускоренным маршем двинулся в глубь моих земель!

Он подумал, осторожно взглянул на меня, помолчал, я видел, как выбирает из всех ответов самый осторожный, никто не хочет быть втянутым в чужие неприятности.

— И что вы намерены предпринять? — спросил он.

— Дать отпор, — ответил я твердо.

— Как?

— Еще не знаю, — сказал я откровенно. — Надеюсь, мудрость Вашего Величества окажет мне добрую услугу и поможет в моих делах!

Он чуть наклонил голову, не сводя с меня оценивающего взгляда.

— Говорите вы хорошо, — произнес он. — Вроде бы грубо и по-солдатски, но в то же время умело льстите, что значит, вы не только великий воин, каким слывете, но уже знаете, как завоевывать расположение людей, влиять на них и управлять ими.

— Ваше Величество! — вскрикнул я шокированно. — Даже не знаю, что и сказать...

— И не говорите, — посоветовал он. — Мы оба знаем, что и как на самом деле. Теперь об этом... инциденте. Я лично встречался с Гиллебердом несколько раз, когда подписывали некоторые договоры, и хотя последний раз это было лет восемь назад... у меня осталось впечатление, что он до самой смерти будет крепко держать власть в руках и не сделает ничего опрометчивого. Он умен и очень осторожен. Если уж решился вторгнуться в Армландию... гм... то он наверняка знал, что захватит ее без малейшего сопротивления!

Я сказал угрюмо:

— Сопротивление будет. Отчаянное! Но, увы, его недостаточно, вы правы. Я увел почти всех рыцарей в Сен-Мари. Там нами захвачено, как вам уже докладывали, богатейшее королевство...

Он прервал меня:

— Но вы не укрепили тылы, это большая ошибка. Да-да, это свойственно молодости — смотреть только вперед, в то время как старики смотрят больше на пройденное... но правители должны видеть все спереди, сзади, с боков и сверху! Желательно и под землей хотя бы на пять-семь футов!

Я опустил голову.

— Да, это была ошибка. Но я хочу ее исправить. Неужели это совсем-совсем невозможно?..

Он сказал с сочувствием:

— Боюсь, что нет. Гиллеберд не стал бы вводить войска в Армландию, будь у вас хоть один шанс из ста выбить его обратно. Он очень расчетлив! Я другого такого расчетливого и просчитывающего все ходы наперед просто не знаю...

Ладно, теперь о вашем приезде. Что вы хотите услышать от меня?

Я развел руками.

— Что вы вступите со мной в союз. Что мы с трех сторон нападём... не на Армландию, пусть уж Гиллеберд вводит туда войска, а на... Турнедо!.. Захватим и... разделим.

Он отшатнулся, смотрел остановившимися глазами, затем переспросил:

— С трех сторон... Поясните?

— С северной части — вы, — сказала я, — с южной, то есть со стороны Армландии, — я с местными баронами, у некоторых еще сохранились дружины... еще и соберу ополчение...

— Всего-то?

— И сейчас в Армландию спешат войска короля Барбароссы, — ответил я.

Он посмотрел на меня остро.

— А ему зачем? Армландия для него давно потеряна. Ему какое дело?

— Он рыцарь, — ответил я и отвел взгляд, чтобы в этот момент не смотреть ему в лицо.

— И что?

— А я его вассал.

Он хмыкнул.

— Вы? У которого земель и людей больше, чем у Барбароссы?

— Да, — ответил я с достоинством. — Его Величество король Барбаросса является моим сюзереном и по долгу клятвы придет на помощь своему вассалу!

Он покачал головой.

— Как удобно, оказывается, на время смирить гордость и не объявлять о своей независимости! Или вы не из хитрости, а в самом деле настолько почитаете Барбароссу?

— Если честно, — сказал я, — он мне нравится, даже очень. Я сам всегда явлюсь к нему по первому же зову... и даже без зова, если ему будет нужна помощь, а он окажется слишком гордым, чтобы о ней попросить.

Он вздохнул, посмотрел на меня ясными глазами, настолько полными сочувствия, что часть его вполне может быть искренним.

— Ваша верность ему поразительна... И сами вы удивительный человек. Сюда редко и трудно доходят новости, но то, что я слышал о вас и ваших успехах, должен признаться, потрясает. Однако то, что вы предлагаете сейчас, весьма серьезно. И пока не вижу ответа на самый важный вопрос...

Он умолк, глаза смотрят выжидающе, я помедлил, но он молчит, я спросил наконец в нетерпении:

— Какой вопрос? Вы ничего не спрашивали.

— Очень важный вопрос, — повторил он и сказал веско и раздельно: — А зачем... нам... ввязываться... в войну?

Я стиснул челюсти, сейчас самое важное — не упустить ни одной детали, иначе проигрыш уже ничем не отыграть.

— Ваше Величество знает, — сказал я, — что я отыскал Тоннель Древних под Великим Хребтом и вышел на ту сторону, а там обнаружилось удивительно роскошное, богатое и просвещенное королевство! Но нам недостаточно было всего лишь захватить его. Я, как уже говорил, начал сейчас строить огромный флот, чтобы перебраться на ту сторону океана и продолжить наши завоевания. Ваше Величество, скажу вам по секрету, у меня на том берегу настоящий маркизат, пожалованный мне местным королем. Да-да, на Южном материке! И корабли, очень большие корабли, здесь таких никто не видел, я отправил оттуда, с Юга!.. Они сейчас охраняют берега моего Сен-Мари от пиратов. Это все будет и вашим, Ваше Величество. Варт Генц не имеет выхода к морю, но через нас у него выход будет!

Он вскинул брови.

— Как? Не понял.

— Королевство Турнедо, — сказал я убеждающе, — лежит как раз между Варт Генцем и моей Армландией. Если оно будет завоевано, вас от океана будут отделять только земли, что находятся под моей рукой!.. А это значит, ни-

каких пошлин, никаких проверок, никакой таможни. У вас появятся свои корабли, вы будете торговать с дивными странами и народами... Варт Генц станет великой морской державой!

Он слушал внимательно, но я ощутил, как нечто в нем начало меняться. Похоже, в начале разговора собирался мягко отказать, уже и формулировки какие-то придумал, но сейчас хоть еще и не мой, но заколебался, обдумывает.

— Турнедо, — проговорил он, — могучее королевство. К сожалению, оно почти вдвое сильнее Варт Генца.

— Но не объединенных сил Фоссано, — сказал я шепотом, — Армландии и Варт Генца.

Он подумал и кивнул.

— Для успеха вам стоило бы еще уговорить выступить на нашей стороне королевство Шателлен. Я слышал, тамошний король в последнее время побаивается растущей мощи Турнедо и усиленно увеличивает свою армию...

— Постараюсь, — сказал я. — С королем Роджером Найтингейлом у меня хорошие отношения.

— Прекрасно!

— Их, конечно, мало, — уточнил я, — для успеха, но если увидит, что поможем навсегда избавиться от угрозы со стороны воинственного соседа, он постарается дать нам войска, провиант, обозы.

— Должен бы постараться, — поправил он мягко.

— Да-да, Ваше Величество, должен бы.

Неожиданно он вздохнул, плечи обвисли, а взгляд погас.

— Двор будет против. Дети мои, все трое, весьма драчливые, но их взгляды обращены в сторону Скарляндов. Там королевство намного слабее, но земель много, люди все еще не оправились от нашествия Тьмы... Завоевать будет просто. К тому же наша династия имеет некоторые права на их корону...

— Гиллеберд должен быть смещен, — твердо сказал я. — И вовсе не потому, что он меня обидел! Ваше Величество, он единственный из королей этого региона, кто постоянно уве-

личивает и укрепляет армию! Вы вот экономику поднимаете, а он все войско вооружает, маневры, смотры, полководцев одних гонит, других назначает! Вы уверены, что он удовольствуется одной Армландией?

Он хмыкнул.

— Варт Генц ему не Армландия.

— Верно, — согласился я. — Сейчас вы ему почти не уступаете, особенно в обороне. Но с ресурсами Армландии он точно станет сильнее вдвое!

Он нахмурился.

— Гиллеберд не нападет на Варт Генц.

— Ему что-то помешает? — спросил я. — Гиллеберд политик, а не рыцарь. Для него договоры ничего не значат. Хотя допускаю, прежде чем напасть на Варт Генц, он может после Армландии подмять сперва Шателлен. Король Найтингейл не сможет ему ничего противопоставить.

Он нахмурился.

— Да, не сможет.

— И вот тогда, — сказал я с настойчивостью, — уж простите за прямоту, но с ресурсами Армландии и Шателлена Варт Генцу не устоять. Даже несмотря на ваше, несомненно, гениальное руководство стратега и полководца!

Глава 11

Он откинулся на спинку кресла, опустил веки, чтобы я не видел его глаз, разговор слишком серьезен, и в нем чересчур много недосказанного и подспудного, чтобы позволять заглядывать в свои мысли.

После тяжелой паузы он произнес, все так же не поднимая тяжелых набрякших век:

— Вы даже не представляете, как отнесутся к вам при моем дворе, когда узнают, зачем прибыли...

— Разве король не вы?

Он поморщился.

— Сэр Ричард, я не тиран. Я правлю, опираясь на волю и желания двора, где у меня собраны лучшие люди королевства...

— Лучшие, — уточнил я, — это наиболее знатные и могущественные?

Он снова поморщился, поднял веки и посмотрел с укором.

— Что вы за язва такая?.. Это само собой, наиболее знатные и могущественные, но я собираю в столицу также инженеров, музыкантов, художников, философов... После того страшного разорения все хотят жить мирно и отстраивать королевство, украшать его, воспевать, жить счастливо... Кстати, я тоже. И потому помогаю в их стремлении. Я — хороший король, сэр Ричард.

— Я в этом уверен, — воскликнул я. — Иначе бы не приехал!

Кривая улыбка пробежала по его сухим губам.

— В данном случае вам бы лучше поехать к нехорошему королю. К такому, который любит войны, сражения, битвы.

— Такой в наших пределах только Гиллеберд.

— Вот-вот. Ладно, я подумаю, чем могу помочь. А вы пока отдохните перед обратной дорогой... поразвлекайтесь, насколько сможете при вашем не самом веселом настроении.

Я понял, что аудиенция окончена, поднялся и учтиво поклонился.

— Ваше Величество.

— Ваша светлость, — ответил он столь же церемонно.

Я вышел, за дверью ждал молчаливый Клифтон Джонс, на этот раз он долго вел совсем другими коридорами, в результате после многих поворотов, где никого не встретили, мы вышли в другое крыло здания, что на противоположной стороне от самого донжона.

— Здесь вы дождетесь решения Его Величества, — проговорил он ровным голосом. — Вон та дверь — гостевые покои. Там все необходимое и даже больше. Если что понадобится...

Я вздохнул.

— Думаете, после такого важного разговора я смогу вот так лечь и заснуть? Я не знаю, что решит Его Величество, меня трясет, как медведь грушу...

Он посмотрел настороженно.

— Медведь? А зачем он ее трясет?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Дурак, наверное. Я пока пройдусь по саду. Может, еще с кем-нибудь погавкаюсь.

— Вы уже один раз подрались, — напомнил он, — и дважды поссорились за сегодня.

Я кивнул.

— Да, точно. Может быть, становлюсь добрее?

Он посмотрел искоса, наморщил нос.

— Как хотите. Хотя я бы не советовал.

— Почему? — спросил я. — Что вас беспокоит?

Он сказал негромко:

— Его Величество сейчас обсудит вопрос, с которым вы прибыли, с сыновьями и наиболее доверенными лордами. Но содержание переговоров станет моментально известно двору. Боюсь, вас примут еще неласковее.

— Почему?

Он сказал негромко:

— У нас уникальная ситуация, сэр Ричард. Вообще, нет таких групп, которые хотели бы с помощью войны изменить свое положение. Или хотя бы положение страны.

Я пробормотал:

— Вообще-то заслуживающая уважения позиция. Но я вот милитарист с головы до ног и не понимаю, как можно жить без войны?.. А как же слава, боевые подвиги, трофеи, право победителя, грабь чужое, законная добыча? Разве не война — дело чести, дело славы, дело доблести и героизма?

Он сказал угрюмо:

— Говорю вам, даже его сыновья не захотят воевать с Гиллебердом. Слишком уж у него блестящая репутация правителя! Он никогда не проигрывает...

— Это я слышал много раз.

— Это правда, сэр Ричард. Секретари королей лучше их самих следят за тем, что делают соседи. Гиллеберд в самом деле все делает трезво и расчетливо.

— И все же я рискну, — сказал я. Он посмотрел с вопросом в глазах, я пояснил: — И прогуляться, и бросить вызов Гиллеберду.

Он молча поклонился, а я миновал его, прошел по длинному коридору, дорогу уже запомнил и вышел в сад.

На западе странно зеленое небо, чистое и пугающе прозрачное, уже застыло перед заходом солнца, облаков нет, красный отблеск падает на внутреннюю стену хрустального купола, которым накрыт мир, затем наступят сумерки, время летучих мышей и крохотных дракончиков размером с воробьев, из-за дальнего леса поднимется мертвая и беспощадная луна...

Гуляющих почти нет, только иногда издали со стороны уединенных беседок донесется тихий смех, но в таких случаях надо делать вид, что ничего не видишь и не слышишь. Я так и делал, хотя особой куртуазностью и не страдаю, затем вдаль увидел высокую красивую женщину, с нею двух помоложе, не служанки, а как бы фрейлины, вид у них таков...

Женщина, заметив меня, некоторое время всматривалась, продолжая двигаться по аллее исполненной достоинства царственной походкой, затем властным жестом остановила сопровождающих и продолжила путь в мою сторону одна.

Я выждал, когда подойдет ближе, почтительно поклонился.

— Леди...

— Вирландина Самондская, — произнесла она и, заметив, что мне это ничего не говорит, добавила: — Жена принца Марсала, среднего сына Его Величества.

Я поклонился еще раз.

— Ваше высочество.

Она прямо смотрела на меня, красивая и сильная, я молча ждал, наконец она произнесла с прежним чувством достоинства:

— Вижу, вы не сдаетесь. И держитесь неплохо.

— Ваше высочество, — повторил я вопросительным тоном.

Она сказала тем же ровным голосом:

— Я заметила, вы ищите поддержки при дворе. У тех, кто мог бы повлиять на решение короля.

— Ваше высочество, — произнес я смиренно, — кто на моем месте поступил бы иначе?

— Но пока не находите.

— Может быть, это пока?

— Да, конечно, — сказала она. — Хотя, думаю, многие на вашем месте все-таки уже уехали бы.

— Видимо, — сказал я честно, — у меня положение совсем уж хуже некуда.

Она рассматривала меня с холодным вниманием.

— Так ли уж? Я слышала, у вас за Большим Хребтом есть свои немалые земли.

Я сказал скромно:

— Всего лишь королевство, ваша светлость.

Она улыбнулась.

— Да-да, всего лишь... хорошо сказано. По-мужски. Хвастливо, но с достоинством. А еще говорят, что оно втрое больше и богаче нашего Варт Генца, хотя такое и вообразить невозможно...

— Врут, — сказал я.

Она оживилась.

— Я тоже так подумала.

— Примерно впятеро, — уточнил я. — А если еще и Гандерсгейм посчитать... гм... и мои теперь острова архипелага Рейнольдса... В смысле, мои владения распространяются и на океан...

Ее прекрасные глаза расширились до предела.

— Господи!.. Так чего же вы ищете здесь?

— Сатисфакции, — ответил я. — У меня отнимают... ваше высочество, не Армландию, с этим пустяком я бы смирился!

— А что же?

— Отнимают честь.

Ее глаза потемнели, она на долгое мгновение несколько странно ушла в себя, щеки побледнели, скулы заострились и стали подчеркнуто острыми, эдакий бьющий через край аристократизм.

— Отнимают честь, — проговорила она медленно, словно про себя, пробуя на вкус эти слова, как незнакомые или старательно забытые, — это сказано... неплохо. Вы в самом деле готовы за честь драться до последнего?

Я поклонился.

— Ваше высочество! Но ведь у меня ничего и нет, кроме чести.

— А королевство, — напомнил она, — за Хребтом?

Я отмахнулся.

— Что сравнимо с честью? Нет чести — нет и человека. По крайней мере, простите, мужчина без чести — не мужчина.

Она сделала шаг ближе, я слышал не только тепло ее дыхания, но и всего тела. Глаза стали еще огромнее.

— Сэр Ричард, — сказала она совсем тихо, я догадался, что ее фрейлины не должны слышать ни слова, — вы скажали очень хорошо. Я вам верю. И... рада, что во имя чести пойдете на все. Я обещаю вам помочь. Но, конечно, и вы пообещайте помочь мне.

Я спросил тупо:

— Вам? Разве вам что-то недостает в этом мире?

— Да, сэр Ричард.

— Чего, простите, ваше высочество?

— Мести, — ответила она мертвым голосом.

— Мести? — переспросил я. — Кому?

— Марсалу, — ответила она.

Я отшатнулся.

— Мужу?

Она наклонила голову.

— Вы поняли верно.

Я спросил с недоумением:

— Но... за что мстить? Он ваш муж, вы окружены почетом... Насколько я успел услышать тут, вы из незнатной семьи, а теперь сам король вас называет невесткой!

Она прямо взглянула мне в глаза и произнесла мертвым голосом:

— Он меня обесчестил.

— Но... простите... как?

Он произнесла:

— Честь моя не отдана была, а... отнята.

Глава 12

Я не мог смотреть ей в глаза, когда она ровным голосом рассказывала о себе, как о другом человеке, что много лет тому назад собиралась выйти замуж за сэра Джона, богатого юношу, которого безумно любила. Но Марсал, что сгорал по ней страстью, подстерг ее и изнасиловал, а потом сказал ее родителям, что всем расскажет, что она не девственница и бегаёт к нему спать за деньги. Но он готов на ней жениться и скрыть ее позор.

Спасая дочь от срама, ее насильно выдали за него. А сэр Джон с горя покинул родные земли и отправился воевать с императором Карлом, да так и сгинул где-то в неизвестности.

Человек сильных страстей, вспомнил я когда-то слышанное. Женщина, видимо, тоже может быть человеком сильных страстей, хоть как-то и непривычно. Все-таки наши требования к женщине сводятся к тому, чтобы щебетала и щебетала, дура такая, да еще чирикала весело и беспечно, мы так отдыхаем под это глупое чириканье, короли эволюции и властелины мира. И если вдруг женщина обнаруживает в

себе то, чем хотим владеть безраздельно сами, смотрим с недоумением, как на говорящую лошадь.

— Я помогу, — произнес я с трудом. — И спасибо.

Она взглянула настороженно.

— За что?

— Что не сдались, — ответил я негромко и опустил взгляд. — Что не смирились. Я тоже, знаете ли, такой же типичный с типичными требованиями... И если не будете напоминать, что женщины — люди и что у вас есть те же права, мы начнем считать вас обезьянами и сами в них превратимся вслед за вами.

Она посмотрела с недоверием.

— Вы... поняли?

— Да, — ответил я. — Не все ваши доводы понимают вообще, а те немногие, что понимают... не принимают, это ж поступиться своими привилегиями!

Я протянул к ней в поклоне руку, она подала свою тыльной стороной вверх. Я бережно взял в ладонь и прикоснулся губами к холодной безжизненной коже, похожей на великолепный мертвый мрамор, дорогой и царственный.

— Спасибо, — произнесла она тихо, — за понимание.

Я остался со склоненной головой, а она прошла мимо, тихо шурша юбками.

Обе фрейлины проследовали следом, ни одна не хихикнула мне и не сделала глазки, ни одна не улыбнулась обещающе, такие же строгие и недоступные, как сама Вирландина Самондская.

После долгой паузы я поднял голову и, развернувшись, смотрел, как они исчезают вдаль широкой аллеи, что ведет к дворцу. Не все благополучно в Варт Генце, как бы здесь ни делали вид, что отныне в королевстве все довольны и счастливы.

От Фальстронга пока никаких вестей, что значит — разговор в его кабинете идет трудный. Как дал понять сэр Клифтон, самые весомые голоса в его совете принадлежат его трем сыновьям. Старший, принц Роднерик, средний,

принц Марсал, и еще младший — принц Эразм. По слухам, он редко бывает во дворце, у него есть свой, хоть и поменьше, но там он хозяин, чем вполне счастлив и ничего менять не хочет. Кроме того, еще несколько членов Совета, традиционно именуемого Тайным, наиболее опытные и умелые советчики и управители, понимающие, как держать королевство в узде.

Сэр Клифтон дважды появлялся в поле зрения, мне показалось, что он обеспокоенно присматривает за мной, не убью ли кого-то, оправдывая свою репутацию человека злого и вспыльчивого.

Когда я его увидел в третий раз, то помахал рукой и крикнул с предельной доброжелательностью:

— Сэр Клифтон! А мне как раз недостает вашего общества.

Он посмотрел озадаченно, тень неудовольствия промелькнула по его лицу, но не сказал ничего, а если и послал меня, то про себя, даже губы не шевельнулись.

— Ваша светлость...

— Сэр Клифтон, — сказал я, — тут я заметил одного уверенного такого красавца, у него свита ой-ой, даже больше, чем у любого из принцев. И кланяются ему... гм, чуть не ниже, чем самому Фальстронгу!

Он слегка напрягся, мне показалось даже, что ему очень захотелось либо уйти, либо перевести разговор на другую тему.

— Ну, — пробормотал он, — не так уж... вы преувеличиваете, сэр Ричард.

— Так кто это?

— Судя по вашему слегка гротескному описанию, — сказал он сдержанно, однако все-таки бросил взгляд по сторонам, — это принц Дуглас.

Я изумился:

— Еще один?

— Сын принца Роднерика, — объяснил он.

— Ага, — сказал я, — внук короля Фальстронга?

— Угадали, — сказал он с легким сарказмом.

— Сколько этой деточке?

— Двадцать пять лет, — ответил он сурово. — Деточкой назвать трудно, не так ли?

— Да, — согласился я, — другие в этом возрасте уже империями командовали.

Он напрягся, сказал с нажимом:

— Не произносите этого больше!

— А что... случилось?

Он снова посмотрел по сторонам и сказал тихо:

— Принц Дуглас пошел в отца... и дальше.

Я тоже посмотрел по сторонам.

— Я буду очень признателен, если посвятите меня в детали. Это в интересах вашего короля, чтобы я не наломал дров и не нанес ему ущерба как незванный гость.

— Хорошо. Но только пусть это знание останется с вами.

— Клянусь.

Сын принца Роднерика, Дуглас, как услышал я дальше, отличается весьма свирепым нравом, не знает удержу в желаниях, он жесток и нетерпелив, постоянно подбивает отца взять власть в королевстве в свои руки и занять трон. У него уже свои сторонники, сперва были только из молодежи, которым хотелось бы поскорее дорваться до отцовских сундуков, затем присоединились и посерьезнее искатели приключений, которым тесно в рамках благополучного Варт Генца.

— Дела... — произнес я озадаченно, когда он закончил и посмотрел на меня почти с отвращением за то, что я знаю теперь неприятные секреты королевской семьи. — Сэр Клифтон, благодарю вас за доверие. Уверяю вас, я помню добро, которое мне делают или оказывают. Как и зло.

Со стороны дворца в нашу сторону бежал, размахивая руками, слуга из дворца.

Увидев, что мы его заметили, перешел на шаг, выпрямляя спину и надевая на лицо выражение достоинства королевского слуги, с трех шагов поклонился.

— Сэр Клифтон... вы можете пригласить гостя Его Величества на аудиенцию.

Клифтон кивнул.

— Передайте, сэр Ричард прибудет немедленно.

Слуга удалился обратно, я сказал мрачно:

— Как хорошо, когда за тебя все решают!

— Разве вы не этого хотели? — спросил сэр Клифтон.

— Этого, — заверил я. — Но побурчать же можно?

Фальстронг был мрачен и выглядел утомленным до чрезвычайности. Такому бы лечь и отоспаться, но я со своим избирательным гуманизмом человека высокой культуры сделал две чашки крепчайшего кофе, одну придвинул по столу к нему.

— Рекомендую, Ваше Величество.

Он с недоверием смотрел, как я в несколько жадных глотков почти осушил свою, осторожно взял, принялся, хотел отставить, но решился попробовать, прислушался к ощущениям, сделал второй медленный глоток.

— Та-ак, — сказал он мрачно, — не зря мне казалось, что у вас есть еще какие-то трюки.

— Ваше Величество, — смиренно ответил я, — мне бы хотелось, чтобы их было больше. И как бы... помощнее. Тогда не стоял бы жалким просителем со шляпой в руках на пороге вашего дома.

Он мелкими глотками отпивал горячий кофе, обжигался, но глаза уже заблестели, а в усталом голосе появились свежие нотки.

— Вы не жалкий, — возразил он. — Человек, у которого в кармане целое королевство на берегу океана, не может быть жалким.

Я вздохнул, допил кофе.

— Ваше Величество... вся сложность в том, что вы, будучи на троне, который вам передал ваш отец, а ему — его

отец, не учитываете, что я... в седле, а не на троне. Разница в том, что я сижу там крепко, пока побеждаю. За мной идут как чистые души, жаждущие дать счастье всем людям на свете, так и обозленная и обездоленная беднота. Им я раздаю земли в захваченных областях и тем самым привязываю к себе. Вы можете потерпеть поражение, можете потерять любые земли, но вы все равно король, и трон останется под вами. Я же могу потерять и Сен-Мари, если там увидят, что у меня можно безнаказанно выдергивать из-под когтей такие обширные области, как Армландия.

Он снова помрачнел, тяжело вздохнул.

— Скажу откровенно, сэр Ричард... разговор у нас в Совете был очень нелегким.

— Сыновья? — спросил я.

Он нахмурился.

— Если бы только...

— Члены Совета?

— Представьте себе, — ответил он все так же хмуро. — Я в меньшинстве. Не только мои сыновья, а я их еще в детстве ввел в Тайный Совет, чтобы учились управлять королевством, но и мои советники против войны с Турнедо.

— Даже... мудрые? — спросил я с расстановкой.

Он понял, кивнул.

— Даже они. Мне кажется, понимают, что я прав, однако теперь все побаиваются моих сыновей. Оба старшие ждут моей смерти, чтобы сесть на трон. Только Эразм, младший, всегда на моей стороне и жаждет, чтобы я оставался на троне вечно. И вообще он меня любит, но Роднерик и Марсал теперь возражают мне на каждом шагу, сколачивают группы при дворе...

— Может быть, — предположил я участливо, — только для борьбы друг с другом?

Он опустил взгляд, пальцы нервно побарабанили по столешнице.

— Да, конечно. Так вот, мне нужны весьма увесистые доводы, чтобы склонить их на свою сторону. Хотя я и король,

но не тиран. Я сперва добиваюсь согласия в Тайном Совете, лишь потом объявляю о своем монаршем повелении...

— Мудро, — сказал я. — Еще кофе?

Не дожидаясь ответа, я сосредоточился, Фальстронг чуть-чуть напрягся, когда перед ним появилась большая чашка с черной жидкостью. Такая же точно возникла передо мной, я взял ее жадно обеими руками и пробормотал:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа... Ох, как хорошо...

Он посмотрел, как я пью, вздохнул и сделал большой глоток, малость обжегся, но взбодрился, сказал с неопределенным чувством:

— Я слышал, вы — паладин... Но это точно дар от церкви, а не от врага рода человеческого?

— Нет-нет, — заверил я, — его самого приходилось угощать...

Он поперхнулся, я засмеялся и заверил, что пошутил, он пробормотал раздраженно:

— Ну и шуточки у вас...

— А что не так? — спросил я невинно. — Церквей я здесь не заметил вообще, священников нет... Что вас так уж смущает в общении с дьяволом?

Он сказал твердо:

— Когда все прятались по лесам и думали только, как бы дожить до рассвета... было не до строительства церквей. И даже тогда, когда Тьма ушла, а нам пришлось отстраивать сперва землянки, чтобы не замерзнуть суровой зимой. А потом спешно распахивали заросшие бурьяном земли, чтобы не помереть с голоду. Вот так и получилось, сэр Ричард, что все еще руки не доходят... но когда-то строить церкви начнем!

— Опасно откладывать на потом, — предостерег я. — Куда не пускают Бога, туда приходит дьявол. Ладно, сейчас и мне как-то не до таких высоких материй, мне бы выжить, а для этого мы всегда готовы и черта в задницу поцеловать... Чем можно склонить чашу весов в нашу сторону?.. Нашу,

если вы на той стороне, что желает обуздать аппетиты Гиллеберда?

Он вздохнул.

— Я повидал больше, чем мои дети. Такие люди, как Гиллеберд, на полдороге не остановятся, это верно. И я знаю, что рано или поздно, вот так усиливаясь за счет более слабых соседей, он обратит алчный взор и на Варт Генц... И чем сильнее будет становиться, тем проще и быстрее будет проглатывать соседей, расширяя владения. Когда-то так начинал и король Карл в своем крохотном королевстве! Но умело воспользовался сварам соседей, подчинил, жестоко вырезал знать и насадил своих людей, затем начал стремительно захватывать все новые и новые земли...

Я сказал осторожно:

— Здесь он прошел, но... как бы... не остался. Его власти я что-то не вижу.

Он сказал нехотя:

— Завоевать легче, чем удержать. Весть от его самых дальних рубежей доходит до него через полгода, какая уж тут единая власть! Только и память о беспощадном завоевателе, что провел непобедимые войска и где-то на севере остановился... Или его остановили, говорят по-разному. Сэр Ричард, у меня у вас есть не совсем обычное предложение. Можете рассматривать как просьбу, но ее выполнение даже больше в ваших интересах, чем в моих.

— Слушаю, Ваше Величество.

Он проговорил медленно, подбирая слова:

— Поверьте, я высоко ценю вас и никогда бы не решился вам предложить такое...

— Да, Ваше Величество?

— ...но, учитывая все те мрачные, а порой и просто невероятные слухи, что сопровождают вас, я вот решаюсь... Еще раз поверьте, если вам удастся все выполнить, то ваша репутация сильно укрепитя. И мне проще будет доказывать, что вам нужно помочь...

— Ваше Величество, слушаю со всем вниманием!

Он вздохнул и сказал невесело:

— Пока буду убеждать своих сыновей и лордов, что нам нужно вступить в войну, постарайтесь освободить нас от терьярдера.

— Терьярдера? Впервые слышу.

— А нам приходится слышать часто, — ответил он. — Даже поговорки бытуют: «А чтоб тебя взял терьярдер!», «Чтоб тебя сожрал сам терьярдер...»

— Какой-то зверь?

Он вздохнул.

— Был бы каким-то, одна-две бригады охотников бы справилась. Пусть три.

— Значит, он не зверь?

Фальстронг сказал устало:

— Зверь, зверь... но не какой-то. Он уже двести лет как жрет наших людей. И добро бы где-то в дальней деревне. Там пусть, народу у меня много, но он появляется только в королевском дворце!.. Понимаете, это не только страшно, это... это оскорбительно!

Глава 13

Я слушал уже иначе, Фальстронг рассказывает и на глазах съезживается, теряет королевскую спесь. Если какой-то зверь, пусть даже не какой-то, появляется во дворце и кого-то жрет, для короля это прежде всего унижительно и грозит потерей короны...

— И как справляетесь? — спросил я. — Все-таки двести лет...

Он сказал угрюмо:

— Сперва высчитали, что он появляется только дважды в год, строго в определенное время. Потом еще через десяток лет определили, откуда вылезает... В общем, после

многих попыток его убить, когда погибала вся дворцовая охрана, приспособились скормливать ему осужденных на смерть...

Он посмотрел на меня искоса. Я кивнул и сказал с одобрением:

— Это лучше, чем приносить в жертву девственниц.

Он сказал, чуть приободрившись:

— Девственниц тоже приносили, но это я отменил, когда занял престол. Я предположил, что зверю все равно, кого жрать. Однажды на его пути оставил троих связанных грабителей, их взяли в момент грабежа. Признаюсь, я здорово трусил и, только вам скажу, там немножко дальше привязали и девственницу... на тот случай, если вдруг терьярдер не восхочет жрать вонючих преступников.

Он снова зыркнул на меня, любой рыцарь должен возмутиться, так и случилось: рыцарь во мне вскипел, но политик кивнул и сказал с одобрением:

— Разумная предусмотрительность. Этот терьярдер в поисках девственницы мог бы перебить и передавить кучу народу во дворце.

— Вот-вот, — сказал он уже бодрее. — Но получилось так, как я и рассчитывал! Терьярдер растерзал двух и сожрал на месте, а третьего не тронул. Правда, я велел его тут же удавить, чтобы не проболтался.

Я сказал с пониманием:

— И теперь, как я понимаю, зверю скормливаете преступников, а девственницы... все так же поступают во дворец?

Он отвел взгляд.

— Да... но всего две в год. Им находится работа во дворце. Молодые, неразвращенные, работающие... Хотя сейчас, когда мне уже пора подумывать, как буду держать ответ на Страшном Суде, я бы предпочел объявить, что терьярдер повержен, и девственниц во дворец можно больше не присылать. Так что это еще и благородное деяние. Хотя, конечно, если придется вести войска на Турнедо, я просто хотел бы оставить дворец в... спокойном состоянии.

- Когда терьярдер должен появиться?
- Через две недели.
- Мы уже будем в Турнедо...
- Вот-вот. Боюсь, без меня не сумеют все сделать верно.

Все-таки его страшатся все, даже самые отважные из стражи. Вдруг что-то пойдет не так, вырвется на поверхность и начнет рушить дворец?

Я вздохнул.

— Хорошо. Давайте все о терьярдере. Его класс, вид, порода, привычки... Еще размер, конечно, примерный вес, чем вооружен и как защищен...

Вечером ко мне в покои привели дряхлого старца, глухого и подслеповатого, королевского библиотекаря, по совместительству еще и ученого-алхимика. Как объяснили, он знает о терьярдере больше, чем сам Фальстронг. Этот чудовищный зверь обитает в недрах земли, но как и чем питается — непонятно, но дважды в год в одно и то же время поднимается на поверхность и рыщет в поисках человеческой крови. Животных убивает тоже, но успокаивается и уходит обратно, когда сжирает одного-двух людей.

Убить его невозможно. Пытались и мечами, и топорами, и копьями, строили ловушки, западни и капканы. Все алхимики перепробовали на нем свое умение, маги использовали разные заклинания, но в конце концов пришли к мнению, что терьярдер настолько древен, что современные заклинания и амулеты на него вообще не действуют.

О его древности говорит еще и то, что больше о таких никто не слышал, не видел, и даже в древних книгах нет о них информации.

— Обнадеживающие сведения, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал, а сам я выглядел бодро, как на параде. — Это хорошо!

Сэр Клифтон пробормотал:

— Хорошего-то что?

— Нет ложных сведений, — объяснил я, — неверных выводов, глупых предложений, опасных идей... Да и вообще... вся слава будет моей, ни с кем делиться не придется! Разве это не важно?

Он с сомнением посмотрел в мое вдохновенно глупое лицо.

— Да, сэр... как скажете, ваша светлость... Героям, так сказать, виднее в таких... гм... героических свершениях... Что-нибудь от нас потребуется?

— Омниа меа мэкум порто, — сказал я гордо. — Что значит, все мое ношу с собой.

Он покачал головой, мне показалось, что он может подумать совсем не то, ведь люди все такие одинаковые, это я один такой разный, но сказал поучающе:

— В смысле, меч ношу!.. Показывайте дорогу, по которой этот самый терьярдер возомнил пойти. Я как бы встречным курсом на вроде бы столкновение с приключениями... а терьярдер пусть лоб в лоб с пугающей реальностью в моем лице.

Он смотрел на меня опасно, не зная, как истолковывать мои мудрые слова.

— Вы бы все-таки... Эх, ладно, чего это я лезу с глупыми советами! Герои знают, что делать.

Я сказал мудро:

— Если бы знали, дома бы сидели. Но ведет нас не знание, а отвага и честь в душе и сердце!..

В дверь заглянули, сэр Клифтон оглянулся.

— Хорошо, это Джек и Жак. Они покажут вам дорогу.

Я поманил их пальцем, оба вошли насупленные, чуточку испуганные, а все-таки придется не прятаться от чудовища, а идти навстречу.

— Не будем тянуть, — велел я. — Ведите! Надо бы успеть вернуться к обеду. Что у вас будет на первое, сэр Клифтон? И на салат?

Он вздрогнул, с трудом выдавил бледную улыбку.

— Что закажете, то и будет, уверяю вас всеми фибрами души...

— Неужто правда?

— Когда возвращается герой, — заверил он без намека на улыбку, — весь мир у его ног.

— Я не капризный, — сказал я, — и не хотел бы вот так прямо кичиться своей замечательностью. Как-нибудь бы сбоку или из-за угла, это как бы и ничего, а прямо вот так я весьма застенчив и стеснителен, как и подобает великому герою. Потому ничего особенного не готовьте, я все равно как свинья в этих изысках, мне лишь бы за что потолще взяться обеими руками, да чтоб хорошо прожаренное... Эй, парни! Дорогу еще не забыли?

Оба поклонились, тот, который Жак, сказал сдавленным голосом:

— Такое не забудешь.

— Тогда в путь, — сказал я. — Отправляюсь вот прямо шас.

Сэр Клифтон спросил робко:

— Как собираетесь с ним управиться?

— Еще не знаю, — ответил я честно.

— А когда узнаете?

— Вообще не знаю, — поправил себя я. — Но мне это нужно еще больше, чем вам, вы как-то уже приловчились уживаться, откупаясь малой кровью. Но если от этого зависит, вступит Ваше Величество и ваше королевство в наш союз или нет, то что мне остается делать?

Он отвел взгляд в сторону.

— Поверьте, — буркнул он нехотя, — я предпочел бы обойтись без таких мер. Но если справитесь, это повысит ваш статус. А Его Величеству легче будет убеждать Тайный Совет выступить на вашей стороне.

— Понимаю. Я постараюсь сделать все, что смогу.

— Я тоже. Обещаю.

Я пошел к двери, парни двинулись за мной, хотя, вообще-то, должны идти впереди. Правда, оба сопели сзади и подсказывали, куда сворачивать, воспитанные, значит, не

хотят обгонять лорда, не принято, как удобно бывает знать правила приличия...

Спускались сперва по ступенькам, ничего особенного, у каждого замка и дворца есть подвалы, довольно ровно отесанные стены и ровный пол, по которому хорошо катить бочки с вином или носить муку в мешках, не рискуя столкнуться о выступ и упасть, рассыпав драгоценное содержимое...

Затем вместо ступеней пошли широкие трещины, ведущие в пещеры, а оттуда в провалы ниже и ниже. Мои спутники начали замедлять шаг, наконец тот, который Джек, не хотя остановился.

— Дальше только по этой дороге, — сказал он. — Вон следы когтей на камнях, видите?

— Хорошие коготки, — согласился я. — Заметные.

— Дальше еще отчетливее, — сообщил он виноватым голосом. — Не разминетесь.

Второй, который Жак, сказал торопливо:

— Это наверху могли затоптать, а здесь вот они... Так вот по ним и придете...

— Такие затоптать трудно, — сказал я, — как будто не по камню шел, а по куску сыра... Любопытный экземпляр. Ладно, ребята, возвращайтесь. У вас, поди, семьи, хоть вы и молодые такие...

Они застеснялись, но послушно остановились и смотрели, как я иду вниз по расщелине. Я обернулся, помахал им и убедился, что они отправились обратно.

Я спускался и все думал, что планета в самом деле расширяется, но при расширении образуются вот такие исполнинские пещеры, а будут еще больше... пока земная кора не провалится под собственной тяжестью. И пусть это случится через миллионы лет, но я уже вижу, как это будет, и по спине ползет предостерегающий холодок, а в мозгу всплывает дурацкая мысль, как бы спасти все человечество...

Время от времени я останавливался и прислушивался, вдруг терьердер уже на встречном курсе, но тишина здесь та-

кая, что пролети мимо муха, она оглушила бы звоном своих огромных слюдяных крыльев и диким ревом.

В очередной раз, постояв на месте, я уже хотел было идти дальше, как в самом деле услышал шорох. Но не впереди, как ожидал, а сзади, куда ушли Джек и Жак... видимо, совесть их загрызла, решили догнать меня, чтобы вместе, как мужчины, плечом к плечу...

Чуть было не закричал, что я здесь, но битый жизнью и демократическим устройством общества инстинкт подсказал, что в развитом социуме благоразумнее помолчать, не в лесу же, потому я затих и начал прислушиваться.

Голоса стали ближе, наконец различил отдельные слова, а затем и фразы:

- ...зачем я новые сапоги надел?
- А что с ними?
- Стоптал на этих кривых спусках...
- Ничего, наш господин тебе новые купит, если принесем ему голову этого наглеца...
- А если терьярдер его сожрет целиком?
- Ну хоть тряпки какие-то останутся?
- Надеюсь, хоть сапоги выплюнет. Или пояс, у него он вроде железный...
- Раньше не выплевывал...

Из-за выступа показался багровый свет факела, мелькнули уродливые тени. Наконец появились двое в добротных кожаных доспехах, арбалеты в руках, на поясах короткие мечи.

Сзади послышался оклик, оба остановились и настороженно всматривались в темноту. Подошел еще один, без факела, ухватил болтающийся на шее поблескивающий камешек и, зажав в ладони, закрыл глаза.

По мере того как он прислушивался, я чувствовал холодок тревоги все отчетливее. Он не успел поднять веки, как я торопливо приподнялся и, пригибаясь за камнями, пробежал до следующей расщелины.

Со стороны преследователей донесся уверенный голос:

— Амулет говорит, что он где-то совсем рядом... Двигается...

Я поспешно нырнул за каменный край и торопливо начал слезать вниз, цепляясь за те же выступы, на которых так отчетливо видны следы когтей.

Издали донесся сильный властный голос, показавшийся мне знакомым:

— Будьте осторожны!.. Он опасен.

Подобострастный голос ответил быстро:

— Ваше высочество, мы всегда наготове, не сомневайтесь!

Ваше высочество, мелькнуло у меня ошарашенно. По моему следу идет кто-то из принцев, по голосу вроде бы Роднерик, хотя и Марсал общается так же уверенно и властно, что же им надо, я и так, как загнанный зверь, хорохорюсь и гордо вздымаю гребень по всей спине от затылка до кончика хвоста, и никто не видит, как на самом деле страшно и одиноко...

Перебегая от выступа к выступу, я начал пробираться по-дальше, спустился ниже, но в какой-то момент то ли потерял бдительность, то ли меня заметили, но на расстоянии ладони от лица камень брызнул мелкими осколками, а стальной болт срикошетил с визгом и пропал в темноте.

Я вскрикнул:

— Эй, кто стреляет? Я человек!

Из темноты послышался насмешливый хохот:

— Да уж не терьярдер, видим...

— Ха-ха, он человек!.. А кто тогда мы?

Я пригнулся и отбежал дальше, оттуда крикнул:

— Зачем стреляете?

Голос ответил гулко:

— А вот восхотелось!.. Га-га-га!...

К говорившему подошли двое с факелами, но я и без них видел крепкого воина, привыкшего командовать небольшими группами, бесцеремонного и грубого, с жестоким лицом и круглыми глазами, как у большой хищной птицы.

Он прокричал повелительно:

— Эй, ты что остановился?.. Топай вниз!

Я крикнул настороженно:

— А вам какое дело?

Он расхохотался.

— Еще не понял? Что за дурак...

— Что я должен понять?

— Ты пообещал отыскать терьярдера? — крикнул он.

— Да.

— Вот и прекрасно, — прокричал он. — А мы проследим, чтобы ты... отыскал!

Я крикнул:

— Не доверяете? Я в самом деле отыщу. И постараюсь убить.

— Вот и хорошо, — крикнул он жестоко. — Хотя убьешь терьярдера или нет, мы все равно тебя убьем... га-га-га!

— Вас кто послал? — крикнул я. — Не король же?.. Я угадал?

Он крикнул грубо:

— Хватит отдыхать! Топай дальше, иначе просто пристрелим и оставим тебя терьярдеру на корм.

Я крикнул:

— Но тогда его придется убивать вам!

Он прокричал злорадно:

— Зачем? Нам важно, чтоб ты не вернулся. А кто из вас там друг друга убьет, нам без разницы.

Глава 14

На обрыве высотой в три моих роста появились арбалетчики и аккуратно взяли меня на прицел. Я перестал двигаться, стальные болты пронизут с такого расстояния, как лист дерева. Двое целятся в грудь, а один нечаянно или намеренно держит на прицеле мою переносицу, словно хочет проверить, насколько же рыцари твердолобые.

Через несколько мгновений там же на обрыве появился человек в черном плаще, лицо открыто, я сразу узнал принца Дугласа, сына Роднерика.

Он наклонился и всматривался в меня с мстительным наслаждением на жестоком лице.

— Что, — спросил он насмешливо, — попался, дурак?

— Похоже на то, — отчаянным голосом ответил я, — но я что-то не понимаю... Зачем это вам?

Он захохотал:

— Ты в самом деле так и не понял?.. Ну конечно, куда тебе, тупоголовому... Гиллеберд потому и не терпит поражений, что всегда подстраховывается. У него, как у хитрой лисы, не меньше трех-четырёх выходов из любой норы! Ты ему сказал, что прибудешь в Варт Генц, чтобы поуготоваривать Фальстронга прийти на помощь, но стараться особенно не будешь, так как Армландия тебе не нужна. Верно?

Я пробормотал:

— Слово в слово...

Он грубо захохотал:

— Гиллеберд на всякий случай сообщил моему отцу, принцу Роднерику, о твоих планах. У нас с ним, Гиллебердом, как бы сказать, хорошее такое сотрудничество, хотя и тайное... Он поддерживает моего отца в желании занять трон... побыстрее. Мне кажется, ты все-таки чересчур жарко уговаривал моего деда оказать тебе помощь, не так ли? В общем, у моего отца и его братьев была идея просто выпроводить тебя, тогда ты бы остался целым...

— И что мешает сейчас?

Он сказал зло:

— Ты мне очень не понравился, понял? И потому умрешь. Здесь.

Я сказал сдавленным голосом:

— Ты хочешь убить деда и занять его трон, я уже понял. Но если даже так... почему бы тебе самому не прийти мне

потом на помощь и не ударить по Гиллеберду? Ты же воин! Тебе хочется воевать! И мы бы разделили Турнедо!

Он презрительно искривил губы.

— Я отважен и силен, но разве это значит, что дурак? Дурак — ты у нас, ваша светлость! С Гиллебердом никто не может тягаться. У него самая крупная и хорошо обученная армия, а у нас с одной стороны Скарлянды, с другой — Гиксия. Куда более легкая добыча. Тем более, что на трон Скарляндии я имею права как правнук Улангорна Скачущего, который одно время был королем Варт Генца и Скарляндии... И я стану королем! А ты — едой для терьярдера... Копья!

Справа и слева из темноты вышли по двое воинов с копьями в руках и медленно двинулись на меня, выставив острые жала. Я торопливо отступил на шаг, но дальше бездонная пропасть, откуда несет жаром.

— Зачем? — крикнул я. — Терьярдер и так меня сожрет. Позволь мне идти дальше по его следам!

Роднерик захохотал:

— Гиллеберд научил меня подстраховываться везде, где только можно! Ты попадешь к нему, обещаю. Но по самой прямой... ха-ха!.. и короткой дороге.

Я на всякий случай уточнил:

— Эта вот пропасть за моей спиной и есть та дорога?

Он сказал со смехом:

— А зачем тебе часами кружить, спускаться по стене?.. Все равно конец один. А так р-р-раз, и на месте. Уверяю, когда терьярдер наткнется на твой труп, он будет еще совсем теплым.

— Ты так меня боишься? — крикнул я.

Он захохотал еще громче.

— Тебя? Ты посмотри на себя! Просто я не даю тебе не малейшего шанса, как этому учит Гиллеберд. Я будущий король, а не дурак... Сбросьте это ничтожество туда, где ему место!

Копейщики послушно сделали шаг, острые наконечники уперлись в мою грудь. За спиной черная бездна, отступить нельзя, но острия ужалили в грудь и живот, я отшатнулся, спина затрещала в диком усилии удержать равновесие, я замахал руками и ощутил, что падаю, а вслед прозвучал злорад- ный хохот Дугласа, внука Фальстронга.

В темноте я попытался превратиться в птеродактиля, все равно погибать, не получалось, дважды с такой силой ударило на выступах, что трещали кости, во рту солоно от крови, потом снова рядом пронеслась стена, глаза уже при- норавлились...

...и тут снизу ринулось каменное дно. Удар, хряск и хруст, дикая боль пронзила все тело, меня расплющило, как медузу, так мне показалось, кровь брызнула изо рта струей.

Я охнул и потерял сознание.

Голова тяжелая, как чугун, мыслей нет, только одна, даже не мысль, а так: вроде бы существую, раз вот так, но существовать — это еще не жить...

Все тело мое страшилось пошевелиться, вдруг не так срослось, буду уродом, только прислушивался к шуму крови на перекатах суставов, там стоит рев, как на порогах, а в ко- стях что-то еще пощелкивает и словно бы сдвигается...

В темноте слышались шаги, я замер, прислушиваясь, запаховое зрение нехотя нарисовало расплывающийся образ очень невысокого человека с непропорционально крупной головой и широкими плечами. Вообще, туловище странно коротковато, даже для меня, лежачего.

Он подходил безбоязненно, следом прошаркали еще шаги. Второй — такой же, широкий и то ли неуклюжий, то ли очень неспешный в движениях.

— Ишь ты, — произнес он грубым голосом, — здорово его потрепало. Давно такого не видел.

— Давно дураки сюда не падали, — уточнил второй, го- лос его показался мне еще шершавее.

— А крови, — заметил первый, — крови... даже кровищи! Но это животное в одном куске, крепкое оказалось.

— А нам не все равно?

— Не все! — отрезал первый авторитетнее. — Оттаскивать проще.

Я сказал слабым голосом:

— Куда оттаскивать. Куда оттаскивать?... Только прилег вздремнуть, как берут и тащат... Хотя бы за стол или куда?

Оба гнома ошалели, даже попятились, а под каменным навесом, укрывшим их, как тяжелым каменным козырьком, застыли в темноте и смотрели на меня с распахнутыми ртами.

— Оно, — проговорил один дрожащим голосом, — что-то... шелестит?

— Ага, — ответил второй почти шепотом, — как бы это не того бы... Это же не потому, что явится некто с Травяным Мечом...

В голове у меня чуть прояснилось, я сказал уже чуть бодрее:

— Травяной Меч у меня в замке, с чего бы я его таскал, как дурак, когда и без меча красавец, и вообще?... Как-то вы не совсем чего-то недопонимаете!..

Гномы долго рассматривали меня со злобной настороженностью, а я тихохонько сел, стараясь не показывать виду, что в ужасе прислушиваюсь, где и в каких местах застряли мои кости.

Послышались еще шаги, к этим двум прибавилась еще целая группа. Долго совещались, наконец вперед выступил один с хозяйскими манерами, морда кирпичом, а борода совковой лопатой для снега.

Он уставился в меня злыми глазками из щели между нависшими бровями и высокими скулами.

— Ты кто?

— Друг, — ответил я как можно теплее, в могучих жилистых руках гномов виднеются тяжелые молоты, а кое у кого и острые копыя. — Весьма друг!

Гном возразил резонно:

— К нам друзья сверху не падают.

— Неужто только снизу? — удивился я. — Ну вы и живете... Надо же!

Гном сказал сварливо:

— Ты нам зубы не заговаривай. Наши видели, как тебя спихнули там наверху.

— Здорово было? — спросил я понимающе.

Он сказал зло:

— Как ты вот только не разшмякился весь, тут надо думать...

Я отмахнулся.

— Да я и сам собирался скакнуть, чтоб дорогу сократить, да те гады меня подтолкнули. Плохие люди, как вы сами видите! А я хороший и даже замечательный! Мой лучший друг — гном Атарк вам это подтвердит. Он великий вождь!

Они переглянулись, старший гном кивнул одному, тот сразу исчез, остальные продолжали меня рассматривать с хмурой враждебностью.

— Меня зовут Урант, — сказал старший гном. — Теперь ответствуй без лжи и коварства, так свойственного людям: с чего это Атарк стал бы с тобой общаться?

Я ответил с достоинством:

— Потому что умные и хорошие люди всегда найдут о чем поговорить, разве не ясно? И даже создать совместное предприятие для подъема экономики и процветания. А еще для новых рабочих мест, а то многие совсем обнаглели, на пособия живут целыми семьями, представляете? Да вам это, может быть, и незнакомо, вы же народ честный, трудолюбивый, заправливый, домовитый, работающий, замечательный, исполненный всяческих достоинств, настоящие короли подземелий... Атарк понимал необходимость всемерного сотрудничества, мы с ним помогали друг другу справляться с экономическими кризисами и его последствиями.

Гном поморщился, словно ему плюнули в лицо.

— Совместное?.. Помогали?.. Такой чуши еще не слышал!

— А какую слышали? — любопытствовал я. — Вообще-то, что в погребке услышишь... Атарк и другие повыше вас во всех отношениях... ну, выходят наверх часто, значит — развитые, не отсталые...

— Это мы отсталые?

— Только в пустяках, — сказал я быстро. — Вроде взаимоотношений между народами, расами, видами и надклассами. Зато в самом главном — ковке мечей и доспехов вам нет равных!

Жестокость на их грубых лицах вроде бы чуть уменьшилась, Урант буркнул:

— Не только в мечах и доспехах...

— Про драгоценности я вообще молчу, — заверил я. — Все знают, что именно гномы умеют добывать самые изысканные алмазы и превращать их в бриллианты, у вас есть целые пещеры, полные сапфиров, топазов, опалов и прочей неопишуемой красоты! Гномы — самые богатые могущественные существа во вселенной! Они не просто короли, а императоры подземных пещер, гротов и всяческих каверн! Гномам — ура!

В разных концах пещеры раздалось это «ура» мощными басистыми голосами.

Урант повернулся и посмотрел грозно, голоса смущенно умолкли.

— Но ты сам почему здесь?

— Наверху стало скучно, — объяснил я. — Там все такие занудные, правильные! Ну прям как эльфы... А вот вы — настоящие, на вас мир держится, как на атлантах. Недаром же вас вон как сплющило. И я решил: а не сходить ли мне к гномам? Кто к бабам, кто... не к бабам, а я вот к вам, настоящим, на кого нужно равняться молодежи! Я давно понял, что только к гномам, без них и жить не стоит! А так как я

человек простой, бесхитростный, долго не раздумываю, я же мужчина, то взял и пошел, пошел, пошел...

Урант фыркнул:

— Ты хоть понял, где ты?

— У вас в гостях, — ответил я бодро. — Что пить будем?

— Что принес, — ответил Урант с тяжелым сарказмом. —

У нас так!

— Знаю, — сказал я, не задумываясь. — Вы не жадные, вы запасливые. Где у вас стол?

Глава 15

Зеленым гномы, похоже, брезгают, зато жареного мяса на столе из широких каменных плит — целые горы. В стены большой пещеры вделаны небольшие светильники, хотя, как мне показалось, для гномов это больше украшение, чем необходимость.

Я чувствовал зверский голод, регенерация отнимает слишком много энергии, потому не стал спрашивать, что за мясо, пусть даже подземные черви, человек не свинья — все съест, просто наполнил кубки своим вином и первым ухватил самый большой кус.

Они смотрели с сомнением, как я жру, переглядывались, потом один гном отхлебнул колдовского вина, другой, на забородатенных мордах проступило выражение задумчивого удовольствия.

Урант не пил, смотрел с подозрением.

— И чем ты их угостил?

— Да так, — сказал я скромно, — по мелочи, это же ваши подданные? А вот вам лично... настоящий напиток королей!

Он взял кубок, принялся, рыжие брови приподнялись, потом взглянул на своих соратников.

— Если там отравы, — сказал он грозно, — убейте его.

И выпил мощным залпом содержимое всего кубка раньше, чем я успел вякнуть, что надо неспешно, а то...

Лицо его побагровело, глаза полезли на лоб. Он ухватился за горло и начал задыхаться.

Один из гномов закричал:

— Вождя отравили!

— Лазутчик, — закричал другой, — его подлые эльфы подослали!

Меня мощно ухватили сзади за руки, гномы — существа крепкие, все как из дерева, я начал лепетать, что это не совсем отравы, наконец Урант сумел продохнуть огненный ком в глотку, просипел, как ветер в трубе:

— Что за вино... до печенок подрало...

— Королевское! — пикнул я. — Даже императорское!..

— То-то не встречал, — сказал он все еще хриплым голосом. — Да, это как раз то, что мы, гномы, можем почувствовать как следует...

Меня отпустили, смотрели на него в ожидании приказов. Он небрежным мановением разрешил всем вернуться за стол.

— Еще? — спросил я.

— Если магия позволяет, — ответил он. — А то у вас, как я слышал, ограничения строгие...

— Это верно, — поддакнул я, — но пока еще могу в пределах отпущенного лимита.

Он внимательно наблюдал, как в кубке поднимается прозрачная жидкость, совсем не похожая на красное вино.

— А это что? То было другого цвета...

— Это еще крепче, — сообщил я. — Можете угостить друзей. Понемножку. Только это и должно быть напитком гордых гномов!

Он сделал глоток, уже готовый к тому, что обожжет рот и пищевод, но не готовый, что на этот раз все в самом деле крепче. Кубки гномов я наполнять до конца не стал, хватит и по глотку, все-таки чистый спирт, но с другой стороны — его делать проще, чем многокомпонентное вино или даже ром.

После того как морды раскраснелись, речи пошли бессвязнее, а манеры еще проще, Урант поинтересовался:

— И что тебя сюда привело на самом деле?

— Любопытство, — ответил я серьезно. — Наверху все только и говорят о каком-то терьярдере. Вот я и решил посмотреть, как тут и чего. А теперь вот еще думаю, а как вы с ним уживаетесь?

Он кисло поморщился.

— Мы отгородились... где заклитиями, где стеной, где пропастью. Конечно, он мог бы, да, но ему проще подняться наверх, где вы все ползаете толстенные, мягенькие, жирненькие... и очень глупые.

— Это да, — согласился я, — с другой стороны, не всем же быть гномами? Тогда вы просто не знали бы, что вы лучше других! Но мне самому этот терьярдер абсолютно не нужен, просто интересно, я же охотник и всяких зверей видел, но чтоб так боялись кого-то... прям до свинячьего визгу! А он в самом деле такой страшный?

Урант пробурчал неохотно:

— Даже мы не можем с ним справиться.

— А пытались?

— Много раз.

— И как?

— Как видишь, — буркнул он еще неохотнее, — он не может попасть к нам, мы не заходим на его земли. Вот так и живем.

Я подумал, сказал с пьяным добродушием:

— Вы такой замечательный народ, мне у вас так хорошо, что я даже не знаю, как бы я хотел вам помочь, чтобы вы везде ходили свободно, и чтоб никакая подземная тварь не мешала вам быть хозяевами подземелий, пещер и всяких каверн!

Он кивнул.

— Спасибо. Но терьярдера ничем нельзя убить.

— Гм, — сказал я. — Может быть, как-нибудь вместе что-то придумаем? Мы же с Атарком такие дела творили!.. Ни люди, ни гномы, ни тем более глупые эльфы не могли бы

на такое и решиться в отдельности. Я вот тоже, можно сказать, чистый и вылитый гном, только другой породы, расы и вида. Потому мы найдем общий язык, нам только бы отыскать его уязвимые места... И не будь я гномом, мы его остановим! Если придумаем, как это сделать и совершить.

Гномы еще не перепились, но морды из красных стали багровыми, голоса звучали все громче, а жестикуляция стала и вовсе непристойной. Я разговаривал с Урантом, но успевал прислушиваться к общему разговору, вылавливая важные крупницы, умный учится везде, а кто не хочет умереть от жажды — пьет из всех стаканов.

— Знаешь, — сказал вдруг Урант, — если бы не жаль твоего императорского вина...

— Назовем его гномьим, — предложил я. — Только гномы пьют и не морщатся, а императоры потребляют по капельке!

Они выглядели польщенными, хотя, конечно, еще как морщились, некоторых вообще плющило, но держатся и бодро смотрят боевыми хомьяками.

Урант сказал со вздохом:

— Однажды мы пробовали выставить у него по дороге корыто с вином! Скотина вылакал все и пошел дальше, как ни в чем не бывало. Столько добра пропало... Думаешь, гномам легко вино добывать?

Я спросил быстро:

— Думаешь, может опьянеть, если ему в корыто налить импера... гномьего вина?

Он кивнул, но в голосе звучало острое сожаление:

— Да, может, и опьянеет... Но это же сколько вина пропадет!

Я сказал твердо:

— Знаю. Я не смогу его делать потом целый год, а то и два. Но разве это не стоит того, чтобы освободить ваш... наш народ от чудовища? Я как истый гном готов пожертвовать запасами своей драгоценнейшей магии, чтобы остановить

это исчадие! И сделать наш великий народ свободным и независимым ради процветания и прогресса во имя мира и демократии!

Урант смотрел с великим почтением, кто-то за моей спиной:

— Это будет великая... даже величайшая жертва... не пить это вино целый год!

— А то и два, — уточнил Урант с ужасом в голосе.

Гномы смотрели на меня молча, понимая торжественность момента. Я произнес слегка дрожащим от переполняющего меня высокого волнения голосом:

— Что мы ни сделаем ради нашего подземного отечества! Все мы совершим ради его славы, процветания и повышения добываемости драгоценных камней в породах девона и мезозоя. И пусть этот великий дар драгоценнейшего вина будет моим сердцем Данко, но остановить терьердера мы должны любой ценой!.. Несите корыто!

Когда притащили корыто, из которого тот гад в прошлый раз вылакал все вино, а потом отправился дальше как ни в чем не бывало, я засомневался, смогу ли его наполнить. Хотя моя мощь и растет, но когда творю вот такое, то теряю силы, меня морозит, как при сильнейшей простуде, а еще Логирд сказал, что чем больше таким вот пользуюсь, тем быстрее сползаю во Тьму.

— А где поставите? — спросил я.

Урант указал взглядом в темную бездну.

— Там есть тропка, по которой он ходит всегда.

— Других нет или просто любимая?

— Других нет, — пояснил он. — Там вообще нужно по узкому карнизу над самой бездной.

— Я пройду?

— Он же проходит...

— А спихнуть этого гада?

— Ну да, будто не пытались! Всякий раз находят умники, что доказывают, что мы не так делали...

— Я не доказываю, — сказал я поспешно.

Несколько гномов деловито принесли на плечах толстые мотки неких странных веревок, похожих на чудовищную леску, толщиной с большой палец ноги, не меньше.

За ними тяжело топало еще с десятков гномов, они, как бурлаки, тащили такие же бесконечные нити.

Я кивнул в их сторону.

— Это что?

Урант понял правильно, сказал важно:

— Вербки из священной арахниды.

Я переспросил, не веря своим ушам:

— Из паутины?

Он взглянул на меня остро.

— Знаешь?

— Немного, — пробормотал я, — тоненькая ниточка в сто раз прочнее стальной... А эти, гм, боюсь и представить...

Он сказал важно:

— Такими, судя по легендам, был связан сам Фенрир, самое страшное чудовище на свете. Так что если только терьярдер опьянеет...

— А не проще сразу убить?

— Мы не знаем, как это сделать.

— Тогда... столкнуть в такую яму, откуда точно не выберется до скончания мира.

Он кивнул.

— Да, такие предложения были. Но есть идея получше. Если свяжем, сумеем приспособить, мы хозяйственные, сам понимаешь... Смотри, правильно готовят сеть?

Многие были готовы оставить пир и двинуться на страшный бой с терьярдером. Во всяком случае, об этом говорили громко и уверенно, но когда Урант сказал, что ему достаточно всего четверых, большинство тут же с довольным урчанием повернулось к богато накрытому столу и ухватилось за кубки с вином.

Добровольцев пришлось назначать, а они еще и делали вид, что ну вот ничего не слышат.

В детстве я видел растрескавшийся на солнце старый кирпич, муравьи бодро сновали по нему, сокращая дорогу, так вот сейчас я чувствовал себя таким же муравьем, что пробирается по трещинам в земной тверди все ниже и ниже.

Земля продолжает расширяться, подземные пустоты становятся все огромнее. Через какие-нибудь пару миллионов лет земная кора начнет проваливаться под собственным весом, как крыша, которую перестали поддерживать снизу, но пока идем по этим ущельям, я не вижу свода, а трещина узким клином уходит в немыслимую глубину. Догадываюсь, что до того момента, когда стены соприкоснутся, спускаться пришлось бы очень долго, сейчас противоположную стену едва вижу даже со своим зрением.

Далеко и страшно внизу, на самом дне этой ужасающей пустоты в земной коре течет по иссиня-черной земле, недобро поблескивающей острыми иглами, извилистая огненная змея, настолько гигантская, что даже я сразу узнал реку из лавы, раскаленной и потому легкой настолько, что вода рядом покажется густым клеем.

Впереди возник зеленый с рыжим свет, лицо Уранта стало пугающе незнакомым. Я охнул, он оглянулся в недоумении.

— Ты чего вдруг?

— Откуда этот свет? — спросил я.

Он изумился.

— Ты его видишь?

— А ты?

Он негодуя фыркнул.

— Я гном! Я тут все вижу. Но если и ты видишь, то... может, и не врешь, что ты тоже гном, только урод какой-то неудавшийся.

Он некоторое время шел молча, потом вздохнул.

— Тут придется свернуть...

Я видел, что сворачивать придется поневоле, хотя дорога впереди чистая, и спросил:

— Дальше тупик?

— Нет, — ответил он злобно, — но там живет эритарея. Эта сволочь почему-то всегда там ложится отдыхать!.. Только на ночь проход открывается.

Я удивился, что у гномов существует понятие дня и ночи, только непонятно, что под этим понимают, но смолчал, не мое дело — метеорология, Урант пролез в тесную щель, долго мы шли, задевая стены обеими руками, даже я понял, что идем в обход, затем снова вышли на простор, где противоположная стена теряется в серо-желтом тумане.

За спинами тяжело сопит, то догоняя нас, то сильно отставая, четверка крепкоплечих гномов с веревками и огромным корытом из невероятно прочного камня, даже и не знаю, что за порода.

Впереди из трещины в стене обильно и очень живо течет пышущая жаром магма, раскаленная настолько, что почти белая. Урант уверенно шел в ту сторону, я хотел спросить, что он задумал, но когда подошли ближе, стало видно, что лава растеклась достаточно широко, потому что еще не выгрызла узкое русло.

Урант с ходу начал переступать с камня на камень, оранжевый свет бьет снизу с такой силой, что поднимаются полы кафтана. Я ждал, что вот-вот вся одежда вспыхнет, однако он перебежал достаточно быстро.

Я сжал зубы и сказал себе, что если побегу, как лось, то промахнусь и попаду в раскаленный поток жидкого камня. Если промедлю, изжарюсь по дороге...

Как я перебрался на ту сторону, лучше не вспоминать, однако Урант крикнул то ли одобрительно, то ли с удивлением, вот уж не думал, что можно и таким способом, я посмотрел на него с вопросом в глазах.

Он сказал бодро:

— Уже близко...

— Миль пять? — спросил я саркастически.

Он покачал головой.

— Да почти... Даже четыре, если по прямой. Но нам попетлять придется, придется...

Он шагнул, как мне показалось, прямо в каменную стену, но там отыскалась довольно просторная щель, я прошел немного за ним и остановился, оцепенев от священного ужаса.

Часть вторая

Глава 1

Впереди распахнулся огромный страшный мир раскаленной докрасна земли с желтыми и оранжевыми реками, невысокими горами с разломанными верхушками, откуда с ревом и грозным клочкотаньем выплескиваются яркие потоки и сползают по склонам извилистыми смертоносными ручьями.

Небо багровое с пурпурным, то ли отсвет на каменном своде этого ужаса внизу, то ли и там раскалено...

— Ну что встал? — донесся недовольный голос.

Я сказал дрожащим голосом:

— Вы каждый день это... красоту эту видите! А я вот не смог... не залюбоваться... Стою вот трясусь... от счастья, такое увидел! Какие вы удачливые, в таком раю живете...

Урант сказал подобревшим голосом:

— Да, нам повезло. Хотя при чем тут везение? Сами сюда пробились, простыми кирками стены прогрызли. Теперь и здесь наши рудники, ха-ха!

— Вы еще и богатые, — сказал я с уважением. — Богатство — это сила! Это мощь, уважение, вино, бабы, власть...

Он хохотнул.

— А еще мы и самые здоровые. Пойдем, а то время поджимает.

Подошвы то и дело соскальзывают с округлых камней, я сперва решил, что гномы стерли в походах к руднику, но в сторонке тоже камни такие же, шляпки как у грибов, вообще почти расплылись, как мокрая глина, будто от чудовищной жары, хотя огненная река отсюда сотнях в трех шагов.

На самом деле, конечно, лава быстро застывает, перегораживает дорогу огненному потоку, тому приходится пробивать новые пути. Видно, как совсем недавно текла здесь эта оранжевая масса, постепенно становясь красной, багровой, лиловой и наконец застывая в иссиней черноте.

Урант, к счастью, все чаще останавливается и прикладывается к бурдюку, удивляется, что я не пью, наконец и я отхлебнул кислого теплого вина.

— Долго еще?

— Заморился? — спросил он понимающе.

Я замахал обеими руками.

— Что ты, что ты!.. Просто оборвется это вот прекрасное любование таким предельно мирным и завораживающим пейзажем. Нужно будет заниматься делом, будь оно неладно, а душа так просит чистой незамутненной красоты и кармического умиротворения.

Он пробурчал:

— Что делать, работать тоже, ага, как без нее... Но ты прав, тут здорово! Век бы смотрел на эту красоту.

Снова мелкие ручейки лавы перепрыгивали или переступали, через крупные перебирались по выступающим из огненного потока оплавленным камням, в какой-то момент он придержал меня и будничным тоном предупредил, что надо переждать дождь... и в самом деле из багрового ада неба посыпались раскаленные камни.

Впереди вскипело, взвился сизый дым, замелькали какие-то странные призрачные звери. За это время нас догнали гномы с корытом и веревками, я с некоторым злорадством отметил, что хоть они захэкались, выглядят совсем не так весело, как за столом.

— Все, — сказал Урант через некоторое время. — Тронулись...

— Ага, — сказал я обреченным голосом, — я уж точно.

Голова гудела, а перед глазами плясали красные мухи, когда пробирались и пробирались по узкому ущелью, стены которого уходят в небо, и вдруг голос Уранта прозвучал, как будто он стал ангелом небесным:

— Прибыли. Козляр, неси корыто! Демиз, готовь веревки...

Я сел на горячий камень, ожег ягодицы, но решил, пусть лучше вообще задница сгорит, но не встану, ноги дрожат, силы кончились.

Гном, который Козляр, поставил корыто, отошел, взглянул хозяйским глазом, а Урант сказал сварливо:

— Чуть левее!

— Все равно увидит, — огрызнулся Козляр.

— А вдруг пройдет мимо?

— Раньше же не проходил? — раздраженно сказал Козляр. — Сколько он у нас всего сожрал!

— Чего? — поинтересовался я.

Он отмахнулся.

— Чего мы ему только ни подкладывали! От вина, смешанного с кровью василиска, до туши кабана, с обломками ножей внутри! Все жрет, ничего ему.

— Сурьезный, — сказал я с уважением.

— Да уж... ты как?

— Сейчас попробую, — пообещал я. — Вот как встану, так сразу...

Он хмыкнул, но терпеливо ждал, а я кое-как перевел дыхание, сосредоточился и вперил взгляд в дно корыта. Очень медленно там начала растекаться такая прозрачная лужица, что я ее сперва не увидел и занервничал, но Урант и Козляр довольно закричали, только Демиз пробормотал осторожно, что это еще мало, а хватит ли, остальные солидно молчали.

Когда корытце заполнилось на треть, я уже чувствовал себя усталым, словно затащил на высокую гору телегу с камнями. Урант и Козляр смотрели с надеждой, я не отрывал взгляда от корыта, там медленно поднимается уровень, а когда заполнил наполовину, Урант посмотрел на меня озабоченно и с сочувствием, выудил из мешка кусок мяса и сунул мне в руку.

Я только сейчас ощутил, что страшно хочу есть, вот-вот упаду в обморок, глотал, почти не разжевывая, но уровень в корыте в самом деле поднимался быстрее.

Когда до края осталось всего два пальца, я ощутил, что все, выдохся, не могу, не получается, откинулся на стену и закрыл глаза, и как сквозь густую стену из ваты доносились голоса:

— Как бы не помер...

— Да ладно, теперь пусть помирает, приманка готова...

— Дурак, он еще может пригодиться...

— Дайте ему отдохнуть...

— Здесь?

— Здесь сожрут...

— Эх, все-таки он гном только наполовину, а наполовину — все-таки человек...

Я чувствовал, как меня подняли и понесли. В голове туман и слабость, перед глазами плавают светлые пятна в полной черноте, в черепе что-то звенит тонко и противно, будто сверлят кость.

Потом подо мной ощутилось что-то мягкое, а когда я сумел открыть глаза, обнаружил, что лежу под стеной на толстой шкуре неизвестного зверя.

Урант сказал позже, что у меня лицо было, как у мертвеца, они уже думали, что не выживу. Я некоторое время был то ли в забытии, то ли провалился в сон, но когда вышел в реальный мир и огляделся, вспоминая, кто я и что произошло, я уже довольно бодро двигался, хотя все так же хотел не просто есть, а жрать.

— Вот, — сказал я. — Да-а-а, теперь год сам пить не смогу и других угощать не сумею...

— Великая жертва, — подтвердил Урант. — Я и дня не вынесу без кубка хорошего вина!.. Ладно, зато посмотрим, как он справится...

— А ты уверен, — спросил я снова, — что терьярдер станет такое пить? Звери — не люди, они ж умнее.

Он ответил с неуверенностью:

— Говорят, он когда-то был человеком... Да и вино же пил? И весьма пил! Мне б такую морду, я бы вылакал и еще больше!

Еще часа два я не вылезал из-за стола, пил и ел в три горла, приводя в восторг угощающих меня гномов, не успевал отяжелеть, как все перерабатывалось и уходило в отощавшую мускулатуру, вздувая ее заново буграми и твердыми валиками.

Снизу то и дело прибегали возбужденные гномы, судя по мимике, молодые, хотя для меня что молодые, что старые — на одно бородатое лицо. Обычно бросались к Уранту, а если его не оказывалось, что-то сообщали Козляру.

Как я понял, терьярдер уже надежно связан, теперь его тащат еще ниже, где собираются как-то использовать. А пока, раз он связан, то надо бы организовать рейд за сокровищами в его пещеру...

При этих словах у всех загорались глаза, текли слюнки и ладони со скрипом терлись одна о другую.

Я готовился отбывать обратно, хотя настроение портилось, как только вспоминал, что подниматься — не спуститься, но не понесут же меня гномы на носилках, как султана, все-таки Европа, а я тиран, а не деспот — большая, даже огромная разница... если кто понимает.

Издали послышались вопли, радостные крики, в пещеру вошла группа гномов, которых я раньше здесь не видел, впе-

реди двое настолько широких и могучих, что сразу видно — вожди. Один с огненными красными волосами, похожими на расплескавшуюся лаву, сразу пошел в мою сторону, подозрительно зыряка из-под тяжелых бровей, настолько лохматых, что мелкая птиха могла бы свить гнездо.

Все почтительно затихли, когда он проревел так мощно, что испуганно заметалось эхо:

— И кто... Да это же тот самый рыцарь!

Я сказал радостно:

— Приветствую великого Атарка, который подарил мне такие замечательные геммы...

Он остановился и оглядел меня с головы до ног.

— Та-а-ак... а где молот?

— Сгорел, — ответил я сокрушенно.

Атарк ахнул.

— Сгорел? Как он мог сгореть?..

— Смог, — ответил я. — Пришлось схлестнуться с Темным Богом. Он много моего оружия попортил, гад...

Гномы молча смотрели на меня вытаращенными глазами. Атарк пробурчал:

— Ну если с Темным Богом...

Я отмахнулся.

— Да я его, грубо говоря, убил. Ладно, дело прошлое. Я счастлив увидеть великого Атарка, о котором я все эти годы только и рассказывал там наверху всем и каждому, о его удивительной мудрости, благородстве, щедрости, прозорливости, хозяйственности, рачительности, скупости, великодушии, распорядительности... да, о чем это я? Ага, и вот теперь, когда великий Атарк нашел время, чтобы откликнуться на мой скромный и тихий зов, я готов предложить всеобъемлющий и разносторонний договор о нашем взаимном сотрудничестве на благо гномов... ну, и немножко этих, как их там... ага, людей.

Урант посмотрел на обалдевших гномов, на задумавшегося Атарка, потер ладони и предложил бодренько:

— А может, все за столом, а?.. самые великие дела задумывались за хар-р-рошим столом, когда вина и мяса вдоволь!

Атарк кивнул, не сводя с меня пристального взгляда.

— Да, я непрочь посидеть за одним столом с сэром Ричардом. У меня остались хорошие впечатления от общения с ним... А сейчас, когда он помог вам поймать чудовишного терьярдера, я готов выслушать все, что он скажет. Хотя это не значит, что приму хоть малость.

Второй гном, смутно знакомый вроде, но с ним в прошлый раз я не общался, поглядывал на меня хмуро и с неприязнью.

— Он и тогда, — проворчал он густым голосом, — слишком уж рисковал...

Я сказал вежливо:

— То, что другим кажется бессмысленным риском, на самом деле точный и хорошо просчитанный замысел, господин... э-э... простите, не услышал ваше наверняка прекрасное, как вы сами, имя. А я как истинный и чистокровный гном всегда рачительно и осторожно высматриваю, как бы и где бы, если вы правильно меня понимаете!.. Благородный Атарк помнит меня молодым и вроде бы бесшабашным рыцарем, но я уже давно не то, что было и плясало...

Нас усадили за стол рядышком, и хотя пир продолжился, надо же допраздновать пленение страшного терьярдера, однако все поглядывали в нашу с Атарком сторону.

Как я понял, он тоже продвинулся по лестнице гномьей иерархии, и хотя у них все обставлено не так пышно, а словных различий нет вообще, но Атарк, чувствуется, немалый вождь. Если не самый немалый.

Урант возделся во весь свой громадный гномий рост и, вскинув кубок, мощно провозгласил тост за победу над чудовищем, столько тысячелетий досаждавшим гномам одним своим присутствием.

Глава 2

Гномы орали и победно вздымали чаши, повернувшись ко мне. Я поднялся с кубком в руке, оглядел всех весело и по-гномьи основательно.

— Дорогие сородичи!.. Мы закончили одно неприятное дело, с которым не могли справиться наши предки, а это говорит о том, что мы, нынешние гномы, не уступаем тем, о которых ходит столько легенд!.. Я счастлив, что мои скромные усилия помогли вам не только победить, но и взять в плен эту могучую тварь для дальнейшего использования в народном хозяйстве.

Гномы заорали еще громче, морды — довольные и даже счастливые. Я повернулся к молча слушающему Атарку.

— Мой великий и благородный друг, который меня знает много лет, как и я его, подтвердит, что я верный друг и всегда выполняю все наши договоры. И даже больше, так сказать... это чтоб не чувствовать себя в долгу. Сейчас я уже не простой рыцарь, как тогда, а властелин огромной армии... даже трех армий, во главе которых стоят могущественные короли...

Все распахнули рты, Атарк же перебил бесцеремонно:

— Постой-постой... я много от тебя ждал, но не такой прыти! Трех армий?

— Да, — ответил я. — Возможно, вы не знаете, что там наверху три могучих королевства пошли войной на четвертое, очень гадкое и нехорошее...

Он остановил меня властным жестом.

— Нам нет дела, что творят люди, и вообще что там у вас за королевства. Для нас вы все — просто люди.

Я сказал с восторгом:

— Насколько же гуманный и замечательный принцип!.. «Просто люди» — как гениально сказано... Эх, когда жеждемся, чтобы все человечество и гномство слились в единую семью народов, где не будет различий по расе, вере или

способу совокупления!.. Но, увы, пока этого еще нет, будем эту светлую гномью мечту воплощать медленно, осторожно и без перегибов.

Теперь уже Урант, что наверняка знает кое-что о происходящем наверху, спросил настороженно:

— Стой-стой, а ты, значит... над теми королями?

Гномы довольно загудели, их вожак поймал меня на лжи, но я спокойно кивнул.

— Совершенно верно. Они у меня, можно сказать, мальчишки. На побегушках. Ну там подать, принести, отнести... Так вот говорю, что я все тот же, что и тогда с Атарком, но теперь могу намного больше. И, помня свою всегдашнюю странную любовь к трудолюбивым гномам, я хочу заключить с вами прочный и нерушимый союз.

Атарк скептически оттопырил губу.

— Ну-ну... золота хочешь?

Я отмахнулся.

— Что золото, когда я сам золото?.. И сердце у меня золотое. И душа. Я хочу союз и дружбу, чтобы отныне гномы пользовались для людей полной неприкосновенностью, а люди — для гномов. В моем королевстве гномы не будут прятаться, их дома будут и на поверхности, а руду будут добывать открыто, а не тайком в подземных норах.

Гномы загудели, а Урант сказал скептически:

— Ну-ну, говори. Так тебе и поверят. Как будто не знаем людскую натуру. И вообще... зачем это тебе? В чем хитрость?

Я кивнул, посмотрел открыто.

— Скажу честно, хитрость есть. И немалая. Если будете добывать руду открыто и без помех со стороны людей или всяких там терьярдеров, то добудете ее намного больше. Начнете ковать мечи и доспехи на поверхности — снизите себестоимость за счет издержек. Нам выгоднее покупать дешевле, разве не ясно?.. Часть наших кузнецов и оружейников разорится и бросит это дело, это хорошо, мне лесорубов недостает и плотников, корабли строю... В общем, я просто

заинтересован как умелый хозяйственник! А я еще та цаца, всем гномам гном.

Он посмотрел исподлобья.

— Да? А почему же раньше все старались истребить наше племя? Да и сейчас, как только увидят...

— Я не все, — ответил я гордо.

— Чем ты лучше?

— Я же сказал, — напомнил я, — я сам золотце еще то! Даже блещу. Меня здесь не было, вот и творилось всякое непотребство. Зато когда моя власть укрепитя, все будет по-новому. В древние времена люди были слабые, а у гномов были целые королевства! Страшно, вот и воевали с вами. Сейчас вы под землей, а это нехорошо. Вас надо спасать как исчезающие виды. Я уже присмотрел для вас Опаловую гору, и ее окрестности... гм... можно бы выделить вам для поселения. С запретом людям пересекать границу! Вам будет можно выходить и оттуда, бывать в городах и селах людей. А людям запретим, чтобы не искажали ваш уклад и ваши священные нравы в резервациях.

Долгое молчание было ответом, наконец Атарк спросил с недоверием:

— Опаловую? Ту самую? Нам?

— Да, — подтвердил я. — Открыто! Не таясь. Как и мы, когда разрабатываем всякое-разное.

Он покосился на своих, те молчат, сопят, оправдывая репутацию существ серьезных и глубокомысленных, что ничего с бухты-баракты не решают.

— Это надо подумать, — сказал наконец Атарк. — И обмозговать.

— Мозгуйте, — согласился я, — у вас мозги настоящие, тяжелые, добротные, такие и мыслят медленно и основательно. Не эльфы какие-то, которым все ха-ха, а то и вовсе хи-хи.

Атарк повернулся ко мне всем корпусом и посмотрел в упор тяжелым, как Великий Хребет, взглядом.

— Не хитри, — прорычал он мощно, — говори сразу, что хочешь? Не поверю, что вот так из-за доброты своей душевной, ха-ха, смотрите на него, красавца!

— Красавца, — подтвердил я с достоинством. — И как раз из-за бесконечной душевной доброты и ничего более!.. Я вот весь такой, я же гном в душе, разве не видно?.. А кое-где и снаружи. Потому и бьюсь, как рыба об лед, за гномство, за гномьи принципы и гномье виденье действительности, что единственно правильное и верное!.. Хотя, конечно...

Гномы слушали внимательно, стараясь ничего не упустить, Атарк же сразу ухватился за последние слова:

— Ага, вот и пошли это «хотя»! Ну-ну?

Я пожал плечами.

— Я отдаю вам Опаловую гору задаром, вы же свои, однако меня не поймут мои рыцари, я же все-таки их вождь, обязан и о них заботиться, защищать всякие там их интересы!.. Потому я придумал, как сделать так, чтобы и мои лорды увидели, какие вы замечательные, как помогаете в войне с преступным режимом узурпатора и захватчика, посмеявшегося и дерзнувшего, и тогда все скажут, что да, гномам нужно отдать эту гору, раз им нужнее.

Гномы молчали, сразу потускнев, Атарк сказал твердо:

— Извини, дорогой друг, но такое не по нам. Мы, гномы, хоть и недолюбливаем вас, но никогда не воевали против людей!

Я напомнил:

— Говорят, вы часто пакостите людям!

Он нахмурился.

— Пакостить — одно, воевать — другое. Да и пакость ли — еще надо разбираться. Когда гном сопрет кувшин молока, а взамен оставит кусочек золота — пакость ли? А если кого в болото заведет или в ловушку, то неча у нас в сараях шарить, все ломать, клады искать.

— Ладно-ладно, — сказал я нетерпеливо, — зато подумай про Опаловую гору.

Он вздохнул.

— Подумал. И все мы подумали. И решили. Хоть мы и жадные, как вы считаете, до всяких драгоценных камешков, но все равно... воевать с людьми не будем. Это наше древнее правило, мы его никогда не нарушали.

Сердце мое сжалось в комок, в животе болезненно дернулось.

— Атарк... подумай! Я знаю, драгоценности вам нужны не для красоты, вы умеете из них извлекать нечто... А там целая гора!.. На сто лет хватит рыться в ее недрах. А то и на тысячу!

Он покачал головой.

— Мы сказали — нет. Ты пей, мы все-таки отмечаем победу над терьярдером, а ты не просто чуточку помог, как скромно говоришь, а ты почти все сделал!.. Ты все равно наш друг отныне.

Гномы оживились, снова шумно сдвигали чаши над столом, проливая вино, пили, ели, орали песни, бахвалились отвагой и силой. Атарк и Урант как будто чувствуют вину, что отказали мне в таком важном для меня деле, ухаживают и подливают в кубок лично, выказывая высшую степень уважения к гостю.

На пятом или шестом кубке в одурманенный, но постоянно бешено работающий мозг над этой идеей пришла новая ослепительная мысль.

— Погоди, — сказал я им обоим, — вы абсолютно правы. Вам не стоит воевать против людей, раз для вас это не армландцы, торнедцы или фоссане, а просто люди... однако вы можете оказать мне одну небольшую услугу.

Атарк сразу же исполнился подозрительности, лицо стало мрачным и суровым.

— Что ты задумал?

— От вас потребуется пустячок, — сказал я. — Совсем-совсем. Именно по вашей части.

Он уточнил хмуро:

— Что, воевать не придется?

Я помотал головой.

— Даже забудьте про оружие. Вам вообще не надо подниматься наверх...

Атарк подумал, Урант его дважды пихнул в бок, наконец Атарк проговорил с сомнением:

— Так что там насчет Опаловой горы?

Глава 3

На обратном пути я останавливался перевести дыхание всего дважды, наконец поднялся по тайной лестнице и вышел в первый подвал, где из стены торчат крюки, а на цепях можно удерживать мамонтов, затем в средний, и наконец вышел в мурое утро. Солнца не видать за низкими тучами, воздух после раскаленных подземелий особенно сырой и холодный.

Стражники ахнули, один даже ухватился за сердце, тайный интеллигент, наверное. Я прошел мимо с таким выражением лица, словно выходил цветочки нюхать.

Во дворце сразу начался переполох чуть ли не раньше, чем меня увидели. Статуино неподвижные слуги сдвинулись с мест, кое-кто исчез, остальные провожают выпученными глазами. По ним уже можно понять, никто не ждал моего возвращения, кого посылают ловить терьярдера, того посылают на верную смерть... Ну, спасибо за искренность, Ваше Величество...

Принца Роднерика я увидел в большом зале, вокруг него придворных больше, чем бывает возле самого Фальстронга, он говорит им нечто безапелляционное таким командным голосом, что в ответ надо либо бить в морду, либо покорно склонять головы.

Они все склоняли, я прошел намеренно очень близко, принц побледнел, будто увидел саму смерть, а я прошел замедленно и неспешно через расступившуюся, как море перед Моисеем, толпу.

Он застыл, уж не знаю, к чему приготовился, а я сказал сладким голосом:

— А, ваше высочество!.. Вы уже здесь? Как спалось?

Он хрипел, что-то пытался выговорить, на него посматривали с недоумением, только двое его ближайших подручных смотрели на меня с таким изумлением и ненавистью, что было понятно, эти вот точно спустились с его сыном в раскаленные щели.

— Бла... га... дарю, — просипел он наконец.

— Вот и хорошо, — сказал я, — отсыпайтесь. Жизнь, она такая, неизвестно, когда снова поспать придется.

И прошел мимо, оставив его и приближенных в оцепенении, загадочные слова на всех действуют, как взгляд гюрзы на лягушку, сам на такое все еще попадаюсь.

В малом зале навстречу поспешил сенешаль, лорд малой печати Фридрих Геббель, уже не настолько важный и породистый, на лице смятение, а в глазах испуг. Богатая одежда потускнела, а золотая цепь на груди болтается как-то неприлично жалко.

— Сэр Ричард! — воскликнул он в изумлении. — Как хорошо!..

— Правда? — спросил я любезно.

— Ну да, — вскричал он, — это замечательно!..

— Спасибо.

— Но мы вас не ждали, — сообщил он и уточнил торопливо, — так быстро. Вы к Его Величеству?

— Да, — ответил я, — хотелось бы доложить о результатах.

— Я сейчас ему сообщу, — сказал он торопливо, — а он ответит, когда сможет изволить вас принять...

Я пошел за ним следом, придворные кланяются и провожают меня такими взглядами, что понятно, уже похоронили и на могилке сплясали.

Стражи у двери королевского кабинета скрестили передо мной копья, но на лицах такое изумление и страх, что я до-

статочно решительно отстранил древки и толкнул двери, опередив даже сенешаля.

Фальстронг разговаривает с сэром Клифтоном Джонсом, доверенным личным секретарем, оба обернулись с недовольными выражениями лиц, но, когда увидели, кто вошел, у Клифтона из рук выпали гусиные перья, а Фальстронг выпучил глаза и застыл.

Я сказал весело:

— Сэр Фридрих... сэр Клифтон... вы можете пока немножко отдохнуть и набраться сил для нового рывка в работе. А мы с Его Величеством поговорим о веселых делах. Мы оба, вообще-то, люди веселые. И такие забавы любим...

Фальстронг, не отрывая от меня изумленного взгляда, торопливо подтвердил:

— Да-да, отдохните малость... Прибыл сэр Ричард, а это значит, хлопот будет полон рот.

Сенешаль так и не успел переступить порог, а Клифтон поспешно поднял перья и заспешил в коридор, уже оттуда поклонился.

— Ваше Величество...

Когда двери за ними захлопнулась, Фальстронг сказал жадно:

— Господи, кто бы подумал... Садитесь, сэр Ричард, рассказывайте! Что подать — еды, вина?

Я отмахнулся.

— Неужели вы думаете, что я там внизу не поел как следует? Об этом мужчины думают в первую очередь. Во вторую — о спасении Отечества. Нет, чуточку раньше все-таки о бабах. И уж потом о всяком личном...

Я сел в указанное кресло, с наслаждением вытянул натруженные ноги. Фальстронг посмотрел на них, снова на меня, властно хлопнул в ладоши.

Двое слуг начали вносить еду и питье.

— Но вы, — сказал он быстро, — как я понял по вашему победному виду, справились? Уже? Так быстро?

— Ничего себе «уже»! — возразил я. — Там внизу непонятно насчет времени, но суток двое прошло?

Он вскричал потрясенно:

— Вид у вас такой, знаете ли... Но как, как вам удалось?

— Легко, — ответил я с небрежностью. — Это у вас скворцы или рябчики такие мелкие? А что, это было правда трудно?

Он огрызнулся:

— Неужели я похож на шутника?.. Трон вообще отбивает способность острить. Знаете ли, сэр Ричард, начинаю верить в то, что о вас поговаривают...

Я деловито обгладывал жареных птичек, косточки в духе времени гордо выплевывал на середину стола.

— Я сам верю, — признался я, — что я весь из себя. И замечательный так вообще!

Он пробормотал:

— О замечательности не упоминали, а вот о многом другом... Сэр Ричард, я все еще не могу поверить... Это же терьердер... он же был непобедим!

Я отмахнулся.

— Да все получилось просто. Он бросился на меня, я тут же наутек. Он погнался и на крутом повороте поскользнулся... а там внизу бездна. Так и ухнул туда с разгону. Я сам видел, как тот напоролся на острые камни, издох, а потом сгорел в лаве.

Он смотрел ошалело.

— Погнался? Поскользнулся? На чем можно поскользнуться, там же сухо, выжжено!

— Ваше Величество, — сказал я с укором, — такие неудобные вопросы задаете, за столом... Разве я не сказал, что убегал?

Он смотрел непонимающе, потом толстые губы разошлись в улыбке.

— Ну, сэр Ричард, уж в это не поверю. Ни один мужчина в таком не признается. Вы как-то иначе его убили, но понимаю, секрет героя... Еще вина?

Я покачал головой.

— Спасибо, Ваше Величество. За обратную дорогу в самом деле проголодался. Как идут приготовления к вторжению на территорию агрессора и душителя свобод мирного населения?

Он запнулся, некоторое время молчал, осторожно подбирая ответ, наконец сообщил тихо:

— Я уже разослал гонцов в приграничные с королевством Турнедо земли. Должны разузнать, как там и что, привезти подробные доклады, а я решил бы, как точнее поступить... Но теперь, когда вы вернулись... гм... так быстро, я понимаю, что некоторые вещи надо ускорить.

Я прожевал, запил вином и сказал почтительно:

— Вы, как всегда, говорите и поступаете мудро. Уверен, что и на этот раз ваше решение будет взвешенным, и потом быстрым, точным и для всех неожиданным. А я, Ваше Величество, отчитавшись о сделанном, с вашего позволения отправлюсь немного отдохнуть.

Он сказал поспешно:

— Да-да, дорогой сэра Ричард, после таких трудов!

Я поднялся, поклонился.

— Ваше Величество...

— Ваша светлость, — ответил он.

Я отступил и вышел за дверь. Сенешаль и личный секретарь все еще там, бурно совещаются, но умолкли на полуслове, как только отворилась дверь королевского кабинета.

— Продолжайте-продолжайте, — сказал я. — Меня уже здесь нет, я уже там, за облаками, там, за облаками...

Оба все так же молча и озадаченно смотрели вслед, пока я не скрылся за поворотом извилистого коридора.

Через Варт Генц, как понимаю, в свое время прошли орды Тьмы, это было тридцать с лишним лет тому назад. Были уничтожены все церкви и священники, но когда я ехал по этим местам с Гуголом и Сизигмундом два-три года тому.

или чуть больше, еще тогда удивлялся, что не заметил особенной какой-то нечисти.

Видимо, эти орды были похожими на непобедимых и ужасных гуннов Аттилы: убивали всех на своем пути, жгли, уничтожали, рушили и шли дальше. Несокрушимые гунны в конце концов дошли до Каталаунских полей и там разбились о римскую доблесть, после чего моментально исчезли, как гнилой туман под утренним солнцем, а темные армии Карла ударились о твердыни Зорра, обломали зубы и как-то потеряли страсть идти дальше.

А там, где они прошли раньше, в том числе и в Варт Генце, люди вышли из лесов, из подвалов и подземелий, снова отстроили деревни и города, тем более что избу можно построить за сутки, дом — дня за три, а дворец из дерева — за неделю. Ну, а каменные дворцы и города из массивных гранитных плит захватчики не разрушали, некогда, спешили дальше, как лемминги...

Так что через год здесь уже почти ничто не напоминало о страшном времени нашествия, однако отсутствие церквей сказывается, еще как сказывается, особенно четко вижу, когда смотрю на придворную жизнь в королевском дворце.

Я демонстративно прошел через все залы, вслушиваясь в разговоры и всматриваясь в лица. Многие вздрагивают, встречаясь со мной взглядом, очень похоже, что о моем походе к терьярдеру знают гораздо больше людей, чем я думал. Значит, знают и то, на что я так настойчиво подталкиваю Его Величество, как бы он ни сопротивлялся...

Я вышел на задний двор, там личная гвардия Фальстронга упражняется в схватках на мечах, чуть в стороне стрелки стараются попасть в цель. Офицер вежливо пригласил меня показать свое мастерство, я вежливо отказался, куда мне состязаться с такими орлами, а вообще-то, подобных мест лучше избегать. Если победишь местных — будут тихо ненавидеть, проиграешь — презируют.

В саду тихая погода, хотя неба не видно за плотными тучами, воздух относительно свежий, наполнен ароматами листьев, редких цветов и мелкой водяной пыли.

Фонтан обнаружился с той стороны стены из деревьев, там по широкой аллее гуляет множество народу. Фонтан явно — гордость Фальстронга, не так просто если не построить заново, то хотя бы заставить работать старый.

Я раскланивался с дамами, нагло рассматривал мужчин, так прошел до конца, перебрался на соседнюю аллею и двинулся обратно. Фальстронг сейчас лихорадочно продумывает, как действовать дальше, а я должен продумать, как мне и что на любые его варианты...

Принца Роднерика я увидел издали: рослый, крупный, как бы рожденный быть вожаком, его окружают придворные, хотя, на мой взгляд, это больше полевые командиры. Даже в пышных костюмах вельмож видно, что они больше проводят времени в воинских лагерях да в седлах, когда осматривают земли противника и прикидывают, как и откуда лучше ударить...

Я шел неспешно, рассеянно улыбаясь листве, людям, серому небу, меня наконец оттуда увидели, все повернули головы и уставились с мрачной враждебностью.

Принц Роднерик смотрел с откровенной неприязнью, что можно бы списать на нежелание видеть человека выше его ростом, без меня он здесь самый-самый, но уже и для самых тупых не секрет, что принц терпеть не может тех, кто встает на его пути, а я, похоже, сильно мешаю его планам...

Я поприветствовал его издали с ироническим поклоном:

— Ваше высочество...

— Ваша светлость, — процедил он сквозь зубы, — странно, что вы все еще живы.

— Кому здесь жить хорошо, — заверил я с оптимизмом, — тому и в аду неплохо.

— Придется, — произнес он вполголоса, — отправить вас обратно!

— На этот раз, — ответил я, — сперва вы, ваше высочество!

Он поморщился и прошел мимо, бросив вслух достаточно громко:

— Неужели меня никто от этого наглеца не избавит?

Четверо из его сопровождающих замедлили шаг, отстали, а потом развернулись ко мне. Принц двинулся дальше, словно и не заметив, что из шести осталось только двое.

Я тоже повернулся и ждал их в той манере, что ясно показала им — я готов, даже больше, чем готов. Сегодня, дескать, недодрался, как хорошо, что вот они попались!

В их движениях, сперва решительных, проступило колебание, а на лицах мелькнула растерянность.

Я сказал негромко, чтобы никто из посторонних не услышал:

— Ну что, говнюки? Давайте рассказывайте, как вы меня сейчас сотрете в пыль, вобьете в землю по ноздри и вообще... надругаетесь над моей невинностью!

Они остановились в замешательстве, переглянулись, как-то все идет не так, это они должны напирать и глумиться, а я пугливо отступать и что-то мямлить в оправдание.

Один из лордов, высокий и крепко сложенный, сказал надменно:

— Вы говорите, как пьяный грузчик, сэр!

— Так я с благородными по-благородному, — объяснил я. — А с вами... ну, вот так.

— Я Людвиг фон Эрлихсгаузен, — заявил он, — герцог Ньюширский!

— Ого, — сказал я с интересом. — Высшие титулы походят на крутые скалы, верно? Лишь орлы да пресмыкающиеся взбираются на них... Только на орла вы не больно похожи.

Он не понял сперва, привык к лести, но кто-то робко хихикнул, потом еще один, и герцог побагровел, повернулся ко мне, глаза грозно выкатились из орбит.

— Что вы хотите сказать?

— Только, — заверил я, — что сказал. Ничего больше.

— Чего-то боитесь?

— Умному достаточно, — сказал я мирно, — зачем растолковывать? Вы же умный, да?.. И читать, наверное, пробовали... Хотя бы по складам и шевеля губами...

Он из багрового стал алым, ладонь безуспешно хлопала слева по поясу.

— Вы... вы за это поплатитесь!

— Я по всем долгам плачу, — заверил я зловеще. — Похристиански, сторицей. Как и велел наш Господь. Вы хоть слышали о нем?

Его затрясло, он проговорил, задыхаясь и лязгая зубами:

— Вам... надлежит... немедленно!.. сейчас же покинуть этот двор... и убираться...

Я прервал:

— Сперва слюни подбери, а то прям веером... как у пса, что вылез из грязной лужи. А теперь рассказывай, дурак набитый, что со мной сделаешь... Здравствуйте, леди! Не правда ли, прекрасная погода?

Мимо прошли две милые женщины, я заулыбался и раскланялся, они тоже мило улыбнулись, одна даже кокетливо стрельнула глазками, так это обещающе, даже многообещающе.

Некоторые из соратников герцога тоже раскланялись, но не он, продолжающий пожирать меня взглядом.

Я сказал задумчиво:

— Герцог, у вас томление мозгов, иначе называемое горем от ума. Мыслям в вашей узкой башке тесно, вот и мучаетесь дурью. Придется вам помочь.

— Как?

— Лоботомия, — пояснил я. — Это я могу.

Он посопел, медленно соображал, что это за хрень, наконец поднял на меня налитые злобой глаза.

— Так вы отказываетесь покинуть двор короля Фольстронга немедленно?

— И вам не советую, — сказал я серьезно. — Иначе над кем надругаюсь сегодня? Придется другого дурака искать.

Один из соратников герцога предложил негромко:

— Я могу пройти через боковую дверь в оружейную и вынести мечи. За пару монет там что угодно отдадут.

Герцог сказал с жадной мольбой:

— Сэр Корнель, сделайте одолжение!

Молодой вельможа тут же умчался, я проводил его взглядом и сказал герцогу с сожалением:

— Да-а, природа на вас отдохнула... Жаль, учить мне вас некогда да и неохота, потому я лучше вас поубиваю, если вы не очень против.

Герцог сказал сухо:

— Слева за дворцом пустое место. Никто не помешает.

— Прекрасно, — сказал я.

Сэр Корнель выбежал из малозаметной двери прямо на задний двор, у груди он держал плотно прижатую целую охапку мечей. Я ухватил первым, сразу же отпрыгнул, торопливо проверяя вес и баланс, остальные разобрали так же быстро, герцог вскрикнул яростно:

— Убить его!

— Ого, — ответил я, — а почему не по очереди...

Я нарочито подпустил в голос растерянности, хотя и ждал, что набросятся все вместе, церкви здесь нет, правила никто не узаконивал, никто даже не подумал о схватке один на один, лезут так, что мешают друг другу, тоже мне командиры...

Торопливо отражая удары, я спросил самого отважного:

— Ты женат?

Он ответил растерянно:

— Давно...

— Тогда тебе не страшно, — сообщил я.

Он запоздало попытался парировать удар, но острое клинка уже рассекло ему горло. Кровь брызнула фонтаном, я отпрыгнул и легко отбил нападение его друга. Остальные слишком уж растерялись и даже замешкались.

— Эй ты, — сказал я второму, — я ж вроде такую услугу оказал, избавив всех от терьядера!

Он прошипел люто:

— Никогда не оставляй в живых того, кто сделал тебе добро, чтобы ни у кого не быть в долгу.

— Тогда мы в расчете, — ответил я.

Он всхрюкнул, лезвие моего меча вспороло ему живот, кишки полезли наружу. Выронив меч, он ухватился обеими руками за брюхо и пытался затолкать их обратно.

Я перепрыгнул через него, сильным ударом локтя вбил зубы третьему герою в глотку, а герцогу приставил острие меча к горлу.

— Ну, что скажешь, идиот сраный, теперь?

Он посмотрел на меня с ненавистью и швырнул меч мне под ноги.

— Ничего.

— Тоже ответ, — одобрил я, — думаю, Его Величество захочет узнать подробности этой... веселой перебранки. И кто пронес оружие во дворец короля, и как напали вчетвером на одного... к тому же сюзерена соседней державы, чья особа должна быть неприкосновенна...

Он смотрел злобно, сообразительность не входит в число его достоинств, зато третий кое-как с жалобными стонами воздел себя с земли, его шатало, но он сумел выговорить:

— Ге...цог... лушше уйти пошкое... пока не...

Герцог бросил отрывисто:

— Да, правы, сэр Корнель. Быстро уходим!

Я крикнул им вдогонку:

— Герцог, меч подберите!

Он бросил, не оглядываясь:

— Это не мой. Со своим я бы...

Они скрылись за углом, я посмотрел задумчиво на разбросанное оружие и двух истекающих в крови, зачем-то отряхнул руки и пошел обратно в сад, бормоча:

— Как хороши, как свежи были рожи...

Глава 4

На этот раз я наконец-то изволил отправиться осматривать выделенные мне покои, там как раз милая и молоденькая служаночка с вот такой и вот такими стелет мне постель, я залюбовался от двери ее данными, но в коридоре слышались быстрые шаги, я выглянул и узнал почти бегущего в мою сторону Фридриха Геббеля, сенешаля и лорда малой печати.

— Сэр Фридрих, — поприветствовал его я.

Он явно бежал, запыхался всерьез, хотя, конечно, мог бы и помоложе кого прислать, но по рангу не положено, я могу счесть свое достоинство задетым.

— Ваша светлость... — прохрипел он, жадно хватая воздух широко раскрытым ртом.

— Что нового?

— Его Величество, — выговорил он с трудом, — милостиво приглашает вашу светлость на аудиенцию.

— Ого, — сказал я с удовольствием. — Есть сдвиги?

— Да, — проговорил он с трудом, — прошу вас следовать за мной...

— Не торопитесь, сенешаль, — сказал я доброжелательно. — Я постараюсь никого по дороге не убить.

Он зыркнул на меня волком, сказал после минутного колебания:

— Его Величество уже осведомлен...

— И как он?

— Очень сожалеет, — произнес он хмуро, — о случившемся и приносит свои извинения. И просит понять, что он контролирует все, кроме своих сыновей, что все больше выходят из-под его родительской власти.

— Пустяки, — отмахнулся я. — Они так и не поняли, что если я приехал один, то это вовсе не значит, что явился нищий. Скорее это означает, что могу вполне и с великим удовольствием дать сдачи.

— Теперь это понимают...

— Вот-вот, — сказал я, — как раз те, кто хочет, чтобы на них навалились, так и ездят, верно?

Он кивнул, поверив, что это главная причина, стражи распахнули перед нами двери, мы прошли через систему боковых коридоров, не встречаясь в залах с народом, и наконец распахнулись двери королевского кабинета.

Фальстронг разговаривал вполголоса с Клифтоном, но когда мы выросли на пороге, он махнул ему рукой, а меня пригласил широким жестом к столу.

— Надеюсь, — сказал он с неловкостью, — вам уже передали мои сожаления...

— Ерунда, Ваше Величество.

— К сожалению, — сказал он неохотно, — сыновья все больше выходят из-под контроля.

— Особенно, — согласился я, — этому способствуют трудности, вызванные моим приездом. Не обращайтесь внимания, Ваше Величество, я с пустяками справляюсь легко и просто, тут я герой, это с чем-то потруднее вешаю уши, как под дождем лопух...

Он грустно улыбнулся, мы начали рассматривать огромную карту Варт Генца, где, к моему удивлению и удовольствию, очень хорошо прорисованы и все приграничные области Турнедо. Как, впрочем, Гиксии, Горланда и Бриттии с одной стороны, Ирама — с другой, а Скарляндов — с третьей.

— Я только что разослал приказ собирать армию, — сказал он. — Мой старший, принц Роднерик, возражал, конечно... Но скажу вам честно, если бы возражал помягче и пообоснованнее, я бы прислушался, но на этот раз мой сын перешел все границы! В общем, я накричал, о чем сам жалею. И сказал, что если не выполнит мой приказ и не отправится утром в крепость Алой Зари...

— Как поэтично, — сказал я лгисто. — Это где?

Он отмахнулся.

— На самом дальнем конце королевства в его северной части. Там маранты, народ достаточно воинственный, мы с

ними дружим, но это пока они видят наши копья... Роднерик должен собрать там большое войско....

Я сказал тихонько:

— Простите, Ваше Величество, за дерзновенное напоминание... гм... когда-то была великая Римская империя, и в ней не разрешалось полководцам приводить войска в опасную близость к Риму... Даже не к самому городу, а даже к его, так сказать, землям... Рубикон, так называлась речка, за которой должны были оставаться солдаты, а в Рим полководцы приезжали даже без телохранителей...

Лицо его омрачилось, глаза потемнели, наконец проворчал с тоской:

— Думаете, не понимаю, что нельзя ему поручать приводить сюда армию? Я и велел людей отправить, а самому остаться там и готовить пополнение...

— Но если вздумает прибыть с армией?

Он буркнул:

— Ничего не смогу сделать, сами видите.

— Вижу, — ответил я. — Хорошо, что я не король. Ладно, будем оптимистами. Я, возможно, завтра отбуду в Армландию. Надеюсь, к условленному месту подойдут войска из Сен-Мари, заодно что-то наскребу из местных.

— Завтра?

Я кивнул.

— Если Ваше Величество заверяет меня, что сделает все необходимое, как могу я не верить? А в данном случае я нужнее там, где нужнее.

Он вздохнул.

— Хорошо, сэр Ричард.

— Встретимся в Турнедо, — сказал я с оптимизмом. — А сейчас пойду в самом деле завалюсь. Надеюсь, та служаночка уже все прибрала, а то у меня не хватит духу отказаться...

Он хитро прищурился.

— А мне кажется, будет убирать там до вашего прихода, как бы поздно вы ни явились...

— Ох, Ваше Величество...

Выйдя от Фальстронга, я направился не в покои, это по-дождет. Сейчас многое изменилось при дворе, чувствую быстро сгущающиеся тучи. Так животные ощущают грозу и заранее прячутся в норы, а муравьи так еще и забивают землей дырочки, чтобы к ним не попала вода.

Во дворце к вечеру состав придворных обычно меняется: деловые люди уходят, а полуночные хлыщи, которым бы только поволочиться за дамами, как раз и прибывают, отоспавшись днем. Сейчас же, сколько я ни смотрел, практически никто из дневных не ушел, все чего-то ждут, шушукаются оживленно. Через залы то и дело быстро пробегают посыльные и гонцы, за ними тянется ясно ощутимый аромат опасности и риска.

Я спускаться не стал, понаблюдав с балкона, сверху этот яркий цветной мир пышных костюмов и причесок кажется похожим на свежий борщ, что неторопливо размешивают незримым половником, вот только что получится на самом деле за варевом...

Особую активность, как я заметил, проявляют люди принца Роднерика. Обычно они ходят с хозяином, как пришитые, а сейчас все шныряют поодиночке, то и дело отводят какого-нибудь вельможу и что-то втолковывают весьма настойчиво, и даже очень настойчиво, я вижу, как те нередко вздрагивают, оглядываются пугливо и пригибают головы.

В коридоре, что ведет к королевским покоям, стражи молча скрестили передо мной копья.

Я посмотрел на них не столько грозно, сколько с укором.

— А что я здесь прихлопнул терьярдера, — проговорил я задумчиво, — как муху навозную? Не припоминаете?

Они переглянулись и убрали копья. Я быстро прошел по коридору, толкнул дверь и переступил порог кабинета Фальстронга. Он вздрогнул, посмотрел на меня расширенными глазами.

— Что... что случилось?

— Еще ничего, — ответил я успокаивающе. — Я очень хочу, что так было и дальше. И вообще... Ваше Величество,

мне многое удастся не потому, что такой уж умный, хотя вообще-то я умнее всех на свете, кроме вас, конечно, а еще и потому, что иногда у меня, уж простите великодушно, просто собачье чутье...

Он уже пришел в себя, откинулся в кресле и разглядывал меня пристально и с понятной неприязнью.

— И что оно подсказывает?

— Чутье говорит, — сказал я с неловкостью и начал смотреть мимо его лица, — просто криком кричит, что вам лучше эту ночь провести в соседней комнате. Пусть вашу спальню охраняют, как обычно, но ложе неплохо бы оставить пустым. Ваша супруга спит с вами?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Она королева, сэр Ричард, а не... Естественно, у нее не только свои покои, но и свое крыло дворца. И о том, когда я намерен разделить с нею ложе, сообщаю заранее через ее фрейлин, как и принято в христианском мире.

— Прекрасно, — сказал я с облегчением. — Нет-нет, не в том, что вам так легче с другими... говорить о высокой культуре и международных отношениях, а что королева будет спать спокойно.

Его лицо потемнело, в глазах зажглись грозные огоньки.

— Полагаете, дело настолько серьезно?

— Вы и сами знаете, — ответил я. — Только гордость не позволяет вам это признать.

Он сказал упрямо:

— Я все еще не верю.

— Ваше Величество, — сказал я настойчиво, — мы оба опасаемся некоего нежелательного развития событий, что не устраивает ни вас, ни меня. Потому вам лучше эту ночь провести в другом месте. А уже потом... все, как обычно.

Мне говорить не пришлось, что «потом» наступит только после отъезда разъяренного принца Роднерика. Фальстронг понимает все с полупамека, но потемнел весь, сгорбил, тоже отвел взгляд в сторону.

— Мне очень горько, сэр Ричард, — произнес он, — что это становится видно... так явно.

Я сказал пылко:

— Ничуть! Это только я со своей собачьей проницательностью уловил и заметил.

Он безнадежно махнул рукой.

— Да таких собаченосых полон двор. Мне горько, что и посторонние, уж простите, замечают. Это уж совсем ни в какие ворота... Стыдно уже, понимаете?

— Да, Ваше Величество.

Он вздохнул.

— Вот то-то и стыдно, что понимаете. Такое должно быть... если и есть, весьма скрыто и упрятано. Хорошо, сэр Ричард. Конечно же, у меня есть такие комнаты. Вы угадали со своей неприятной прозорливостью. Такие комнаты рядом.

Глава 5

На ночь из дворца придворные разъехались, остались только слуги и те, кто на высокой королевской службе: личный секретарь, сенешаль, ряд должностных лиц, что и живут во дворце, а также охрана, что в отсутствие пышно одетых вельмож стала намного заметнее.

Слуги опускали люстры и гасили свечи, достаточно и тех, что на стенах, да еще возле дверей всегда горит масло в светильниках, в залах тишина и покой, только изредка доносятся шаги часовых, которые, на зависть дежурящим на местах, гуляют по коридорам.

Я прогуливался по пустым залам, мне любой, кто попадется, источник информации, а я уж сумею даже из крох выжать все возможное, да только пока никого, кроме часовых, но те молчат, как статуи.

К счастью, в соседней зале, отделенной только высокой аркой, слышались шаги, я поспешно двинулся в ту сто-

рону, но лучше бы того не делал: там идет принц Дуглас, внук Фальстронга и сын Роднерика, в сопровождении полудюжины придворных, у всех такие хмурые и жестокие лица, то ли мимикрируют под своего хозяина, то ли он сам подбирает именно таких.

Похоже, уже оправился от шока, вышагивает со своими людьми, уверенный и жесткий, а когда увидел меня, нахмурился и, сделав своим знак оставаться на месте, быстро пошел в мою сторону.

— Вы удивительно живучи, сэр Ричард, — произнес он сквозь зубы. — Но вы понимаете, вашему рассказу никто не поверит.

Я изумился:

— Чему? Что я спустился на самое дно, отыскал довольно слабое чудовище и убил его?.. Уже поверили.

Он прорычал:

— Вы знаете, о чем я!..

Я отмахнулся.

— Да ладно вам, принц. Я же догадываюсь, что это была не ваша идея, а вашего отца, принца Роднерика. Он уже полностью обложил вашего деда со всех сторон, осталось только чуть дожать, мы же понимаем оба, о чем речь, не так ли?.. Так что я на вас зла не держу, вы лишь выполняли приказ, ничего личного. Более того, скажу честно, что из всех претендентов на трон... уж не удивляйтесь, но вы подходите гораздо больше, чем ваш отец и ваши дяди!

Он не вздрогнул, не дернулся, только зрачки чуть сузились.

— Что у вас, — проговорил он медленно, — за... фантазии? Я развел руками.

— Большое, принц, видится на расстоянии. И вообще со стороны виднее. Несмотря на то, что ваш отец и ваши дяди вроде бы ближе стоят к трону, но на самом деле, повторяю, сесть на него намного более достойны вы, принц Дуглас. Величайший полководец древности Александр начал покорение мира в девятнадцать лет и к двадцати пяти создал ис-

полинскую империю, что включала в себя несколько сотен королевств! А вам, кстати, уже двадцать пять?.. Гм... Другой патриций силой захватил власть в двадцать один год, после чего стал императором и покорил весь мир, известный на то время! А вы, принц Дуглас, уже постарше, постарше... Засиделись, можно сказать. Мне-то со стороны виднее, что вы куда больше годитесь в правители! Думаю, и не только я это вижу. Возможно, вы замечали, что отец вас придерживает?

Он нахмурился, на лбу появились складки.

— Не понимаю вас.

— Да понимаете, — сказал я, — только говорить о таком не принято. Но мы здесь одни, все спят. Вам казалось, что отец вас недооценивает, вы старались еще больше, а он, напротив, придерживал вас сильнее... Не так ли? Просто ваш отец старше и уже видит, что он давно достиг своего потолка, а еще замечает с ревностью, что вы его переросли и продолжаете расти и развиваться! Отец ваш — тоже человек, принц Дуглас! Конечно же, он хотел бы, чтобы вы стали королем, но только... после него. Он тоже хочет им побыть. А то, что вы к тому времени станете совсем старым...

Он нахмурился сильнее.

— Он уже и сейчас... немолод.

— Вот-вот, — поддержал я, — потому он хоть и понимает, что вы куда достойнее быть королем, но все-таки страстно жаждет трона и короны. Понимать — одно, а действовать — другое.

Он пробурчал:

— Отец меня ценит, я знаю.

— Ваш дед, — сказал я, — думает только о том, как бы спокойно дожить свои годы, ваш отец мечтает стать королем, а потом напасть на слабого соседа... как будто победа над нищей и разоренной Гиксией может принести славу или добычу!.. А вы, я вижу, рождены для великих дел. В ваших глазах огонь завоевателя, в каждом вашем слове я чувствую размах, напор, силу!

Он пробормотал:

— Вообще-то, в нашем королевстве старший сын унаследует только в случае, если король умирает, не назначив преемника. Но обычно король успевает назвать того, кто будет править после. И часто случалось так, что выбирал внука.

Я кивнул.

— Да-да, знаю. В моих дальних землях императрица Екатерина, минуя сына, передала трон внуку Александру. И тот справился намного лучше, чем смог бы его недалекий отец. Я уверен, что Его Величество с каждым днем склоняется к тому, чтобы передать трон именно вам, принц. Он тоже видит, как и я, что вы уже созрели править королевством.

Его настороженность быстро таяла, он выпятил грудь и сказал напыщенно:

— Я не трачу время на плотские утехы, я изучаю битвы древних королей, совершенствую воинское умение!

— Настоящее занятие для будущего правителя, — сказал я уважительно. — Я хорошо вижу, что в гонке к трону ваш благородный отец, как и ваши дяди, останутся позади. Ваш дед хоть и относится к вам настороженно, однако сегодня... даже не знаю, имею ли я право нарушать великую государственную тайну...

Я заколебался, принц взглянул на меня со злым нетерпением.

— Говорите! Я — принц. Если я стану королем, клянусь вам, что все недоразумения между нами будут забыты. Вы сказали верно, здесь ничего личного. Я лишь выполнял приказ, у меня нет к вам неприязни.

Я, все еще колеблясь, сказал тихо и очень значительно:

— Надеюсь, ваше высочество, когда станете Его Величеством... а это будет очень скоро, вы вспомните, кто вам первым сообщил эту долгожданную весть...

Он почти вскрикнул:

— Да говорите же!

Я вздохнул, отвесил ему почтительный поклон.

— Его Величество король Фальстронг час назад сообщил мне по секрету, что намерен завтра или послезавтра объявить всем, что наследником назначает вас!

Его глаза вспыхнули.

— Правда?

Я оглянулся по сторонам и сказал шепотом:

— Тихо-тихо. Пока что это тайна. И вы понимаете, почему.

Он тоже оглянулся по сторонам.

— Мой отец?

— Да, — прошептал я. — Король нарочито отсылает его в самый дальний форт, чтобы принц Роднерик не мог помешать ему объявить вас будущим королем.

Он едва не подпрыгнул.

— Я слышал, мой отец уезжает завтра!

— Нужно, — сообщил я шепотом, — чтобы он успел отъехать хотя бы на пару сот миль... Чтобы не захотел тут же вернуться. А когда весть достигнет его ушей в крепости Алой Зари, ему ничего не останется, как либо смириться, либо в гнев готовить войско и двигаться на захват столицы...

Он сказал быстро:

— За это время я соберу войско и здесь! Еще больше.

Я кивнул и сказал одобрительно:

— Король именно так и рассчитал. Чтобы в любом случае вы остались на троне. Думаю, когда ваш отец увидит, что вы успели собрать войско и сумеете дать отпор, он смирится с решением Его Величества и принесет вам присягу.

Разговаривая, я увлек его с собой, чтобы не стоять, как два дурака, среди пустого зала, принц оглянулся и жестом отослал приближенных, дальше мы тихонько шли одни.

Я, как уже свой в этом дворце, перешел в ту часть, где находились королевские покои. Часовые провожали нас подозрительными взглядами, но не останавливали.

Принц на мгновение напрягся, когда я подошел к дверям королевской спальни и тихонько толкнул двери.

— Его Величество эту ночь проводит на ложе Ее Величества, — объяснил я. — А мы все-таки не чужие здесь... заходите, принц.

Двери раскрылись тихо и без скрипа, свет только у входа, дальше все тонет в полумраке. Я широким жестом показал на стену с королевским оружием, крупные рубины и бриллианты в навершии мечей и топоров сверкают колдовским огнем, загораются таинственно и маняще.

— Это все скоро будет вашим, принц. Не забудьте, кто вам все это сообщил!

— Не забуду, — пообещал он нетерпеливо. — Я знаю, что вчерашние враги часто становятся потом верными друзьями.

— Спасибо, Ваше Вели... ваше высочество.

Рядом с затемненным ложе на столике скромно сияет золотом и крупными рубинами корона, там же листы бумаги и перо, это на случай, если королю придет яркая мысль среди ночи, чтобы тут же записать, дабы не забыть...

Принц бурно дышит, глаза горят так, что можно за ненадобностью загасить все свечи, а лицо покраснелось, словно в жаркой кузнице сам кует себе меч.

— Ваше высочество, — сказал я проникновенно, — скоро к вам будут обращаться «Ваше Величество». Как только эта корона опустится на ваше чело...

Он сделал несколько нетвердых шагов и остановился перед столиком. Глаза жадно пожирали корону.

Я взял ее в обе руки и сказал негромко:

— Можете примерить, Ваше Величество...

Он как в трансе кивнул, я медленно и торжественно опустил корону ему на голову. Он в сладострастном экстазе прикрыл глаза.

Я сказал с чувством:

— Никогда эта корона еще не была так на месте, как сейчас!.. Поздравляю, Ваше Величество, под вашим управлением королевство станет самым могущественным государством в мире!

Он подошел к зеркалу на стене, я видел, как и без того злое и надменное лицо преисполняется жажды власти и насилия. Глаза вспыхнули мрачным триумфом, щеки загорелись нездоровым румянцем, а грудь начала вздыматься чаще и выше.

Я взял со стола королевский кубок, тяжелый и неудобный, да еще эти рубины по ободку, хорошо хоть мелкие, не так мешают. Сосредоточиться мешал принц, принимающий разные позы перед зеркалом, я сказал громко:

— Силой могучего талисмана да заполнится этот кубок в такую торжественную минуту императорским вином с Юга!

Принц настороженно смотрел, как со дна поднимается светло-коричневая жидкость. Когда подошло до краев, я протянул кубок принцу.

— За ваше королевство!

Его глаза сузились, он сказал отрывисто:

— Сперва вы!

— Похвальная предосторожность, — сказал я понимающе. — Всегда так делайте, Ваше Величество. Чем выше подниметесь, тем больше будет недоброжелателей.

Он настороженно смотрел, как я отпил половину, крикнул и задержал дыхание. Он всмотрелся в мое раздумывавшееся лицо, взял из моей руки, все еще поколебался, но еще раз взглянул на мои пылающие щеки, решился и выпил одним махом.

Лицо его стало красным, как рубин, он задохнулся, с трудом перевел дыхание и сказал хрипло:

— Вино драконов... Как будто расплавленного железа выпил!

— Вино императоров, — напомнил я. — Я могу его делать только раз в год... но сейчас самое достойное время.

Он быстро пьянел с непривычки, ром — это ром, а не натуральное виноградное, глупо улыбался, пошатывался, движения становились все размашистее.

— День был тяжелый, — сказал я. — Ложитесь, Ваше Величество. Завтра вас ждет много дел. Помните, ваш отец

уедет в крепость Алой Зари... а вас ждет нечто особенно радостное... о чем вы уже догадываетесь... ха-ха... не так ли?

Он завалился на королевское ложе, как пьяный кабан, улыбка омерзительно довольная, а когда захрапел, я бережно снял с него корону и опустил на прежнее место слева от ложа на столик.

Чтобы прекратить безобразный храп, я перевернул его на бок, заботливо укрыл одеялом с головой, оставив только отверстие для носа, ночами в замке всегда холодно, отступил на цыпочках, оглядел внимательно от двери, все пока неплохо, и вышел.

Чтобы попасть в комнату к королю, пришлось обойти чуть ли не весь дворец, хотя я чувствовал, что пришел снова чуть ли не в то же самое место. Во всяком случае, принц Дуглас похрапывает где-то совсем близко.

Двое гигантов скрестили передо мной копья, я сказал внушительно:

— Его Величество ждет меня.

Третий поднялся с табуретки и, открыв дверь без стука, вошел и плотно закрыл за собой. Я ждал, через некоторое время он вышел, оглядел меня пытливо.

— Можете войти.

— Благодарю.

Я переступил порог, эта комната намного скромнее королевских покоев и впятеро меньше, просто каморка, хотя и достаточно уютная. Фальстронг поднялся с ложа в простой полотняной рубашке, лицо настороженное, в глазах острая подозрительность.

— Что случилось? Зачем наврали моим стражам?

— Ваше Величество, — произнес я смиренно, — надеюсь, я вас не разбудил...

Он буркнул:

— С вами заснешь. Нет, конечно, просто лежу, полный горьких размышлений.

— О великом?

Он поморщился.

— Да, конечно, с вами только о нем и думать, когда то и дело... эх, что случилось?

— Во дворе со стороны сада какой-то шум, — пояснил я. — Не слишком так уж, но все-таки чуть больше обычного. И металл поблескивает, хотя его и прячут под одеждами.

Он вздрогнул.

— В самом деле?.. Эх, да что это я... Так не хочется в это верить... Со стороны сада?

— Да, точно.

— Значит, — произнес он мрачно, — идут из города.

— Но меры вы приняли? — осведомился я с беспокойством.

— Да, — раздраженно сказал он, — но меня такое не красит, верно?

— Это всех не красит, — сказал я. — Особенно тех, из-за кого. И еще некоторых, кто пытается что-то изменить недемократическим путем насильственного переворота. Демократия должна уметь себя защищать как дома, так и далеко за его пределами! И если у вас тут расквартировано с полусотни хороших воинов...

— Сотня, — поправил он мрачно и отвел взгляд.

— Еще лучше, — сказал я с оптимизмом. — А то жизнь наша полна ожидаемых неожиданностей... У вас как, отсюда как-то видно, что делается в вашей спальне?

Он помолчал, я видел, как хочется уйти от ответа, наконец произнес с великой неохотой:

— У всех королей, думаю, такое предусмотрено. Мы не простолюдины, у нас угроз больше.

— Абсолютно верно, Ваше Величество!

— Что вы хотите, сэр Ричард?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Ваше Величество, вам разве опыт не подсказывает?

— То мне, — буркнул он, — а у вас молоко на губах не обсохло!

— А я вампир, — сказал я. — Информационный. Чужим опытом питаюсь, чтобы меньше свою дурь показывать... хотя, конечно, ухитрюсь, еще как ухитрюсь.

Он криво усмехнулся.

— Когда, по-вашему?

Я прислушался, голоса вроде бы все еще раздаются на дворе, но часть как бы переместилась в здание.

— Мне кажется, — сказал я осторожно, — ваш сын, принц Роднерик, не совсем уж лег спать перед долгим путешествием с утра. Хотя, на мой взгляд, стоило бы выспаться.

Он буркнул:

— Может быть, просто гуляет напоследок?

— Да, — согласился я, — только по-своему. По своим правилам.

Он приблизился к стене, разделяющей эту комнату и его королевскую спальню, оглянулся на меня с неудовольствием. Я сделал каменное лицо, он потрогал россыпь блестящих камешков на стене, один послушно отодвинулся в сторону.

Глава 6

Я попытался мысленно восстановить в памяти стену спальни с той стороны, так и есть, там в нарочито затемненном месте мозаика из множества блестящих камешков, кусочков стекла, малахита, так что в той пестроте даже самый блестящий глаз останется незамеченным.

Через некоторое время он буркнул:

— А кто там на моем ложе?

— Ваш внук, — сообщил я. — Простите, Ваше Величество, но я угостил его императорским вином...

Он поморщился.

— Надеюсь, не облюется.

— Спит, как убитый, — заверил я. — А еще... тихо-тихо!.. Слышите?

Он сделал мне знак, чтобы я умолк, хотя из-за такой толстой стены вряд ли услышат наш шепот.

Я торопливо перешел на запаховое зрение, сработало очень плохо: я увидел там еще свой блеклый образ, растянутый от ложа и до двери, потом сосредоточился, заболела голова, в ушах неприятный звон, но стена как бы стала матовой, я увидел в сером цвете королевские покои, где распахнулись двери, вошел принц Роднерик с обнаженным мечом в руке.

Я успел увидеть вооруженных людей в коридоре, но войти они не посмели, зато Роднерик, крадучись, приблизился к ложу, поднял над головой меч.

Рядом со мной Фальстронг судорожно вздохнул. Меч принца с такой скоростью метнулся вниз, что мы увидели только сверкающую полосу блестящей стали.

— Умри! — выкрикнул Роднерик остервенелым голосом. — Умри, сволочь!

Меч рассек закутанное в одеяло тело чуть ли не пополам. Брызнула кровь, а Роднерик в иступлении рубил и рубил, пока все ложе не залил потоками крови, а затем отшвырнул меч на середину комнаты.

Фальстронг тихо стонал сквозь зубы. Я успокаивающе положил ладонь на плечо и тихонько сжал, выказывая искреннее сочувствие и поддержку.

А в спальне Роднерик ухватил со стола корону обеими руками, жадно припал к ней губами.

— Наконец-то!.. Наконец-то я король!

Он резко повернулся к теснящимся в коридоре сторонникам, но те смотрели в ужасе на истекающее кровью изрубленное тело на ложе, все еще укрытое кусками одеяла, и войти не решались.

— Я король! — повторил он громко. — И отныне Варт Генц — мое королевство. И в нем будут только мои законы!

Он красуясь поднял на вытянутых руках корону, полюбовался, снова прижался губами к золотому ободку с руби-

нами, а потом медленно и торжественно опустил себе на голову.

В зеркале фигура оставалась темной, он поставил перед ним светильник с тремя свечами, и корона заиграла всеми красками драгоценных камней.

Некоторое время гордо поводил плечами, смотрел то задирая подбородок, то выпячивал нижнюю губу, руки упер в бока.

Мы слышали, как он проговорил негромко:

— Наконец-то... Наконец-то я король... и королевство все мое!

Фальстронг снова простонал сквозь стиснутые челюсти. Я думал, что он так и будет терзаться душевными муками, но короли — люди из другого теста, он поднял руку над головой, там вдоль стены свисает неприметная шелковая веревка под ее цвет, ухватил за узел на конце и с силой дернул.

В дальнем конце королевской спальни распахнулась широкая дверь. Группа воинов в полных доспехах и со щитами в левой, а с мечами в правой, вбежали согласованно, словно одно тело с сорока ногами и двадцатью головами, остановились, будто застыли.

Принц Роднерик опешил всего лишь на миг, про эту дверь, судя по его лицу, явно не знал, но тут же пришел в себя и сказал гордо и надменно:

— Король Фальстронг мертв!.. Отныне я — король!

Фальстронг, скрипя зубами, ухватился за нечто невидимое мне в стене и с силой потянул в сторону. Тихо затрещала, лопаясь, тонкая ткань, закрывающая тайную дверь.

Вход в королевскую спальню распахнулся и с этой стороны. Надменно вскинув подбородок, Фальстронг сделал шаг вперед и остановился, суровый и мрачный, несмотря на то что был в ночном белье.

— Пока еще нет, — произнес он холодным и очень державным голосом. — Пока еще нет, сын мой.

Принц Роднерик застыл в диком изумлении, потом на лице появилось недоверие, страх, непонимание.

— Что? — прокричал он. — Ты... призрак?.. Ты — призрак!.. Уходи, я тебя не звал!.. Ты не можешь мне повредить!

Я сказал громко:

— Он и раньше не мог. А я вот могу.

Он бросил на меня лишь злобный взгляд искоса, Фальстронг куда страшнее, прокричал дрожащим голосом:

— Убирайся обратно в ад!.. Ты не хотел отдавать мне трон, я должен был...

Фальстронг молча смотрел на него с суровой скорбью.

— Убить? — спросил я. — А дожждаться не мог?

Роднерик вскрикнул:

— Дождаться? Сколько еще ждать?..

Фальстронг смотрел на него с мукой в глазах, а Роднерик, что-то поняв по моему лицу, ринулся к королевскому ложу. Одеяло залито кровью, но человеческую фигуру, хоть и заметно осевшую, видно отчетливо.

Он бросился к ней, торопливо отбросил залитое кровью одеяло. Мы видели, как он застыл со вскинутыми руками, словно мгновенно превращенный в мрамор, руки с растопыренными пальцами выставлены перед собой, защищаясь от страшного зрелища, затем из его груди вырвался страшный звериный крик.

Фальстронг сделал движение броситься к нему, я удержал.

— Даже зверь, убивая чужих детенышей, защищает своего.

Я встал за спиной Фальстронга, так, на всякий случай, обнаженный меч тоже в моей руке, Фальстронг произнес с отвращением:

— Ты был просто дураком... а теперь стал еще и убийцей... Теперь ты видишь, кого вместо меня отправил на тот свет!

Роднерик с воем отбросил изрубленное и пропитавшееся кровью тяжелое одеяло. Страшные удары, рассекая тело, пощадили голову, я невольно сжался, когда Роднерик снова закричал страшно и дико, понимая со всей ясностью, кого с таким наслаждением рубил.

Фальстронг кивнул молчаливым телохранителям, они пробежали через спальню, слышно было, как в коридоре хватают, повергают на пол, вяжут и отбирают оружие.

Роднерик стоял на коленях перед ложем и с рыданиями прижимал к груди окровавленную голову сына. Стражи его обходили, бросая пытливые взгляды на короля.

Внезапно он вскочил, с диким ревом бросился на меня.

— Это ты, ты его убил!

Крепкие воины, что подчиняются только самому Фальстронгу, ухватили его сзади за руки и плечи. Роднерик рвался и пожирал меня бешеным взглядом.

— Я его всего лишь подставил, — ответил я ровно. — Под твой предательский удар. И если совсем уж честно, и сейчас не думаю, что сыноубийство — тяжелее, чем отцеубийство. И то, и другое — смертельный грех перед Господом и преступление перед людьми. Уведите его. И сторожите так, чтобы даже его сторонники, которых надо немедленно схватить, освободить не сумели.

Я говорил настолько властно и непререкаемо, что стражи, даже не спросив подтверждения у Фальстронга, оттащили Роднерика к дверям. Я подошел к нему и грубо сорвал с головы корону.

— Господь видит, ты не только недостоин короны... но и жизни.

Он тяжело хрипел, взгляд прикован к ложу, теперь оно без изрубленного одеяла, остались окровавленные куски мяса, которые не всякий мясник сумел бы так искромсать.

Я подал корону Фальстронгу.

— Ваше Величество, Господь не зря сохранил вашу жизнь... моими руками. Видимо, он одобряет то, что вы мне пообещали. И проследит, чтобы вы все исполнили.

Фальстронг хмуρο кивнул, впервые я видел, чтобы на кого-то так смотрели, как он на родного сына. Того потащили в коридор, оглушенный несчастьем принц даже не сопротивлялся, ноги волоклись по полу, загребая ковер.

Фальстронг наконец проговорил мертвым голосом:

— Принца.... заковать в кандалы и поместить в Башню Смерти. Он будет казнен за сыноубийство.

Я пробормотал так, чтобы услышали и телохранители:

— Вообще-то, и за отцеубийство тоже. Он же убил своего родителя... как он считал.

Когда телохранители молча выволокли принца в коридор, Фальстронг со смертельно бледным лицом в бессилии опустился в кресло, весь стал старым и несчастным.

— Лучше бы ты не появлялся, — произнес он с такой горечью, что у меня кольнуло в сердце. — Лучше бы меня там зарубили, как толстую свинью... и мое сердце не разрывалось бы вот так, как сейчас.

Я ответил с сочувствием:

— Не о вашей жизни я заботился, Ваше Величество, а о вашем королевстве! Видно же, что правитель из него никакой. Он погубил бы все, что вы с таким трудом выстраивали долгие и трудные годы!

Он поник головой, затем прошептал:

— Это верно, но... как мне горько. Как мне паршиво, ты представить себе не можешь.

— У вас еще двое любящих сыновей, — напомнил я. — По крайней мере, самый младший сын вас любит, как я слышал, и вовсе не собирается претендовать на трон!.. Кстати, из таких как раз и получаются хорошие правители, что не страдают самомнением.

Он тяжело вздохнул.

— Ты прав. Я король... и завтра появлюсь на люди королем. Но эту ночь я хочу погоревать как простой человек с его обычными слабостями.

Я поднялся, поклонился.

— Да, Ваше Величество. Вам нужно выреваться... или хотя бы выплакаться наедине. Утром увидимся, Ваше Величество.

Глава 7

Дворец гудит, будто в нем разворошили улей, никто не спит даже из слуг. Стражи провели в Башню Смерти принца Роднерика, его пришлось связать, он на ходу пытался разбить голову о стены. Отловили и самых близких ему, пыточные камеры и палачи заработали без передышки, заплечных дел мастера сменяли друг друга, уморившись, спешно выznавали имена заговорщиков и всех, на кого принц намеревался опереться.

Внизу у дворцовых казарм командиры поднимали свои отряды и отправлялись в дальние замки, нужно успеть арестовать лордов до того, как те узнают о случившемся.

Сложное равновесие, что поддерживал Фальстронг, нарушилось, весь двор застыл в страхе, как бы не случилось чего непредвиденного, однако принц Марсал остался в настороженном ожидании: трон тем самым приблизился, не стоит искушать судьбу рискованными шагами, а третий сын Фальстронга, принц Эразм, вообще не подает признаков какой-либо деятельности в своем роскошном дворце на другом конце города.

Я еще раз старательно навел о нем справки, этот принц, которому трон уж никак не светит, почти безвыездно проживает в своем роскошном дворце, он не женат и больше времени проводит за книгами, чем с женщинами или за кубком вина, а на шуточки друзей отвечает, что через пыльные страницы общается с умными людьми, а дураков и так везде хватает.

Фальстронг хотел бы, чтобы тот жил при нем, младшенький — у всех всегда самый любимчик, но Эразм вежливо уклоняется, дескать, не хочет отнимать важное время у отца, который не только родитель, но прежде всего — король. Правда, на все праздники и приемы является дисциплинированно и выстаивает на отведенном ему месте терпеливо и говорит то, чего от него ждут.

Так что пока все под сравнительным контролем. Самое слабое звено сейчас не Эразм или Марсал, а сам король...

Телохранители взглянули на меня пытливо, я сказал значительно:

— Безопасность короля.

И они не только разрешили войти, но и сами распахнули передо мной двери в его покои.

Фальстронг в громадном кресле выглядит совсем потевшимся, впервые я увидел у него по бокам и за спиной подушки, правда, парадные и расшитые золотой вязью, но все-таки раньше такой слабости он себе не позволял. На столе перед ним кувшин и кубок, запах терпкого вина витает по комнате.

Я остановился, переступив порог, Фальстронг наконец поднял на меня тяжелый взгляд, изволив заметить непрошеного гостя, произнес измученным голосом:

— Ваша светлость.

— Ваше Величество, — ответил я почтительно и одновременно участливо.

— С чем на этот раз? — спросил он и указал кивком на кресло напротив. — Садитесь, сэр Ричард. Хорошо, что пришли. Я никого не хочу видеть, но... и одному тяжко. Пить будете?

— Понимаю, Ваше Величество, — сказал я. — Если поделиться горем — его станет вполтину меньше, если радостью — вдвое больше. Вам есть чем поделиться и... что сказать. А пить... от глотка-двух не откажусь, пожалуй.

Он проговорил с печальной гордостью:

— Я пятьдесят лет не выпускаю королевские бразды!.. Никто из королей, через чьи земли прошли полчища Тьмы, не сохранил трон, а я сумел, пусть даже пришлось нам скрываться в лесах!

— Очень достойно сохранить народ и жизнь, — сказал я серьезно. — Это больше заслуживает уважения, чем броситься на врага и красиво погибнуть.

Он пытливо смотрел мне в лицо.

— Так считаете? Хорошо, хоть и удивительно. Все молодые до сих пор шепчутся, укоряют в трусости. Но это было бы все равно, что выскочить навстречу бегущему в ярости стаду быков. Сомнут и не заметят. Что тут героического?

Он дотянулся до полки, не вставая из кресла. Взял еще кубок и собственноручно налил мне из кувшина.

— Спасибо, Ваше Величество, — сказал я.

Он ответил ворчливо:

— Вам спасибо, сэр Ричард... За понимание. Про терьядера уже не говорю, о нем при дворе только и судачат... Ну, и за спасение моей шкуры...

Я с кубком в руке сказал твердо:

— А вот за это благодарить не надо. Ваша шкура еще нужна не только вам, это не так уж и важно, но и королевству.

Он хмуро усмехнулся.

— Умеете сказать приятное, вроде бы нахамив... В общем, все годы после возвращения я твердо и уверенно вел страну и народ по пути возвышения. Мы восстановили все и начали развиваться дальше. Оглядываясь на достигнутое, вижу, что был прав во всем, и потому считаю, что прав и сейчас!.. Но как же мне паршиво...

Я медленно сделал два неспешных глотка, вино слабое и кисленькое, хорошо, я вздохнул, и медленно опустил кубок на стол.

Фальстронг подозрительно уставился на меня воспаленными глазами с набрякшими красными веками.

— Как скажете, Ваше Величество, — произнес я.

Он потребовал:

— Что не так? По вашему лицу это очень даже не так!

— Ваше Величество... во всем, что напрямую не связано с религией или моралью, опасно долгое время быть правым.

Он смотрел вытаращенными глазами, не понимая, только улавливая, что сказано что-то важное, но когда человек так долго у руля, он привыкает, что слушать должны только его, а ему самому можно не слушать даже самого Господа.

— Что вы хотите сказать? — потребовал он.

— Ваше Величество, — сказал я почтительно, — настолько привыкли быть правым, что можете не заметить... нет-нет, я не о правоте!.. но не заметить упущенные возможности, боковые дороги, где за ближайшим поворотом огромные богатства... как вот не заметили, что у вас очень даже подросли дети...

Он нахмурился, его рука уже поднялась для того, чтобы взять кувшин, но бессильно упала на колени.

— Не наступайте на мои мозоли, — предостерег он сердито. — Да, я знаю, что засиделись в принцах. Уже подумывал было дать им наместничество...

— ...и не сделали этого, — продолжил я, — из опасения, что сыновья тут же начнут гражданскую войну за трон. Вы правы, Ваше Величество, лучше было их держать во дворце. Под надзором.

Он покосился на меня со злобным изумлением, слишком легко многое из жизни двора понял, а я развел смиренно руками и лицемерно опустил глазки. Дескать, со стороны всегда виднее, Ваше Величество. Вот даю ценные советы и даже денег не прошу, хотя моя консультация, вообще-то, многого стоит.

Он допил вино, но кубок оставил в ладони, словно он греет не только пальцы, но и душу.

— Человек всю жизнь учится, — проговорил он невеселым голосом. — Если, конечно, человек, а не глупец, каких миллионы. Вот и я наконец-то пришел к одной важной истине.

— Поделитесь своей мудростью, Ваше Величество!

Он посмотрел на меня искоса.

— Тебе еще рано.

— Но... а вдруг восприму? Что за истина?

Он вздохнул и сказал торжественно:

— Истина в том, что в семьдесят семь лет пора стать серьезным.

Я помолчал, потом пробормотал ошарашенно:

— А... раньше... никак?

Он двинул плечами.

— Я всегда считал себя серьезным. Но теперь понимаю, что только старался им быть. Но походить на серьезного и быть им... гм...

— Ваше Величество?

— Не поняли, сэр Ричард? Ничего, я тоже себя не всегда понимаю, до того умный, привык в хитросплетениях всяких разбираться. Стать серьезным... это наконец-то растерять все иллюзии. К этому времени уже настолько укрепишься волей и телом, что не бросишься с моста вниз головой, как сделал бы по молодости.

Я вздохнул.

— Ваше Величество...

— Ну-ну, говори!

— Взрослым и даже очень серьезным дает утешение то, чего у вас в королевстве нет, к сожалению...

— Чего нет?

— Церкви, — ответил я. — Монастырей. И разговоров со святыми отцами. Вера, Ваше Величество, умным людям нужнее, чем дуракам! Дураки и без нее живут легко, им лишь бы корыто с отрубями. А умным надо нечто повыше жратвы и на все согласных баб.

Он поморщился.

— И вера это высокое утешение может дать? Эх, сэр Ричард, старого пса новым трюкам не обучить. Хотя я готов поверить, что вообще-то надо бы... Мы уже поднялись из руин, от роскоши можно построить и церкви...

Я сказал осторожно:

— Вообще-то обычно первое, что строят на новом месте, это церковь, а уж потом себе дом. Как бы основу. А если основа будет попроще, то и весь будешь... попроще. На хлипком к тому же фундаменте.

Он тяжело вздохнул, налил себе и сделал глубокий глоток, а потом, не выпуская кубка из ладони, произнес безучастно:

— Да, конечно...

Мне показалось, что он даже не слышит, о чем я говорю, слишком погрузился в глубокую скорбь, потому я рискнул протянуть руку и похлопать его по королевскому колену.

— Ваше Величество, возьмите себя в руки. Зато наконец-то стало ясно, кто есть кто. Все разрешилось! Ваш сын Эразм вас любит и предан вам. Это жестоко такое говорить, но... лучше уж так, чем если бы Роднерику удалось, что он замыслил. Война со Скарляндами, которую он планировал, чтобы вернуть себе корону того разоренного королевства, что принадлежала вашему дому пятьсот лет тому, — плохая затея. И не стала бы популярной в королевстве...

Он взглянул на меня хмуро.

— А поход на Турнедо?

— Вы идете помогать несправедливо обиженным, — возразил я. — Это другое дело, такое уважают.

Он поморщился.

— В королевстве мало осталось тех, кто все еще уважает верность и честь. Войска Тьмы разрушили не только дома, но и души...

— Старшее поколение, — напомнил я, — не забывает о рыцарских доблестях, чести и верности. А молодежь... она не правит! Ее поведут. И обучат в походе.

Он вздохнул, но возражать не стал, взгляд стал отстраненным, словно увидел вдаль собирающиеся на его призыв войска, но еще не решил, что с ними делать.

— Ваше Величество?

Он не вздрогнул, возвращаясь в реальный мир, но взгляд стал острым и цепким. Кубок со звоном опустился на столешницу, а Фальстронг потерял ладони, словно перед ним поставили только что испеченный и благоухающий огромный пирог с мясом.

— Хорошо! Вернемся к делам.

— С удовольствием, — сказал я с облегчением.

— Подумаем, — сказал он, — как разделим...

— Что? — не понял я.

Он удивился:

— Как — что?.. Уж не думаете, что я вступлю в войну только ради обещания получить клочок земли на берегу океана? В случае победы над Гиллебердом половина Турнедо должна отойти мне!..

Я запротестовал:

— Ваше Величество, а король Барбаросса, а Найтингейл?.. Им тоже нужны будут доли!

Он отмахнулся.

— Главный удар нанесу я, потому моя доля должна быть больше. Король Барбаросса может ударить только в самой Армландии, если сумеет провести армию через все болота, отделяющие его Фоссано от ваших земель. Найтингейл может только покусывать слегка, а я ударю с тыла, откуда у Гиллеберда практически нет защиты. Только я вторгнусь в само Турнедо! Моя бронированная конница быстро сомнет небольшие отряды местных лордов и домчится до самой столицы!.. А там уже и я подойду с катапультами, требушетами и прочими осадными орудиями.

— У вас есть карта? — спросил я. — Нам в самом деле нужно хотя бы предварительно наметить наши будущие границы. Как вы понимаете, для успешной торговли и возникшего сотрудничества ваши земли не должны быть отделены от моих владениями, что отойдут королю Барбароссе или Найтингейлу. Не так ли? Иначе беспощадная торговля и наш зеленый коридор будут под угрозой.

— Это значит, — сказал он победно, — им нужно дать немножко и с самого краешку. Со своей стороны!

— Но согласятся ли?

Он отмахнулся.

— Найтингейла в расчет можно не принимать. Он самый слабый, а со слабыми никогда не считались. Пусть берет, что дают.

— А Барбаросса?

— Это крепкий орешек, — признал он.

— Как думаете уговорить его?

Он ответил хладнокровно:

— А никак. Он больше всех заинтересован в этом деле. Все-таки Армлиндия — часть его королевства Фоссано! Пусть и почти отделившаяся... Правда, еще больше заинтересованы вы.

Я огляделся по сторонам, Фальстронг тоже бросил взгляд, но в одну определенную сторону, если присмотрюсь, то за той стеной наверняка почувствую еще одну скрытую дверь, однако я сделал вид, что ничего не заметил, сказал шепотом:

— Ваше Величество, мы оба разговариваем с разными степенями откровенности...

Он хмыкнул:

— Для вас это новость? Привыкайте общаться с королями.

— Да, но в этом случае я могу пойти на предельную откровенность. Как ни с кем еще...

В его взгляде мелькнуло удивление, но кивнул поощрительно: мол, давай, мальчик, ты еще мал, чтобы хитрить со взрослыми, говори откровенно, не обижу.

— Я сохраню все в тайне, — сказал он и добавил: — В самой строгой тайне.

— Очень надеюсь на это, — сказал я жалким голосом, — потому что на карту поставлена моя честь...

— Я обещаю!

— Дело в том, Ваше Величество, — сказал я таким шепотом, что он приблизился и подставил ухо, — если честно, мне этот Турнедо на хрен нужен как целиком, так и частями. У меня богатое и счастливое королевство по ту сторону Великого Хребта!.. И неизмеримо богаче этих бедных северных королевств. Потому я говорю о разделе Турнедо только потому, что так принято. И нисколько не буду против, если вы даже сумеете забрать у меня или у нас всех его целиком! Но целиком нельзя, не поймут. Потому захватывайте столицу и забирайте две трети!.. А оставшуюся треть — королю Барбароссе. Мне достаточно и того, что по эту сторону дружественно настроенные правители, с которыми я буду торговать через Тоннель.

Он смотрел внимательно, медленно кивал, он так и думал, я же не дурак, чтобы цепляться за эти бедные клочки земли, когда там у меня рай на берегу южного моря, к тому же полностью защищенный от всех Великим Хребтом...

— Это хороший вариант, — признал он, — хотя этот бык Барбаросса явно упрется.

— Точно, — согласился я, — однако есть вариант...

— Какой?

— Я могу договориться о встрече трех королей, — сказал я. — Дело в том, что только я один со всеми вами дружу, а Найтингейл даже выдавал за меня дочь, но в последний день мы с нею так сдружились, что решили не портить наши прекрасные отношения всего лишь дурацким браком по расчету!

— Гм, — сказал он озадаченно. — Это как?

— Дружба выше, — объяснил я. — Любовь... она может прийти, как насморк, и уйти ни с того ни с сего. Плюс к дружбе я получил там очень хорошие рудники, что приносят мне солидный доход...

— А-а-а, — воскликнул он понимающе, — ну тогда да, такая дружба, конечно же, выше, вы абсолютно правы... да вы жук, сэр Ричард!

— Хозяйственник, — скромно сказал я.

Глава 8

Утром в торжественной обстановке и в присутствии многочисленных свидетелей... это чтоб я не отказывался потом, мы подписали предварительный договор о вступлении королевства Варт Генц в войну с Турнедо в составе коалиции из трех королевств: Фоссано, Шателлен и, собственно, Варт Генца, а также войск из Армландии под руководством эрцгерцога Ричарда Длинные Руки, известного здесь как Ричард Завоеватель.

Особо подчеркнули пункт, что если хоть одно из указанных королевств вздумает нарушить договор и воздержаться

от участия в общей войне, то и Варт Генц не будет считать себя связанным этим договором.

Общими фразами записали положение о разделе королевства Турнедо, к Варт Генцу должны отойти территории, которые устроят Его Величество Фальстронга.

Я видел, что, даже несмотря на страшную судьбу принца Роднерика и его сына Дугласа, противников войны с Турнедо больше, чем хотелось бы. Принц Марсал демонстративно отсутствовал, хотя некоторые из его приближенных были в зале и наблюдали за всем очень внимательно и угрюмо.

После подписания, когда мы с королем удалились, оставив остальных шушукаться и обсуждать детали, я сказал осторожно:

— Ваше Величество, пока мои отряды собираются в указанное место сбора... это там, в Армландии, хорошо бы вам отправить гонцов и в дальние земли королевства. А то пока доберутся...

Он посмотрел на меня с интересом.

— Думаете, все еще не отправил?

— Без договора?

Он хмуро усмехнулся.

— Я старый волк и сам могу заглядывать в недалекое будущее. Вступим в войну или нет, но я счел нужным снять часть войск с безопасных участков границы с Гиксией и перебросить на кордон с Турнедо. Еще как только вы сообщили, дорогой сэр, о вторжении Гиллеберда в Армландию.

Я сказал с уважением:

— Значит, вы сами подумали то же самое... в чем я убеждал вас потом так пылко и глупо?

Он покачал головой, но в глазах играли веселые огоньки.

— Вы говорили хорошо, сэр Ричард. И подтвердили часть того, о чем я начал беспокоиться и сам.

— Как хорошо, — сказал я с облегчением.

— Да? — переспросил он. — А я думал, будете уязвлены, что кто-то додумался раньше.

— Ни за что! — клятвенно заверил я. — Так я мог сомневаться в своих решениях, но когда и Ваше Величество пришло к тем же выводам, я лишь утвердился, что я не совсем дурак и мыслю верно! Мне же нужны ориентиры в жизни, Ваше Величество! А вы, как могучий столб, указываете путь, и я сразу вижу, как надо и, напротив, как очень правильно!

Он улыбался, довольный, хотя я видел затаенную печаль в его глазах. Сегодня на заседание королевского суда съедутся лорды Тайного Совета, что решат судьбу его старшего сына.

— Не только Гиллеберд просчитывает ходы наперед, — сказал он, — я тоже старый волк, он старше меня всего на пару лет. У нас, можно сказать, одна школа. Только мое королевство пострадало гораздо больше от нашествия Тьмы, а его земли задело краешком!

Потянулись дни ожидания, наконец начали приходить первые весточки от хозяйств, расположенных ближе всего от столицы. Лорды сообщали, что собирают вассалов, те должны явиться с дружинами, а сами тем временем пока проверяют свои гарнизоны.

Примерно так же отвечали лорды из земель, расположенных подальше. Я прикинул, сколько гонцам было скакать туда, сколько обратно, и решил, что Фальстронг не соврал и в самом деле послал заранее, как и сказал мне, а не сейчас, когда приходится выполнять мне обещанное.

Зайчик встречал меня нетерпеливым ржанием, Бобик извелся, бегая по заднему двору и пугая кур, я навещал их дважды в день, обнимался и уверял, что вот как только, так сразу.

Самые дальние из вассалов Фальстронга наверняка ответят тоже согласием выступить, хотя, конечно, могли бы отказать, в договоре с королями такое предусмотрено, ведь на королевство же никто не напал, а самим нападать — это по выбору.

Я решил, что у Фальстронга собирается достаточно могучая армия, попросился на аудиенцию, тоже выбрав время, чтобы не в общем зале, а там сообщил учтиво:

— Ваше Величество, я счастлив был бы погостить еще, но пора отправляться навстречу своим войскам.

Он удивился:

— Армландским?

Я сказал уязвленно:

— Ваше Величество, я к вам ехал через свои земли и велел собрать всех, кто может держать оружие в руках. Мы готовы защищать свои земли! А наиболее боеспособные отряды рыцарей уже выступили в указанное мною место... Кстати, из Сен-Мари туда тоже должны прийти отборные войска, закаленные в боях! Так что я хоть в сравнении с тремя королями и буду самым слабым, но... не таким уж и ничтожным!

Он сказал примирительно:

— Сэр Ричард, я не хотел вас обидеть. Я признаю, вы с вашей дикой просто энергией сумеете собрать войско даже своими силами. И я рад, что мы с вами союзники! Но не спешите так. Я решил выступить в поход со столичными войсками завтра же с утра. Остальным незачем идти сперва к столице, а потом к границе с Турнедо...

— Очень разумно, — вырвалось у меня.

Он кивнул, довольный.

— Я велел всем идти напрямую к месту сосредоточения.

— Это где? — спросил я осторожно. — Если это, конечно, не военная тайна.

— Уже не тайна, — сообщил он. — Я наметил собраться у замка Прибрежный. Это у самой границы с Турнедо. Вы можете доехать туда с нами, сэр Ричард. Заодно и посмотрите, как мы вооружены, как двигаемся, чего стоим. А когда я там останусь дожидаться подхода остальных войск, вы помчитесь к своим...

— Спасибо, Ваше Величество, — поблагодарил я. — Я счастлив, что у меня будет на несколько дней больше,

чтобы я имел удовольствие и счастье услаждать себя беседой с вами.

Он заулыбался, польщенный.

— Спасибо, сэр Ричард, но вообще-то вы правы, мне есть чем поделиться с такими отважными молодыми рыцарями, как вот вы. У меня громадный опыт, а сколько было неудач и промахов... но теперь-то я знаю, как избегать этих подводных камней!

— А я вот такой хитрый, — признался я, — буду почти-тельно слушать, чтобы учиться на вашем опыте, а не набивать шишки самому!

Расстались мы после этой аудиенции крайне довольные друг другом. Сэр Клифтон Джонс молча изумлялся и качал головой, в глазах все растет как удивление, так и начинает разгораться уважение.

Глава 9

Утро, на мой взгляд, холодное и неприветливое, но для Фальстронга и остальных вартгенцев хмурое небо в тучах привычно, а я, похоже, в самом деле слишком уж привык к безоблачности и яркой синеве.

Тяжелая конница выступила на рассвете, но Фальстронг вышел из дворца только после обеда. Ему вывели такого коня, что я в восторге покрутил головой. Могучий, налитой силой, с огненным взглядом и быстрыми движениями, нервный, этот догонит передовые отряды через пару часов, лишь бы телохранители не отстали.

Впрочем, у них кони почти такие же быстрые и выносливые, а сами закованы в легкие и очень прочные доспехи, на вооружении как длинные копья, так и мечи с топорами, а у каждого пятого еще и мощный лук за плечами.

— Вы готовы к войне не хуже Гиллеберда, — заметил я осторожно. — К чему-то готовились?

Он ответил уклончиво:

— Ни к чему особенному. Но мы в таком мире живем...

— Да, — согласился я, — и еще не скоро построим Царство Небесное на Земле, где не будет надобности в оружии вообще.

Он посмотрел на меня несколько странно, но смолчал, юные всегда о чем-то да мечтают, а вот зрелые люди живут только в реальном мире... иначе не выживут.

К нам подъехал закованный в дорогие доспехи рыцарь, украшенный золотом шлем, забрало поднято, на меня взглянул ярко-синие и какие-то беспощадные глаза.

— Граф, — сказал Фальстронг.

Рыцарь почтительно поклонился.

— Ваше Величество.

Фальстронг сказал мне:

— Это граф Фредерик Меганвэйл, он отвечает за королевскую армию. Ему еще нравится ею заниматься, я такой король, всем предоставляю возможность заниматься любимым делом...

Граф посмотрел на меня без заметного дружелюбия, хотя это я ему даю возможность повоевать, перевел взгляд на короля.

Тот чему-то засмеялся, я сказал понимающе:

— Все верно, Ваше Величество. Именно так можно выжать все соки из подданного, чтобы падал на вашей службе и радовался, что ему позволили работать!

Он странно посмотрел на меня.

— А что... Ах да, вы же старые книги читали!

Мы мчались впереди, чуть обогнав телохранителей, чтобы пыль оставалась сзади, только Бобик не желает уступать, но он больше рыщет по сторонам, привычно отлавливая зверей и на ходу пихая обомлевшему Фальстронгу в руки.

Зеленая цветущая земля без всякой причины сменялась выжженной пустыней, где копыта стучат грозно и гулко, словно мчимся по деревянному настилу над бездной, горы вдали выглядят странно объемными, словно настоящая жизнь там, а здесь — нечто серое и плоское.

Справа и слева от дороги поля и огороды, дома добротные, почти при каждом сад, собаки трусливо лают из-за заборов, но Бобик игнорирует великодушно, впереди целый мир под лучами бледного мутного солнца.

Правда, трижды пришлось сворачивать, как мне казалось, без всякой причины, но телохранители были непреклонны настолько, что даже Фальстронг не мог спорить.

— Зачарованный лес, — говорили в первом случае.

— Заколдованный плес, — говорили через какой-то десяток миль.

— Долина с дурной славой, — твердили в третьем случае, — здесь никто не селится...

Я со злостью и раздражением подумал, что совсем уже достали эти зачарованные леса, заколдованные болота, пески с дурной славой или долины, куда заходить нельзя! Человек везде должен ходить и везде все портить, у него натура такая. Ничего, когда-то у меня дойдут руки, чтобы показать всем, что царь природы — человек, а все остальные... знаете кто. И где.

Фальстронг, несмотря на мои опасения, в седле держится хорошо, хотя и устает к концу дня невероятно. Конницу мы догнали в первый же день, я охнул, увидев среди военачальников высокую фигуру принца Марсала.

Рослый, в великолепно подогнанных доспехах, украшенных золотой чеканкой, он едет на огромном черном жеребце, заметно возвышаясь среди своих вассалов, вокруг него постоянно снуют оруженосцы, пажи, гонцы.

Я покосился в сторону Фальстронга, он перехватил мой взгляд, криво усмехнулся, но ничего не сказал.

— Ваше Величество, — спросил я дипломатично, — принц Марсал, видимо, обладает выдающимися талантами полководца?

Фальстронг поморщился.

— Не обладает.

— Тогда... он хороший дипломат?

— Мы не на переговоры едем.

Я сделал еще одну попытку:

— Руководитель? Умеет устроить лагерь и организовать его оборону?

Он буркнул:

— И не пытайтесь угадать. Хотя... возможно, поняли, только хитрите, не хотите меня обидеть. Верно?

Я ответил осторожно:

— Вы как заботливый отец хотите, чтобы ваш сын был постоянно под вашим присмотром, а то во дворце может попасть под дурное влияние.

Он скривил левую половинку лица.

— Вот-вот, очень дипломатично. Да, я ему не доверяю, это хотите сказать?

— Ну, не так прямо...

— А я вот прямо, надоело вилить. И потому он здесь, под надзором. А трон пока временно находится под защитой Эразма. Он спокойный и рассудительный, и не так глуп, как кажется. Просто ему нравится его беспечная жизнь, и не нравится служба, а что быть королем — это служить, он уже понял.

— Надеюсь, не только на сына вы оставили все правление в ваше отсутствие?

Он фыркнул.

— Конечно! В основном на свой Тайный Совет. Там старые зубры, все видят и все понимают. Их с места не сдвинуть...

Тяжелая рыцарская конница постепенно осталась позади. Мы вырвались далеко вперед в сопровождении сотни

лучших из лучших, которые считаются телохранителями, хотя Фальстронг зовет их просто почетным эскортом.

Я все смотрел по сторонам и дивился жизнестойкости человеческой природы. Совсем недавно здесь прошли жестокие орды, всех убивая и все уничтожая на своем пути, но уцелевшие в лесах настолько быстро все восстановили, что уже и следов нет чудовищного нашествия. Омния мэа мэкум порто, как верно говорили эллины. Лишь бы сам человек остался жив, а восстановить сможет все, потому что в нем есть намного больше...

Наконец впереди замаячила высокая крепость, а через несколько минут из туманной дымки выплыла еще одна, подалее. Когда подъехали ближе, я рассмотрел, что обе крепости разделяет довольно широкая река.

Фальстронг протянул вперед руку.

— Граница между Турнедо и Варт Генцем проходит по этой реке. Здесь единственное место, где ее можно перейти вброд.

Я сказал догадливо:

— Потому здесь и выстроили крепость, чтобы его контролировать?

— Верно.

— А на той стороне, — сказал я, — крепость турнедцев?

— Быстро соображаете, — сказал он поощрительно. — Да, это их крепость. И выстроена с той же целью. Все мы, увы, одинаковые.

Я придержал коня, Фальстронг немного обогнал, но оглянулся и тоже перевел коня на шаг.

— Что-то случилось?

— Не хочу, — объяснил я, — чтобы они нас заметили. Насколько понимаю, когда начнем переправу, начнут осыпать наших стрелами...

— Верно, — согласился он, лицо довольное, заметил мою якобы невольную оговорку, когда я назвал его войска «нашими», — но потери будут небольшими. Даже крохотными. Когда идет такая масса, а стрелков раз-два и обчелся...

— Да, — согласился я, — но сразу же отправят гонца к Гиллеберду, что, мол, вартгенцы переправились через реку, крепость будем держать, сколько сможем...

Он пожал плечами.

— Даже если попытаемся окружить сперва полностью, они пошлют гонца на быстром коне, как только начнем переправляться через реку. А вы видите другой вариант?

— Конечно! — воскликнул я.

Все замки и крепости несокрушимы только за счет своих стен и ворот, а гарнизон всегда крохотный. Бывало, что известные и крупные крепости охраняли один-два рыцаря и десяток простых солдат, однако захватить их не удавалось, так как сброшенный сверху камень сметал десятки закованных в лучшую сталь рыцарей, а с высоких стен легко отпихивать баграми все лестницы.

Но я в самом деле старые книги читал, в одной из них сказано, как юный Карл начал свое царствование. Получив от отца в управление самую неудобную и бедную часть королевства, он сразу же столкнулся с тем, что герцог Гунольд отказался признавать его власть и захватил всю Аквитанию. Крепость Гунольда была на противоположном берегу большой и бурной реки, могучая и неприступная. Чтобы захватить ее, понадобилась бы осада целой армии в течение нескольких лет, а у Карла не было ни армии, ни множества лет в запасе.

В страшную холодную ночь, когда бушевала гроза, волны поднимались выше головы, а гром раскалывал небо, Карл отобрал из своего отряда двенадцать героев, велел всем раздеться, оставив при себе только мечи, и в таком виде они переплыли бурную реку.

Все часовые прятались от разбушевавшейся непогоды в нишах и каморках, так что перебить их, ошалевших при виде голых мужчин с мечами в руках, не составило труда. Карл ворвался в покои герцога и сразил его в коротком по-

единке. Непрístupная крепость была захвачена горсткой героев! А не случись этого подвига, и не было бы величайшего из всех императоров Запада — Карла Великого, по имени которого всех великих вождей начали называть королями...

Фальстронг молча выслушал, покачал головой.

— В старых книгах чего только не напишут...

— Проверим, — ответил я. — Воинов отберу сам.

— Я помогу, — вызвался Фальстронг, — все-таки многих знаю лично и уже давно.

Телохранители выслушали меня очень серьезно и молча, но глаза разгорелись, впервые им предложили настоящее дело, а не постоянное и изнуряющее высматривание убийц и заговорщиков вокруг Его Величества короля.

Фальстронг почти не вмешивался в мою селекцию, а потом сказал властно:

— Слушайте сэра Ричарда, как меня самого! Ему нет равных как воину.

Я промолчал, проглотив сомнительный комплимент, оглядел отобранных с ног до головы.

— Из лагеря выйдем в полночь, — сказал я негромко, — к реке подойдем через час, а затем, как я уже сказал, перейдем вброд. Если кто-то попадет на глубокое и станет тонуть... что ж, тони молча! Иначе погубит и остальных.

Фальстронг сказал мрачно:

— Я поведу остальных, как только начнете подниматься на стены.

— Хорошо, — согласился я. — Тогда уже неважно, заметят вас или нет.

— А вам помощь может понадобиться.

— Нам будет легче, — сказал я уверенно, — чем было юному Карлу! Они реку не переходили, а переплывали, и не в хорошую погоду, а во время сильнейшей грозы!

Фальстронг зябко передернул плечами.

— И еще голыми... бр-р-р-р...

Глава 10

Вечер наступает медленно, я извертелся, всматриваясь вдаль, где в миле впереди высится крепость турнедцев. Я уговорил Фальстронга не приближаться к ней, дабы не увидели с той стороны, и сейчас рассчитывал, за сколько времени подойдем к реке, сколько на то, чтобы переправиться, как будем взбираться на стены...

От реки хоть и далеко, но тянет сыростью, небо медленно чернеет, далеко за лесом темнеет грозовая туча, но стоит на месте, только иногда недра озаряются зловеще багровыми сполохами.

Костер я позволил разложить в вырытой для этой цели яме, да никто не увидит огонька, береженого Бог бережет, Фальстронг хмурился, но соглашался, а телохранители начали поглядывать на чужака с уважением.

В полночь я поднялся, сказал негромко:

— Ну, ребята, наше время... За мной.

Не оглядываясь, я слышал, как дюжина отобранных поднялась и двинулась следом. Доспехи я велел всем снять, затяжных боев не будет, либо перебьем всех тихо и быстро, либо сами поляжем, потому только кольчуги, а у кого нет, те в коже, если есть.

Берег пологий, это с той стороны более крутой, холодная вода обожгла, как огнем, я стиснул зубы и медленно пошел, рассекая темную воду. За спиной почти тихо, редко-редко слышится плеск, но не больше, чем от выпрыгнувшей за пролетающим ночным жуком крупной рыбыны.

Долгое время я шел в черноте, в которой небо и вода слились в одно нечто черное и страшное, по пояс в воде, ориентировался только на легкое течение, что давит в бок слева и пытается относить дальше вниз.

Не выдержал, оглянулся, сердце счастливо дернулось. Меньше чем в шаге сзади меня идут двое, а за ними еще несколько человек, я увидел серьезные, блестящие возбуждением глаза.

Непроглядная чернота впереди расширялась и расширялась, пока дно не начало подниматься. Я поднял глаза и понял, что пугающая чернота впереди — просто обрывистый берег, заслонивший небо.

Ни слова, ни звука, все выбрались и, снова по колено в воде, пошли вдоль берега к турнедской крепости. Подойдя вплотную, начали подставлять друг другу плечи. Я взобрался первым и, пока другие опускали вниз веревки, быстро осмотрелся. Крепость с высокими стенами ко всему еще и на высоком, в два-три человеческих роста каменном основании, но его одолеем, там есть за что цепляться руками, а вот стены...

Ко мне торопливо подбежал старший из телохранителей, Шнайдер.

— Четверо с крюками готовы, ваша светлость!

— Пошли, — велел я, — только ни звука!

Он кивнул, соглашаясь, слава богу, не рыцарь, тот бы захотел сперва гордо протрубить в рог и вызвать противника на честный бой, а этот недаром Шнайдер, что значит портной, а вот те с крючками на длинных веревках: Беккер, Вебер, Вагнер и Шмидт, что значит пекарь, ткач, каретник и кузнец — люди из простого народа, без претензий, делают все, что прикажу.

Веревки взвились вверх и пропали в ночи бесшумно, только там наверху что-то слегка цокнуло, хотя я и велел обмотать тряпками металлические крючья, и чтоб не звякали, и не блестели.

— Есть, — прошептал Шнайдер возбужденно. — Позвольте, я первый?

— После меня, — согласился я.

Он смотрел, как я достаточно быстро пополз по веревке, там навязаны узлы через каждый фут, а я на миг остановился, когда моя голова почти поравнялась с вершиной крепостной стены, прислушался, тихо, быстро взобрался и пробежал к башне.

У дверей я простоял всего несколько секунд, за это время на стену выбрались еще пятеро. Я приглашающе

махнул обнаженным мечом, рванул дверь на себя, с той стороны слетел на пол плохо закрепленный засов, и я вбежал в башню, где круто заверченная спираль каменной лестницы повела вниз.

Внизу горит настоящий камин, но трое охранников бесстыдно спят. Я знаками показал телохранителям, что зарезать нужно без шума, и выбежал во двор.

Тихо, темно, луна из-за туч не показывается, я перебежал быстро, все равно чувствую себя голым и беззащитным под этим недружелюбным небом.

Ворота заперты, однако рядом небольшая дверь. Я постучал, с той стороны послышались шаркающие шаги, раздался хриплый недовольный голос:

— Ну чего тебе, Ганелард, снова...

Дверь приоткрылась, я ухватил говорившего и выдернул во двор, а сам вскочил в сторожку, там еще один дремлет за грубо сколоченным столом.

Я рубанул его по незащитной шее, выбежал в холл, но не успел оглядеться, как за мной ворвались почти все из моего отряда, бурно дышат, глаза горят, ноздри раздуваются.

— Крепость уже почти наша, — сказал я. — Быстро посмотрите все комнаты и перебейте всех. Пленные нам пока ни к чему.

Сам я ринулся наверх по широкой каменной лестнице, все крепости и замки строятся по одному принципу, телохранители Фальстронга, как и я, уже знают не только где покои, но и в каком углу расположено ложе военачальника.

Двери от удара ногой распахнулись с такой готовностью, что створки ударились о стены изнутри. Я влетел с обнаженным мечом в руке, светильники у входа, от моих движений язычки заметались так, что едва не погасли.

На ложе беспокойно заворочался грузный человек, пошарил рядом с собой, спросил шепотом:

— Фишер, это ты?

— Я, — ответил я, — хотя и не тот, но все равно рыбак. Рыба мне попалась жирная...

Он медленно поднялся, с глаз быстро уходит пелена сна, зыркнул по сторонам.

— Что... случилось?

Я осведомился:

— Вас напоить, накормить... или уложить... сразу?

Он сказал зло:

— А сможешь?

Я отступил на шаг.

— Уложить? Хотя могу... эта... надругаться, и раньше.

Его меч стоит у изголовья, он быстро потащил его за рукоять, другой рукой придерживая ножны, отступил и встал в боевую стойку.

— Кого я убью?

— Не кого, — уточнил я, — а кто. Дурак, который мог бы убить тебя сразу, как и велит другим, но сам почему-то грешит рыцарством. А зовут меня Ричард Длинные Руки, хотя здесь почему-то больше знают под именем Ричарда Завоевателя...

Наши мечи дважды скрестились со звоном в воздухе, но его, похоже, слишком потрясло то ли осознание, что крепость захвачена, то ли понимание, что дерется с самим Завоевателем, о котором ходит столько неясных слухов, но третий удар моего меча достал его в плечо возле самой шеи, кровь ударила фонтаном.

Я поспешно отпрыгнул, в коридоре прогремели шаги, вбежало трое из моего отряда.

— Ваша светлость?

Я отмахнулся.

— Здесь все... Этот дурак спал без женщины, насиловать некого.

Они понимающе заулыбались, выбежали, я уже слышал везде крики ужаса, но, судя по голосам, это слуги и служанки, их вряд ли убьют, а кто же нам будет ноги мыть, не самим же это делать в покоренной и захваченной крепости, что по праву войны трое суток в нашей полной власти?

Когда я спустился в нижний холл, телохранители столпились над распластавшимся в луже крови Шнайдером. Крас-

ные струйки вытекают из двух ран на груди, еще из плеча и бедра, дыхание хриплое, глаза, вытаращенные от боли.

Я спросил весело:

— Ты в порядке?

Он зыркнул на меня хмуро.

— Нет!

Я равнодушно отмахнулся.

— Все равно в порядке.

— Да не в порядке я! — простонал он.

— В порядке, в порядке, — заверил я. — Если можешь лежать, ни за что не держась, ты в порядке.

Я похлопал его по плечу, стараясь не залечивать раны полностью, улыбнулся подбадривающе и пошел навстречу ликующим крикам.

В распахнутые ворота вошли король Фальстронг и остальные восемьдесят восемь его отборных воинов.

— Как вы быстро, — сказал он виновато и в то же время с восторгом. — Как мы ни спешили, но вот только сейчас... Много убитых?

— Все, — ответил я.

Он отмахнулся.

— Нет, я про своих! Надо будет помочь семьям...

— Ах, — сказал я, — вот вы о чем! Ваше великодушие просто бесподобно, Ваше Величество. Вы это сказали, когда увидели, что никто из наших не погиб?

Он ахнул.

— Правда? И такую крепость... захватили горсткой людей... без потерь?.. Эх, и мне почитать старые книги, что ли?

Часть прибывших телохранителей рассыпалась по крепости, проверяя и перепроверя условия насчет безопасности монаршей особы. Фальстронг осматривался с удивлением, еще не ощутив в полной мере, что хозяин здесь отныне он.

— Ваше Величество, — сказал я торжественно, — поздравляю с захватом вашей первой крепости на территории противника! Правда, здесь никак не ожидали, что Варт Генц вступит в войну, и жили с каждым годом все беспечнее, о

воинской службе почти забыли. Мы их взяли в теплых постелях, даже часовых! Так что обе крепости в ваших руках, переправе ничто не мешает. Очень хорошее начало, Ваше Величество!

Он опомнился, посмотрел на меня почти хмуро.

— Такая скромность паче гордыни. Если и дальше пойдете во главе моих войск, война в самом деле кончится разгромом Гиллеберда. И достаточно быстро.

Я улыбнулся, покачал головой.

— Сожалею, но теперь надо мчаться к своим. Как там они? Собрались или по-прежнему пьют да бахвалятся прошлыми победами?

В зал вбежал воин, глаза испуганные, прокричал:

— Ваше величество, там в подвале...

— Что, — вскрикнул Фальстронг, — враги? Я так и знал...

Воин поклонился.

— Нет, Ваше Величество, но что-то огромное.... И страшное...

Фальстронг застыл, а я сказал быстро:

— Не отвлекайтесь, Ваше Величество, а я пока схожу посмотрю. Даже сбегая! Быть на побегушках такого великого государя — разве не честь?

Он что-то проворчал вслед, весьма озадаченно. А я быстро пошел с воином, во дворе обошли слева, там вход в подвал, дверь железная, тяжелая, проем узкий, а ступеньки круто повели нас вниз мучительно долго.

Воин нес за мной факел так близко, что искры больно падали и кусали мне шею.

— Вон там, — прошептал он, — смотрите...

Я всмотрелся в темноту, там внизу нечто тяжелое и грозное приближается неспешно и уверенно. Голова моя вдруг потяжелела, я вдруг ощутил, что очень хочется есть, прямо сосет под ложечкой, а внизу так уютно и спокойно, там наверняка есть еда и вино, это же подвал...

Оставался бы он на месте, я бы его и не увидел, настолько похож на серую неопрятную глыбу, вся стена из таких, но

сейчас одна шелохнулась, отделилась, настоящая гранитная скала, повернулась в нашу сторону, я увидел огромную массивную голову и красные, под массивными надбровными дугами, глаза.

Морда тупая, с крохотными ноздрями и мощной тяжелой пастью. Будь челюсти побольше, они могли бы прекрасно дробить кости лошадей и быков, а вот такие укороченные... словно созданы для растирания в песок камней.

Мне он показался похожим на бронированную черепаху. Массивный выпуклый щит закрывает сверху и с боков настолько надежно, что края щита со скрипом ползут по каменному полу. Голова тоже бронированная, размером с чугунный котел племени айсоров, а когда зверь приоткрыл пасть, там хищно блеснули два ряда длинных и острых зубов.

Я невольно поднялся по ступенькам вверх, воин с факелом взбежал повыше еще раньше. В голове больно стучат молоточки, горячая кровь шумит в ушах.

— Так, — сказал я, — так... это... в общем, оно отсюда не вылезет. Ступеньки. Двери узкие... Как сюда забралось... нужно спрашивать слуг. Но это уже не наше дело. Если Его Величество изволит, пусть поломает голову, но вообще-то, у нас другие насущные задачи, а загадки естествознания придется оставить другим. Хоть и жалко.

Мы поднялись наверх, Фальстронг спросил обеспокоенно:

— Что там?

— Какая-то живность, — объяснил я. — Большой хомячок или мышка. Не забывайте кормить, а то оно с голоду весь фундамент порушит. А мне пора отправляться дальше, Ваше Величество, как я уже сказал... вроде.

Он вздохнул, лицо чуть омрачилось.

— Да, конечно. Вы не поверите, но буду по вам скучать. И хотя скоро снова увидимся, но... все же! Небольшой пир, а затем в путь, хорошо?

— Небольшой, — согласился я. — Из запасов побежденного.

Глава II

Увы, побежденные, как оказалось, не роскошествовали. Гиллеберд создавал армию, а не общество любителей покушать. Фальстронг посмотрел на собранные запасы, покрутил носом и велел принести кое-что нужное из лагеря, но первым прибежал Бобик и крутился очень заинтересованно в зале, где расставляли столы и накрывали скатертями.

За столами рассаживались военачальники подошедшей утром армии, они тоже ехали впереди, чтобы не глотать пыль после тысяч копыт, а также пригласили — невиданное дело! — Шнайдера, чтобы в его лице почтить всех телохранителей-героев.

Я оглядывался с неясным ощущением беспокойства, странного и беспричинного.

Фальстронг заметил, спросил весело:

— Что-то беспокоит?

— Пустяки, — ответил я. — Надеюсь, его высочество принц Марсал почтит этот скромный пир своим присутствием?.. Простите, Ваше Величество, что стол, украшенный вашими личными запасами деликатесов, я осмелился предерзостно назвать скромным...

Он отмахнулся.

— Да ладно, вы не видели, какие пиры мы закатываем во дворце! Отъедаемся за все годы голода, когда прятались в лесах... Принц? Ну конечно же, придет. Как это не прийти?.. Это могут воспринять, как вы понимаете. Короли все делают так, как надо, а не как хочется, этому с детства учат и детей.

— Хорошо, — сказал я.

— Наслаждайтесь, сэр Ричард! Завтра поскачете в свою Армландию, а питаться придется всухомятку из походного мешка. Может быть, вообще на ходу.

Я улыбнулся.

— Надеюсь помчаться уже сегодня, Ваше Величество. День только начался, а пировать я долго не люблю. Я за сто-

дом нахожусь, как вы теперь догадываетесь, ровно столько, сколько надо...

Он захохотал, довольный, хлопнул меня по плечу.

— Дорогой Ричард, до чего же вы мне нравитесь! Скажу по секрету, пока принц еще не прибыл, я бы очень хотел иметь такого сына. Или хотя бы внука, вы мне больше во внуки... ха-ха, хотя иногда мы говорим просто на равных. Вот что значит старые книги... Точно прикажу их собирать по всему королевству!

— И по Турнедо, — добавил я.

Он весело захохотал.

— Ах да, теперь и по всему Турнедо!

Я сделал вид, что не заметил многозначительной оговорки насчет всего Турнедо. Барбаросса захочет честного дележа, да и я уже наметил вчерне, хотя пока держу только в уме кое-какие планы...

Пир был в разгаре, шумный и бестолковый, настоящее веселье, все ликовали чисто и по-дикарски: ошеломляюще легкий захват крепости обещает такую же легкую победную войну, что даст новые трофеи, добычу, богатства...

Я первым заметил, как в зал вбежал молодой воин в легкой одежде, худой и стройный, таких обычно берут в гонцы, чтобы лошадь могла идти галопом как можно дольше.

Лицо его было бледное и расстроенное. Он отыскал взглядом короля, что бурно веселится как равный среди военачальников, заспешил в нашу сторону.

— Ваше Величество, — сказал я трезво, — есть новости.

Гонец подбежал, быстро преклонил колени и склонил голову, не рискуя поднимать взгляда.

Фальстронг изволил обратить на него царственный взор.

— Новости?

Гонец кивнул, но головы не поднял, словно страхась королевского гнева.

— Ваше Величество...

— Ну, — сказал Фальстронг, — говори же!

— Ваше Величество, — сказал гонец упавшим голосом. — Ваше Величество, ваш сын...

Фальстронг насторожился, потом я увидел, как быстро и страшно король начал бледнеть, красное лицо стало желтым, потом и вовсе белым.

— Что с ним?.. Он не ранен?... Не убит?.. Когда? Не было же сражений!.. Господи, только не это... Говори быстро!

Гонец проговорил упавшим голосом, все еще не поднимая головы:

— Принц Марсал со своими лордами, их больше десяти, и двумя сотнями тяжелой конницы покинул лагерь и отбыл в глубь Турнедо. Предположительно в сторону войск герцога Кристофера Беркширского, доверенного коннетабля короля Гиллеберда.

Фальстронг вскричал:

— Зачем? Что он хочет доказать? Совершить подвиги, чтобы я полюбил его еще сильнее?

Гонец наконец поднял голову и строго посмотрел королю прямо в глаза.

— Ваше Величество, он велел передать через слуг...

— Говори!

— Он сказал, — проговорил гонец тяжелым голосом, — он сказал... что не будет участвовать в провальной затее. Он переходит на сторону короля Гиллеберда.

Граф Фредерик Меганвэйл охнул, еще кто-то выругался, а Фальстронг смотрел неверяще, потом опустил голову и руки. Вид у него был таким жалким, что его поспешно подхватили под руки и почти потащили в приготовленные для него покои, откуда уже вышвырнули труп командующего крепостью.

Не люблю смотреть на людей в таком виде, тем более утешать, но заставил себя идти следом, сам проследил, чтобы Фальстронга усадили в удобное кресло, заботливо

подложил ему под спину пару подушечек из дюжины разбросанных по ложу.

Фальстронг часто дышал и тискал рукой левую сторону груди, морщился и постанывал.

Я сказал участливо:

— Ваше Величество, вовсе не какая-то ненависть к вам подвигла принца Марсала на такой поступок. Я уверен, он все так же любит вас, невозможно общаться с вами и не любить вас. А он все-таки ваш любящий сын... Да я просто уверен, что он любит вас.

— Говори-говори, — шепнули его синеющие губы.

— Просто, — сказал я, — подвернулся случай одним камнем пришибить сразу двух зайцев. Такое иногда удается. Помню, как-то погнался тоже за двумя... Обоих поймал! Зайцы до сих пор не могут в это поверить...

Он поморщился, как человек, что не нуждается в утешениях, тем более в попытках развеселить его.

Я сказал настойчиво:

— Перейдя на сторону Гиллеберда, он еще больше усиливает его войска, за что Гиллеберд как победитель явно согласится, чтобы принц Марсал стал королем Варт Генца. И, я уверен, он не собирается ничего предпринимать против вас! Он просто хочет стать королем.

Фальстронг проговорил с мукой:

— Гиллеберд не поставит его королем, как этот дурак не понимает! Этот ненасытный зверь проглотит Варт Генц и сделает наши земли своей провинцией. Вы не правы, сэр Ричард, именно ненависть ко мне ослепила моего сына.

— Почему ненависть? — спросил я. — Просто он очень хочет сесть на трон. Очень.

Он прорычал озлобленно:

— Не утешайте меня, сэр Ричард! Я вижу, как стараетесь сгладить это черное предательство. Он предал и меня, и королевство, и всех наших людей. И погубит, если у него получится.

Я сказал без особой уверенности:

— Бог правду видит, так что получиться вроде бы не должно, если сами не оплошаем. Господь в нас верит, Ваше Величество! Будем идти указанной им дорогой, а там пусть на Страшном Суде укажут, кто был, где и почему и как.

Он ударил кулаком по широкому подлокотнику.

— Но как я не углядел? Ведь чувствовал же, что все больше отдаляется, потому и взял с собой! И чтоб сблизиться, и чтоб...

Он запнулся, я договорил:

— ...и чтоб приглядывать. Но, похоже, он догадался. Ваши сыновья — не дураки, Ваше Величество, что и понятно, отец у них семи пядей во лбу, в кого им быть глупцами? Ваша жена — точно непорочная женщина, я как увидел ее, так сразу и понял...

— Чем он может навредить? — спросил он. — Расскажет все наши секреты и планы?

— Какие секреты? — возразил я. — Наш высший секрет — Господь Бог, на чью помощь и поддержку мы уповаем всеми фибрами.

Он тяжело вздохнул.

— Да, конечно... этими самыми, фибрами. Но сколько у нас рыцарей, лучников и тяжелой конницы, он расскажет... И еще наши планы.

— А что в них особенного? — возразил я. — Гиллеберд и так понимает, что будем поспешно захватывать земли с севера, пока он увел практически все войска на юг — завоевывать Армландию. Никаких хитростей, уловок, неожиданных прыжков в сторону... Или вы что-то задумывали?

Он, как мне показалось, чуть смутился, отвел взгляд в сторону и сказал с неудовольствием:

— Ну какие тут могут быть хитрости? Просто идти и захватывать. Пока местные лорды не сумеют организовать оборону. Но мы к этому готовы, слоим.

Я подтвердил:

— Сломите. С легкостью. На самом деле, как мы оба знаем, вся армия сейчас в Армландии. Вам нужно только идти широким фронтом и захватывать города и земли. Все получится, Ваше Величество... А теперь, как мне ни горько оставлять вас... несколько удрученным, я все же вынужден откланяться. Мои дела идут совсем не так хорошо, как ваши! Я помчусь в Армландию к своим лордам. Они уже должны собраться в... некоем условленном месте.

Он кивнул, на лице его все еще виднелись следы тяжелого страдания, он медленно провел ладонью по глазам.

— Только не попадитесь в руки королю Гиллеберду, — сказал он вяло. — Это будет... все же потеря.

— Ваше Величество! — сказал я мягко. — Вы заметили уже, конь у меня очень даже быстрый...

— Конь — да, — буркнул он, — но не стоит, чтобы он и соображал быстрее хозяина.

— Не попадусь, — сказал я твердо. — А собираются мои люди благоразумно в сторонке от основного удара армии Гиллеберда.

Он криво усмехнулся.

— Это они такие благоразумные?.. Ладно, не отвечайте, все равно соврете. Защищая своих людей, признаю, даже праведники имеют право врать, не моргнув глазом.

Глава 12

Понятие линии фронта появилось только в Первую мировую, когда начала образовываться эта самая линия, а до тех времен армии наступали, собранные в кулак. Навстречу им двигалась армия противника, чтобы сшибиться в сражении. Или же ожидала на заранее уговоренном месте.

Так что никаких проблем не будет, я промчусь по Армландии, где даже не слышали ни о каком вторжении турнедцев, а потом легко проведу свое войско мимо громадной армии Гиллеберда.

А почему мимо, так это вот сейчас медленно вызревает некая рискованная идея...

Зайчик несется через ночь, огромный и страшный, как ее демон, черная грива стелется по ветру, глаза разгораются багровым, стук копыт давно перешел в частую-частую дробь, а его мускулистое тело подо мной заметно разогрелось.

Бобика не видно, но этот носорог с клыками уж точно не потеряется.

На рассвете под копытами клубился туман, мы неслись по серой степи, где трава и камни одного цвета, затем небо посветлело, трава наконец стала зеленой, дважды пересекали дороги, я успевал ощутить запах тончайшей пыли, а когда солнце подожгло облака, мы стремительно шли по простору нагих равнин, где холмы похожи на древние курганы, а курганы оседают к земле, храня тайны погребенных потрясателей вселенной...

Солнце высунуло краешек из-за вспыхнувшего края земли, я ждал, что осветит далекие горы с белыми остроко-
нечными шапками, как у сторожевых башен, однако лучи ударили в гордо тянущийся к небу замок, все еще призрачный и загадочный, как и в первый раз, когда я его увидел, но сейчас еще и горячий в лучах низкого солнца, как драгоценный рубин, вырубленный из одного куска.

Четыре остроко-
нечные башни по углам, не замок, а крепость, хотя все же замок, слишком компактен, трудная дорога к единственным воротам вдоль высокой стены, откуда будут стрелять и сбрасывать камни...

Дальше вся долина рябит великим множеством палаток, в центре с десятков богатых шатров, но чувствуется, что лагерь строили не по единому плану, а это значит, что все время прибывают новые отряды, и каждый лорд желает поставить свой шатер в центре, а свое знамя с гербом водрузить повыше.

Часовые подхватились на ноги и ошетинились копьями.

— Стой, кто идет?.. Ох, ваша светлость, простите...

— Молодцы, — сказал я с одобрением. — Бдите! Кто в командовании войском?

Они замаялись, наконец один ответил нерешительно:

— Пока никто. Каждый распоряжается своим отрядом. А так вроде бы сэр Клемент...

Второй подтвердил:

— Да, он умеет распоряжаться.

Но за их спинами тут же возразил третий:

— Маркиз Ангелхейм всеми командует!.. Он и ночует в шатре!

Я покрутил головой.

— Маркиз Ангелхейм? Тогда в самом деле что-то в лесу издохло. Может быть, он еще и пить бросил?.. В каком он шатре?

— В самом большом, — сказал страж. — Он стоит на...

— Вижу, — прервал я его. — Мог бы и сам догадаться. Маркиз есть маркиз, никому не позволит сесть выше.

Зайчик весело ржанул и понесся к шатрам, но Бобик уже исчез между ними, и путь его можно было проследить только по паническим крикам.

Дальше арбогастра пришлось придержать, воины сидят прямо на земле, одни затачивают мечи, другие хозяйски осматривают доспехи, от слабого ремешка может зависеть жизнь, на меня смотрели с почтением. Вскакивали, но я властным движением заставлял опускаться и отдыхать.

На полдороге к шатру Ангелхейма я обратил внимание на группу рослых солдат в хороших доспехах, все выглядят тертыми, бывалыми, опытными воинами, но я проехал бы мимо, если бы взгляд не упал на крупного рыцаря в блестящем панцире в их кругу. Он отдает резкие и отрывистые приказы, его слушаются беспрекословно, что вообще-то в лагерьях, где столько рыцарей, бывает редко.

Он перехватил мой взгляд, коротко поклонился все с той же неуклюжей грацией северянина.

Я сказал благожелательно:

— Клемент Фицджеральд.

— Ваша светлость, — произнес он.

— Как же, — сказал я тем же тоном сюзерена, у которого все прекрасно, — я помню вас! Это и есть ваши люди?

— Да, ваша светлость, они пришли со мной издалека.

— С виду хороши.

— И не только с виду, — уточнил он. — Вы их увидите в бою, ваша светлость.

Я поинтересовался:

— Много прибыло?

— Около восьмисот рыцарей, — доложил он, — двенадцать тысяч ратников, восемь тысяч лучников. Но еще подходят.

— Как ладите? — поинтересовался я. — Слышал, вас называют распорядителем...

Он смущенно улыбнулся.

— Нет, я человек поля боя. Но так уж получилось, что я сюда пришел из Сен-Мари, и как-то многие сочли, что команду я, хотя это не мое дело.

— А маркиз?

Он пожал плечами.

— Он больше занимается тем, что старается всех накормить, напоить и расположить так, чтобы не подрались. Все мы ждали вас, ваша светлость!

— Что ж, — сказал я бодро, — время ожидания, похоже, заканчивается. Давно прибыли?

— Вчера, ваша светлость.

— Ого, — сказал я, — значит, наотдыхались вволю.

Он ответил очень серьезно:

— Так точно, ваша светлость. Приказывайте.

— Завтра на рассвете выступаем, — пообещал я. — А пока отсыпайтесь, вылеживайтесь. Поспать всласть придется очень не скоро.

Я соскочил на землю, повод арбогастра перехватили оруженосцы, но к шатру Ангелхейма я сделал только шаг, как полог резко отлетел в сторону, маркиз выскочил с вос-

пламенным лицом и сияющими глазами, возопил счастливо:

— Сэр Ричард!

Однако опомнился и преклонил колено:

— Мой лорд...

Я поднял, обнял и с беспокойством всмотрелся в его бледное одухотворенное лицо творческого человека. Вином не разит, не прет, не несет и даже не пахнет.

— Маркиз, — спросил я, — вы здоровы?

Он сказал счастливо:

— Дорогой друг, еще бы! Произошло то, о чем я всегда мечтал по своей всегдашней лени: совершать подвиги, не поднимаясь из-за стола, а желательно — не вылезая из постели!.. И вот мечта исполнилась, война сама пришла ко мне на дом.

Я вздохнул.

— Да, кто не идет неприятностям навстречу, к тому они приходят сами. Пойдемте в шатер, надо поговорить. Что сообщают гонцы, еще кто-то прибудет?

Оруженосцы придержали для нас полог, в шатре богато и достаточно уютно, маркиз с его имениями может позволить себе жить на широкую ногу даже в походном лагере.

Миловидный юный паж тут же принялся таскать на изящный столик ювелирной работы кубки и чаши, поставил на середину столешницы серебряный кувшин с дорогой росписью на боках.

— Ожидаем два-три небольших отряда, — заверил Ангелхейм с гордостью. — А так уже почти все на месте. Не такой уж слабый получается бронированный кулак!

Я опустил за стол, с удовольствием вытянул усталые ноги.

— Где сейчас армия Гиллеберда?

— Основная масса, — сообщил он, — медленно движется по долине Зеленой Зари через владения графа Вильгельма Лейбница к землям барона Ньюкастла, а у него там не замок, а хорошо укрепленная крепость.

Я сказал с горечью:

— Для осады не остановятся, пойдут дальше.

— Уверены?

— Абсолютно, — ответил я. — Гиллеберду нужно захватить побольше территории, он жаждет дойти до Тоннеля и перекрыть наглухо. И тогда все непокоренные замки и крепости сдадутся сами.

Он сказал сердито:

— Мы никогда не сдадимся!

Я тяжело вздохнул, взял кубок и сам налил себе светлого вина.

— Маркиз, войска нужно отправить сразу же на рассвете. Вот карта, я отметил, как и где идти. Нет-нет, никаких боев!.. У нас не армия, а боевой отряд. Армия Гиллеберда пусть сражается с армией Барбароссы, мы же пойдем мимо и дальше... Нет-нет, дорогой маркиз, это не трусость, а как раз выполнение великого долга! Нам одним предначертано Господом совершить то, что делает армия Барбароссы... Более того, скажу скромно, все три армии...

Он переспросил изумленно и настороженно:

— Три?

— Три, — подтвердил я. — Кроме армии короля Барбароссы еще армии Фальстронга и короля Найтингейла. Да-да, король Шателлена тоже участвует... Правда, он сам об этом еще не знает, я прямо сейчас помчусь к нему. Надо будет сообщить мимоходом. А вы, маркиз, поведете войска вот по этому пути...

Он замялся, посмотрел чуть в сторону, потом прямо взглянул мне в глаза.

— Дорогой друг, признаюсь честно, ваш командир из Сен-Мари прибыл с отрядом таких воинов, каких я давно не видел. Они действуют, как один человек, и сотней могут сражаться против тысячи!.. Мне лестно возглавить армландское войско, но я, увы, признаю, мне далеко до воинских талантов графа Ришара, с которым мы так дружны. Потому

я рекомендую передать командование на время вашего отсутствия этому сэру Клементу Фицджеральду.

Я подумал, поколебался, что для меня мало характерно, последние испытания не слишком-то сбили спесь.

— Мне он тоже показался прекрасным военачальником, просто я его слишком мало знаю. Он не сенмаринец, прибыл туда совсем уж из диких мест. Чуть ли не оттуда, откуда я сам, только я еще... дальше. И прибыл как раз в день моего отъезда сюда.

— Он хороший военачальник, — повторил Ангелхейм. — А у вас сомнения в его умении руководить или... в верности?

— Положение трудное, — признался я. — Кто-то из тех, кто шел за мной потому, что я обещал богатую добычу и земли в захваченных регионах, может, как вы понимаете, откнуться, а то и перейти на сторону противника.

Он нахмурился.

— Сэр Ричард, — произнес он с неудовольствием, — вы такое говорите... просто неподобающее о наших благородных рыцарях.

Я развел руками.

— Благородных — абсолютное большинство, согласен. Но все-таки не все.

— Согласен, — сказал он нехотя, — буду тоже присматриваться и прислушиваться. А сейчас выпьем все-таки?

— А как же, — ответил я. — Разве не за этим так мчался?

Я не остался даже на обед, как ни уговаривал Ангелхейм, это обязательно превратится в пир и собьет боевой накал, да и войско не поймет, чего такое празднуем, мнение простого народа нужно учитывать в любые эпохи.

Я попрощался с Ангелхеймом и особенно тепло с Фицджеральдом, ему вести эти отряды, а у него, подозреваю, опыт командования только малыми группами. К сожалению, возможности и умения других лордов, знатных и могущественных, в этой части Армландии не знаю вовсе.

Армландия граничит с Шателленом, столица Дартмут расположена практически в центре, что значит — близко, королевство Шателлен самое некрупное из всех соседних, так что я рассчитывал доехать быстро, не останавливаясь на перекус или даже водопой.

Бобик выскочил из кустов и посмотрел хитрыми глазами, на носу трепещет под ветром прилипшее окровавленное перышко. Зайчик негодуя фыркнул, жрать на ходу некрасиво, но это глупое существо не поймет, а Бобик снова исчез, только иногда по дороге взлетали испуганные птицы да слышался визг схваченного зверька.

Король Найтингейл — самый мирный человек из всех, кого я встречал: три поколения на троне сменилось без малейшего вооруженного конфликта, корона ему досталась от отца Ульриха Второго, тоже короля мирного и рачительного, тот получил от деда Керглана Первого, что не брал в руки ни меча, ни топора, и только их прадед Юханхен Летящий был известен в молодости удачными войнами, но и он быстро остепенился, с того времени народ в королевстве жил мирно и счастливо.

Если мне где-то и предназначено сломить голову, то это здесь, но если уговорю Найтингейла вступить в войну, то даже не могу себе представить, что меня вообще остановит, такого хитрого, расчетливого, вероломного — в общем, вполне себе зрелого политика.

Зайчик с такой скоростью спускался с холмов и взбегал снова, что меня начало укачивать, как при морской болезни, но Бобик бодро гавкнул, и как по его требованию впереди из солнечного света выступил далекий Дартмут...

Теперь мне кажется, что столицы все похожи, насмотрелся, во всех королевствах это просто самый крупный город, а крупные города еще больше одинаковы.

Мы влетели в ворота, стражники только успели проводить нас взглядами, дальше переплетение улиц, но я все помню, хотя был только раз, зато как, стыдно и приятно вспомнить...

Небольшая задержка только у ворот королевского дворца, но и здесь меня узнали, хотя на всякий случай вызвали дежурного офицера. Тот со мной раскланялся, на солдат накричал и велел отворить ворота перед моей светлостью.

Повод коня я бросил в лицо какого-то богато одетого человека, слишком богато, чтобы быть простым дворянином, тот машинально ухватил, а я резво взбежал по широким мраморным ступенькам, но все равно не догнал этого ушастого зверя, кто-то открыл двери, выходя, и Бобик шмыгнул в них первым.

Я услышал крики, вбежал поспешно, но Бобик сидел смирно по ту сторону и оглядывался на меня в ожидании.

— Рядом, — велел я грозно. — Иначе приблю.

Он пошел так близко, что прижимался боком и сталкивал меня с прямой линии.

Придворные в большом зале расступаются, склоняют головы, а по расширяющемуся проходу идет мне навстречу леди Франка: затейливая прическа из золотых волос убрана голубыми лентами, подол золотистого платья тащится следом по мраморным плитам пола, не вижу даже, в чем обута, вот так можно и босиком, никто не видит.

Глава 13

Я замедлил шаг, быстро окинув ее цепким взглядом, но уже не как собственника, что так раздражало ее раньше, а просто собирал информацию, как это ей в замужестве, не сильно ли подурнела... Увы или к счастью, расцвела еще больше, глаза цвета мореного дуба как будто стали крупнее, ресницы еще больше запышнели и удлинились, не забывая красиво загибаться, а губы стали еще более пухлыми, ощутив сладость мужских поцелуев.

— Леди Франка, — вскричал я ликующе, — ваше высокочество, как я счастлив сразу же наткнуться на вас, как вот

будто со всего размаха лбом о дерево!.. Я имею в виду, красивое дерево. Типа рябины или развесистой ивы.

Она остановилась, даже посмотрела по сторонам, нельзя ли куда шмыгнуть в норку, но тут же собралась, приобрела вид прежней строгой школьной учительницы, посмотрела с хмурой надменностью.

— Вы имели в виду, клюквы?.. Что случилось, сэр Ричард?

Я сказал отчаянным голосом:

— Я вот только сейчас понял, как я прогадал с этими торговыми договорами... да ну их, лучше все-таки возьму вас, прекраснейшая из ледь! Ледей, в смысле. А договора верну вашему батюшке взад.

Она машинально поскребла пальцами лобастую голову моего чудовища, в ее глазах мелькнул испуг.

— Вы... шутите? Что случилось?

— Не можете поверить, — спросил я с обидой, — что вы дороже для меня каких-то рудников, правда, хороших и с доказанными запасами железной руды? Что, вообще-то, приносят по двенадцать тысяч золотых монет в год?

— Сэр Ричард, — сказала она с достоинством, — прошли сотни лет! У меня уже ребенок.

— Правда? — ахнул я. — Во время летит... А для меня из-за тоски по вам, прекраснейшая, как один час... да что там час, минута промелькнула. Ребенок хоть похож на меня?

Она поморщилась.

— С какой стати?

— Дык говорят, — сказал я, — о ком думаешь, на того и похож.

Она искривила губы.

— Я в самом деле о вас думала... вам не икалось? А ночью кошмары не душили?.. Ничего, теперь будут. Как я поняла, вы прибыли, чтобы снова облапошить моего отца?

Я прижал ладонь к сердцу и сказал самым искренним голосом, честно и открыто глядя в ее прекрасные строгие глаза:

— Ваше высочество!.. Да как бы я решился на такую гнусность, ведь он же ваш отец, а все, что связано с вашим именем, для меня свято и табуно! Табуирно, в общем. Я все свое отдам, чтобы вам было хорошо и мягко, душу свою широким жестом брошу вам под ноги, чтоб когда встанете с лежа...

Она поморщила носик.

— Да, душа в вас достаточно мохнатая, верю. Но уж больно мелковатая. Придется по очереди греть то палец левой ноги, то правой... Сэр Арансон, подойдите сюда!

К нам приблизился достаточно моложавый придворный, учтиво поклонился, но приблизиться с той стороны, где Бобик, не решился, обошел по широкой дуге.

— Ваше высочество....

На меня он поглядывал со сдержанным любопытством, леди Франка сказала повелительно:

— Сэр Арансон, передайте Его Величеству, что был сэр Ричард, гроссграф Армландии. Судя по грязи на его одежде, помыться не изволил... хотя я не уверена, что вообще хоть когда-то моется или даже догадывается, что это такое. Пусть отец его примет, но будет настороже. Этот человек зря не приезжает, можем не досчитаться половины казны.

Сэр Арансон поклонился, отступил, еще раз поклонился. Придворные расступились, он заспешил в сторону дверей с эмблемой короны над ними, а принцесса повернулась ко мне.

— Отец вас примет, сэр Ричард. Что-то еще хотите?

— Многое, — ответил я. — Но, увы, вы теперь замужняя женщина...

Она слегка улыбнулась, лицо обрело прежнюю задорную миловидность.

— Да, и весьма счастлива в браке. А вы многое потеряли, сэр Ричард! Я, вообще-то, хорошая жена. Очень даже хорошая.

Я возразил:

— Вы так отчаянно отбивались от моего предложения руки и сердца!

— Вы все подстроили, — обвинила она меня. — Вы держались так нагло и намеренно глупо, что я вас возненавидела!.. Нехорошо так обманывать женщин, сэр Ричард!

— Какой обман? — обиделся я. — А если я и есть дурак, как положено человеку с моими мускулами и вообще внешними данными... Я же красавец? Ну?.. Значит, дурак, иначе у вас женская логика хромает.

— Женской нет вообще, — возразила она, — мы живем чувствами, сердцем своим трепетным, а вы этим нагло пользуетесь, бесстыжие. Нехорошо, сэр Ричард, я вам это еще припомню. За всех женщин отомщу, вы наверняка многих обидели... Ладно, идите, вон сэр Арансон уже машет от двери...

Я поспешил к королевским покоем, Бобик ожил и снова ринулся вперед. Пришлось заорать, он сразу присмирел. Пришлось пройти еще с полдюжины залов, а затем по узкому коридору, полному стражи, наконец переступил порог знакомого кабинета, Бобик сразу же лег, едва вошел, и притворился тряпчочкой, только бы не выгнали.

Я учтиво поклонился.

Король Роджер Найтингейл все такой же степенный и царственно важный, но уже без короны и в домашнем халате, мохнатом, как зверь, восседает в том же огромном кресле, подложив по бокам и под спину расшитые вензелями и гербами подушки — как это знакомо, — серебряные волосы красиво падают на плечи, а роскошная сверкающая борода закрывает грудь...

— Сэр Ричард, — сказал он, не выдерживая меня в паузе, чтобы напомнить, кто есть кто, король всегда заговаривает первым.

— Ваше Величество, — ответил я почтительно.

Он повел дланью в сторону второго кресла.

— Садитесь, сэр Ричард. В нашу глухомань редко доходят слухи... А о вас так и вообще если и слышали что, однако

такое удивительное, что я даже не знаю, чему верить... Как ваша собачка? О вас не спрашиваю, вижу, а она какая-то тихая...

— Здорова, — ответил я. — Прикидывается умирающей, чтобы вы ей бросили хотя бы цыпленка или уточку.

— А-а, это мы устроим. Вы, как я слышал, уже герцог?

Я отмахнулся, подошел и послушно сел на указанное место.

— Ваше Величество, если скажу, кем за это время побывал, будете ржать долго и громко, как целый табун ваших великолепных коней. Весь двор сбежится.

Он приподнял левую бровь, в глазах огонек — интерес стал ярче.

— Даже так? Любопытно...

— Наверное, — сказал я, — вы уже слышали, что я отыскал Тоннель под Великим Хребтом, собрал армландцев и, вторгшись неожиданно на ту сторону, захватил там огромное и богатейшее королевство, что в полной безопасности роскошествовало на берегу Южного океана. То королевство в несколько раз крупнее и богаче здешних северных...

Он слушал внимательно, в глазах недоверия нет, то ли верит, что могу еще и не такое, то ли какие-то слухи добрались и в его спокойное королевство.

— А над чем я должен смеяться?

— Я еще и маркграф, — сказал я, — и эрцгерцог, и даже фюрст... но это лишь прибавило головной боли. А пока я строил планы, как сделать королевство еще богаче, мне в спину нанесли коварный удар.

В кабинет начали вносить еду и питье, Найтингейл не сводил с меня испытующего взгляда.

— Кажется, догадываюсь, о чем вы.

— Гиллеберд, — сказал я с нажимом. — Король-завоеватель!.. Правитель, который хочет остаться в памяти потомков, как великий и жестокий полководец, завоевавший силой всех соседей и создавший мрачную империю Зла и Порока!.. Когда мои люди перехватили одно из таких

его писем, я сперва не поверил, а потом подумал, что лучше всяких слов говорят даже не эти компрометирующие и выдающие этого демона в теле человека, а его бесстыдные дела, за которыми явно стоят враги рода человеческого. Кто, как не Гиллеберд все последние десять-двадцать лет постепенно усиливал и перевооружал армию? Зачем и с какой, главное, целью? Она у него и так самая крупная в регионе!

Найтингейл медленно наклонил голову, оранжевый свет крупных свечей в стене придал серебряным волосам благородный оттенок золота.

— Не хочется с вами соглашаться, — произнес он не-весело, — но это так. Беды, в общем-то, обошли и мое королевство, но я не использовал прибавление богатства для увеличения армии.

Он собственноручно взял со стола жареного цыпленка и бросил под стол. Там клацнули зубы, сразу же послышался мощный хруст размалываемых косточек. Найтингейл прислушался и бросил туда же второго.

— И король Варт Генца не использовал, — сказал я, — но сейчас спешно поставил всех под копые и уже двинул огромное войско.

Найтингейл спросил с недоверием:

— Фальстронг? Не могу поверить.

— Почему?

— У него своих забот, насколько я слышал, полон рот. Домашних. Но вы наверняка не в курсе.

— В курсе, Ваше Величество. Могу заверить, что эти дела уже улажены.

— Вот как?

— Старший сын убит, — доложил я, — как и амбициозный внук. Средний сбежал к противнику. Сейчас, как и положено, у короля один наследник. Как говорят, самый удачный из трех.

Он вскинул брови, всматривался с изумлением.

— Сэр Ричард... я боюсь и подумать...

— Что?

— Вы сейчас оттуда?

Я сказал с благородным негодованием:

— Уж не думаете ли, что я тому виной? Нет, все разрешилось само собой, я там оказался в это время совершенно случайно.

Он кивнул, не сводя с меня пронизывающего взгляда.

— Ну да, верю-верю. В далеком Варт Генце совершенно случайно...

— Я ездил к Фальстронгу, — пояснил я неуклюже, — договариваться о совместных действиях. Но вы абсолютно правы в своей мудрости и дальновидности, Ваше Величество. У Фальстронга все еще множество других забот! Тем более показательно, что он понял нависающую опасность и срочно принял меры.

Он прислушался с интересом к звукам из-под стола, бросил туда крупную утку.

— Простите, какие?

— Его войска уже перешли границу, — сказал я с внутренним торжеством, но не показывая вида. — Захватили пограничную крепость турнедцев и грозной лавиной двигаются дальше, захватывая города и земли в Турнедо.

Он в удивлении покачал головой.

— Даже не могу представить, что могло подтолкнуть всегда осторожного и расчетливого Фальстронга к такому шагу...

— Нависающая опасность, — повторил я.

— Нависающая, — как эхо сказал он, — опасность... Поясните? Чем это угрожало Варт Генцу?

— Проглотив Армландию, — ответил я, — Гиллеберд войдет во вкус. Следующим пирожком для него будет не Варт Генц или Фоссано, а... может быть, Вашему Величеству можно не тыкать пальцем? Что для Гиллеберда будет весьма сладким пирожком?

Он нахмурился, ни для кого не секрет, что Шателлен второе, если не больше, слабее Турнедо даже по экономике, а уж армии и сравнивать нельзя.

— Короли Фоссано и Варт Генца, — сообщил я, — уже направляются к вам, Ваше Величество, в гости. А заодно намерены и поговорить о совместных действиях против Турнедо. Поодиночке он всех нас побьет, но если против выступят три королевства... да еще я соберу рыцарей Армландии, мы сможем разбить его войско и отбросить обратно. Это как минимум.

Он спросил мрачно:

— А как максимум?

— Это даже не максимум, — сообщил я. — Мы всерьез продумываем вариант отстранения Гиллиберда от власти, а земли Турнедо намереваемся разделить между победителями.

Он долго раздумывал, вдруг хмуро усмехнулся.

— Говорите, король Барбаросса и Фальстронг едут в Шателлен?.. Даже не уведомив меня?.. И не дождавшись приглашения?

Я сказал с раскаянием:

— Винюсь, но времени в обрез. Я сам пригласил их от вашего имени, понимая, что ничего умнее просто не останется. И я просто уверен, что Ваше Величество...

Я сделал намеренную паузу, Найтингейл сказал с раздражением:

— Не люблю, когда решают за меня!

— Но, Ваше Величество...

Он сказал еще раздраженнее:

— Да знаю, поступили верно. Но все-таки, сэр Ричард!

— Винюсь, — сказал я покаянно, — время поджимало.

И всех нас поджимает. Так что скажете?

Он пожевал губами, брови сдвинулись, наконец произнес с сердцем:

— Конечно же, я приму этих великих и благородных королей!

— Только маленькое уточнение, — сказал я просительно.

Он спросил грозно:

— Что еще?

— Ой, — воскликнул я, — не зовите пока что палача, я еще не все выпакостил. Я предложил провести встречу не здесь, в Дартмуте, а в вашем загородном, так сказать, дворце Солнечный. Летнем замке! Он в таком милом отдалении, вокруг голое поле, никто не приблизится незамеченным... А сравнительно недалеко у вас будет проходить ежегодный рыцарский турнир, туда съедутся многие вельможи. Никто не обратит внимание еще на пару небольших отрядов из Фоссано и Варт Генца...

Найтингейл вздохнул.

— Что, от Солнечного в самом деле недалеко до турнирного поля?.. И вокруг замка еще ничего не построили, не посадили деревьев?

— Точно, Ваше Величество!

Он сказал устало:

— Не думаю, что мои советники так же точно знают, где у меня в королевстве что лежит. Что ж... а их Величества ваше... в смысле, мое приглашение приняли?

— С радостью, — воскликнул я. — И благодарят вас за гостеприимство и за ту радость, которую получают, когда смогут лицезреть вас и вашу великолепную, просто замечательную бороду!

Он устало отмахнулся.

— Не переигрывайте, это уж чересчур. Хотя и приятно, да, я же понимаю, тоже человек, хоть и король. Вы далеко пойдете, сэр Ричард, если вас такие, как Гиллеберд, не оставят. Хорошо, вы организовываете встречу трех королей, но, как я понимаю, вы хотите, чтобы мы не только обговорили план совместных действий, но и как поступить потом... в случае победы?

— Если не струсим, — сказал я, — и не дадим слабину, мы победим. Но главное как раз в послевоенном мире! Мы должны разделить между победителями земли и договориться о прочном и нерушимом мире! Сколько бы ни говорили о красивых победоносных войнах, однако все-таки процветание страны важнее, Ваше Величество, не так ли?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Вообще-то, это я должен был говорить вам такое, молодой человек... Ах да, вы же старые книги читали!

Он дернул за шелковый шнур, в дверях возник слуга в темной одежде.

— Позови сэра Эбервиля, — велел Найтингейл, а меня спросил: — Чем еще желаете подкрепиться, ваша светлость?.. Мне сказали, вы прямо с дороги. Хотя по вам не видно.

— А для меня дорога, — сказал я, — родной дом. Если у вас найдется перекусить и для меня, то я еще та собачка.

Глава 14

Я доедал рябчика, когда дверь торопливо распахнулась, сэр Эбервиль почти вбежал, поклонился Найтингейлу и с неудовольствием посмотрел на меня.

— Вызывали, Ваше Величество?

— Садитесь, сэр Эбервиль, — велел Найтингейл. — Вы сейчас занимаетесь внешними делами королевства, вам и первому слово. Сэр Ричард сообщил, что уже создана коалиция из двух королей, Барбароссы и Фальстронга, по противодействию королю Гиллеберду. Более того, король Фальстронг якобы уже вторгся в пределы Турнедо, чему я никак не могу поверить, а Барбаросса готовится переходить болота и вторгнуться в Армландию. Нам предложено присоединиться, иначе, дескать, нас все равно сожрут. Если не Гиллеберд, то рассерженные победители...

Он посмотрел на меня, я кивнул, подтверждая, спросил виновато:

— А можно еще... птичку? А то моя собачка уже умирает с голоду.

Сэр Эбервиль, как я заметил, все еще посматривает на меня косо, я был соперником его брата, но когда заговорил, в голосе звучала несвойственная такому пышнонарядному щеголю вдумчивая рассудительность:

— Ваше Величество... в прошлый раз, когда сэр Ричард появился вот так же неожиданно, он привез пойманную по дороге рыбу святого Икариуса, а вы знаете, что о ней все слышаны, но никто не видел. Каждая чешуйка той рыбы — сокровище, но сэр Ричард швырнул ее так это небрежно нашим солдатам...

Найтингейл прервал его нетерпеливо:

— Вы слишком долго подбираетесь к чему-то. Я уже позабыл, с чего вы начали. Говорите короче, сэр Эбервиль, вы не на собрании лордов Совета.

Эбервиль поклонился.

— Хочу сказать, к сэру Ричарду стоит прислушиваться внимательнее, чем... к любому другому, кто явится вот так один и без богатой свиты, хотя это и необычно.

Найтингейл отмахнулся.

— Это я уже усвоил. Но на этот раз он предлагает вообще нечто дикое!

— Выше ставки, — заметил я почтительно, — выше и выигрыш.

Найтингейл молчал и буравил меня полными подозрения глазками.

Эбервиль посмотрел на него, на меня, сказал несчастным голосом:

— Вы разгневаются, Ваше Величество, но, боюсь, другого такого удобного случая не будет. Гиллеберд укрепил королевство экономически, теперь жаждет еще и воинской славы. Мы самые слабые, Ваше Величество! После Армландии у него аппетит только разгорится! Сожрать нас ему ничего не стоит. Если отклонить предложение сэра Ричарда, то королевствам Фоссано и Варт Генц придется сражаться против Гиллеберда без нас. Если Гиллеберд их разобьет — он потом все равно сожрет нас. Если они его — простят ли нам, что отказались присоединиться к их союзу?

Найтингейл беспокойно заерзал в кресле.

— Хочешь сказать, что потом поступят с Шателленом, как с Турнедо?

Эбервиль тяжело вздохнул.

— Ваше Величество, у победителей аппетит всегда хороший. А оправдание себе всегда найдут.

— Какое? — спросил Найтингейл безнадежным голосом. Эбервиль ответил с поклоном:

— Мы сами его даем.

Найтингейл буркнул:

— Может, мне лучше поддержать Гиллеберда?..

— Вам решать, — ответил сэр Эбервиль бесстрастно. — Но как бы вы ни решили, это будет иметь весьма... заметные последствия.

Найтингейл смотрел на меня беспомощно, а я тихонько ликовал, что Эбервиль, которого я опасался, неожиданно на моей стороне. Вообще-то не на моей, а на стороне Шателлена, но важно, что неприязнь ко мне не мешает признавать, что королевству лучше быть в союзе с нами, чем остаться в стороне и смотреть, как рядом разгорается кровопролитная война.

— Хорошо, — сказал Найтингейл наконец невесело. — Говорите, короли Барбаросса и Фальстронг уже едут? Могли бы предупредить и раньше... Надо же подготовиться, чтобы достойно...

Я отмахнулся.

— Не на пир едут. Встретиться можно и в лесном шалаше.

Он проговорил с благородным негодованием:

— Сэр Ричард! Вы такие ужасные вещи говорите... Как я могу себе позволить такое неподобающее?

Ну и набегаясь, сказал я своим спутникам, когда снова вскочил в седло. Человек всегда недоволен: зимой холодно, летом жарко, весной и осенью грязно, на троне задница преет, но и вот так носиться, как будто простолюдинный гононец, тоже начинает доставать, потому что задница хоть и не преет, но какая-то мозолистая уже, как у черепахи панцирь...

Хорошо, мелькнула мысль, хоть кровоподтеки не набираю, как в первые дни. Так что все хорошо....

От Дартмута до Вексена рукой подать, Шателлен и Фоссано граничат, а я еще срезал угол и пронесся через обширное герцогство Ламбертиния. Барбаросса давно положил на него глаз, оно вдвое больше Фоссано, тамошний герцог давно мог бы объявить себя королем, но почему-то не возжелал... Даже брак короля Барбароссы был политическим: он объединял в союз два королевства, зажимая между ними эту самую Ламбертению, но что-то Барбаросса то ли потерял наступательный дух, то ли еще что, но Ламбертиния цветет и наслаждается полной независимостью.

Я пронесся через нее, как через пустое пространство, лишь изредка замечая распаханное поле и ухоженные домики, иногда мелькали на холмах и на высоких массивных утесах замки, но в целом я проскочил Ламбертению быстро, затем промчались по землям Фоссано и влетели в ворота Вексена, уже сбросив скорость.

Барбаросса если и удивился моему появлению так скоро, то не подал вида, рассматривал меня молча, а я поспешил заверить:

— Все идет хорошо, Ваше Величество!.. Король Варт Генца с энтузиазмом... просто с великим энтузиазмом и радостью!.. одобрил вашу идею священной войны против омерзительного захватчика и сразу же велел собирать войско...

Он рыкнул:

— Мою идею?

Я испуганно ахнул:

— Разве это была не ваша идея?.. Господи, ну у меня и память...

Сэр Уильям присутствовал при нашем разговоре, но он только потрепал мощно Бобика по загривку и толчком отправил под стол, Бобик с великой радостью повиновался.

— Ага, — прорычал Барбаросса еще злее, — значит, это я разжигатель войны? За Армландию, выходит, вступился?.. Которая сама мне враг! Уильям, ты слышал?

Сэр Уильям снова смолчал, а я запротестовал бурно:

— Ваше Величество, как могут быть врагами ваши подданные? Даже верноподданные?

Он отмахнулся.

— Ты мне зубы не заговаривай. Что-то совсем не понимаю насчет Фальстронга.

— Что? Только скажите!

— Войска, — прорычал он с прежним ожесточением. — Он вот так взял и велел собирать войска?

— Точно! — заверил я. — Это же вы его призвали, как он мог отказаться? Если король Барбаросса готов и призывает...

Сэр Уильям горестно вздохнул и воздел очи в потолок. Барбаросса спросил озадаченно:

— Но где тут подвох?

— Какой?

— Не знаю, — отрезал он. — Просто чую.

— Ну что вы, Ваше Величество, — сказал я с великим огорчением, — чувствительное такое, прям интеллигент какой-то... Король Фальстронг рвется в яростную и кровавую битву, чтобы упоение в бою у бездны мрачной на краю! Войско уже выступило и перешло реку... как ее там... в общем, границу с Турнедо, которое надо взять и разрушить, будто Карфаген какой!

Он смотрел на меня с недоверием.

— Вот так и выступил? И уже с войском?

— И даже перешел границу, — повторил я, — первая крепость в Турнедо уже захвачена! А у вас, кстати, как дела с поголовной мобилизацией хотя бы профессиональных воинов?

Он огрызнулся:

— Какой поголовной? Народ вообще не должен заметить никакой войны!.. Это так, забавы королей. Их дело пахать и критиковать.

— Вот и хорошо, — одобрил я. — Вы мудрый король, Ваше Величество, я это везде говорил, говорю и говорить буду, мне хоть плюй в глаза, а я все равно скажу, что вы про-

сто замечательный, и умный, и красивый, и талантливый, и все-то умеете...

Сэр Уильям, морщась, неодобрительным тоном прервал мой подхалимаж:

— Сэр Ричард, я тоже не стану спрашивать, как уже и Его Величество оставил попытки узнать, каким это вы хитрым финтом заманили Фальстронга в войну... но что насчет совместных действий? И кто где остановится? В случае победы разделим земли по принципу: кто сколько захватил, тот столько и удержит... что само по себе очень несправедливо, или как? Армия Гиллеберда в Армландии! Мы будем с нею сражаться со всем пылом, а Фальстронг начнет захватывать беззащитные земли, словно на прогулке?

— Не такие уж и беззащитные, — уточнил я. — Пока гарнизоны замков остаются верны Гиллеберду, земли не считаются захваченными. Это раз. А второе, нам всем нужно все-таки встретиться вместе и поработать над картой... обсудить будущую судьбу земель Турнедо. И высказать друг другу претензии, пожелания, советы, указать куда кому идти, чем заняться... в общем, обменяться мнениями.

Барбаросса смотрел набычившись.

— Каким образом?

— Я по дороге заскочил к своему старому другу, — сообщил я, — к королю Найтингейлу. Да-да, мы с ним друзья, несмотря на разницу в возрасте, но он местами даже моложе меня...

Уильям спросил едко:

— Что, такой же дурак? Сэр Ричард, не виляйте, разговор серьезный. Если скажете, что и Найтингейл с восторгом рвется в войну с Гиллебердом, я вас просто прибью.

— Я его сам прибью, — возразил Барбаросса, — давно руки чешутся.

— Вот как вы меня любите, — сказал я с горькой обидой, — а я к вам прям, как к родителям!.. Вы вот папа, а вы — мама... Или наоборот, это неважно, от вас родительской заботой так и прет...

— Сейчас ремень возьму, — подтвердил Барбаросса. — С пряжкой! Так что с Найтингейлом?

— Рвется в войну, — сказал я не моргнув и глазом. — Говорит, если не захотят вместе, сам на Гиллеберда ударю с фланга и опрокину, а потом погоню остатки обратно. Так что вам надо поспешить, благородные фоссанцы!.. А встретиться лучше всего именно у него, Найтингейла. Если взять за точку встречи его стольный город Дартмут, то это как раз на половине пути между Фоссано и Варт Генцем. И особо удаляться от мест сражений не придется: Шателлен вытянулся, как селедка, вдоль Турнедо.

Уильям, задумавшись, кивнул.

— Да, — подтвердил он, — эти два королевства почти слиплись... В одном месте только между ними ничейный лес.

Он бросил на меня острый взгляд, словно до него дошли какие-то смутные слухи или кто-то сообщил, что меня там видели, и что происходило там нечто странное и очень тайное.

Я сказал бодро:

— Пока армия сосредотачивается и начинает переходить болота... неспешно, забрасывая гати вязанками с хвостом, чтобы прошла и тяжелая конница, Ваше Величество могли бы нанести визит королю Шателлена...

Барбаросса возразил:

— О таком договариваются заранее на уровне посольств. И заранее обговаривают условия приема...

Я прервал его:

— Простите великодушно, Ваше Величество, но я взял на себя смелость обо всем договориться. Вам будет оказан прием, прям как императору! Я так и сказал, что Барбаросса зол и капризен, мелочен и упрям, так что с вас там будут пылинки сдувать. И носиться, как с писаной...

Барбаросса побагровел:

— Зол и капризен? Мелочен и упрям?

Я вскрикнул:

— Сэр Уильям, да скажите же наконец, это сказано в интересах дела! Зато Фальстронг увидит, что нашему королю выказывают больше уважения, чем ему! И не так упорно торговаться будет! И уступит какие-то земли... А капризными и упрямыми могут быть только великие короли, они себе это могут позволить, это мелкие должны со всеми уживаться, кланяться, соглашаться... А вы как упретесь рогами, так хоть императора впрягай!

Барбаросса зло сверкал глазами, а Уильям сказал деловито:

— Сэр Ричард прав, крупные королевства всегда ведут себя как бандиты, а мелкие — как шлюхи. Вы не бандит, Ваше Величество, но в таком мире живем, надо вести себя, как бандит, чтобы уважали...

— Лучше уж бандитом, — подсказал я лстыиво, — чем шлюхой!

Барбаросса сказал зло:

— Так бы и перевешал! За что меня Господь покарал такими советниками и друзьями?

— Вот-вот, — подтвердил Уильям, — сразу видно, что вы... не мелкий король. А выезд такого слона трудно сделать незамеченным. Ехать все-таки вдоль границы с Турнедо... Оттуда стоит только послать большой отряд на перехват...

Я сказал быстро:

— В королевстве Шателлен Его Величество Роджер Найтингейл проводит ежегодный рыцарский турнир в честь Сошествия Святого Духа на Деву Марию! Не слышали? Так вот, герольды уже везде трубят и дудят о нем. Во все соседние страны посланы гонцы. В Шателлен съедутся рыцари как из окрестных земель, так и от соседей. Да-да, из нашего Фос-сано... можно, я его тоже буду называть нашим? Все-таки я ваш подданный, Ваше Величество, вы меня защищаете, как исполненный благородства старший рыцарь и помнящий о своих обязательствах сюзерен! Еще приедут из Турнедо, Варт Генца, из герцогства Ламбертиния...

— И что?

Я объяснил:

— Никто не обратит внимание на очередной отряд рыцарей, что отправится из Фоссано в ту же сторону. Или из Варт Генца.

Барбаросса поморщился.

— И что, нам совещаться во время турнира? Наблюдая за схватками?

Уильям посмотрел на меня с укором.

— Сэр Ричард, это неразумно.

— Конечно, — согласился я. — Но это вы предположили такое... умное. Я имел в виду совсем другое.

— Что?

— Рыцари едут на турнир, — объяснил я, — разбивают шатры вокруг поля, а вы... едете мимо и дальше. В десятке миль к северу расположен прекрасный замок-дворец Солнечный. Летняя резиденция короля Найтингейла. Место уединенное, все просматривается на многие мили вокруг. Можно прибыть с самой малой свитой и не опасаться, что кто-то да захватит... В обстановке строгой секретности можно провести любые переговоры.

Уильям хмыкнул, посмотрел на меня с интересом.

— Все внимание будет на турнире, это верно! Хороший ход.

Я сказал скромно:

— Да скажите уж, прекрасный, я не стану отказываться!

Барбаросса рыкнул:

— А король Фальстронг решится?

Я сказал уверенно:

— Если сказал, что придет, то уже решился. Понимает, что нас уже трое: Фоссано, Армландия и Шателлен. И как Турнедо ни сильно, однако трое — это трое.

Сэр Уильям коротко взглянул на Барбароссу, сказал негромко:

— Эти трое в лучшем случае равны одному. Такому, как Турнедо. К тому же войскам Его Величества, если идти на

Турнедо, нужно либо через земли Шателлена или герцогства Ламбертини, либо через отделенную болотами Армландию...

Я сказал быстро:

— Так мы ж это уже решили! Только через Армландию!

Барбаросса сказал раздраженно:

— Так уж спешите ее отвоевать?

— Нет, — запротестовал я, — как раз потому, что этого ждет король Гиллеберд. Он уже сосредоточил там все войска, чтобы не дать вам форсировать болота.

— И что?

— А тем временем король Фальстронг ударит... уже ударил!.. с тыла по самому Турнедо! Как только новость дойдет до Гиллеберда, он вынужденно повернет войска. И тогда уже вы будете бить его с тыла, догонять и вбивать в землю по ноздри!

Барбаросса сказал с недоверием:

— Полагаете, Фальстронг все-таки решится вторгнуться в Турнедо? А то вы рассказываете прям какие-то ужасы, просто и не знаю!

— Конечно, — ответил я убежденно. — Уже вторгся, я сам видел и участвовал! Другое дело, что потребует за свою помощь.

Он умолк, задумался, помрачнел.

Сэр Уильям сказал значительно:

— Нужно будет тщательно продумать, что сказать, что скажет Фальстронг, и что ответим мы...

Глава 15

Ввиду того, что Фоссано граничит с Шателленом, первые дни мы ехали по землям своего королевства, а потом уже по дружественным, но здесь приходилось быть настороже, граница с Турнедо проходит совсем близко, и если пожелаем в королевском пренебрежении к мелочам срезать кое-какие углы, то придется проскакивать и через земли турнедцев.

Правда, сэр Уильям настоял, чтобы ехали пусть и не по таким протоптаным дорогам, зато скрытно. Барбаросса, которому хотелось переть, как царственному носорогу через полянку с лягушками, поворчал, но согласился, только злобно поблывал на меня маленькими глазами на широком лице не совсем еще бывшего драчуна и грубияна.

День на момент выезда оказался на редкость солнечным, теплым, небо синее, трава изумрудно-зеленая, и кони понесли бодро, соревнуясь друг с другом.

Барбаросса помолодел то ли от встречного свежего ветра, то ли от того, что наконец-то вырвался из четырех стен чинного королевского дворца.

Над головой трепещут баннеры, я настоял, чтобы королевские убрали, Барбаросса, к моему удивлению, спорить не стал, хотя сопровождающие рыцари кривились и морщились.

Сэр Уильям, который так тщательно готовил нашу поездку, догнал меня на крупном рыжем скакуне.

— Сэр Ричард, вы от Найтингейла ехали этой дорогой?

— Даже от Фальстронга, — заверил я. — Заезжая по дороге к Найтингейлу.

Он посмотрел с недоверием, зная мою манеру проскакать напрямую, дескать, с таким конем не догонят, спросил на всякий случай:

— Впереди мосты, броды... все в порядке?

— Любую дорогу осилит идущий, — ответил я с достоинством, почему бы и не поумничать, когда удастся.

Он спросил с беспокойством:

— Это что же, верхом так и не попадем?

— Безногий, — сказал я высокопарно, — ковыляющий по верной дороге, обгоняет всадника, вздумавшего срезать угол через земли Турнедо. Так что если не высовываться, то попадем, куда надо.

— Дорога больно плохая, — буркнул он.

Я сказал важно:

— Плохие дороги требуют хороших проходимцев.

Он отмахнулся.

— Нам все равно, мы на конях.

Мы ехали еще по Фоссано, однако, к неудовольствию Барбароссы, нужно было сделать довольно большой крюк. Он заспорил, я поколебался, но сказал:

— Возможно, это опасное место для одиночек? Или двух-трех, как обычно путешествуют? Чего должна страдиться сотня сильнейших рыцарей королевства?

Сэр Уильям посмотрел на Барбароссу, на меня, устало махнул рукой.

— Рискнем.

Я выехал вперед, Бобик бежит чуть впереди, арбогастр потряхивает гривой, все хорошо, только дорога все сужается, справа и слева медленно поднимаются откосы, пока не превратились в каменные стены, а мы продвигались как по дну ущелья.

— Проверить доспехи! — велел я. — Шлемы надеть!.. Опустить забрала!.. Мечи наголо!.. Держаться плотно друг к другу!..

Кони перестали пофыркивать и переговариваться, идут присмиревшие, даже уши прижимают, как испуганные собаки. Я посмотрел на Бобика, этот, напротив, вздыбил шерсть и двигается так, будто вот-вот на кого-то прыгнет.

Я вытащил меч и вслушивался, наконец высоко на скалах раздался надсадный скрип, будто огромный жук перемалывает в жвалах ствол дерева.

За моей спиной сэр Уильям негромко ругнулся, а вслух сказал:

— Прикрыться щитами!

Зазвенел металл, я не оглядывался, продолжая всматриваться изо всех сил и вслушиваться. Наверху раздался свирепый вой, простучал мощный топот, снова заревело громко и жутко.

Мы продолжали продвигаться медленно, удерживая коней, готовых ринуться сломя головы. Лиц под опущенными забралами не видно, но чувствую страшное напряжение каждого, все настолько готовы в любой миг к страшной схватке,

что если ее не будет, мышцы начнут лопаться, не сумевши высвободить энергию в схватке.

Топот раздался громче, снова заскрипело. Мы ехали медленно и осторожно, наконец наверху дробно простучало и начало удаляться нечто такое, что мы так определить и не смогли.

Сэр Уильям сказал угрюмо:

— Что за твари так стучат копытами?

— Не копытами, — поправил я. — Когтями.

Он перекрестился.

— Господи, спаси и защити!

Барбаросса посмотрел на него свысока, сэр Уильям сделал вид, что застыдился, и начал протискиваться в передний ряд. Впереди скалы уже снижаются, через пару фарлонгов настолько разошлись в стороны, что мы ехали уже по ровной и мирной долине.

Странно, но этот пустычок заметно поднял и без того высокий боевой дух. Опасное место оказалось не таким уж и опасным, если по нему едут сильные и отважные рыцари большой группой, сами готовые напасть на кого угодно.

Сэр Уильям посматривал на меня искоса, словно хотел сказать доброе слово, и никак не мог, наконец произнес:

— Ваше Величество, это везение или как?

— Это жизнь, — ответил Барбаросса философски, — один вертится между шипами и не колет, другой смотрит, куда ставить ноги, и все равно натывается на шипы посреди лучшей дороги, а домой возвращается ободраным, как шелудивый пес.

Сэр Уильям посмотрел на него в удивлении, перевел взгляд на меня, снова зыркнул на Барбароссу.

— Что-то вы все разумничались, — буркнул он. — К дождю, наверное... Это мы вертимся, как шелудивые?

Барбаросса кивнул.

— А наш юный друг, как догадываетесь, вывернется, не уколовшись.

— Может быть, прибить сразу? — предложил сэр Уильям.

— Хорошо бы, — согласился Барбаросса, — да ведь вы-вернется... А мы приедем, как дураки, Найтингейл скажет в удивлении: что, я вас звал? Кто вам сказал такую глупость?

Сэр Уильям криво усмехнулся.

— А вы заметили, Ваше Величество, что наши рыцари этому... я даже не подберу слова, чтобы его охарактеризовать так, чтобы ни одно животное не обидеть, оказывают почести больше, чем нам с вами?.. И догадываетесь, почему?

Барбаросса фыркнул.

— Еще бы! Я всего лишь король, а он — коннетабль, что поведет их в красивый победный бой, где честь, слава, рыцарские подвиги, добыча, зависть менее удачливых соседей...

Я смиренно помалкивал, улыбался, как робкий зайчик, сильные мира сего шутят, но чувствуется и некоторая обида, даже зависть, этот молодой да ранний слишком уж удачлив... Ага, знали бы, как над этой кажущейся удачливостью приходится попотеть, чтобы потом выйти на сцену и с улыбочкой попорхать в балетном танце.

Рыцари в самом деле частенько пускали коней рядом с моим Зайчиком и пытались выведать, что за таинственность, что планируем делать, чтобы вернуть Армландию под контроль Его Величества Барбароссы.

Я загадочно улыбался и говорил уклончиво, что уже все делается, а они присутствуют при этом важнейшем историческом моменте.

Наконец последний зеленый пологий холм встал на пути, кони пошли резво, а когда взлетели на вершину, мы натянули поводья.

Залитый солнцем небольшой изящный замок, весь словно из золотого песка, стройные башенки, не по-северному широкие окна, никаких решеток, над воротами укреплены крупные гербы королей Барбароссы и Фальстронга.

Барбаросса польщенно пробормотал:

— Найтингейл хорош, умеет делать приятное...

— Но свой герб бы надо тоже, — великодушно напомнил сэр Уильям. — Все-таки встреча трех королей...

— Скромничает, — ответил Барбаросса. — Нам с Фальстронгом делает приятное. Он всегда был деликатником.

Ага, трех, подумал я уязвленно. Ну кто принимает в расчет эту мошку, что жужжит надоедливо над ухом то у одного, то у другого, то у третьего?

— Так, — сказал Барбаросса твердо, — пора. Мои регалии. Быстро!

Переоделся не только он, почти все рыцари вытащили из седельных мешков лучшие одежды. Барбаросса облачился в сверкающие золотом доспехи, огромного рыжего жеребца накрыли с головой в тонкую попону золотого цвета, только морда, глаза и уши остались торчать в прорези, а длинная бахрома попоны теперь касается травы.

На моих глазах он снял шлем и передал оруженосцу, а сэр Уильям бережно вручил ему золотую королевскую корону с крупными рубинами.

— Прекрасно, — сказал он с чувством. — Государь, вы прямо лев рыкающий!

Барбаросса посмотрел на него с подозрением.

— А ты где льва видел?

— В церкви, — ответил сэр Уильям. — Там слева от входа на стене Христос, он на льве в Иерусалим въезжает...

— А-а-а, — сказал Барбаросса, — хорошо. Ну, поехали?

Найтингейл вопреки традициям поставил летний замок не на холме или утесе, а посреди долины. Правда, вокруг ровное голое пространство, нельзя подобраться, скрываясь в кустах либо за деревьями, но все равно выглядит как непростительная беспечность в наше беспокойное время.

Один из самых зорких рыцарей вскрикнул ликующе:

— Едут! Смотрите!

Далеко на вершине холма, что на той стороне широкой долины, показались крохотные всадники. Я не успел рассмотреть цвета и баннеры, но Уильям сказал довольно:

— Это король Фальстронг!..

Барбаросса усомнился:

— Почему так решил?

— Он меня однажды из седла выбил, — сказал Уильям с непонятым выражением, — я таких не забываю...

— Едем, — сказал Барбаросса. — Неплохо окажется, если встретимся у ворот замка. Что-то в этом будет...

Он запнулся, подбирая слово, я подсказал:

— Знаковое. Символичное.

— Да, — подтвердил Барбаросса, — именно... А вы откуда такие слова знаете?

Я сказал благочестиво:

— Из Святого Писания, конечно. Так все знаковое и символичное. И дураки те, кто понимают напрямую... Все, Ваше Величество, я спешу!

И, прежде чем он успел открыть рот, я толкнул коленями Зайчика, земля взлетела у него из-под копыт, прогремел короткий грохот, и разноцветная трава с полевыми цветами слилась под конским брюхом в сплошную полуразмытую зелень.

Я остановился у ворот, стражи посмотрели на меня со страхом, а на Адского Пса — вообще с ужасом, однако решетка заскрипела, приглашающе поднялась.

Мы проскочили под аркой, на той стороне небольшого двора вход в донжон, Найтингейл ждет у входа, очень скромный, значит, как и подобает хозяину, однако сияет от короны на седых волосах до золотых шпор на рыцарских сапогах.

За его спиной только скромно одетый мужчина с типичным лицом первого секретаря, молчаливый священник со смиренно сложенными руками на животе, да в сторонке паж держит под уздцы могучего спокойного коня под расшитой в клеточку яркой попоной.

Я соскочил на землю, поклонился.

— Сэр Ричард, — произнес Найтингейл.

— Ваше Величество...

— Сэр Ричард, — произнес он, — где наши гости?

— Едут, — сказал я, — вы не поверите, насколько они... пунктуальны. Хотите взглянуть?

— С удовольствием.

— Прошу вас...

Мы пересекли двор и поднялись на стену, а оттуда увидели, как справа показались всадники, в одежде которых преобладают багрянцевые тона с золотом, а слева такие же щегольски одетые, но в пурпурных одеждах с золотым шитьем. Даже кони у тех и других покрыты золотистого цвета попонами, закрывающими и головы, за исключением глаз.

Они подъехали к воротам с двух сторон одновременно, наступила неловкая пауза, король Барбаросса и Фальстронг, оба свирепые и неуступчивые львы, повернулись друг к другу и мерили один другого взглядами.

Я видел, с каким напряженным вниманием всматриваются, вслушиваются, стараясь предугадать, кто что замыслил.

Наконец Барбаросса прогудел мощным голосом:

— Мой дорогой брат!

Фальстронг ответил в той же манере и почти так же гулко:

— Мой дорогой брат...

Роджер Найтингейл, учтиво поклонившись сверху одновременно обоим, сказал торопливо:

— Ваши Величества, мои дорогие братья, вы можете въезжать в мой замок, не покидая седел.

Барбаросса кивнул, но смотрел неотрывно на Фальстронга.

— Это как возжелает мой дорогой брат.

Фальстронг ответил строго контролируемым голосом:

— Как изволит мой брат, король Барбаросса, так и поступим.

Барбаросса начал медленно поворачивать коня головой к распахнутым воротам.

— Тогда я последую за вами, мой дорогой брат.

— Нет-нет, — воскликнул Фальстронг, — это я за вами!

Я улыбался, хотя внутри все передергивается от этой фальши, братьями зовут друг друга, но это все-таки лучше, чем если бы их войска соприкоснулись на поле боя.

Они пустили коней бок о бок и поехали стремя в стремя. Мне показалось, Фальстронг чуть приподнимается в седле, чтобы не быть ниже короля-соперника. Все мы, мужчины, друг другу — соперники и при встрече автоматически измеряем взглядом любого, с кем общаемся, и нам не нравится, если собеседник выше ростом или шире в плечах.

Несмотря на то что встреча неофициальная и даже тайная, Барбаросса, как и Фальстронг, нацепили самые массивные золотые цепи с драгоценными камнями, оба в горностаевых накидках, символизирующих королевское достоинство, и это несмотря на полуденную жару.

Найтингейл торопливо сошел во двор, красивым жестом, исполненным достоинства, протянул вперед руки.

— Дорогие братья, — произнес он с чувством, — я счастлив видеть вас в своем скромном загородном домике!.. Располагайтесь здесь как дома... и даже лучше, чем дома!

Барбаросса ответил благожелательно:

— Благодарю, мой дорогой брат!.. Уж постараюсь расположиться лучше, чем дома, там у меня жена — просто зверь... га-га-га!

Он слез с коня, они обнялись, король Фальстронг тоже опустился на землю и, выждав, когда Найтингейл вырвется из медвежьих объятий Барбароссы, в свою очередь обнял его, похлопал по спине.

— Не сдаемся? Я слышал, у тебя, дорогой брат, малолетняя любовница?

Найтингейл опасливо оглянулся.

— Тише-тише, — прошипел он, — даже слуги не должны о таком слышать!

— Но ведь правда?

— Клевета, — ответил Найтингейл твердо и посмотрел честными-пречестными глазами. — Видит Бог, клевета!

— Согласен, — ответил Фальстронг понимающе, — клевета, так клевета. Но хорошая, правда? Приятно, когда такое за спиной клевещут.

Коней увели, свиту обоих королей начали разбирать и уводить небольшими группами, а мы все четверо вошли в зал, я сразу отметил минимум слуг, что понятно, однако на священника поглядывал с великим удивлением.

Найтингейл верно понял мое изумление, поморщился.

— А вы что хотели? Только священники и могут распознать нечисть и не допустить ее, чтобы подслушивала.

Я рискнул сказать:

— Многие маги тоже могут распознать...

— Могут, — согласился он невесело, — но мага можно и перекупить, а священники служат не мне, а Богу. Они... надежнее, хоть с ними и труднее.

Из дверей справа и слева вышли одетые в красное с золотым юноши, в руках длинные блестящие трубы, быстро встали вдоль стен и замерли, гордые и понимающие, какие они красивые и замечательные.

Часть третья

Глава 1

Высокий важный человек, капельмейстер или распорядитель, появился позже, сразу же взмахнул обеими руками. Трубы взметнулись кверху, раструбы как дикушинные цветы из меди, зал наполнился красивой призывной мелодией.

Я сказал священнику негромко:

— Принесите Библию. Побыстрее!

Он покосился на меня с укором.

— Зачем? Она всегда со мной.

— Дайте сюда.

— Простите, ваша светлость...

Я почти выхватил из его рук, подошел к единственному столу и торжественно положил на него книгу. Старинный рукописный текст в латунном переплете с богатым рисунком смотрится очень хорошо и величаво.

— Ваши Величества, — произнес я торжественно, — я прошу вас положить руки на Библию и поклясться, что вы будете стойки и последовательны в нашем священном союзе против наглого захватчика, посмеявшегося нарушить мир. Господь наш всегда против войн, лишь оборонительные или освободительные он принимает и приветствует, так что всегда помните, что бы мы ни делали на этом поприще против нару-

шившего людские и земные законы Гиллеберда, — законно, и Господь с нами!

Барбаросса первым протянул руку и положил на Библию. Глаза его сверкнули огнем войны.

— Клянусь! — произнес он густым голосом воина.

Найтингейл опустил ладонь на переплет и сказал мягким интеллигентным голосом:

— Клянусь всей душой.

Фальстронг несколько замешкался, явно нарочито, свою значимость можно показывать и в мелочах, наконец коснулся святой книги растопыренными пальцами, не прикасаясь ладонью, вскинул взгляд кверху.

— Клянусь, — сказал он размеренно, — да-да, клянусь.

Найтингейл оглядел всех быстрыми живыми глазами.

— Ваши Величества, — сказал он радушно, — согласно вашим предварительно высказанным пожеланиям на отдых отведен всего час. Затем мы все встречаемся в главном зале... это, вообще-то, не зал, а просто большая комната, где и продолжим... начнем основную часть встречи. Если у вас, конечно, нет других пожеланий.

— У меня нет, — прогудел Барбаросса.

— У меня тоже, — чеканным голосом ответил Фальстронг.

Слути молча распахнули двери, я предусмотрительно не пошел ни с Барбароссой, ни с Фальстронгом, будет сочтено как нарушение равновесия, вместе с Найтингейлом молча смотрели им вслед, пока оба не скрылись. С Найтингейлом можно, он — принимающая сторона, радушный хозяин, а самое главное — у него маленькое королевство и слабая армия, это не Фоссано и Варт Генц, примерно равные по моши королевства, что ревниво присматриваются к подобным и более сильным.

Во дворе звенят мечи, это рыцари из Фоссано и Варт Генца меряются силой и демонстрируют друг другу воинские приемы. Рыцари Шателлена толпятся вокруг, их больше всех, глаза горят, и ладони тянутся к рукоятям мечей, но чув-

ствуется, что руки им связывает приказ не предпринимать ничего рискованного, что может вызвать неудовольствие гостей той или другой стороны.

Кто-то из рыцарей Барбароссы, изрядно выпив, отправился в другой конец двора, где молодые девушки вытаскивают из колодца полные ведра, но, вообще-то, чувствуется общее напряжение, даже эти вот фехтующие с мечами, очень серьезны и постоянно себя контролируют, это заметно невооруженным глазом, улыбаются скованно, а смех звучит... не слишком раскатисто и вольно.

Через час все трое собрались в самой большой комнате, именуемой залом, я отметил, что шепетильность королей в отношении своего достоинства доходит до смешного: вошли одновременно с двух сторон, там есть двери, но для такой синхронности кому-то пришлось некоторое время ждать, пока появится второй.

У небольшого столика три роскошных кресла и... стул, чуть ли не табуретка. Я поморщился, ну да ладно, просто соблюден дипломатический протокол, так надо, так принято, комильфо, мне же нужен результат, вот и сопи, фюрст, в две дырочки и смиренно внимай трем королям, сидя на табуреточке.

Барбаросса и Фальстронг важно уселись, оба в горностаевых накидках, символ высшей власти в их королевствах, никто больше не имеет права обрамлять воротники этим мехом.

Король Найтингейл поднялся, интеллигентно кашлянул.

— У меня странная роль, — сказал он смущенно, — как будто принимаю гостей, так как это в моем загородном доме и в моем королевстве, но на самом деле я такой же гость, как и вы, а отвечает за прием...

— ...и его последствия, — вставил Барбаросса гулко и хохотнул.

Фальстронг одобрительно усмехнулся.

— Да-да, — согласился Найтингейл обрадованно, — вы совершенно правы, мой дорогой брат! Отвечает за все последствия, за успех и неудачи... сэр Ричард, фюрст Сен-Мари!

Он жестом пригласил меня продолжить, а сам с явным облегчением опустил в кресло. Я поднялся, сердце колотится так отчаянно, словно убегая от дракона, а он уже разинул пасть и жарко дышит мне в спину.

— Ваши Величества, — произнес я и ощутил, что даже голос жалко дрожит, как у овцы хвост, — Ваши Величества... все когда-то бывает внове, и неправ язычник Экклезиаст, что нет ничего нового под луной... Господь постоянно испытывает нас! И одно из его испытаний перед нами сейчас...

Я запнулся, Барбаросса смотрит пристально, молчит, а Фальстронг произнес благодушно:

— Продолжайте, дорогой фюрст... хотя в данном случае лучше будет гроссграф... гроссграф Армландии.

Я поклонился.

— Благодарю вас, Ваше Величество. Да, именно Армландии. Вероломный и жестокий захватчик вторгся в беззащитные земли, лишенные войск! Эти не дикие земли, лишенные хозяина, это земли Его Величества короля Барбароссы, над которыми я поставлен им сюзереном! Сам Господь велит нам, христианским правителям, объединиться и совместными усилиями остановить и опрокинуть захватчика!.. От себя добавлю, что король Гиллеберд сейчас опасен и для любого из вас...

Фальстронг кивнул, обронил негромко:

— На нас пока не решается.

— Совершенно верно, — поддержал я, хотя Фальстронг вроде бы слегка возражает. — Спасибо, Ваше Величество, за поддержку! На вас пока не решается, но это пока. Если проглотит Армландию, то станет настолько силен, что даже втроем вы с ним можете не управиться!

Они слушали внимательно, размеренно и благодушно кивали, все верно, Гиллеберд — гад, Господь на нашей стороне, однако встрепнулись, а в глазах вспыхнули ожидаемые искры тревоги, когда я упомянул, что с ресурсами Армландии Гиллеберд станет вообще непобедимым.

Барбаросса засопел и нахмурился, а Фальстронг стиснул челюсти так, что проступили желваки.

— Как долго, — спросил Фальстронг деловито, — простоят Армландия?

— Замки он не скоро захватит, — заверил я, — но долины окажутся все в его руках. У нас там нет войск, все ушли в Сен-Мари, а оттуда — в Гандерсгейм.

Барбаросса буркнул:

— Тогда и замки долго не простоят. Особенно ближайшие... Дальние хотя бы успеют запасти провизию на случай долгой осады.

Фальстронг сказал равнодушным голосом:

— Можно во все замки послать гонцов, чтобы готовились к долгой осаде и ждали помощи. Это, конечно, если придем к соглашению.

— Мы придем, — сказал я убежденно. — Иначе Гиллеберд всех нас, как мышей, передавит поодиночке! Вы знаете его репутацию.

Они помрачнели, переглянулись. Найтингейл сказал то-ропливо:

— Конечно, я поддерживаю стремление сэра Ричарда вернуть контроль над Армландией. Даже, если придется прибегнуть к такой мере, как вторгнуться в королевство Турнедо. Наверное, потому, что мое падет вслед за Армландией? Но, дорогие мои венценосные братья, потом все-таки настанет ваш черед.

Фальстронг кивнул.

— Вы правы, мой брат. Ваше королевство Гиллеберд проглотит следующим.

Я повысил голос:

— Да, но когда в руках Гиллеберда будут ресурсы не только Турнедо, как сейчас, но еще Армландии и Шателлена... уже не устоят и Фоссано с Варт Генцем. И тогда поздно будет заключать союзы.

Барбаросса прогудел мощно:

— Наш гроссграф прав. Сейчас Гиллеберд силен... но еще не в полной силе.

— Согласен, — ответил Фальстронг. — Я готов подписать военный союз. Нужно только определиться, как действуем и... что потом.

В голосе прозвучала деловая нотка, Барбаросса тоже кивнул и потер ладони. Мне показалось, что на «как действуем» никто не обратил внимания, это же понятно как: вломимся и ну крушить, ломать, убивать и жечь, а вот «что потом» — гораздо важнее, потому что «потом» — это дележ добычи, а из-за нее всегда споры.

Я сказал твердо:

— Гиллеберд должен быть низложен! Легитимность легитимностью, но король, который ведет себя, как разбойник, ее теряет.

Барбаросса кивнул одобрительно, ему тоже не папа римский надевал корону, а Фальстронг, хоть и потомок целого ряда королей, наклонил голову с видом полного согласия.

— Все верно, — произнес он ровным голосом. — Я из пепла поднял королевство, вот чем должны заниматься и чем гордиться правители!..

Барбаросса сказал уязвленно:

— Мое было не в пепле, но гражданская война не прекращалась десятки лет!.. Кровь лилась по улицам, а вороны жирели, выклеывая только глаза убитых!.. Но когда я занял трон, все разбой прекратились. Теперь только мой палач имеет право лишить жизни!

Король Найтингейл вскочил и простер руки:

— Да-да, мой царственный брат, Фоссано теперь тоже богатеет и благословляет своего короля! Но давайте вернемся к Турнедо. Я могу выставить не больше пяти тысяч

конных, из них полтысячи рыцарей, а также восемь тысяч пехоты. Но я не рискну начать первым, меня Гиллеберд сомнет в первые же дни!..

Барбаросса сказал с неохотой:

— Начну первым я. Но мои войска не смогут сразу вступить в бой, сэр Ричард прав. Эти проклятые болота отгородили Армландию от Фоссано надежнее крепостных стен. Я соберу конницу, пехоту и подведу обозы к болотам, о чем сразу узнает Гиллеберд. Когда начну форсировать болота, он стянет все войска, чтобы не дать мне выйти на берег...

Найтингейл сказал возбужденно:

— Я готов ударить в районе Безансона и Шарни. Это совсем рядом от моей границы, города там очень богатые. Я сразу перехвачу главную дорогу, она проходит достаточно близко от земель моего королевства, остановлю обозы и прерву снабжение армии оружием, доспехами и продовольствием.

Фальстронг задумчиво проговорил:

— Если войска Гиллеберда сгруппируются для встречи армии Барбароссы, я смогу практически без боев захватить всю северную часть Турнедо. А дальше... полагаю, Гиллеберд повернет свои войска и спешно бросит их на выдворение моей армии из пределов своего королевства.

Он посмотрел на Барбароссу. Тот кивнул, принимая подачу.

— Армия Фоссано форсирует болота и ударит войскам Гиллеберда в спину. Впрочем, не думаю, что он всю армию спешно вернет в Турнедо. Захваченную Армландию оставить — это признать поражение. Две трети армии он оставит, а треть вернет...

— Почему треть? — возразил Фальстронг уязвленно. — Вы считаете мои войска такими слабыми? Против вас — две трети, а против меня — треть? Это оскорбление!

Барбаросса вскочил, гневно сверкая очами, а я торопливо прокричал:

— Его Величество Барбаросса хотел сказать, что в Турнедо осталось множество верных Гиллеберду вассалов со своими дружинами, не все же пошли в Армландию! Они и окажут Его Величеству Фальстронгу яростное сопротивление! Так что у него там противник будет даже сильнее, чем у короля Барбароссы!

Барбаросса недовольно поморщился, но смолчал и сел обратно. Найтингейл вздохнул с облегчением, а я ощутил, что все взгляды скрестились на мне.

— Вижу, — сказал я откровенно, — моя очередь сказать, что могу сделать я. Но, увы, я слишком слаб, и еще не знаю даже, если откровенно, что смогу на самом деле. Попробую собрать в Армландии верных мне лордов. Думаю, даже те, кто не был мне верен, после нашествия армии Гиллеберда предпочтут принести клятву мне и выставить войска под мою руку.

Фальстронг пробормотал:

— Это уж точно...

Найтингейл сказал ободряюще:

— Сэр Ричард, мужайтесь. Нашествие внешнего врага сплотит Армландию. Так бывает всегда.

Барбаросса промолчал, а Фальстронг сказал веско:

— Кроме того, я полагаю, мы должны действовать очень согласованно и дальше. А для этого просто обязаны прийти к соглашению, что хотя у каждого войска свой король, но кто-то должен, как бы это сказать, командовать и всеми... Иначе, если будем действовать каждый по себе, Гиллеберд сумеет так маневрировать своими войсками, что нанесет поражение каждому поодиночке.

Барбаросса возразил запальчиво:

— Мной никто не будет командовать!

Найтингейл сказал торопливо:

— Вы не так поняли, мой дорогой брат!.. Не вами, наш дражайший родственник имел в виду, а всего лишь войсками...

Барбаросса возвысил голос:

— Это и значит, что командовать мною!.. Ну хорошо-хорошо. Если это в самом деле нужно, то командовать буду я!

Фальстронг вскипел:

— Почему вы?

— Как самый старший, — заявил Барбаросса, — по возрасту и опыту!

— Опыт от возраста не зависит! — выкрикнул Фальстронг. — Мне воевать пришлось больше! Это через мои земли прошли войска императора Карла, уничтожая все живое!.. Мы дрались дни и ночи, мы дрались в полях, лесах и горах, мы дрались конными и пешими... и опыта у нас хватит на десять королевств, где дрались только за трон со своими же вассалами!

Барбаросса снова вскочил, но мы с Найтингейлом ухватились за него и осадили, как огромные псы разъяренного медведя.

Фальстронг, напротив, вальяжно и по-хозяйски развалившись в кресле, заявил уверенно:

— Только я, никто другой!

— Нет! — прорычал Барбаросса.

Он опять попытался вскочить, но снова на плечи навалились и удержали.

Найтингейл сказал просительно:

— Мои дорогие и такие горячие братья!.. Я не стану предлагать свою кандидатуру, у меня невелик воинский опыт, войска мало, а королевство втрое мельче ваших. Однако могу предложить того, кто и этого лишен...

Барбаросса и Фальстронг перестали пожирать друг друга яростными взглядами, в недоумении посмотрели на короля Шателлена, потом одновременно повернули головы в мою сторону.

Найтингейл, ободренный паузой, сказал торопливо:

— Вспомните, мы же решились помочь сэру Ричарду вернуть его земли!.. Это святой долг рыцарственных коро-

лей и христиан! Такое нам зачтется, когда на Страшном Суде начнут допытываться, как и что делали, и что скажем в свое оправдание... Сэр Ричард не король, у него совсем нет войска, потому нет влияния, а нам нет урона достоинству...

Барбаросса крикнул, посопел, в раздражении двинул плечами.

— Ну, он в самом деле не король...

Он бросил злой взгляд на Фальстронга. Тот нехотя кивнул.

— Я не уступлю руководство другому королю, — заявил он, — однако это не будет уступкой вам или кому-то еще, если возглавит наши силы сэр Ричард. Это будет, скорее...

Он остановился, подыскивал слово, а Барбаросса буркнул:

— ... пожалованием.

Фальстронг наклонил голову.

— Да, мой дорогой брат, это больше пожалование. Назначение.

Глава 2

Он исподлобья посмотрел на Барбароссу, тот кивнул, Фальстронг чуть наклонил голову и взглянул на короля Шателлена, передавая ему слово.

Найтингейл с облегчением вздохнул, просиял, сказал с подъемом:

— Как приятно моему сердцу, когда такие могучие короли приходят к согласию!.. Сэр Ричард, это не просто пожалование... мы помним ваш блистательный рейд в богатейшее южное королевство, которое вы так умело и молниеносно завоевали, использовав не только немногие силы Армландии, но и войска Его Величества Барбароссы, о чем он был уведомлен, как мне сообщили, уже потом...

Барбаросса кивнул.

— Да, — буркнул он, — если бы заранее сообщил, я бы не дал ни одного воина! Но потом, да, когда все получилось, пришлось одобрить и задним числом дать соизволение... В таких делах он мастер, так что берегите карманы!

Найтингейл сказал со вздохом облегчения:

— Сэр Ричард, вы назначены этими могучими королями руководителем наступления. Я, разумеется, добавляю и свой голос к их высокому мнению.

Я вскочил, торопливо поклонился.

— Я безмерно счастлив, — произнес я дрожащим от счастья и восторга голосом, — я не нахожу слов... я сделаю все, чтобы оправдать ваше высокое доверие... только надеюсь, вы не оставите меня своими постоянными советами и подсказками...

Фальстронг снисходительно улыбнулся.

— Мы с моим благородным братом, королем Барбароссой, нисколько не сомневаемся, что такой молодой и талантливый военачальник успешно справится, да. Со своими обязанностями и вообще. А подсказывать, направлять и даже руководить, разумеется, будем, не волнуйтесь! Наш громадный воинский и жизненный опыт не позволит вам наделать слишком уж больших ошибок, а мелкие... га-га-га!.. мы и сами умеем.

Найтингейл посмотрел на одного и другого просительно, сказал робко, словно простолюдин у знатных лордов:

— Наверное, пора нам... к частностям?

Барбаросса кивнул.

— Да, надо точно наметить, кто где наносит удар, чтобы получилось согласованно. И обязаться следовать плану.

— И чтобы обязательно приходить на помощь, — добавил Фальстронг важно, — если Гиллеберд навалится только на одного.

— Очень важно, — подсказал Найтингейл, — чтобы мы рвали его, как собаки, со всех сторон. И чтобы он отбивался сразу от всех, а не от одного.

Барбаросса неспешно достал откуда-то из-под мантии большой рулон бумаги.

— Ага, — сказал он, — мы тут наметили примерно, как вести эту кампанию...

Фальстронг фыркнул:

— Себе в пользу! Нет уж. Давайте так, чтобы все были в равных условиях.

Барбаросса буркнул неприязненно:

— Мой дорогой брат, вы даже не посмотрели, что я предлагаю!

— Я и так знаю, — возразил Фальстронг, — как себе выгоднее! Это точно. Я бы так сделал обязательно...

Я промолчал, не знаю, шутит ли так откровенно, либо же в нем так проявляется нервозность. Сейчас самый важный момент, все вступаем в войну и обязуемся вести войска именно так, как сейчас вот начертим на бумаге, и в те сроки, какие определим и под какими подпишемся.

Выказывая предельное смирение, я только слушал и время от времени робко поражался вслух гениальным находкам, когда Барбаросса и Фальстронг осторожно чертили стрелки с двух сторон карты, наблюдая друг за другом.

Фальстронг, естественно, хотел бы получить вдвое больше времени на продвижение по землям Турнедо, но даже Найтингейл указал деликатно, что никаких армий, во всяком случае, заметных, перед ним нет, можно двигаться быстро.

Я сказал с предельной почтительностью:

— Самая большая трудность будет с захватом Савуази. Столица королевства, если кто там бывал — вспомнит, окружена очень высокой и толстой стеной... я даже не представляю, какие нужны лестницы! Любые обрушатся под собственной тяжестью.

Барбаросса нахмурился.

— Что, яростного штурма недостаточно?

— Как? — спросил я. — Такие стены?

— А прямая атака на ворота? — прорычал он с веселой злостью. — Тараном выбить ворота...

— Увы, — сказал я, — перед воротами дорога задирается вверх. Тараном хорошо бить сверху вниз или хотя бы по горизонтали, но снизу вверх... гм...

— Пока ни у кого еще не получалось, — договорил Найтингейл расстроено.

Барбаросса посмотрел на меня с неприязнью, словно это я так укрепил ворота и вообще вход в город, а Фальстронг спросил неожиданно:

— Как насчет подкопа?

Барбаросса поморщился.

— Что это за красивая освободительная война? Рыть, как кроты, как кроты...

— Зато победная, — обронил Фальстронг. — Хотя, конечно, это затянется надолго. А если еще, слышав, что копаем, они начнут делать контрподкопы, то это затянется на долгие годы...

— Как насчет осады? — спросил Найтингейл. — Если захватим Турнедо, окруженному Савуази придется сдаваться рано или поздно. Либо умереть с голоду.

— У нас нет флота, — возразил я. — А восточным краем город проходит по реке. Там удобный причал, кораблями и баржами и сейчас доставляют столько зерна и муки, сколько город потребляет! Еще дешевле и удобнее, чем везти на телегах.

Фальстронг нахмурился, как и Барбаросса, оба не отрывали взглядов от карты. И хотя каждый изучил до самого мелкого камешка еще дома, но здесь ревниво присматриваются, как пойдут войска друзей-соперников: Фальстронг быстрым маршем идет с севера, Барбаросса форсирует болота и вторгается с юга, Найтингейл бьет с фланга в незащищенный бок, а сэр Ричард... ну, этот делает все, что может с той горсткой, какую сумеет собрать в пока еще не захваченной части Армландии.

Двери распахнулись, молчаливый слуга впустил в комнату сэра Уильяма Маршалла и сэра Клифтона Джонса. Очень торжественные и важные, они внесли, двигаясь как сытые гуси в стоячей воде, пачку бумаг, как мне показалось, хотя на самом деле всего три листа, один договор в трех экземплярах.

Такой момент сопровождать бы пением труб и криками ликующей толпы, но у нас тайный передел мира, потому все три короля подошли к столу, внимательно читали, кто и что должен сделать, в какой последовательности.

На столе пусто, только по толстой свече в массивном золотом подсвечнике, целиком составленном из переплетенных фигур людей, кентавров и сатиров. Несмотря на солнечный день, свечи горят жарко, на них будем топить сургуч для королевских печатей.

Короли все трое для подписания договора накинули горностаевые накидки, признак королевского достоинства, хорошо хоть не шубы, у меня и так рубашка начинает промокать на спине.

Фальстронг читал не менее внимательно, чем Барбаросса и Найтингейл, наконец кивнул, на лице проступило тщательно сдерживаемое удовлетворение.

— Составлено верно, — пояснил я, — я готов подписать хоть сейчас.

— И я готов, — сказал Барбаросса, но продолжал читать, а сэр Уильям заглядывал через плечо и время от времени тыкал пальцем в то или иное слово.

— Согласен, — сказал Найтингейл.

Но никто не брал в руку перо, а Фальстронг вообще скривился, будто хватил уксуса вместо вина.

— Сейчас самое приятное, — провозгласил он, — почему все такие кислые? На десерт подают сладкий пирог, вот он перед нами! Нам нужно всего лишь разрезать его на куски.

— Да, — согласился Барбаросса и потер ладони. — Мне придется форсировать уйму болот, но вся моя громадная армия выполнит свой долг...

Фальстронг бесцеремонно прервал:

— У меня армия не меньше. Но о равных долях пирога и речи быть не может!

Найтингейл вздохнул, но смолчал, Барбаросса настороженно согласился:

— Да, конечно... хотя доли должны быть и у нашего брата короля Шателлена, и даже у нашего молодого друга, сэра Ричарда.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Фальстронг церемонно, — однако эти доли совсем... небольшие, а у сэра Ричарда... гм... скорее символическая. Не забываем, он получает обратно Армландию! Зачем ему еще и доля в Турнедо? Да и вы, Ваше Величество, получаете ее, вашу Армландию, она все-таки входит в ваше королевство, не так ли?.. Потому я претендую на три четверти земель Турнедо, это мое твердое слово!..

Барбаросса вскочил, глаза метнули молнии:

— Три четверти? А мы трое... пусть даже двое, должны делить одну четвертинку? Два короля?

Фальстронг поднялся и сказал звенящим, как стальная полоса на наковальне, голосом:

— Это мое не только твердое, но и последнее слово!.. Иначе я сейчас же уйду. Вы получаете обратно свою Армландию и, главное, навсегда избавляетесь от угрозы со стороны моего королевства, пусть даже и увеличенного землями Турнедо, так как я воевать не люблю и никогда не нападу.

Найтингейл вскочил, лицо умоляющее, но я поднялся и прокричал:

— Ваши Величества, Ваши Величества!.. Это спор уже не королей, а торговцев!.. А давайте вспомним, что вы еще короли-рыцари, которых уважают и чтят за доблесть, за выполнение рыцарских обетов, за ваши клятвы и подвиги!.. Почему не поступить, как делали древние рыцари, память которых мы чтим, а деяния ставим детям в пример?

Они пожирали друг друга яростными взглядами, я уже думал, что и не слушают, но оба повернули головы и усталились с подозрительным недоумением.

— Ты о чем? — прорычал Барбаросса.

— О неуместном рыцарстве, — бросил Фальстронг мрачно.

— Мы понимаем, — объяснил я, — что пока столица будет держаться нерушимо, Турнедо не побеждено!.. А местные лорды будут постоянно собирать отряды и нападать открыто и по ночам. Значит, Савуази нужно взять как можно быстрее. В то же время мы уже поняли, хоть пока об этом и не говорим, взять столицу будет невероятно трудно. Скорее всего потребуются усилия всех трех армий, про своих рыцарей я скромно умалчиваю.

Фальстронг кивнул.

— Правильно делаете, сэр Ричард, что умалчиваете. Не надо смешить людей. Так что вы предлагаете? Захватить город силами трех королевств и разделить город на три части?

Барбаросса сказал иронически:

— На четыре. Он и себе хочет урвать клочок.

— Нет-нет, — сказал я поспешно, — до такой глупости даже я не додумаюсь. Есть вариант лучше. Почему бы не объявить своим войскам, чья армия первой ворвется в столицу Турнедо, та и будет владеть как столицей, так и двумя третями земель?

Они все еще смотрели на меня, но первым заулыбался Фальстронг и сказал громко:

— Да, это по-рыцарски! Солдатам понравится такое соревнование. Еще отдадим столицу на грабеж и поток в течение трех дней, а то и на неделю. Все будут из кожи лезть! Я поддерживаю предложение сэра Ричарда.

Барбаросса злобно пожирал меня лютым взглядом, потом тяжело вздохнул и переспросил:

— Это как? Три короля идут к столице с разных сторон, но одному даже без боев идти с юга походным маршем ме-

сяц, другому — неделю, а третьему, что с севера, не больше двух недель?

Я уточнил:

— Тот король, который придет первым, вряд ли сумеет, как вы понимаете, захватить Савуази с ходу. Ему придется ждать остальных. А там будут все на равных.

Фальстронг буркнул:

— К сожалению, вы правы, сэр Ричард. Хотя, конечно, я буду пытаться захватить и в одиночку. До подхода остальных.

Я поднялся, поклонился всем, сказал умоляюще-дрожащим голосом:

— Я просил бы включить в соревнование и самого младшего участника! Да, у него нет войска и практически нет шансов, вы же понимаете, однако это покажет благородство и рыцарский дух участников, когда доблесть важнее, а при взятии столицы врага все равны: короли, герцоги и простые рыцари!.. О такой красивой рыцарской войне будут слагать баллады, вы понимаете?

Барбаросса сказал безнадежным голосом:

— Ну, разве что для баллад... Я не против, чтобы участвовал и сэр Ричард.

— И я не против, — сказал Найтингейл.

— Я тем более, — бодро заявил Фальстронг.

Сэр Уильям и сэр Клифтон быстро внесли добавочный пункт в договор, переписали заново и принесли для подписания.

Барбаросса вздохнул тяжело и взял остро отточенное перо.

— Ладно, — проворчал он. — Для меня главное, это верно, избавиться от этой угрозы с севера.

— А для меня, — сказал я, — освободить Армландию. Хотя, конечно, захватить столицу первым... ха-ха-ха!.. я попытаюсь. И точно захвачу!

Они тоже посмеялись, Фальстронг добродушно хлопнул меня по колену:

— Вы мне нравитесь, сэр Ричард! Искренне желаю вам успеха... ха-ха-ха!.. первым захватить столицу... га-га-га!

Барбаросса тоже загоготал, хотя не так весело, а Найтингейл сказал торопливо:

— Ну вот и хорошо, все получают как раз то, что каждому нужно на самом деле!

Фальстронг спросил бодро:

— Подписываем?

— Я готов поставить свою подпись прямо сейчас, — сказал Найтингейл быстро, — но нужно внести в договор последнее предложение сэра Ричарда. Чтобы кто-то, позабыв детали, не начал говорить, что договаривались не так... Как вы понимаете, это я о себе, у меня что-то с памятью.

Он виновато улыбался, а я сказал:

— Можно не уследить, кто первым перелез через стену, город большой, а стена тянется вокруг него на мили, потому победителем нужно назвать того, кто сбросит с крыши королевского дворца Гиллеберда его знамя и водрузит свое!

Барбаросса крикнул, сказал огорченно:

— Правильное решение. Почему не я придумал?

— Молодость, — сказал Фальстронг с легкой усмешкой. — Быстрее на все реагирует. Но медленнее — не значит хуже. Бывает, посмешишь — людей насмешишь... Я согласен, так и подпишем.

Глава 3

Дабы ничье достоинство не было задето или уязвлено, Уильям Маршалл и Клифтон заранее заготовили четыре варианта раздела королевства Турнедо. И хотя все мы прекрасно понимаем, что столицу скорее всего захватит все-таки армия короля Фальстронга, но для соблюдения протокола и просто приличий сделали и те карты, какой вид примет Турнедо, если столицу захватит первым король Барбаросса, король

Найтингейл и даже я, сэр Ричард Длинные Руки, майордом Сен-Мари.

После того как внесли и новый пункт о водружении королевского знамени победителя, Найтингейл первым расписался на всех экземплярах, его личный секретарь четыре раза капнул сургучом и четыре раза приложил большую королевскую печать.

— Вот, — сказал Найтингейл и посмотрел на других искательно, — я уже... вот...

Барбаросса, кривясь, поставил свою подпись и, облив меня ледяным презрением, отвернулся. Фальстронг расписался красиво и победно, сделал шаг назад. На их места тут же заступили сэр Уильям и сэр Клифтон, одновременно плеснули расплавленным сургучом и тут же прижали там большие королевские печати.

Сэр Уильям раздал всем участникам переговоров по экземпляру.

Красиво оформленные договоры снова посыпали мелким песочком, стряхнули, теперь буквы обрели празднично блестящий вид, свернутые в трубочку договоры обвязали красными шелковыми ленточками и еще раз скрепили толстыми наплывами сургуча с оттисками королевских печатей.

Барбаросса прогудел добродушно:

— Ну, теперь можно и вина... Я слышал, у нашего доброго хозяина хорошие запасы.

Найтингейл сказал огорченно:

— Чего мне только не приписывают!

— Это лучше, чем малолетняя любовница, — утешил Фальстронг. — Я тоже от пары кубков вина не откажусь! Еще как не откажусь.

Найтингейл кивнул секретарю, тот исчез, через несколько минут на стол, откуда убрали карту, начали ставить вино и закуски.

Найтингейл поглядывал на меня с сочувствием, наконец сказал неожиданно:

— Знаете ли... сэра Ричард сделал как никто много, чтобы собрать нас и уговорить действовать вместе.

Барбаросса буркнул:

— А что, он это сделал ради наших красивых глаз? Или своих интересов?

— Да-да, — сказал Найтингейл, чуть-чуть смутившись, — это необходимо ему, чтобы получить обратно свою Армландию, однако... мне лично хотелось бы чем-то вознаградить этого отважного и умного молодого человека.

Фальстронг сказал язвительно:

— Хотите отдать ему свою долю?

Найтингейл смутился.

— Нет, я не это имел в виду...

— Ну-ну, а что?

Найтингейл сказал несколько стеснительно:

— Нас трое королей. Мы можем заодно пообещать, что больше с землями сэра Ричарда такое не случится. Мы будем ему гарантами. Сами не нападём... и другим не позволим.

Фальстронг скептически выпятил губу.

— Я, конечно, готов дать такие гарантии, они ничего нам не стоят. Мы не нападём, а других хищных королевств близко нет. Гиксия опустошена, Скарлянды все еще зализывают раны, Ираму пришлось бы идти через мои земли, чего не допущу, а королю Хайбиндеру из Эбберта пришлось бы пройти через Ламбертинию и королевство Шателлен... Вообще-то, вы, дорогой мой брат, подсказали неплохую идею.

— Надеюсь, — сказал Найтингейл довольно.

— Только это ерунда, — сказал Фальстронг безапелляционно, — можно что-то и получше.

Барбаросса спросил настороженно:

— Чего получше?

— Не смотрите с таким подозрением, — упрекнул Фальстронг, — я тоже отношусь к сэру Ричарду с симпатией. Он и единственно пострадавшая сторона, и очень умелый дипломат, говорит только приятные слова, в то же время сумел нас собрать и уговорить...

— Ну-ну, — сказал Барбаросса с еще большим подозрением.

— Он кто у нас, фюрст? — спросил Фальстронг. — Нас трое королей, имеем полное право назначить его курфюрстом, а его Армландию, хоть и оставить в составе королевства Фоссано, однако навеки закрепить за сэром Ричардом.

Найтингейл сказал довольноно:

— Вы умный человек, король Фальстронг!

Барбаросса пробурчал:

— Еще бы... Дать то, что не своя собственность и чего не жалко. Красивый жест! А мне вот жалко, я не скрываю, потому что никогда не хитрю. Но все-таки согласен. Земля у него есть, теперь закрепим ее у него под ногами, чтобы никто не вырвал. Я слышал, что с той стороны Армландии, где разоренная Мезина и Грангепт, началось какое-то шевеление...

— Всего лишь возвращается беглый народ, — сказал успокаивающе Фальстронг. — Они еще сто лет будут отстраиваться после такого разгрома. Все согласны с моим великолепным и великодушным предложением?..

— Я за, — сказал Найтингейл быстро.

Барбаросса скривился, буркнул:

— Согласен.

— Тогда, — сказал Фальстронг победно, — нам понадобится еще один листок. Пусть наши секретари впишут это великолепное решение, а мы скрепим подписями и королевскими печатями.

Курфюрст, мелькнуло у меня в голове, что это за такое, слышал о них маловато, ну разве что однажды римский император назначил Понтия Пилата курфюрстом Палестины или Иудеи, точно не помню, хотя тогда курфюрст именовался просто наместником, да еще курфюрст Иоанн Верный покровительствовал Лютеру...

Курфюрст, как понимаю, это тот же фюрст, но с правом избирать императора. То есть остальные сидят в своих княжествах и сопят в две дырочки, а избранные съезжаются в

одно место и решают, кому быть императором. Если, конечно, место оказывается вакантным.

Ага, еще в отличие от фюрстов, курфюрсты освобождены от императорского суда, имеют право указывать императору на ошибки и промахи, а главное — их владения неделимы и неприкосновенны, о чем и сказал Фальстронг.

Еще я имею право на четырехугольную пурпурную шапку, отделанную горностаем, могу даже поместить на герб, это ж так ах-ах как немислимо важно...

Кстати сказать, саксонский курфюрст Август стал королем Польши, крупного и могущественного по тем временам королевства, курфюрст Бранденбургский стал королем, создав королевство Пруссия, а курфюрст Ганновера стал королем Великобритании...

Подумав о таких перспективах, я учтиво поклонился и сказал самым что ни есть почтительнейшим тоном:

— Ваши Величества... я благодарю за высокую и небывалую честь! Я так потрясен, что просто не нахожу слов...

Барбаросса покровительственно похлопал меня по плечу.

— И не надо. Мы понимаем, что в случае успеха ты выигрываешь больше всех. И Армландию обратно, и гарантии с таким титулом, что отнять ее у тебя уже никто и никак. Даже я не отниму, если передумаю.

Глава 4

Рассвет был пугающим и страшным: по небу из одной точки в нашу сторону бегут страшные лиловые потоки, расходясь веером, земля сжалась и затихла в ожидании неприятностей, на зеленую траву пал странный отсвет, а птичьи голоса зазвучали несколько робко и неуверенно.

Священник отслужил заутреню, мне вывели арбогастра, а сонный и сытый Бобик прибежал, когда я уже взобрался в седло.

Короли сами собрались разъезжаться, но я успел в седло первым, и получилось так, что они все трое как бы вышли меня провожать, будто вассалы сюзерена.

— Встретимся под стенами Савуази, — сказал я бодро. — Надеюсь, наш союз станет чем-то большим, чем просто временный пакт против одного опасного агрессора! Мы можем установить прочный и вечный мир в этом регионе, потому что... так уж случилось, но все мы не хотим вести никакие победоносные войны за расширение, за приобретения, захваты, доступ и прочие оправдания убийств и грабежей.

Барбаросса сказал очень серьезно:

— Я только «за».

— Я тоже, — сказал Фальстронг. — Мы сделаем послевоенные земли мирными и защищенными. Четверо таких орлов... да мы горы свернем!

Я вскинул руку, прощаясь. Найтингейл помахал в ответ с крыльца, я развернул коня, и мы вдвоем понеслись в сторону ворот, а дальше перед нами распахнулся необъятный мир лилового неба над головой и темной зелени под копытами арбогастра, очень темной, словно сжалась перед великой грозой.

Мы проскакивали через рощи, где низкое солнце колюче светит через редкие ветви с почти прозрачными зелеными листьями, превращаясь в очень мелкую странную звездочку с огромными пылающими лучами, и куда падает их свет, там мгновенно возникает жизнь: цветы поднимают печально склонившиеся головки, а муравьи жадно нападают на толстых жирных гусениц.

В одном гае с высоченными деревьями, что сплелись кронами и не пропускают вниз солнца, я успел увидеть безумно красивого коня, настолько снежно-белого, что прямо весь как из серебра, а перед ним мелькнула девушка с золотыми волосами, она нежно гладила этого красавца по морде. Мне даже показалось, что у нее за спиной не объемистый и грубый плащ, а сложенные крылья, но пока соображал, нас

унесло за полмили, и уже там я вспомнил, что изо лба коня торчит странная острая сосулька, почти прозрачная, поблескивающая множеством искорок.

Потом лес стал настолько густым, что Зайчик сперва летел, потом скакал, а в конце уже бежал иноходью, на каждом шагу огибая деревья. В какой-то момент до меня донесся впереди щелчок, я насторожился, готовый ловить стрелы на лету, хотя звук иной, не спущенная тетива, а следом донесся едва слышный вскрик, а потом жалобный плач, который я услышал только благодаря своим чувствительным ушам.

Бобик понял меня и метнулся в чащу. Арбогастр проломился следом, ему эти колючие кусты не заметнее, чем скале из гранита, лишь бы я сумел укрыться, вокруг трещало и ломалось, затем мы выбрались на небольшую полянку, слабый серебристый свет пробивается сверху через ветви, а внизу я рассмотрел мигающий, даже трепещущий, как под порывами ветра, красноватый с лиловым огонек.

Бобик стоял там и что-то с интересом разглядывал в траве.

Я покинул седло, но к огоньку приближался с осторожностью, пока не увидел стальной капкан, а в нем крохотное светлое, даже светящееся существо с крылышками. Оно жалобно поскуливало, одна нога намертво сдавлена стальными челюстями, что на вбитом глубоко в землю железном штыре. Размером это крылатенькое не крупнее моей ладони, с виду хрупкое настолько, что даже стрекоза или бабочка в сравнении с могучим и нахальным кабаном.

— И что? — проговорил я в замешательстве. — Разве эльфы могут попасть в простой капкан?.. Ты кто, существо?

Эльф поднял голову, на крохотной мордочке я рассмотрел совсем мелкие слезинки, из-за их малости на такие не действует гравитация, в смысле — куда сильнее срабатывает поверхностное натяжение, и эльфенку приходится постоянно вытирать морду хрупкими передними лапками.

— Не скажу, — пропищал он тоненьким, как у комарика, голоском. — Лучше умру, чем буду служить тебе...

— А мне и не надо служить, — ответил я, — у меня своих дармоедов хоть разгоняй. Погоди, попробую выпустить...

Над полянкой заплясали еще огоньки, но все летают достаточно высоко, чтобы я не дотянулся. Похоже, это того же вида, светлячки с крылышками, такие если и порхают днем, то при солнечном свете их не заметишь.

Челюсти капкана оказались совсем не тугие, а еще и обернуты толстой тканью, это чтоб не перебило тоненькую лапку.

Эльфенок продолжал горестно реветь, я сам вытащил ему ножку, посадил на траву.

— Ну, — сказал я, — крылышки у тебя целы. Лети, если ты мужчина! Если самочка, можешь остаться, отдохнуть. Правда, мелковата...

Он нерешительно поднялся, вспикнул и упал на бок, вокруг него замелькали другие, запищали, наконец он поднялся и, часто-часто махая крылышками, взвился в воздух.

Я вернулся к арбогастру.

— Бобик, посмотрелся?.. Поехали дальше.

Бобик, правда, не едет, а бежит сам, но он поправлять меня не стал, только посмотрел веселыми глазами и с высунутым языком ринулся через темный лес, сохраняя прежнее направление.

Мы увидели, как он остановился и, как охотничий пес, сделал красивую стойку с поднятой передней лапой. Впереди через лес идет огромный и неуклюжий человек, широкий, с толстыми руками и ногами, из одежды одна набедренная повязка из шкуры то ли тура, то ли кабана, хотя в лесу ходить, где продираться через сучки и колючки, надо быть либо придурком, либо не совсем человеком.

На плечах туша огромного оленя, я таких крупных не видел, ноги свисают справа и слева с плеч, он двигается с наклоненной головой и увидел меня не раньше, чем услышал грозный рык моего верного Бобика.

Вздрыгнув, он поднял голову, морда больше похожа на жабы, лоб крохотный, зато нижняя часть занимает почти

все лицо, рот широкий, а когда широко раскрыл в испуге, там блеснули четыре ряда острейших зубов.

— Эй, — крикнул я строго, — мужик! Деревня Зачепиловка в какой стороне?

Он тупо и опасливо посмотрел на меня, сразу увидел и понял, судя по его морде, что у меня за конь, что за лук за плечами, и что я совсем не из тех, кто удирает.

— Деревня? — пробурчал он тупо. — Какая деревня?.. Никакой деревни тут нет...

— Эх ты, — сказал я с досадой, — что значит, в лесу живешь. А дорога через лес есть или надо дуром?

— Дорога? — переспросил он. — Не дорога, тропка... Есть...

— Куда ведет?

Он подумал, снова переспросил, видимо, без этого мозг не начинает работать:

— Куда ведет?.. Да через лес... Слышал, прямо к Лесу Эльфов... Зачарованному Лесу, Эльфийскому, как его только ни зовут...

— Прекрасно, — сказал я обрадованно. — Туда мне и надо. Спасибо! Где эта тропка?

Он повернулся с оленем вместе, указал рукой.

— Вот за теми деревьями с ободранными боками... как раз и начинается.

Я сказал еще раз:

— Прекрасно, спасибо.

Он посмотрел с облегчением, как я поворачиваю коня, даже вздохнул, но все же проговорил:

— Ваша милость, солнце уже садится... Подождите до утра! Если не побрезгуете мясом на углях...

— Не побрезгую, — ответил я, — но спешить надо. Да и ночью прохладнее. И мух нет.

— А комары?

— На таком скаку?

Он пробормотал:

— Комары тоже бывают разные...

Бобик потерял к нему интерес и ринулся в чашу. Мужик с облегчением вздохнул, то ли тролль, похожий на огра, то ли огр, похожий на тролля, но мне по фигу, у меня другая цель, намного более важная: уцелеть и выжить! Хорошо бы еще и победить.

Зайчик понес бодро, Пес помчался привычно впереди, только иногда оглядывался, проверяя, правильно ли угадал направление. Воздух неподвижный и теплый, настоянный за горячий день на травах и цветах, плотнее, чем был днем, тогда хоть ветерок разбавляет, а сейчас тихо, мирно, сонно...

Я дорогу помню прекрасно, Зайчик быстро донес до нужной развилки, где на фоне неба высится сторожевая вышка, на высоких столбах, покрашенных в темный цвет, внизу два домика, смутно угадывается коновязь.

Остановив Зайчика, я некоторое время ждал, что с вышки окликнут, но там вроде бы вообще пусто. Предчувствуя неудачу, я направил коня к домикам, обе двери не заперты, что показалось странным, я тихонько приоткрыл, заглянул, пусто.

Пес вбежал, отпихнув меня горячим боком, пробежался по комнате, понюхал и сел передо мной, задрав морду. В глазах непонимание и вопрос: а чего ищем?

— Извини, — ответил я с досадой. — Похоже, снова облом.

Второй домик рядом, заглянул и туда, тоже пусто, хотя на месте и посуда, и даже кубки, пусть не серебро или золото, но два медных, несколько штук оловянных и с полдюжины бронзовых, настоящее богатство. Совсем недавно здесь еще пировали...

— Увы, — сказал я, — никого... Ладно, переночуем здесь, а утром поедем дальше.

Бобик не остался с арбогастром, а то и дело прибегал ко мне проверить, как я тут, наконец улегся у простого деревянного ложа и заявил твердо, что останется здесь.

Я некоторое время ждал, что ночью что-то да произойдет, ну должно же, как же без этого, я в лесу и в заброшенном домике, кругом одна нечисть, вот сейчас либо черт придет играть в карты, либо привидение пройдет сквозь стены, либо начнут ломиться зомби...

Увы, ничего не происходило, я лег на ложе и закинул ладони за голову, но именно в это время послышался стук копыт. Я определил, что скачут двое, лошадки легкие, неподкованные, да и всадники — вряд ли гиганты, мне далеко до знатоков, но такое определяю уже с легкостью.

Бобик тихо зарычал и поднялся. Я успокаивающе погладил его по холке.

— Лежи-лежи. Это не враги.

Он посмотрел на меня с недоверием, я прошептал на ухо, что и не друзья, а так, нечто нейтральное, но достаточно сильное и местами опасное, так что бди, но первым не начинай.

Снаружи послышались голоса, моего арбогастрика уже заметили, теперь стараются понять, что их ждет, некоторое время спорили, затем дверь резко распахнулась, в темном проеме я увидел только тьму, а когда пригнулся к самому полу, звездное небо над далеким зубчатым лесом.

Никто не входил, я проверил в тепловом, хотя запаховое говорило о двух, один справа от двери, другой слева.

— Заходите, — сказал я громко. — Я не враг!

Некоторое время ничего не происходило, затем в дверном проеме появился худощавый и стройный юноша с гибким станом и узкими бедрами. В руках лук со стрелой на тевтиве, очень неуместное оружие в тесной комнате, на поясе длинный узкий нож.

Луна светит в спину и лицо в тени, но я по запаху чувствовал его страх и настороженность, но не агрессию, поэтому сказал самым беспечным тоном, какой только сумел изобразить:

— Да заходите же!.. Сейчас зажгу свет. Кто бы вы ни были... это лучше одиночества.

Лучина вспыхнула от искры из моих ладоней, я зажег от нее еще две и воткнул в стену в щели между бревнами.

Неизвестный сделал шаг вперед, красноватый свет пал на юное лицо с большими удлинненными глазами.

— Кто ты? — потребовал он. — Это наш сторожевой пост. Сюда нельзя заходить чужим!

Я отмахнулся.

— Ах, перестань. Я знаю, кто вы оба. В смысле, ты и твой напарник, что сейчас стоит от двери справа. Меня зовут Ричард, а вас?

— Антанд, — произнес вошедший, — а напарник, если уж ты его сумел заметить, Тираз.

Я кивнул.

— Понятно. Антандиэль и Тиразель. А где мои старые друзья Изаэль и Эрланг?

Его даже качнуло назад от такого вопроса, а главное, уверенного тона, с каким я сразу добавил к названным именам окончания, которые в ходу только у эльфов.

Не сводя с меня настороженного взгляда, он убрал лук за спину, прошел вперед и сел за стол, наконец-то вспомнил, что это я гость, а они с напарником — хозяева.

— Кто ты? — потребовал он.

— Может быть, — сказал я, — позовешь друга? А то его комары заедят. Или эльфов не трогают?

Он бросил короткий взгляд в сторону распахнутой двери, там через мгновение появился второй такой же стройный и гибкий эльф, но в привычной человеческой одежде, в кольчуге и металлическом шлеме.

Я сказал благожелательно:

— Можете принять свой настоящий облик, ребята. От меня таиться не обязательно. Как и от моей собачки. Мы не враги. Более того, мы даже друзья, хоть в это и трудно поверить... Кстати, раньше тут было многолюднее.

Второй молча прошел в комнату и сел с другой стороны стола. Бобик поднял голову и с предостерегающим ворчаньем показал ему клыки.

— Тиразель, — сказал первый эльф, — перестань.

— Ничего-ничего, — успокоил я. — Взаимное опасение — нормально. И даже ваша враждебность. Эльфы никогда не нападали на людей, знаю, только защищались, а вот люди... Но я, знаете ли, тоже эльф, хоть и несколько иной расы, так что у нас много общего. Во всяком случае, увидите, я не враг.

Они вздрогнули, когда на столе начали появляться на фарфоровых блюдах ломти мяса, изысканного сыра, дивные фрукты, в хрустальных бокалах на вытянутых ножках заискрилось игристое вино. Я тужился изо всех сил, если раньше с трудом мог создать чашечку кофе, то теперь могу практически все, что когда-либо ощущали мои рецепторы во рту, а желудочный сок разлагал на ингредиенты.

Наконец появились в вазочках горки изысканного мороженого, я с удовлетворенным вздохом откинулся на спинку стула.

— Поужинаем? — предложил я.

Антандиэль остро смотрел на дивные кушанья, затем перевел взгляд на меня. Мне почудилось, что в глазах холодок начинает таять.

— Ты человек? — спросил он, через мгновение сам же ответил: — Да, человек... Но в тебе в самом деле не чувствую вражды. И ты не церковник, судя по тому, что умеешь и делаешь...

Тиразель добавил:

— Церковники — враги.

Антандиэль повел в его сторону бровью, и Тиразель умолк на полуслове. Оба они вслед за мной взяли мясо, затем перешли к тонко нарезанному сыру, я видел, как бешено раздуваются их ноздри, хватая незнакомые ароматы.

— Самые большие враги, — сказал я, — мы сами себе. Никто другой так не может испортить нам жизнь, как мы...

Сколько мне отсюда осталось до вашего руководства? У вас кто: король, каган, султан, паша или что-то еще интересное?

Они переглянулись, Антандиэль сказал вежливо:

— У нас королева.

— Как ее зовут?

— Ее Величество.

Я кивнул.

— Да уж догадываюсь. А по имени?

Антандиэль сказал хмуро:

— По имени ее не зовут. Но ты прав, это знать надо. Блистательная Синтифаэль, рожденная из Света и Солнца...

— Запомню, — сказал я и поднялся. — Простите, ребята, надо двигаться. Хоть и ночь на дворе, но я опаздываю. Я такой, всегда опаздываю, мне всегда два-три дня не хватает до полочки... Мне вон той дорогой топать?

— Топать не обязательно, — сказал Тиразель враждебно, — эльфы не любят шума. И вообще... есть конь, почему не ехать? Да, лучше по той дороге, но ты ее не увидишь. Тут хоть луна, а в чаще так вообще...

— Увы, — сказал я гордо и красиво, — надо! Щастя нам, ребята. Да здравствуют эльфы! Одухотворенные, цельные, простые...

Они смотрели в окно, как я вышел и вспрыгнул с крыльца в седло. Бобик снова ринулся вперед, а Зайчик помчался следом с такой скоростью, что меня обязательно расшибло бы о низкие метки, если бы я не видел в темноте так же четко, как и днем, разве что исчезли все краски.

Но деревья в самом деле дальше сдвигаются, лес не любит раскрывать тайны, Бобик исчезал, возвращался с другой стороны, коротко гавкал и указывал, где проехать проще, в одном месте вообще встал перед почти сплошной стеной и уверял, что можно только здесь, а обходить — себе дороже, до утра будем биться головами об уходящие в небо великаны с каменной корой.

Глава 5

Лес быстро и страшно перешел в нечто чудовищное, деревья голые и без ветвей пошли в темную высь, а там зловещая тьма, словно день уже кончился, едва успевши начаться, а теперь страшная беззвездность, когда даже неба нет, оно не в тучах, а вообще исчезло...

Сердце стучит тревожно, но я, отчаянно всматриваясь, уловил некоторую закономерность в расположении деревьев, стоят не как попало, некая странная мощь выстроила их так, что настоящие дороги идут параллельно одна другой, их можно определить именно по этим толстым и бесконечно высоким стволам, когда около ста ярдов или половину фарлонга идет прямо, затем ярдов пять влево, снова сто ярдов по прямой. А затем пять ярдов вправо, чтобы тут же снова прямо.

Уловив этот ритм, я не останавливался, выискивая дорогу, а сразу же поворачивал, мчался эти сто ярдов, снова поворачивал, а дорога постепенно становилась шире, сами деревья уже не стеной, можно проскакивать и между ними.

Впереди между деревьями ярко и грозно заблестало солнце, так мне показалось, но Зайчик упорно продвигался вперед, деревья разошлись, и мы оказались на огромной поляне, где поместилось бы небольшое королевство, а в середине горит, как раскаленное железо на раздуваемых в горне пурпурных угольях, сказочно прекрасный дворец, изготовленный словно из одного куска отполированного металла. Он был бы похож на драгоценную игрушку, если бы не оказался так огромен. В чем-то похож на рыцарские замки, но слишком много изящных надстроек, воздушных мостиков, опоясывающих на разной высоте балконов, башен и башенок, три из них ухитрились примоститься, как птички на ветке, прямо на выгнутом кверху горбиком мостике, а еще в глаза бросается богатство барельефов на стенах, исполненных с невероятным чувством пропорций, изысканного и высокого вкуса.

Сердце мое затрепетало, сладкая и болезненная тоска стиснула его грубой нежной лапой. Как будто вернулся в свой мир, здесь мне уживаться не надо, здесь как бы дома...

Из-за дворца, из-за деревьев и вообще как будто прямо из воздуха появилось десятка два очень рослых эльфов, мне почти до середины груди, натянули луки и взяли меня на прицел.

Я заулыбался дружелюбно и помахал рукой.

— Если бы вы хотели меня подстрелить, — крикнул я с натужной бодростью, — уже бы сделали! Я Ричард Завоеватель, у меня очень важное дело к Ее Величеству королеве... королеве?

Но никто не подсказал, как зовут королеву, они продолжали держать меня на прицеле молча, никто не сдвинулся и на миллиметр. Как ее зовут, еще не забыл, важнее, чтоб заговорили, это уже контакт, а пока говорим, никто не стреляет, Бобик порывался ринуться к ним и обнюхать, я прикрикивал, а то придавит какого-нибудь, принесет и будет совать мне в руки, как добычу, да еще и требовать, чтобы похвалил и погладил.

Очень не скоро, выдержав меня, как перед дворцом какого-нибудь мелкого восточного сатрапа, из ворот вышли с десятков эльфов, одетых ярче колибри, все молодые и такие миленькие, что я сурово напомнил себе о крестоносной миссии, о чистоте нравов моногамной моногамности в мире безудержной полигамии, но мы все равно моногамили и моногамить будем, это угодно, да.

— Нас предупредили, — произнес один, самый, пожалуй, рослый, он задрал голову и смотрел на меня с откровенной неприязнью. — Иначе бы, вы правы, вы сюда бы не добрались. Ее Величество Блистательная Синтифаэль, рожденная из Света и Солнца, скоро изволит соизволить принять вас.

— Мне можно спешиться? — спросил я.

Он надменно наклонил голову.

— Да, вы можете коснуться нашей священной земли предков.

— Благодарю, — ответил я и соскочил на землю. — Ух ты, а так вроде бы совсем как простая. Только что песок вместо травы... Сеять не пробовали? Или не растет?

— Это золотой песок, — пояснил он высокомерно. — Здесь дворец Ее Величества!

— Ага, — сказал я пораженно и всмотрелся внимательно, то-то так трудно по нему даже топтаться, — по простому удобнее...

— Это королевский дворец, — подчеркнул он, — можете проследовать в домик для гостей, освежиться. А во дворец вас пригласят.

— Спасибо, — воскликнул я. — Освежиться — это здорово! Бобик, Зайчик, пошли быстрее, пока места не захватили.

Эльф сказал хмуро:

— Коня и собаку оставьте. О них позаботятся, не волнуйтесь.

Я похлопал Зайчика по шее, а Бобика погладил по голове.

— Слышали? О вас позаботятся. Это значит, тебе принесут жареного кабана, а тебе, сладкоежка, ящик гвоздей или подков. Или мешок, кто знает, в чем эти непонятные эльфы носят...

Эльфы переглянулись, об этом им вряд ли сказали, но посмотрели на меня и решили не переспрашивать, мало ли какой юмор бывает у этих людей.

— Следуйте за мной, — сказал один.

Голоса у всех звучат звонко и чисто, как у детей, у некоторых вообще дисканты, трудно ощутить, кто какие вкладывает интонации, хотя мои уши ловят все, а мозг — с некоторым опозданием, но старательно расшифровывает, чтобы потом на лестнице сказать: я же говорил!

Домик для гостей выглядит еще сказочнее и причудливее, может быть, как раз из-за размеров, все-таки намного мельче королевского. Я рассматривал его во все глаза, из

распахнутой двери выскочила молодая эльфийка с подносом в руках, я сразу насторожился, увидев в ее огромных покрасневших глазах слезы. Блестящие дорожки пролегают через высокие скулы на впалые щеки, ресницы жалко слиплись, а под глазами не только знакомая темная грязь, у женщин она постоянно, если попадут под дождь или поплачут, но и темно-красная кровь с потеками на щеки, эта несчастная эльфийка горько и трудно плачет кровавыми слезами!

Я оглянулся на нее, спросил угрюмо:

— Ее кто-то обидел? Может быть, пойти как-то... утешить?

Сопровождающий меня эльф посмотрел на меня с подозрением.

— Как?

— Ну, — сказал я в смущении, — обнять, погладить по голове, по плечам, по спине... почесать уши, поскрести там за раковинами...

Он поморщился.

— И что, она должна захрюкать от удовольствия?.. Сэр Ричард, вы что-то недопонимаете, а это хуже, чем недоперепить.

— Да, — согласился я, — недоперепить — это трагично. А что я недоперепонял?

— Это у нее скорбь по любимому, — объяснил он, понизив голос, эльфийка с подносом вроде бы слышала и с подозрением оглянулась в нашу сторону. — Это же так естественно!

Я выждал, когда он распахнет передо мной двери, заранее сделал равнодушную морду, чтобы не завопить от восторга, и в самом деле воздержался, хотя как будто попал в самое тщательно охраняемое помещение музея изящного искусства.

Стены в драгоценных произведениях, стол и столы сделаны не просто лучшими мастерами, но явно лучшими мастерами-эльфами, человеку такую красоту не создать.

Я сел за крайний стол, скатерти нет, будем жирные пальцы вытирать о соседа, делая вид, что обнимаем, или об одежду слуги, там уже делать вид не надо.

— Да, — сказал я с некоторым запозданием. — Реветь по любимому — естественно, мы того стоим. Передайте мои соболезнования. Хотя я мог бы прийти и лично выразить ей глубокое сочувствие и немножко посопереживать с нею, я такая вот чуткая натура, мог бы медленно и печально...

Он сел за стол напротив, на лице явное раздражение, но прочитал так же легко и звонко:

— Она переживет и без вашего соболезнования.

— Стойкая натура, — сказал я с одобрением, — это важно. Тем более надо перестать, а то все глаза выплачет! Когда он погиб?

— Семьсот лет назад, — ответил он буднично.

Я охнул.

— И что, она такая дура?

Он пожал плечами.

— У нас с людьми разные ценности.

— Я тоже эльф, — напомнил я, — так что любые ценности вмещаю. У меня столько этих ценностей, что даже перестал их различать, когда вцепляются друг другу в глотки. Какие победят, те и настоящие. И что, она так и не...

Он посмотрел на меня в удивлении.

— Все-таки не поняли, да?.. Это же так нарисовано. Эльфы — прекрасные рисовальщики! Не правда ли, все как настоящее?

Я подумал, спросил:

— Я слышал, эльфы многому у людей научились?

— Как видите, — буркнул он. — А как вы думаете, почему у вас хорошему научиться нельзя?

— Не знаю, — ответил я искренне. — Я вот перед вами, а вы что, учитесь?.. Какую-то хрень рассказываете. Хотя я всегда готов поделиться как мудростью, как и опытом, зна-

ниями, культурой, терпимостью, толерантностью, корректностью, даже политкорректностью, замечательностью, мудростью, гениальностью...

— Не лопните, сэр Ричард, — сказал он холодно. — А то на прием к королеве придется нести ваши ошметки.

Я хмыкнул.

— А почему бы вашей королеве хоть раз не посмотреть не на ваши одухотворенные лица, а на что-то действительно прекрасное, хоть и несколько грубоватое? В человеке все прекрасно, как сказал один мудрец, хотя и предложил это прекрасное сузить, чтобы потом расширить... Ну и долго так будем сидеть? У вас что едят?

— Нектар и амброзию, — ответил он. — Вы как будто не знали!

— Да знал, — пробормотал я, — только думал, что ее едят только боги и всякие там насекомые с длинными хоботками. С короткими — тоже едят, но впроголодь и уже остатки. Эльфы, значит, ближе к насекомым? У вас же и крылышки...

— Крылышки у фей, — уточнил он. — Они хоть и в родстве с нами, но они не мы. У нас крылья только как знак отличия и древности рода. И далеко не у всех. Значит, вы отказываетесь перекусить в ожидании аудиенции?

— Не дождетесь, — твердо сказал я.

— Тогда почему...

— Что?

Он сказал с раздражением:

— У нас всегда еда появляется моментально, как только кто-то садится за стол. А у вас, видимо, каша в голове, никак не могут понять, что вам подать!

— А-а-а, — сказал я, — выходит, я еще и виноват?.. Ладно, заказывайте себе амброзию, а я поклюю из своих скудных дорожных запасов...

Он охнул и отшатнулся, когда на столе появился сыр, я всегда начинаю с него, получается хорошо и придает мне

уверенности, затем умело прожаренная телятина, карбонат, шейка, буженина, все понемногу, а в конце, заметно рисуясь, я создал два тонкостенных фужера и наполнил самым тончайшим вином, какое только пробовал.

Красиво вырезанные ноздри эльфа затрепетали, то ли запахи мяса непривычного приготовления ловит, то ли тончайшие ароматы вина смакует, я довольно хрюкнул и начал пожирать мясо и сыр, запивая вином, без всякого изящества, мы же люди, у нас собственная гордость, и на эльфов смотрим свысока.

Я указал на стол широким жестом.

— Угощайтесь, сэр эльф!

Он сказал сдержанно:

— Пока воздержусь.

— Разумно, — одобрил я. — Хороших желудков всегда меньше, нежели хорошей пищи.

— У меня прекрасный желудок, — сказал он с вызовом.

— Тогда неприятности? — посочувствовал я. — Я вот при крупных неприятностях отказываю себе во всем, кроме еды, питья, женщин и прочих развлечений.

Перед ним из воздуха образовался изящный кувшинчик из серебра, крохотный, словно игрушечный, а рядом с ним возник такой же серебряный стаканчик.

Эльф поспешно ухватил кувшинчик, налил в эту посудинку.

— У меня нет неприятностей, — ответил он. — Ни крупных, ни мелких! А вот у вас, как все мы почувствовали...

— Многие хотели бы иметь такие неприятности, — отпарировал я. — Как амброзия?

— Это нектар, — сказал он почти враждебно. — Его пьют, а амброзию едят!

Я пожал плечами и продолжал хищно и жадно жрать, запивая вином так, словно это вода.

Эльф осушил свой стаканчик и, невольно поводя носом, начал поглядывать на мои два кубка.

— Угощайтесь, — сказал я гостеприимно, — второй для вас!

Он поморщился и наконец, делая мне огромное одолжение, опускаясь с недоступных вершин, где пьют нектар всякие так боги и шмели, протянул руку к кубку.

Ноздри затрепетали чаще, я сделал вид, что совершенно не слежу, как он осторожно дегустирует вино, как делает первый глоток, второй, прокатывает во рту, стараясь понять, почему такой изысканный вкус у вина, что пьет грубый и дикий человек.

На пороге появился очень изящный эльф, просто необыкновенно изящный, Ганимед, наверное, при королеве, и для тех же услуг, в смысле, виночерпий, или же просто паж из благородной семьи, очень уж утонченный.

Он сдержанно поклонился, я хоть и гость, но какой-то странный, тут важно не перепоклониться, а то не так поймут, он произнес тоненьким и звонким голоском:

— Ее Величество королева Блистательная Синтифаэль, рожденная из Света и Солнца, изволит дать аудиенцию прибывшему человеку!

Я поднялся из-за стола, сердце стучит, а когда мы волнуемся, то часто хамим и дерзим, такая у нас натура, и я, понимая свои лохматые инстинкты, придавил их и сказал учтиво:

— Я бесконечно признателен, я счастлив, у меня сердце сейчас выскочит, так и передайте!..

Он произнес хрустальным голоском:

— Следуйте за мной.

Я последовал, он в самом деле шел впереди, красивый и гордый своими важными обязанностями, стройненький и с такой тонкой талией, что пчела позавидует, и весьма оттопыренной попкой, но я не стал на нее засматриваться и всякое домысливать, во-первых, самчик, во-вторых, я же при обязанностях, и жадно глазел во все стороны, пусть сочтут деревенщиной, но не упущу ни детали, что могут пригодиться сейчас или потом.

Глава 6

Залы ослепляют золотыми стенами, потолком, колоннами, даже пол из золота, только приволшебленного, простое бы уже давно стерли ногами, а на этом в восхитительной неприкосновенности дивные узоры, от которых сердце подпрыгивает в диком восторге.

Но главное богатство не в золоте, а в барельефах из него, статуях, тоже богато украшенных драгоценными камнями. Я раскрывал рот в неподдельном восторге, чего от меня и ждут, но прикидываться не приходилось, в самом деле потрясен, оглушен и раздавлен всей этой бесполезной роскошью.

Прозвучала дивная музыка, чистая и настолько неземная, что я ощутил себя мохнатым, толстым обезьяном, даже устыдился чуть, но вовремя распахнулись двери в главный зал, оттуда пошел чистый солнечный свет.

Я перешагнул порог, ощущая себя на небесах, все сказочно прекрасно, звучит сладчайшая и ничуть не приторная музыка, по обе стороны от красной ковровой дорожки толпятся очень красивые и роскошно одетые эльфы и эльфийки, а сама дорожка ведет через весь огромный зал к противоположной стене, там на возвышении трон, с обеих сторон величавые седовласые эльфы с мудрыми лицами...

...а на золотом мерцающем звездами троне, вся в оранжевом блеске, прекрасная, надменная, в высокой золотой короне, где удлинённые зубчики увенчаны чем-то ярко-синим, сама Синтифаэль. У нее очень молодое лицо и строгие глаза, платье нежно-голубое, таинственно мерцает такими же звездами, как и трон, а еще мерцает корона в золотых переливающихся неземным светом волосах.

Платье скреплено на плечах двумя крупными золотыми брошками с выступающими наверх голубыми камнями дивно чистого цвета, но я прежде всего подумал, что если брошки расцепятся, платье соскользнет на пол...

Она как будто уловила мои весьма человеческие мысли, чуть нахмурилась и взглянула в упор. Вся ее цветущая молодость в странном контрасте с умным строгим лицом женщины, что не считает нужным прикидываться всего лишь красоткой, смотрит прямо, видит скрытое, понимает, что прячу, и даже видит, почему прячу.

Я учтиво поклонился, а потом подумал и немножко поплясал в поклонах, как делают молодые щеголи при королевском дворе в Сен-Мари, и даже помахал воображаемой шляпой над носками своих сапог, сметая пыль, дескать, только сейчас сообразил, что надо бы почистить, раз уж Ее Величество увидит.

— Как мне сказали, — произнес я и еще раз чуть склонил голову, чтобы выглядеть скромным и полным достоинства молодым воспитанным человеком, — слухи о моем прибытии уже добежали раньше меня в это лесное королевство...

Она оглядела меня с головы до ног, с ее высокого трона это нетрудно, произнесла четким музыкальным голосом, но настолько холодным, что меня передернуло морозом, а пол передо мной покрылся ледяными узорами:

— Этот лес в центре мира, дерзкий гость! А дворец в центре леса.

— А в центре дворца вы, — сказала я с восторгом. — Как же мне повезло, Ваше Величество! Одним камнем двух собак пришиб. И вас увидел, и в центре мира побывал!.. Да ладно с этим центром мира, тут счастье-то какое, что вас узрел вочию, как наяву!.. Ваше Величество, в общем, я знаю, что вы ужасно заняты и вот-вот подниметесь, чтобы заняться настоящим делом, ну там... в общем, вам виднее, что считается делом, потому сразу беру корову за рога. У меня очень серьезное предложение, как нам, людям и эльфам, наконец-то если не понять друг друга... до этого еще далеко, то хотя бы перестать враждовать.

Она молча смотрела на меня, а ее советник слева проговорил с величавой надменностью:

— Продолжай, смертный.

— Ваше Величество, — продолжал я все так же почтительно, но твердым голосом, — я предлагаю это не от слабости, как могут подумать некоторые из ваших дураков-советников... простите, но дураки есть везде, даже на небе были, раз вздумали все отнять и поделить. Вы прекрасно знаете, что хотя вы, эльфы, бессмертны в том смысле, что от старости не умираете, но вас истребляют стрелы, пики и мечи всяких там глупых людей, которых здесь некоторые недоумки так презирают и не совсем зело считаются.

За моей спиной послышался гневный шум, требования убить меня, казнить, поставить как мишень для стрелков. Королева тоже смотрела сквозь прищуренные веки, будто взяла меня на прицел.

Я молча и гордо выпрямился, сердце стучит мощно и яростно, наши взгляды встретились, некоторое время мы ломали друг друга, наконец она, глядя на меня в упор, произнесла холодно:

— Смелый взгляд, смелая речь. Но что за нею?

— Пусть вас не вводит в заблуждение, — сказал я, — что со мной нет пышной свиты, как возле вас. Я тот властелин, чье имя произносят со страхом и ужасом по ту сторону Великого Хребта... да и по эту меня знают очень многие. Я — Ричард Длинные Руки, на этой стороне Великого Хребта уже известный, как Ричард Завоеватель! У меня не счесть титулов и земель, и потому я как правитель стремлюсь не к новым завоеваниям, а к тому, чтобы сделать жизнь на моих землях упорядоченной, мирной и счастливой. Я хочу, чтобы всяк говорил с восторгом, какой у них наконец-то достойный правитель, и да продлится его правление!

Она выслушала, поморщилась.

— Что... ты... хочешь?

— Мира с нами, — ответил я твердо. — Не с людьми в общем, потому что люди разные, мы ж не эльфы какие-то, воюют друг с другом, но мира с какой-то частью людей, что будут считать вас своими... или, по крайней мере, не чужими.

Она поморщилась.

— Своими?.. В смысле, своими рабами?

Эльфы грозно загудели, как рой гигантских пчел, по улью которых шарарахнули толстой палкой.

— Не своими, — поправился я, — а нейтральными, которые живут по своим законам, и в ритуалы которых нельзя вмешиваться. Мне казалось, этого и вы каким-то боком хотите? Людям будет запрещен вход в ваши леса и вообще в те места, где обитаете, а вы будете вольны приходить в наши города и села... если захотите.

Она спросила с подозрением:

— Я еще не совсем уверена, что это не какой-то хитрый ход, чтобы нас всех истребить. Почему так?

Я развел руками.

— Ваше Величество, я буду предельно откровенен. Люди, конечно же, настроены враждебно. Однако люди, как вы знаете, легко меняют свои симпатии. Стоит вам позволить нам пройти через ваш великолепный Лес напрямик...

Она произнесла резко:

— С какой стати? Нога человеческая не ступала здесь еще! А вы, сэр Ричард, — первый, кто смог попасть даже во дворец, но вы сами знаете почему...

— Почему? Потому что я самый лучший?

Она поморщилась.

— Потому что с вами слишком многое неясно. Но уверяю вас, выйти отсюда гораздо труднее, чем войти. И, мне кажется, вы отсюда не выйдете...

Ледяная глыба начала образовываться в моих внутренностях, я зажал себя в кулак и заговорил сдержанно:

— Ваше Величество, я в этой дикой стране единственный, кто желает эльфам счастья и намерен их защищать неустанно. К счастью, я не рыбак или землекоп, у меня трое могущественных королей на побегушках, я управляю их огромными армиями... вы же умеете распознавать ложь? Скажите, разве я неправду говорю?.. И вот я сейчас веду не очень большое войско на завоевание злобного античелове-

ческого и антиэльфиного образования, где попораны все демократические права и свободы коренных обитателей этих мест... в первую очередь эльфов! Если мы захватим тот город, я клянусь торжественно, этот Лес будет объявлен заповедником, и ни один человек не посмеет не то что убивать эльфов, но даже рубить здесь деревья!

Королева молчала, но за ее спиной началось перешептывание, как и в зале.

— Насколько вы уверены, — спросила она, — в своих словах?

Я гордо выпрямился.

— Разве я не сказал, что я — властелин, а войска выполняют мои приказы? Конечно, не все люди на свете мне подчинены, как вы понимаете, но тем более есть смысл быть на стороне моей и моих людей. Мы сами на вас нападать не будем, в чем готовы принести любые клятвы, и другим не позволим!.. Ваше Величество, я заслуживаю большего доверия!.. Эх, да как бы вам объяснить... Говорят, эльфы очень чувствительны ко лжи, всегда могут отличить вымысел от правды...

Она наклонила голову.

— Продолжай.

— Это так?

— Верно говорят, — произнесла она с некоторым высокомерием.

— Так вот, — сказал я, — мне пришлось ввиду разных обстоятельств добираться сюда долго и трудно. Через десятки крупных королевств и множество мелких. Так вот в моем, откуда я родом, все живут в одном обществе и никто не смотрит, в соседях эльф, гном или что-то вообще такое, что в этих землях и не приснится. Когда мой друг эльф Астральмэль понял наше устройство и гордо заявил, что в моей стране правят эльфы, я ответил, что не знаю, так как у нас вообще запрещено и вообще неприлично говорить о расах, видах, цвете кожи, вероисповедании, размере вторичных и

первичных половых признаков и вслух удивляться ширине задницы идущей впереди гражданки, к какой бы расе она ни принадлежала.

Она смотрела пристально и без улыбки, на что я втайне надеялся.

— Продолжай.

— У нас, — сказал я твердо и посмотрел ей в глаза, на, узри голую правду, — будет подвергнут нападению тот, кто откажет в приеме на работу, в выдвижении и так далее... тому, у кого не тот рост, цвет кожи, пол, религия, длина хвоста, размер шерсти на животе, длина ушей или угол лицевого черепа. У нас еще те Содом и Гоморра, что, вообще-то, просто восхитительно...

Она проговорила медленно и с неудовольствием:

— Даже если не врешь, хотя рассказываешь что-то необычное... Но это там у вас. И непонятно, как к такому пришли.

— Необычное? — удивился я. — Сперва войны, драки, потом мир, а затем уже и мирное сосуществование. В том обществе, которое создаю я, Ричард Завоеватель, который хотел бы заменить это гордое прозвище на что-то более мирное, сразу станет преступником тот, кто помешает эльфу или гному поселиться среди людей, открыть там мастерскую или завести коров, стать крупным феодалом и даже выставить свою кандидатуру в органы местного управления или самоуправления... Ваше Величество, пока вы глубокомысленно обдумываете мое весьма верное, но необычное для благородных и независимых эльфов предложение, могу ли я повидаться с контессой Гелионтэль?

В зале воцарилось молчание, королева выпрямилась и окинула меня ледяным взглядом.

— Почему ты упомянул ее имя?

Я пожал плечами.

— Мне казалось, мы подружились.

— Вы? С Гелионтэль?

— А почему нет? — спросил я обидчиво. — Спросите у конта Астральмэля. Или его людей. Мы весьма общались. Весьма и зело. Без сарказма могу сказать, что ага.

К ее уху наклонился советник справа, пошептал. Она нахмурилась, отрицательно покачала головой. Он съезжился и отступил.

— Герионтэль, — произнесла она холодно, — людей ненавидит. И если увидит тебя, сразу убьет.

Я удивился.

— Почему вдруг?

— Вы, — отрезала она, — убили конта Астральмэля.

— Я?

— Вы, люди!

Я развел руками.

— В отличие от вас, эльфов, что умны и благородны, и все на одно лицо, конечно же, прекрасное, мы люди пошли по странному пути разнообразия, мол, пусть цветут все цветы, даже... всякие. Потому люди настолько разные, что воюют друг с другом, как, например, с волками, медведями или троллями, что вы видите и никак понять не можете своим мощным, быстрым и очень даже ясным разумом. Конта Астральмэля убили те гады, которых я сам хочу весьма и зело убить. Даже с некоторым нехорошим и недобрым удовольствием. И если вы мне поможете... вы поможете и Гелионтэль, и себе.

Она произнесла холодно:

— Мы не знаем чувства мести. Нам это неведомо.

— Да, — согласился я, — во всем животном мире только человек развил это сладостное чувство. Тем и отличается от ворон, волков, медведей и всяких прочих благородных эльфов. Но дело не в мести. Как только вы поможете мне отогнать тех людей с моей земли, ваши земли будут неприкосновенны. И никто не посмеет не только убить эльфа, но даже пнуть его или заявить, что у вас уши, как у козлов, даже если они в самом деле... странноваты.

Она все еще смотрела холодно и с недоверием, но сделала плавное движение рукой, словно пустила ее по волнам.

— Кромантоэль, отыщите и приведите Гелионтэль.

Советник слева быстро взглянул на нее, на меня.

— Ваше Величество...

Я насторожился, в его скрипучем голосе прозвучало даже не опасение за меня, а как бы страх, но не в том смысле страх, что жалко, чего людей жалеть, а не дослушают мое интересное и очень глупое предложение.

Королева бросила резко:

— Если убьет этого... дерзкого, это лишь докажет его неразумие. А с неразумными глупо тратить время даже на общение.

Советник поклонился и, медленно передвигая ноги, удалился в золотистый свет за спиной королевы, где и растворился, будто превратился в такой же блеск.

Королева обратила на меня холодный взгляд прекрасных глаз.

— Правда, — произнесла она ледяным, но чуть-чуть потеплевшим тоном, — нам уже сказали, что ты освободил из ловушки одного из мелких, что, однако, принадлежит к нашему племени...

Я отмахнулся.

— Да пустяки. Я бы и бурундука выпустил. Даже мышь... если в лесу или в чужой квартире.

— Люди, — сказала она с горечью, — ставят на окраине леса ловушки и капканы. Пока что в них попадают только самые мелкие, цветочные и нектарные. Они слабые, вообще у них никакой защиты, потому в неволе быстро умирают, однако жестокие люди все равно ставят ловушки.

— Зачем?

Она пожала плечами.

— Зачем вы безжалостно рвете цветы? Говорите с восторгом: какой красивый цветочек, и тут же убиваете его немислимо жестоко, перерывая пополам! Зачем ловите стре-

коз и бабочек?.. А цветочными эльфами дикие люди хотя бы пробуют освещать свои дома и огороды! Видят же, что эльф умирает через несколько часов... и все равно! Хуже всего, что их ловушки становятся все изощреннее, и продвигают их все глубже в лес...

Я расправил плечи.

— Там, где моя власть, так не делают. Никто не смеет причинять вред другому существу лишь на том основании, что он другой расы, веры, цвета кожи, с крыльями или хвостом!.. Это негуманно и грубо. Воевать можно только с теми, кто богаче, у кого лучше рудники, кто контролирует хорошие торговые пути, у кого есть выход к морю. Так что будь здесь господином здешних территорий я, то мигом ввел бы мои справедливые законы, основанные на гуманизме, толеризме и экономике! А кто против — того на виселицу.

Глава 7

Раздались голоса, в зал быстро вошла группа эльфов, а во главе их Гелионтэль, с гневным лицом и огромными глазами, пылающими ненавистью. В прошлый раз я сказал ей, что если бы за красоту выбирали в правители, она стала бы императрицей всего белого света, но сейчас показалась похожей на гневную валькирию, хрупкую, нежную и безумно прекрасную.

Зеленый плащ вьется за спиной, золотые волосы рассыпались по плечам и спине, в огромных серых глазищах все та же решительность, но вместе с тем черная тоска и такая боль, что у меня заныло сердце.

— Гелионтэль! — вскрикнул я заблаговременно, когда она была от меня еще за десяток шагов и не успела выдернуть кинжал. — Если это может уменьшить мою боль, то вот мое сердце, я сам помогу тебе направить точный удар!.. Но я скорблю о гибели Астральмэля! И готов помочь тебе отомстить за его смерть!

Она шла на меня, ослепительно красивая, даже королева потускнела в ее блеске, голова наклонена, взгляд прицельный, ладонь правой руки уже нащупала рукоять кинжала на поясе.

— Ты? — произнесла она звонким чистым и в то же время странно низким голосом. — Человек?

У меня перехватило дыхание от ее ослепляющей красоты, она не просто красивая, в ней все так же слиты воедино ум и воля, выдвинутый подборок сейчас вообще выпячен в ярости.

— Я эльф, — ответил я.

Мои слова чуточку отрезвили, она замедлила шаг.

— Ты? — вскрикнула она. — И ты готов помочь эльфийке убить человека?

Она остановилась напротив меня совсем близко и закинула голову, чтобы смотреть мне в лицо.

— Конечно, — ответил я убежденно. — Тем более что ты теперь не просто посторонняя эльфийка! Мы с Астральмэлем поговорили тогда наедине, он признался, что у вас очень опасная жизнь разведчиков, и потому мы с ним заключили союз аменгерства...

Она ахнула, отшатнулась.

— Что? Он не мог так поступить со мной!

Я сказал мягко:

— Он очень тебя любил, Гелионтэль. И очень хотел, чтобы ты не осталась одинокой.

— Но... ты человек!

Она посмотрела на королеву отчаянными глазами, в них вспыхнула такая отчаянная просьба о помощи, что королева судорожно вздохнула, будто ее сдавили и продолжают давить огромные невидимые руки, и обратила на эльфийскую разведчицу скорбный взгляд, полный любви и жалости.

Мне показалось, что королева все-таки выглядит достаточно удивленной, что, вообще-то, не по-королевски, монархи должны держать лица непроницаемыми, даже я это

уяснил, перевела взгляд на меня, вздохнула, на лицо набежала легкая тень.

— Что скажешь ты?

Я ответил твердо:

— От своих прав отказываться не собираюсь!

— Но это и ответственность, — произнесла она безнадежным тоном. — Почему вы, люди, не боитесь ответственности?

— Это пока не боимся, — заверил я, — потом будут бояться. Но я сейчас и здесь, потому я тверд в отстаивании своих законных прав!

Гелионтэль смотрела на королеву умоляющими глазами, та тяжело вздохнула и покачала головой. Драгоценные камни на короне таинственно заблестали.

— Дорогая Гелионтэль, — произнесла королева очень мягко, — наш мир основан на мудрых законах, которые даже короли не смеют нарушать... Левират, ужичество, аменгерство — это священные законы, что сохраняют наш народ в неприкосновенности. И если Астральмэль стал аменгером этого человека, то этот Ричард по нашим законам... я слышала, что они есть и у людей... получает все имущество Астральмэля, его одежду, оружие, драгоценности, жену, даже несмотря на то, что у Астральмэля есть братья и другие родственники. Да ты и сама это все хорошо знаешь...

Гелионтэль, повесив голову, покорно шагнула ко мне, маленькая, хрупкая и прекрасная в своем горе. Я нежно обнял ее за плечи, прямо взглянул в лицо королевы.

— Теперь она принадлежит мне, — сказал я. — И я твердо клянусь помочь ей отомстить за моего аменгера Астральмэля... Ты слышишь меня, милая? Я помогу.

Гелионтэль посмотрела на меня исподлобья.

— Ты? Я все еще не могу поверить...

Я сказал с нажимом:

— Ты же умная, Гелионтэль! Ты бывала за пределами эльфийских земель, ты знаешь больше этих дураков, про-

сти, они твои сородичи, но вообще у таких, как мы, в сородичах должны быть все умные люди, эта связь выше, чем кровная! В отличие от других эльфов ты знаешь, что у нас, людей, все не совсем так, как у вас. Вы никогда не воюете друг с другом, у вас вообще нет такого понятия, потому вам кажется, что если конта Астральмэля убил человек, то все люди и виноваты!

Она произнесла потерянно и печально:

— Да, так думаю даже я! Можешь представить себе, что думают остальные!

— Люди разные, — возразил я, — потому и воюют друг с другом. Ты знаешь, я уже говорил в прошлую нашу встречу, мой народ живет с эльфами в мире... а здесь я создаю такое же государство!

Она смотрела исподлобья, но промолчала, однако королева спросила холодным и прозрачным голосом, похожим на журчание высокогорного ручья:

— Ты уже и тогда был... сеньором?

— Нет, — признался я, — просто я взрослою быстро в этом мире.

— Ты теперь у людей главный герцог? — переспросила она. — Я что-то о тебе слышала... Старший из герцогов? Первый после короля?

Я так же прямо посмотрел ей глаза.

— Сказать по правде, я больше, чем герцог. Я завоевал огромное и богатое королевство, а короля низвергнул. Просто я был занят и не успел еще надеть корону. Но я король... и больше, чем король! Если примете мою сторону, то сумеем дать счастье своим народам и всем проживающим в них существам, если подчиняются нашим законам, обычаям и национальным особенностям, а не только себе любимым. Да будут прокляты те ничтожества, что добиваются власти только для того, чтобы возвыситься над другими!

— А ты над чем?

Я вздохнул.

— Ваше Величество, посмотрите в мои предельно честные глаза и увидите, я не вру. Сейчас трое королей у меня на побегушках, я возглавляю их армии. Вот думаю, куда их направить... Как вы думаете? Сейчас выстраиваю защиту против войск одного очень опасного правителя из числа людей, а потом... куда бы двинуть такую силу? Кого бы смести с лица Земли?

Они затихли, мне показалось, что наконец-то проняло. У людей, как они знают, кто не с ними, тот против них. Эти животные не понимают, что можно быть ни за тех, ни за тех.

Я выдержал паузу, сказал уже мягче:

— Может быть, если вы такие нежные и трепетные, мне лучше обратиться к темным эльфам?

На меня посмотрели с недоумением, наконец Кромантоэль, советник королевы, спросил нерешительным голосом:

— А это кто такие?

Я порылся в памяти, развел руками.

— Да есть много толкований. Одни говорят, что они чем-то прогневали светлых богов и теперь выходят только по ночам. Другие говорят, что и днем тоже, но смотрят только в землю и не смеют поднять лицо к солнечному небу. А кто говорит, что это вообще эльфы, что служат Злу. Я, конечно, Зло не одобряю, но когда тонешь, то схватишься и за гадюку...

Королева поморщилась, в голосе прозвучал тяжелый сарказм:

— Ты человек, что бы ты о себе ни говорил. А насчет темных эльфов вас обманули. Не бывает никаких темных! Есть просто эльфы. Это люди бывают темные, светлые, грязные, подлые...

Я вскинул руку, сказал просительно:

— Ваше Величество, не распаляйте себя, а то еще прибьете, а я же такой хороший... где-то в глубине души, а насчет Гелионтэль я еще не успел ни с кем заключить аменгерство на случай моей красивой гибели. Раз темных нет, чем я, признаться, огорчен до глубины моей мохнатой души, мир за-

метно обеднел, то мы с вами, как светлые и чистые исторически и неразрывно, обязаны идти вместе по пути прогресса и процветания чего-то там важного, а для нас — взаимной выживаемости благодаря примитивной взаимопомощи. Я вам спинку почешу, вы — мне. В смысле, вы поможете мне уменьшить угрозу со стороны людей, которые потом и до вас доберутся, а я клятвенно обещаю сделать этот лес абсолютным заповедником! И никому не позволю сюда входить... без вашего разрешения.

Кромантоэль напомнил из-за плеча королевы:

— А эльфам в самом деле позволено будет входить в землю людей?

— Абсолютно, — заверил я. — Даже с их луками.

Он наклонился к уху королевы и что-то пошептал. Монаршьё уху недовольно дернулось, как будто его укусил овод.

Мне слышно было, как Ее Величество тихонько возразила своему приближенному:

— Мы слабее людей. И когда узнают, что мы стреляли в них... они не остановятся, пока нас всех не уничтожат.

Я сказал с пылкостью своей пламенной души, что старается вырваться из тесной ловушки:

— Они все равно вас уничтожат, вы сами сказали, Ваше Величество!.. Только медленнее. Есть такая нехитрая истина, если кто-то старается остаться в стороне от драки двух гигантов, ему все равно потом достанется от победившего, кто бы им ни был...

Советник королевы кивнул с хмурым видом. Она сказала брезгливо:

— Люди такие мстительные...

Идеи одна за одной ломились в мой череп, как в корчму после обеда, я крепко ухватил одну за хвост и со вкусом шмякнул перед ними на стол:

— Обещаю клятвенно две вещи. Первая: никто никогда не узнает о вашей помощи! Вы будете стрелять из-за деревьев, это раз, а два — можете кричать «Слава Ричарду!»,

«Слава великому Ричарду!», «Слава Ричарду Завоевателю!» и всякое подобное, при всей своей скромности и застенчивости я возражать особенно не буду, это ж для дела, потерплю, еще как потерплю...

Советник спросил напряженным, как струна, голосом:

— А второе?

— Второе, — сказал я внушительно, — и самое главное, за эту неоценимую помощь я еще раз громко и открыто объявлю ваш лес заповедным. И никто не посмеет в него даже входить, а не то, чтобы нападать на эльфов.

Один из эльфов, что пришли с Гелионтэль, сказал тонким голосом:

— Этот человек... всего лишь человек! А люди — неблагодарные. Сейчас ему нужна наша помощь, он обещает все, что угодно. Но когда он одержит верх над своими противниками...

Я прервал:

— Ошибаетесь. Быть честным — экономически выгодно. Обманывать — хорошо только на коротких сделках, но я молод и собираюсь долго вести свою бурную и местами удивительную деятельность... А теперь оставляю вас обсудить, как действовать со мной заодно, здесь без вариантов, а мы с Гелионтэль удалимся в наше эльфийское бунгало... шалаш... шатер... домик? Я чувствую, мне пора войти в права наследования.

Глава 8

Аменгерство, как и другие законы, вплоть до его крайнего проявления, тетравленда, имеют целью защитить самое важное, что есть на Земле — женщину. Мужчины в нашем жестоком мире гибнут часто, не говоря уже о том, что смертность у нас вообще выше, мы, как бы это признаться, не уронив себя, — слабый пол, но женщина из-за наших смертей не должна внезапно остаться одна и без помощи.

Она обязательно должна тут же переходить под сильную мужскую руку. Вернее, она никуда не должна переходить, это мужчина должен прийти и взять ее под защиту, как до-толе защищал и берег муж. Это закреплено законодательно, к тому же при аменгерстве, что очень важно, сохраняется имя и род мужа. К примеру, эта форма брака закреплена на уровне закона в Пятикнижии (Втор. 25:5-6) в следующем виде:

«Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею, — и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтоб имя его не изгладилось в Израиле. Если же он не захочет взять невестку свою, то невестка его пойдет к воротам, к старейшинам, и скажет: «Деверь мой отказывается восстановить имя брата своего в Израиле, не хочет жениться на мне»; тогда старейшины города его должны призвать его и уговаривать его, и если он станет и скажет: «не хочу взять ее», тогда невестка его пусть пойдет к нему в глазах старейшин и снимет сапог его с ноги его, и плюнет в лицо его, и скажет: «Так поступают с человеком, который не созидает дома брату своему». И нарекут ему имя в Израиле: «Дом разутого».

В законах Ману содержится совершенно схожее постановление, по которому в случае бездетной смерти мужа его вдова обязывается прижить сына с братом или другим родственником мужа, однако не более чем одного, а это значит, Гелионтэль обязана родить от меня, но этот ребенок будет считаться полученным от Астральмэля, унаследует его доблестное имя, и род не прервется.

Мы вышли за пределы золотой поляны, где находилась как бы городская площадь, деревья расступились, мы двигались некоторое время молча, прислушиваясь друг к другу.

Гелионтэль держалась тихо и робко, поникшая так, что даже острые кончики ушей опустились, как листья под жарким солнцем. Еще не прочувствовала до конца потерю

Астральмэля, а по закону уже принадлежит другому, но этот другой теперь тот же Астральмэль, она должна держаться с ним точно так же, подавать те же блюда и делить с ним постель...

Я бережно обнимал ее за плечи, а когда по дороге попадалась щепочка, подхватывал на руки и переносил, а потом уже не стал опускать на землю, такая легкая, нежная и хрупкая, пусть устраивается клубком в кольце моих, вообще-то, на удивление могучих, оказывается, рук, шел медленно, глядя не вперед, а в ее прекрасные печальные глаза.

Насколько помню, легендарный царь израильский Давид был потомком левирата, так называется аменгерство в тех краях, израильтянина Вооза и моавитянки Руфи, а Иосиф Обручник был рожден тоже в левирате, чем объясняются различия в двух родословиях Иисуса, так что я не первый, не единственный и, конечно, не последний.

Главное, на мой взгляд, дети, рожденные в таком браке, куда счастливее тех, кто рожден и живет в безотцовщине...

Арбогастр вылетел из леса, как свирепый вепрь, и сразу же стремительно начал набирать скорость, однако Бобик ухитрился держаться на полкорпуса впереди, хотя, конечно, уже не мог шнырять по кустам и пугать птиц.

Я прижался к горячей шее, выгнутой красивой дугой, пышная грива закрывает от встречного урагана, я все еще чувствовал теплоту ее тела, нежность ее губ, стыдливый шепот в темноте, неуверенно отпихивающие меня руки, затем весь этот дикий восторг, это счастье, это ликование, это сводящее с ума буйство...

Я не стал будить ее, измученную и усталую, а когда седлал арбогастра, попросил насторожившихся эльфов передать Ее Величеству, что в права аменгера я вступил, теперь буду заботиться о своей аменгерной жене и защищать ее интересы всеми доступными мне средствами. И потому надеюсь, что

она примет правильное решение, потому что моя защита всего народа эльфов продиктована еще и предельной заботой о моей нежной и прекрасной супруге.

Солнце еще не закончило карабкаться к зениту, а впереди вырос типично армландский красивый и суровый замок, олицетворяющий наш жестокий и прекрасный мир.

Косые лучи солнца красиво и без полутонов подчеркивают могущественную красоту зубчатых башен, узких бойниц, солнце искрится на металле, скрепляющем толстые доски ворот, а ветерок задорно треплет зубками, как молодой щенок, гордое знамя лорда Вайтхолда, чьи земли находятся в самом юго-восточном углу Армландии, почти у самой границы королевства Шателлен и герцогства Ламбертиния.

Армия Гиллеберда, несмотря на свою многочисленность, не может идти широким фронтом, Гиллеберд совершенно правильно направил ее острым узким клином вглубь по центру, чтобы перехватить все дороги, пути подвоза, помешать собираться для отпора, а кроме того — достичь Тоннеля и выставить с этой стороны свои кордоны.

Моя угроза обрушить Тоннель его не пугает, зато из Сен-Мари я не смогу никогда угрожать его разросшимся владениям на этой стороне.

Арбогастр пронесся к воротам, встал как вкопанный, чтобы меня видели хорошо, однако со стены так долго всматривались, что я начал сердиться.

Наконец кто-то прокричал:

— Кто и по какому делу?

Я произнес надменно:

— Дурак, ты еще не понял, кто я?

Он охнул, исчез. Над верхом стены появились другие головы, а тем временем по ту сторону ворот слышались голоса. Топот, крики, наконец мост начал опускаться, поскрипывая и время от времени останавливаясь, а железная решетка ворот пошла вверх.

Я неторопливо проехал по мосту, доски пора бы заменить, скоро копыта начнут проваливаться, на той стороне ворот со скрипом пошла вверх и вторая решетка.

Арбогастр красиво вошел во двор, Пес идет рядом, уши прижаты, пасть слегка оскалена.

На той стороне обширного двора в донжоне распахнулись широкие двери, выбежал сухощавый рыцарь в простом деловом камзоле, но с золотой цепью на груди.

За несколько шагов до нас он остановился, преклонил колено.

— Ваша светлость! Мы никак не ожидали...

— Барон, — сказал я благожелательно, — я появляюсь, как предвестник славной... э-э... славы и великих подвигов!

Конюхи подхватили арбогастра под уздцы, я соскочил на землю, сделал барону Вайтхолду знак подняться.

Он вскочил и посмотрел на меня преданными сияющими глазами.

— Какие приказания, ваша светлость?

— Дружина собрана?

— Да, ваша светлость! Как вы и приказали, через маркиза Ангелхейма. Вчера прибыл от него большой отряд под командованием Клемента Фицджеральда.

— Как он?

Он сказал осторожно:

— Суровый рыцарь. На севере они там, наверное, все такие. С отрядом управляется прекрасно.

— Где он?

— Остановился лагерем по ту сторону вот того леса. Сказал, что если и покажутся с этой стороны конные разъезды Гиллеберда, его не увидят.

— Мудро, — согласился я. — Осторожный, людей бережет. А сам он в замке?

— Нет, предпочитает со своими.

— Мудро, — повторил я. — Хорошо, барон! Велите собирать дружину. Всеобщий сбор! Король Гиллеберд, как вы

уже наверняка знаете, наконец-то вторгся в Армландию со всеми своими войсками. Но вы наверняка не догадываетесь, что это результат моей мудрой и далекоглядной политики... Теперь же, когда он наконец-то, презрев свою обычную осторожность, поступил так, как я и подталкивал его, пришло наше время!..

Его глаза загорелись еще ярче.

— Ваша светлость?

— Мы будем действовать, — сказал я и, посмотрев на его лицо, добавил значительно: — по плану, который я разработал еще в прошлом году, когда начал подталкивать Гиллеберда на этот якобы беспроектный шаг. Пока ничего сказать не могу, и у стен бывают уши. Скажу только, что рыцари Армландии покроют себя неувядающей славой, захватят огромную добычу и соберут небывалые трофеи!

Он вскрикнул:

— Ваша светлость, позвольте сейчас же послать гонцов!

Я милостиво наклонил голову.

— Позволяю.

Он ринулся обратно в донжон, а когда я, поглаживая Бобика и напоминая ему, чтобы никого не пугал, здесь все свои, пошел к зданию, оттуда уже начали выскакивать молодые парни и, на ходу затягивая пояса, прыгали в седла коней, ожидающих у коновязи.

Я довольно ухмыльнулся, барон быстр, а гонцы сейчас у всех наготове. Войска Гиллеберда продвигаются в глубь Армландии, вдруг да пойдут вширь и тогда покажутся под стенами, нужно сговариваться, как действовать, вдруг да проще будет сдать...

Когда я вошел в главный зал, к моему удивлению, там из-за столов поднялось не меньше четырех десятков рыцарей, почти все не утруждались даже снимать кирасы, оставив свободными от доспехов только головы и руки.

— Его светлость, — провозгласил сенешаль торжественно, — гроссграф сэра Ричард!

Все замерли, склонив головы, я прошел к главному креслу, милостиво кивнул и сел. Все медленно опустились, сохраняя почтительное молчание.

Сэр Вайтхолд наклонился сзади к моему уху.

— В ожидании армии Гиллеберда я уже собрал вассалов в замок...

— А их дружины? — спросил я.

— Как вы и велели, готовы к выступлению.

Я кивнул.

— Великолепно. Вы все сделали правильно, барон.

Он сел рядом, строго посматривал на рыцарей, чтобы не уронили за столом его достоинство сюзерена, а я отпил чуть вина из серебряного кубка, окинул мудрым взглядом столы.

Все едят тихо и чинно, вино еще не ударило в головы, посматривают на меня с жадным интересом. Уже то, что я появляюсь без свиты, вызывает всякие слухи. Многие до сих пор твердо уверены, что я пользуюсь льготами дьявола, но как-то ухитряюсь обманывать Господа, раз меня все еще не выбросили из паладинов. А может, и выбросили, но проверят пусть кто-то другой...

— Дорогие друзья, — сказал я громко, все затихли и перестали двигать челюстями. — Мы — братья, рыцарское братство! И как братьям я признаюсь вам честно и прямо, настал наш час славы, подвигов и героизма!.. Набивайте животы поплотнее, ужинать придется в славном походе, что принесет успех, добычу и зависть тех, кому не повезло оказаться с вами!..

Сэр Вайтхолд спросил на правах хозяина:

— Остальных дожидаться не будем?

— Пусть догоняют, — сказал я. — Место сбора назначаю у Вечно Зеленого Леса. Его еще почему-то зовут Эльфийским, а также Лесом Эльфов.

— Ваша светлость?

— Некоторым, — объяснил я, — туда ближе, чем сперва сюда, а потом обратно.

Один из рыцарей сказал учтиво:

— Мой отряд в составе двадцати рыцарей, ста сорока тяжеловооруженных всадников и тысячи пехоты прибудет только завтра...

— Оставьте человека, — распорядился я, — который проведет их к указанному месту.

Он твердо встретил мой взгляд.

— К сожалению, никто с ними не сумеет управиться лучше, чем я.

— Сэр? — произнес я.

Он поднялся, учтиво поклонился.

— Виконт Каспар Волсингейн. У меня весьма пестрая дружина. В основном горцы. Хороши, как воины, но с дисциплиной у них не очень.

Я кивнул.

— Благодарю вас, виконт. Вы абсолютно правы и поступаете верно, не перекладывая такую ношу на помощников.

— Спасибо, ваша светлость.

Он сел, я видел, как он с облегчением перевел дыхание, что-то у меня с репутацией не очень, я предпочел бы выглядеть тихим и благостным, а тут как будто в присутствии дракона обедают, даже ножами не стучат по тарелкам, неслыханно...

Глава 9

Мы в комнате для совещаний уточняли, кому за кем идти в походе, это крайне важно, нельзя же, чтоб граф оказался позади барона, я подошел к окну и увидел, как во двор влетел на легконогом коне худощавый всадник без доспехов, только плащ за спиной.

К нему бросились навстречу как стражи, так и слуги, он остановился перед донжоном и прыгнул на землю. Его ноги еще не успели коснуться земли, как подбежавший слуга схватил коня за повод и крикнул:

— Я держу ее, сэр!

— Поводи сперва! — крикнул гонец и бегом ринулся в открытую калитку в воротах.

Я успел только отойти от окна к столу, как дверь распахнулась и гонец вбежал со словами:

— Послание его светлости!

Я повернулся, он преклонил колено и, опустив голову, чтобы не видеть моего лица, протянул вперед и вверх пакет.

Сэр Вайтхолд принял его и передал мне. Я быстро сорвал печать, бегло проглядел.

— Отлично!.. Маркиз Ангелхейм отправил еще два отряда. Спрашивает, куда им идти.

Сэр Вайтхолд сказал гордо:

— Понимает, что ваша светлость здесь не засидится. Да и мы с вами. Вот только, как мы...

Он запнулся, подбирая слова, посмотрел на меня, медленно краснея.

Я сказал с пониманием:

— Трудная дилемма, да? Либо обидеть сюзерена, сказав ему правду, либо солгать и унижить себя самого.

Он криво улыбнулся.

— Ваша светлость... это нехорошо, смотреть в наши души.

— В этом мире, — сказал я, — еще многое предстоит сделать и немного узнать. Так что, сэр Вайтхолд, дорога у нас длинная и славная, полная побед, звона железа и криков убегающих врагов. Я, кстати, не сторонник массовых широкомасштабных войн, когда надо переть широким фронтом, истребляя все живое, что не успело спрятаться в лесах или глубоких подвалах.

Он спросил в удивлении:

— Но как же иначе?

— Я исповедую локальность, — объяснил я. — А еще лучше — точечные удары.

Кто-то из лордов переспросил:

— Почечные?

— И почечные, — согласился я. — Можно и по печени. Но лучше всего именно точечные.

— Простите?

— На противнике можно изрубить все доспехи, — пояснил я, — рассечь шлем, изранить как не знаю кто, а эта сволочь будет продолжать сражаться, изматывая вас и грозя повергнуть... Это — тотальная война. А можно поразить точным выстрелом из арбалета, а то и лука, приметив уязвимое место.

Я видел, как почти все начали морщиться и кривиться.

— В такой войне, — сказал сэр Вайтхолд авторитетно, — трудно проявить воинскую доблесть! Лук — оружие простолюдинов. Как и арбалет.

— Совершенно верно, — подтвердил я. — Как рыцарь я с вами абсолютно согласен. Но как политик вынужден к успеху идти кратчайшим путем, ибо правлю не только рыцарями, но и купцами, ремесленниками, хлебопашцами... Мы должны победить! Итак, все утрясли? Выступаем. Немедленно. А маркизу передайте, что следующий и последний пункт сбора — у Эльфийского Леса. Кто не успеет... ну, тому разве что партизанить.

На сборы я дал полчаса, но все заняли места в седлах раньше и смотрели на меня с ожиданием. Бобик обежал вокруг весь разросшийся отряд, что уже пора называть войском, вернулся и доложил, что он готов тоже.

— Сэр Вайтхолд, — сказал я, — вы как гостеприимный хозяин ведите войско и дальше вот по этой карте... Здесь я все отметил. В бои и сражения не ввязываться! Наша цель — сокрушишь Турнедо, а святая земля Армландии освободится сама, когда мы выполним поставленную перед нами задачу.

Он спросил:

— Кем поставленную?

— Господом Богом, — ответил я с некоторым удивлением. — А кого еще слушаться, если сам Господь говорит, что наше дело правое, и он всецело с нами?

Он торопливо перекрестился и сказал почтительно:

— Да, Господь должен быть с нами, наше дело правое.

— Отлично, — сказал я. — Отряды барона Саммерсета, виконта Рульфа и доблестного сэра Геллермина, у них самые быстрые кони... выступайте в сторону Эльфийского Леса. Там ожидайте нашу тяжелую конницу. Думаю, мы отстанем не слишком уж...

За полсотни миль от Эльфийского Леса нас догнал большой отряд виконта Каспара Волсингейна, все в кожаных доспехах или кольчугах, за плечами топоры, вид дикий, все лохматые, он назвал их горцами, но, как погляжу, воины из них неплохие...

Навстречу дул резкий холодный ветер, я ежился в седле и вспоминал Сен-Мари, вроде бы и близко, но Великий Хребет задерживает натиск масс теплых потоков, на этой стороне и замки настоящие, с толстыми стенами и узкими окнами, солнце больше светит, чем греет...

Впрочем, ближе к полудню все сбросили плащи, даже обнажили головы, тяжелые шлемы уже приторочены к седлам. Конь бодро идут по широкой дороге, справа и слева небольшие села, слышно как во дворах блеют козы, кричат дети, доносятся удары молота по железу, мерно скрипят крылья ветряков.

Над нами то и дело проносятся стаи острокрылых стрижей, сэр Вайтхолм провожает их заинтересованным взглядом, уносятся в сторону сел, хотя совсем близко синеют мелкие озера.

— Войска Гиллеберда в десятке миль впереди, — сказал он вроде бы спокойным голосом, но я уловил напряжение. — Их даже не вдесятеро больше...

— Да хоть в сотни раз, — ответил я беспечно.

— И... как мы справимся?

Я отмахнулся.

— Они просто сдадутся.

— Сдадутся?

— Да, — подтвердил я, — сдадутся. Потом.

— Потом... это когда?

— Через пару недель, — сообщил я. — Может, раньше.

А пока мы пройдем мимо и дальше.

— Через их ряды?

Я изумился.

— Зачем?

— А... как?

Я сказал бодро:

— Войска Гиллеберда далеко справа. А мы пройдем прямо. Так короче, не находите?

Он посмотрел на меня с некоторым сомнением.

— Сэр Ричард, но там дорогу загораживает тот самый Эльфийский Лес, у которого вы велели ждать конным отрядам барона Саммерсета, виконта Рульфа и доблестного сэра Геллермина!

— Вот и прекрасно, — сказал я с подъемом. — Мы пройдем прямо. Через этот Вечно Зеленый Лес, мне так называть нравится больше.

Он вздрогнул так, что под ним покачнулся конь, а железо на обоих зазвенело.

— Сэр Ричард! — вскричал он в ужасе. — Да лучше пасть в бою, чем быть зачарованным проклятыми эльфами и медленно тонуть в гнилом болоте, полном мерзких змей и толстых пиявок!

Я сказал с укором:

— Как же мало у вас веры в своего сюзерена... Что значит, не были в Сен-Мари, где наши доблестнейшие армландцы покорили королевство-великан, огромное и богатое!.. Там бы вы поняли, что перед величием вашего лорда склоняются не только какие-то эльфы, но и... гм... не стану из свойственной мне врожденной деликатности, верховный лорд должен быть образцом скромности для подражания юным и всем прочим. Это я такой вот лорд, ну вы поняли...

Он открыл и закрыл рот, смутился еще больше, наконец спросил слишком тонким для такого грузного человека голосом:

— Хотите сказать... нас не тронут?

Я ахнул:

— Сказать? Разве не понятно, что, когда увидят меня, вашего славного сюзерена, то все эльфы, эльфийки и эльфята падут ниц... незримо, правда, и восславят миг, когда я посетил их Богом забытый лес?

Он поперхнулся, закашлялся.

Лес чернел вдали ровной полоской, но с каждой милей поднимался выше, и чем-то опасным и мрачным от него веяло издали, я вдруг ощутил, как чувствуют себя мои рыцари.

Мы приближались к нему, рыцари переглядывались, нервно шутили, но у каждого в глазах я видел надежду, что их сюзерен пошутил, что вот приблизятся к опушке, а там повернем и последуем по утоптанной дороге, что ведет в объезд. Дорога надежная, протоптали сотни лет тому, и пока что никто из эльфов не воспротивился...

Сэр Вайтхолд вскрикнул:

— Слева от леса конница!

В нашу сторону в самом деле идет, медленно, но неуклонно набирая скорость, тяжелая рыцарская конница. Длинные копья, правда, остриями к небу. Но опустить их и нацелить в нас — дело двух секунд.

Я всмотрелся, сердце бешено колотится, сейчас даже небольшой отряд турнедцев может все расстроить, но рассмотрел герб на груди скачущего впереди всадника, с облегчением выдохнул.

— Отбой тревоги, — сказал я. — Это сэр Клемент Фицджеральд. Что-то его отряд разросся...

Сэр Вайтхолд сказал быстро:

— Маркиз Ангелхейм уговорил его принять общее руководство над всеми, кто собрался у его замка.

— Отлично, — пробормотал я. — Мобильные у него ребята...

Сэр Клемент остановил свой отряд, сам приблизился, могучий конь замер по команде и как будто вообще перестал дышать, а сэр Клемент отсалютовал с седла.

— Ваша светлость, мы готовы выполнить любое задание.

— Прекрасные слова, — сказал я с чувством. — Следуйте за мной, сэр Клемент! Дорога чести и славы начинается отсюда. А также огромной добычи, но о таких понятных мелочах даже упоминать неловко...

Я повернул коня, однако он вскинул руку.

— Ваша светлость...

— Да, сэр Клемент?

— Вот там дальше, — сказал он, — за поворотом, еще отряды... небольшие, но рыцарские. Ко мне присоединиться не восхотели, ждут вас.

— Это хорошо, — сказал я настороженно, — они хоть назвались? А то от Гиллеберда всего ждать можно.

— Первым командует, — доложил он, — барон Саммерсет, вторым — виконт Рульф, а третьим — баннерный рыцарь сэр Геллермин.

Я с облегчением перевел дыхание.

— Да, это их маркиз послал сразу к лесу, чтобы не тормозили наше войско. У всех у них тяжелые кони... Спасибо, сэр Клемент!

Бобик все понял и ринулся к лесу. Деревья выросли, наконец заслонили впереди весь мир и даже небо. Стволы толстые, массивные, ветви высоко у самых вершин, а внизу земля усыпана сосновыми иголками, слышится острый запах сосновой смолы.

— Наконец-то, — сказал я с оптимизмом. — Солнце напекло не только голову, но и плечи... А здесь какая тень! Правда, здорово?

Они утрюмо смотрели, как я проехал между деревьями, Бобик проскочил туда еще раньше, сэр Вайтхолд сказал отчаянным голосом:

— Не отстаем, не отстаем!

За моей спиной слышался конский храп, сдавленное дыхание, то и дело доносится металлический стук опускаемых забрал, нервные вздохи, скрип седел. Рыцари брали в руки копья, мечи, топоры, кто с чем чувствует себя увереннее, едут стремя в стремя, не слышно привычных шуточек, а если кто где и переговаривается, то шепотом.

Я держался впереди с отрывом в сотню шагов, Пес то и дело в азарте вламывается в кусты, я сперва прикрикивал, потом решил, что мой Бобик — не человек, неприязнь эльфов не должна распространяться на милого щеночка, а он сам учует какие-то неприятности...

Сэр Вайтхолд наконец догнал, я видел, как он поглядывает с беспокойством на мое мужественно-глупое лицо, наконец сказал дрожащим голосом:

— Вы правы, ваша светлость...

— Что вы имеете в виду? — любезно осведомился я. — А то я, знаете ли, вообще прав во всем...

— Здесь прохладнее, — проговорил он подрагивающими губами. — Вот прямо в пот бросило...

Впереди раздался шум, сдавленный вопль, рычание Пса. Я толкнул пятками арбогастра и, ломая пышные кусты, мы во мгновение ока оказались по ту сторону этого зеленого забора.

На траве распростерт человек в простой зеленой одежде охотника, а над ним стоит, грозно оскалив клыки у самого лица и тихонько порывивая, мой Бобик.

Шляпа с головы охотника слетела, уши слишком остроконечные и красиво вытянутые вверх, как пламя свечи. Он, стараясь не двигаться, перевел взгляд в мою сторону.

В глазах вспыхнула радость.

— Сэр Ричард!

— Изаэль, — ответил я. — Быстрее надень шляпу, сюда прут...

Он торопливо ухватил шляпу и нахлобучил ее на уши, Бобик следил за ним налитыми кровью глазами и поднимал верхнюю губу, демонстрируя мощные клыки, которыми перекусит и берцовые кости коня, как соломинку.

Кусты с треском распахнулись, выметнулись на храпящих конях сэр Вайтхолд, сэр Клемент и его рыцари, у них самые быстрые кони.

Вокруг нас засверкало оружие.

Я крикнул:

— Тихо-тихо! Это мой старый друг.

Сэр Вайтхолд крикнул в недоверии:

— Друг? Простой охотник?

— Не простой, — возразил я. — Он знает этот лес, как свои пять пальцев. И... даже охотится здесь.

Сэр Вайтхолд сказал со вздохом:

— Что за амулет его хранит? Мне бы такой.

Изаэль поклонился и, даже не глядя в их сторону, сказал мне громко:

— Изволит ли его светлость, чтобы я провел вас через лес безопасными путями?

Я огляделся орлом, у самого поджилки трясутся, сказал бодрым голосом руководителя:

— Изволю, дорогой Иза... гм... изволю. Поедем впереди, как в старые времена, расскажешь новости.

Он свистнул, из-за деревьев появилась легкая стройная лошадка, настолько изящная, что мне захотелось обернуть ее в вату и хранить в большой стеклянной банке, чтобы можно было любоваться, а она ничем не повредила своей хрупкости.

Рыцари смотрели остолбенело, Пес подошел и обнюхал ее недоверчиво, она вздрагивала и косила на него испуган-

ными умоляющими глазами, но с места не сошла, только нервно переступала серебряными копытцами.

Изаэль вспрыгнул ей на спину, лошадка словно бы и не заметила добавочного груза, красиво развернулась и встала со мной рядом.

— Дорогие друзья, — сказал я приподнято, — следуйте за мной. Вернее, за нами!.. Старайтесь не уклоняться в стороны.

Изаэль сказал мне тихонько:

— Хорошее предупреждение. Я в самом деле послан королевой Синтифаэль к вам навстречу.

— Как она?

— Здорова...

— Я не об этом, — сказал я в нетерпении. — Не передумала?

Он пробурчал:

— Мы свои клятвы держим всегда.

— Хороший вы народ, — сказал я. — Удобный. Я очень охотно буду вести с вами дела. С великим удовольствием!

Он сказал тихонько:

— Спасибо. Скажите своим, чтобы слишком не уходили в сторону.

— Шутишь? — сказала я с интересом. — Да они так жмутся друг к другу, что овцы не поверят, что так можно.

Он криво ухмыльнулся.

— Вообще-то, никто не хотел ехать к вам, тогда она вспомнила о нас, кто под видом людей жил в той сторожке...

Я поинтересовался тихонько:

— А почему не воспользовался чарами, как в тот раз? Даже я тогда принял вас за людей!

Он прошептал:

— Одно дело — напустить такое на одного-двух, другое — на целое войско. Да и трудно контролировать в движении...

— Да, — согласился я, — тогда мы все сидели за столом и пили.

— К тому же у ваших людей, — сообщил он, — есть амулеты, что покажут их владельцам, кто каков на самом деле.

Мы проезжали через усеянную дивными цветами поляну, огромные стрекозы шумно трещат слюдяными крыльями и носятся, как стрелы, но иногда пугающе застывают на месте и рассматривают нас огромными глазами на две трети морды.

Одна подлетела так близко, что я увидел в ее вытаращенных фасеточных глазах десятки своих отражений.

— Так выглядит мирно, — заметил я. — Красиво эльфы живут.

Он сдержанно улыбнулся.

— Как раз здесь болото. Настолько глубокое, даже мы не знаем, куда оно идет.

Я зябко передернул плечами.

— Надеюсь, оно не станет... болотом?

— Только за спиной вашего войска, — заверил он. — Надеюсь, возвращаться этой же дорогой не планируете?... А то были споры, разрешать ли вам и такое вот одноразовое топтание нашего Леса... Это для вас просто лес, а для нас — дом!

— Нет-нет, — заверил я. — Не вернемся.

Он посмотрел искоса.

— Насколько я слышал, столица людей укреплена так, что вам не взять ее, будь у вас в сто раз больше войска.

— Все верно, — согласился я.

— Так на что расчет?

— На мой полководческий гений, — скромно сказал я, потом уточнил: — Вообще-то полководец из меня хреновый, но другие об этом не знают. Зато я умею смотреть ширше и глубже, а это дает возможности, о которых не догадываются те, кто смотрит узко. А я, если вижу возможности, то вцепляюсь в них, как... даже не знаю, кто. Кто возможностями не пользуется, от того они уходят.

Он смотрел с вопросом в огромных удлинённых глазах, на лице смятение, эльфы считают себя умнее людей, но вот

понять этих короткоживущих людишек трудно, слишком в них намешано много всего разного, тяжело вздохнул.

— Мне будет жаль, — обронил он, — если вас убьют. Остальных нет, пусть люди убивают друг друга, хоть это и противно, но вы чем-то и как-то нам понравились еще тогда, в той сторожке...

— Спасибо, — сказал я. — Еще одна дивно милая полянка...

Он посмотрел веселым глазом.

— Да? Вообще-то, здесь тоже бездонное болото. Но вы пройдете, как по твердой земле, даже не заметите. Только не стоит на ней задерживаться...

— Что, ты сам держишь твердым?

Он покачал головой.

— Вон там за деревьями за нами наблюдают десятки эльфов. И наши волшебники. Эти и делают перед вами дорогу безопасной, а за вами... прежней.

В лесу не только я, все мы чувствовали, как за нами следят сотни пар глаз. Я почти видел, как то один эльф, то другой поднимает лук со стрелой на туго натянутой тетиве и целится то мне между лопаток, то сэру Вайтхолду, то в проезжающих через их лес рыцарей.

Рыцари пытались натужно улыбаться, все едут с прямыми спинами и гордыми лицами, шлемы по-прежнему принаитованы у седла, все равно стрелы эльфов найдут щели в доспехах, а еще поговаривают, что эльфийские стрелы пробивают любые панцири...

Чем больше зажимались рыцари, тем больше развязывался сэр Вайтхолд, как я понимаю, страх шарахнул в другую сторону, он часто смеялся, подтрунивал над друзьями, а меня догнал весь из себя гордый безумной отвагой.

— Сэр Ричард, — поинтересовался он, — каким дерьмом мы вымазались, что эльфы нами брезгуют?

Я посмотрел на него и выразительно потянул воздух носом.

— Ну, сэр Вайтхолд, вам виднее.

Он хохотнул.

— Говорят, у них обоняние тоньше, чем у стаи собак!.. Видимо, от нас все-таки дурно пахнет. Вот и разбежались.

— Не важно, — сказал я мирно, — главное — результат.

Он коротко взглянул на меня, открыл рот для новой шуточки и закрыл. Я запоздало подумал, что не надо перед рыцарями, братьями по классу и оружию выказывать себя так уж явно, все равно не оценят. Для рыцаря любой результат неприемлем, если достигнут неподобающим способом.

Он проехал вперед, подбадривая друзей, похохатывая, а я продолжал разматывать мысль, что ни один из этих вот молодых дворян не нырнет в озеро с дерьмом, чтобы выбраться на той стороне целым и невредимым, даже если за ними будет гнаться неминуемая смерть. Да, все они повернутся и встретят ее смело и мужественно, но ни один не вступит в это самое, чтобы не испачкать золотые рыцарские шпоры...

Сзади раздался настигающий стук копыт, с нами поравнялся юный граф Эдгар Уитикомб, сын лорда Этельберта.

— Ваша светлость, — спросил он торопливым шепотом, — не пора ли выходить на главную дорогу?

— Зачем? — спросил я.

— Предположительно, — объяснил он так же тихо, даже пригнулся к конской шее, — мы уже давно миновали войско герцога Беркширского. Оно осталось далеко южнее. Мы углубились почти в самый центр Турнедо!

— Зря шепчете, — сказал я хладнокровно. — Хозяева леса все равно вас слышат.

Он охнул, зажал себе ладонью рот.

— Правда?

— Чем тише шепчете, — пояснил я, — тем больше прислушиваются именно к вам, дорогой граф.

Он торопливо перекрестился, побледнел, глаза стали большие, как у испуганного ребенка.

— Господи, спаси и сохрани!..

— Страшно? — спросил я.

Он вспыхнул до корней волос, гордо выпрямился.

— Ваша светлость! Просто... вдруг передумают? Все-таки эльфы, кто знает, что у них на уме...

— Ваш сюзерен знает, — сообщил я. — Мы проедем до конца этого леса. Он заканчивается в ста милях от столицы. Или даже в восьмидесяти-девятиста. Словом, на один конный переход, хоть и весьма тяжелый. Как только покинем лес, двинемся по густозаселенной местности. Там сотни сел и несколько городов, но главное — хорошие дороги! Понимаете, о чем я?

Он посмотрел на меня круглыми, как у молодого совенка, глазами.

— Н-нет...

Я сказал ласково:

— Вот и прекрасно. Маневр должен быть неожиданным не только для противника, но и для наших союзников. Вы согласны?

Он пробормотал с неуверенностью:

— Да, ваша светлость... Вам виднее...

Лес становился то мрачным до невозможности, словно мы двигаемся через ад, то сказочно прекрасным, в стороне проплывают дивные красоты, древние руины, над головами порхают смешные толстенные дракончики, их называют цветочными.

Рыцари потихоньку смелели и даже пробовали их ловить, когда те садились на головы или плечи.

Изаэль долго ехал рядом со мной молча, но я видел, с каким интересом присматривается к рыцарям, вслушивается в их разговоры. С особенно жгучим любопытством ловил все, что говорят об эльфах, вздрагивал и поглядывал на меня умоляюще огромными печальными глазами.

— Сэр Ричард, — прошептал однажды, не выдержав, — да скажите же!

— Что?

— Вы слышите, что о нас говорят?

— Да, — подтвердил я с удовольствием. — Что вы лживые чудовища, только и думаете, как бы напакостить людям, завести в болота, обобрать, утопить, задавить, выстрелить в спину невинному охотнику... А что не так?

Он ахнул тихохонько:

— Но это же неправда!

— А что вы говорите о людях? — спросил я. — То-то. Надо встречаться чаще, дорогой друг. И тогда все самые серьезные обвинения окажутся клеветой. С обеих сторон.

Долгое время он ехал молча, но вслушивался так же тщательно — готовит доклад королеве Синтифаэль. Надеюсь, объективный, хотя и получит от нее и советников некоторую трепку за то, что о подлых и грязных людях осмелился сказать пару добрых слов.

Однажды, когда рыцари совсем устали от постоянного ожидания чего-то ужасного, едут уже равнодушные даже к дракончикам, что сидят у них на плечах, Изаэль шепнул мне:

— Осталось полмили.

— До выхода?

— Верно, ваша светлость.

— Нам разрешат переночевать в лесу?

Он замялся, посмотрел на меня искоса.

— А зачем? За пределами нашего леса вы будете чувствовать вне опасности.

— Мы в чужой стране, — напомнил я. — Люди, что могут нас увидеть, это враги. Нас постараются убить. А в лесу, хоть и страшно, зато безопасно.

Он улыбнулся.

— Хорошо. Но только нужно соблюдать ряд правил... которые люди почему-то очень не любят.

— Соблюдаем, — заверил я. — Я знаю эти правила.

Я сообщил подбадривающую новость насчет последней полумили сэру Вайтхолду, он возликовал, что-то прокричал совсем уж дикое, безумное, расхохотался, в его смехе звучал

восторг, что покидаем ужасный лес, где каким-то чудом проходим над ловушками и бездонными болотами, но в то же время и страх, что выйдем на открытое место прямо в середине королевства врага.

— Прекрасно, — сказал я с энтузиазмом, — теперь нужно подыскать местечко для ночлега.

Сэр Вайтхолд охнул, другие лорды посмотрели с беспокоеством, только Изаэль тихонько и ехидненько улыбался.

— Что? — спросил я. — Сэр Вайтхолд, у вас глаза какие-то странные... вы не в родстве с эльфами? Такие кру-у-углые... Нужно будет проверить, как у вас с ушами.

Сэр Вайтхолд в ужасе схватился за лицо.

— Что, уже начинается? Что у меня изменилось?

Глава 10

Клемент Фицджеральд подъехал на рослом жеребце с двумя своими людьми, суровый и с каменным лицом, посмотрел внимательно и сказал очень серьезно то, что я никак не ожидал:

— Растут. Но ничего, доблестный сэр Вайтхолд, вам так даже к лицу. Еще бы копыта...

— Лучше слышать будете, — подхватил граф Эдгар. — А если совсем уж вырастут, в шлеме можно предусмотреть больше места в районе макушки... Копыта не надо, дорогой сэр Клемент. Не настолько уж сэр Вайтхолд и упрям...

Сэр Клемент сдержанно улыбнулся, я понял по его виду, что своих людей он расположил первым, или этим займутся сержанты, а он теперь может чуть пошутить, но не расслабиться.

Воины, получив приказ, начали спешиваться, расседлывать коней, раскладывать костры и выкладывать из сумок захваченную в дорогу еду.

Изаэль объехал лагерь, с людьми общаться по-прежнему не стал, все высказал мне, а я велел позвать сэра Вайтхолда,

он прибыл незамедлительно, всмотрелся в мое недовольное лицо огромными испуганными глазами.

— Ваша светлость?

— Костры сильно не разводить, — напомнил я, — чтобы огнем не достать нижние ветки... Подбирать только сухие, если кто срубит хоть одну живую — умрет. Песни не орать, эльфы любят тишину.

Сэр Вайтхолд, побледнев, сказал быстро:

— Сейчас сам всех обойду!

— Лучше младшим командирам поручите, — посоветовал я. — Когда вот так сам все бросался делать, такие бревна пропускал за спиной...

Костра развели всего два, для лордов, остальные обойдутся, не зима, да и ночи в лесу теплые, ветра внизу не бывает.

У нашего костра сэр Вайтхолд громко рассказывал, как именно эльфы истязают и мучают попавших к ним в плен несчастных. Особенно, мол, достается рыцарям, над ними вообще зверствуют еще как, а то и бесчинствуют.

Его слушали утрумо и вроде бы неохотно, но с жадным интересом, и хотя видно же, что врет, придумывает на ходу, но в каждом живут страхи перед этими деревьями-исполинами, что полностью перекрыли небо, едем в некой бесконечной пещере, зеленой и необъятной, где тяжелый свод поддерживается только столбами в три-четыре обхвата.

Юный граф Эдгар оглянулся на стену леса.

— Так эльфов и не увидел, — сказал он с тяжелым вздохом.

Изаэль посмотрел на него внимательно, а я поинтересовался:

— А что, очень хотелось?

Он ответил с жаром:

— Конечно!

Легкая улыбка чуть тронула губы Изаэля.

— Зачем, — поинтересовался я строго, — вам смотреть на эти нечестивые создания, сэр Эдгар?

— А я вот слышал, — выпалил он, — они... прекрасны!.. Дивно прекрасны, просто волшебны!.. Красота не может быть нечестивой, тут наши священники что-то путают.

— А сэр Вайтхолд?

Он отмахнулся.

— Он пересказывает чужое, а сам их не видел.

Я сказал наставительно:

— Священники говорят о внутренней красоте, сэр Эдгар. Сатана и его падшие ангелы все такие же сверкающие и прекрасные, сэр Эдгар. Темными их называем только потому, что у них темные помыслы и низкие желания. Красота внешняя и духовная не всегда уживаются в одном теле...

Но, судя по его лицу, он не поверил, слишком что-то нудное и неинтересное я изрекаю, как старик какой, это у них одни нравоучения, потому от молодых лбов отскакивает, как горох от стенки, каждый должен отважно и смело учиться на своих ошибках, а не трусливо и мелко — на чужих, что совсем уж не по-мужски!

И чем больше мужчина наломает дров в жизни, тем больше он как бы мужчина, а безошибочный человек... как бы и не человек вовсе.

Изаэль посмотрел на юного графа с интересом, улыбнулся, но когда граф повернулся к нему, поспешно наклонился и начал собирать сухие ветки.

Я полулегу под деревом, упершись в него спиной, пурпурные угли с кулак размером зажаты в узком пространстве между стенками из булыжников, мощный жар идет вверх, где на вертеле поворачивают освежеванного вепря. Мясо уже подрумянилось, аромат идет по всей поляне, однако юный граф старательно следит, чтобы образовалась хрустящая корочка, тонкая и нежная, она сохранит запахи и ароматы, не даст развеяться по лесу, и только когда ткнешь ножом в багрово-коричневую тушу, из разреза прямо в лицо ударит струя одуряюще-сладкого мясного запаха...

Он поворачивал ручку, подставляя жару то кабанью спину, то бока, похлопывал зеленой веточкой. Известно, что

свежие листья придают мясу при жарке что-то особое, что и жарится лучше, и на вкус нежнее.

Сэр Клемент подошел и голой рукой быстро выхватил и выбросил наружу уголек, что пустил огонек, а это нельзя, будет пахнуть дымом.

Ночь наступила душно-теплая, воздух напоен запахами цветов так, что можно в нем плавать, непорочно чисто зеленеет далекий свод из веток и листьев, в угольной черноте ночи плавают эльфы-светлячки. В тишине слышно, как сонно пофыркивают кони, выбирая овес из подвязанных к мордам торб, сухо шелкают изредка сучки в костре, воины переговариваются негромкими голосами, говорить во весь голос кажется кощунством, это как орать похабную песню в храме...

— Спать, — велел я. — Завтра очень трудный и тяжелый день. Очень! Мне надо, чтобы все отоспались и могли сражаться.

Граф Эдгар прошептал с восторгом:

— Уже завтра...

Изаэль повернул голову, его глаза с интересом всматривались в загоревшееся лицо юного рыцаря.

— Он что, — шепнул мне едва слышно, — сумасшедший?

— Люди все сумасшедшие, — ответил я так же тихо, — это прекрасно.

— Вы шутите?

— Ну, дорогой Изаэль, в каждой шутке есть доля шутки.

— Снова не понимаю, — прошептал он растерянно.

— Потому что мы широкие, — объяснил я с удовольствием. — В нас много всего... Да что там — много, чего только нет! А вот в вас только прекрасное. Потому так эльфами и восторгаемся.

Он фыркнул.

— Да? Но я такого наслушался...

— Виноград зелен, — объяснил я.

Он с тоской посмотрел в мое смеющееся лицо.

— Снова не понимаю...

— Спи, — посоветовал я. — Такое не понять с наскоку.

Он лег рядом и прижался ко мне, легкий и тонкостанный, заснул достаточно быстро, щеки покраснелись, засопел. Ного забросил на меня, а рукой обнял за шею.

Граф Эдгар увидел, поморщился, потом сказал сочувствующе:

— Совсем еще мальчишка... И уже охотник?

— Еще какой! — заверил я.

Он снова смерил его недоверчивым взглядом.

— Странно как-то...

— Спите, граф, — посоветовал я. — Утром потребуются все ваши силы. И к вечеру, обещаю, все равно будете падать от усталости!

Он вздохнул, сказал послушно:

— Уже ложусь. Но вряд ли засну...

Он засопел раньше, чем голова коснулась седла, что подложил под голову.

Рассветает в лесу всегда медленно, птицы уже орут и дерутся из-за червяков, а земля еще тонет в сизом вязком тумане. Я проснулся и лежал неподвижно с открытыми глазами, голова полна идей, но все слишком рискованные или отчаянные, а надо соблюсти дерзость и осторожность, это называется точным расчетом, но точный расчет не всегда приводит к успеху, вон Гиллеберд рассчитывает куда точнее...

Изаэль вздохнул во сне и заплямкал губами, как щенок, что лакает молоко. Шапочка сбилась, ухо с удовольствием выбралось наружу, но я тут же натянул ее на место, дабы не потому что.

Граф Эдгар вздрогнул, широко раскрыл ясные глаза, огляделся, чуть приподнявшись. Увидел, как спит Изаэль, почти вобравшись на меня, спасаясь от остывшей земли, нахмурился, но ничего сказать не успел, я велел властно:

— Дорогой сэръ, поднимайте своих людей. У нас сегодня долгий путь.

— Есть, ваша светлость, — ответил он послушно.

Изаэль распахнул огромные прекрасные глаза, еще слегка затуманенные сном, некоторое время непонимающе всматривался в меня, потом щеки залило густым румянцем.

— Ах, что это я...

— Все хорошо, — ответил я. — В самом деле... очень хорошо.

— Ну, знаете ли...

— Все хорошо, — повторил я. — А здорово я не дался себя изнасиловать? Сам удивляюсь, какими люди бывают стойкими, с ума сойти!

Он вскочил, рассерженный.

— Вы слишком высокого о себе мнения!.. У меня и в мыслях не было что-то хоть чуть...

— Ш-ш-ш, — сказал я предостерегающе. — А то и другие поймут то, что для умных не было секретом с самого начала.

— Это для кого еще? — спросил он, насторожившись.

Я скорбно вздохнул.

— Дык особо умный только один на всем белом свете. Не буду указывать пальцем из невероятной скромности. А ты, со своим зверушным чутьем, сразу сообразил, к кому подлезть и на кого закинуть свои игрушечные лапки.

Костры затаптывать не пришлось, погасли ночью, люди поднимались слегка застывшие, утром все-таки прохладно, торопливо завтракали сухим пайком, затем принялись седлать коней.

Мы с Изаэлем и лордами ехали впереди, граф Эдгар жадно всматривался в просветы между деревьями, ликующе вскрикнул и едва не прищипорил коня, но взглянул на меня и прошептал виновато:

— Простите, ваша светлость.

Далеко за деревьями блеснул странно желто-оранжевый свет, слишком яркий и непривычный, таким показался простой серый день после бесконечной зелени всех оттенков.

Изаэль остановил коня, Пес настобурчил уши и повернул к нему голову.

— Сэр Ричард, — произнес Изаэль звонким чистым голосом.

— Что, — сказал я, — все?

— Лес закончился, — пояснил он. — Дальше мир людей. Здесь мы расстаемся.

Я сказал учтиво:

— Благодарю вас, Изаэль. И передайте королеве Синти-фаэль, рожденной Светом и Солнцем, мои уверения в совершеннейшем уважении, почтении и дружбе...

Сэр Вайтхолд насторожился, услышав имя незнакомой королевы, а Изаэль сорвал с головы шляпу вместе с шапочкой, удерживающей волосы, учтиво поклонился.

Роскошный водопад золотых волос, ярких, как солнце, освобожденно хлынул на узкие плечи. Нежное лицо Изаэля мгновенно преобразилось, а голос стал еще звонче и музыкальнее:

— Еще увидимся, сэр Ричард...

Изящная лошадка, сотканная из лучей мягкого солнца, поднялась на дыбы, заржала мелодично и ударила по воздуху копытами. Изаэль взмахнул рукой, улыбнулся... в следующее мгновение исчез, словно растворился в воздухе.

Граф Эдгар икнул, охнул, схватился за сердце.

— Ваша светлость...

— Да, доблестный сэр?

— Что это было, ваша светлость?

Я повертел головой по сторонам.

— Где?

Он ошалело показал в сторону темной стены деревьев.

— Ну, вот там...

— А что случилось?.. А-а, вы имеете в виду, что наш проводник закончил свою работу и отбыл? Вы правы, лес остался позади, теперь нам нужно быть еще внимательнее. Мы пройдем не через милый лес, полный птичек, бабочек и дракончиков... правда, красивые?.. а выходим на просторы Турнедо, где враги.

Он слушал и не слышал, то и дело оглядывался на стену деревьев, лицо стало несчастным, а глаза потерянными, как у ребенка, которому конфеткой покрутили перед мордочкой и спрятали.

— Ваша светлость... наш проводник...

Я оглянулся на него в легком раздражении.

— Что вас волнует, сэр Эдгар?.. Был ли это эльф? Да. Добавлю, самочка. Весьма самочка, как вы могли увидеть, но суеверие застило вам разум... А теперь берите руководство над своим отрядом, доведите до каждого задачу. Мы двигаемся, по возможности скрытно, хотя и по открытой местности, в сторону вражеской столицы. Повелеваю перехватывать и уничтожать вражеские разъезды и любые силы, что могут послать гонца к герцогу Беркширскому. Задерживать всех конных и... ввиду чрезвычайной ситуации временно реквизируют средства передвижения!

Он прошептал отстраненно, все еще обшаривая взглядом темные стволы деревьев:

— Это как... рубить всем ноги?

— Граф, — сказал я с укором, — я сказал, временно! А ноги взад уже не приставишь. Коней отнимать. Лошадей — тоже.

— Вряд ли перехватим всех...

— Конечно, — согласился я. — Но герцог, не получая подтверждения из достоверных источников, будет в затруднении. А когда поверит в такую дикость, как внезапное появление из ниоткуда крупного отряда армландцев, направляющихся к столице, все равно не будет знать, как поступить правильно.

— Идти нам наперехват, — предположил он.

— Да? — переспросил я саркастически. — По слухам, Гиллеберд так укрепил столицу, что ее не взять никакому войску. Да я сам видел, помню. К тому же герцог должен ждать наступления войск короля Фальстронга и быть готовым его остановить.

— А он уже получил такие сведения?

— О Фальстронге?

— Да мы как бы важнее...

Я кивнул.

— Возможно, получил. А возможно, и нет. Мне иногда кажется, что переоцениваем крутость и всезнание Гиллеберда.

— Да, — ответил он невпопад, — но эта эльфийка... Я же чувствовал! Мое сердце начинало стучать чаще, когда эта... этот ваш проводник попадался на глаза... ну почему, почему я такой дурак...

— Мы все дураки, — заверил я авторитетно, — это наше неотъемлемое свойство мужчин, которое нужно лелеять и которым гордиться! Именно благодаря дурости делаются великие дела, возникает великая любовь и совершаются великие открытия!.. У вас все впереди, сэр Эдгар. А с эльфами еще увидимся. Обещаю. А пока арбайтен, арбайтен!

Глава 11

Мне переход от Эльфийского Леса до Савуази показался намного тяжелее и опаснее, чем дорога по самому лесу, где из-за каждого куста за нами следили эльфы с луками в руках.

В честь трехсотлетия победы в знаменитой Канжальской битве как-то провели конный переход в тысячу километров, с остановками на праздники во всех крупных городах по пути, а их около десятка, и через двенадцать дней прибыли к горе Канжал. Дорога тянулась в основном по горам, а если по степной части, то кони шли со скоростью в сто двадцать — сто сорок километров в день.

У меня, к счастью, не такой жутко долгий переход, но желательно оказаться перед столицей как можно быстрее, а это значит, хорошо бы к вечеру быть там. Основная трудность, рыцарские кони несут очень тяжелого всадника в доспехах,

в таких условиях даже пятьдесят миль за световой день... гм... непросто.

С другой стороны, до этого еще не гнали вскачь, передвигались медленно, в щадящем режиме. Что ж, попробуем....

Сэр Клемент, понимая меня с полуслова, выделил из пришедших с ним издалика два десятка на самых быстрых конях, они и мчались впереди, пресекая любые попытки скрыться или отскочить в сторону.

Крестьянских кляч, что умеют только медленно тащить плуг, я велел оставлять, всех остальных коней забирали и уводили с собой. Хозяевам объяснили, что вечером всех вернем обратно, так что могут идти за нами.

Новички тревожились, что я то и дело отрываюсь от войска и уношусь далеко вперед, в сторону, или же вовсе исчезаю, ветераны с гордостью объясняли, что их лорд знает, что делает, конь у него такой, что не позволит врагам догнать, а Пес любого перервет пополам.

Несколько раз останавливались для короткого отдыха, дважды на обед. Многие рыцари слезали с коней и вели их в поводу, а то и бежали рядом, волоча измученных животных за собой.

Сэр Вайтхолд тоже двигался пешком, хотя конь не настолько уж, просто рыцарь бережет боевого друга.

Я поравнялся с ним, неловко смотреть на исхудавшее за один переход лицо, когда подо мной конь даже не замечает этой ползущей скорости.

— Держитесь, сэр Вайтхолд.

Он вскинул бледное лицо с капельками пота на лбу.

— Ваша светлость, хорошо бы хотя бы небольшой привал... люди и кони едва передвигают ноги...

Я сказал с болью:

— Продержитесь... Продержитесь еще миль пять...

— А потом? — спросил он с надеждой. — Отдых?

— Увидим Савуази, — сказал я. — Наша цель.

Он произнес с беспокойством:

— Ваша светлость... люди валятся с седел. Никто не сможет даже меч вытащить из ножен, какой там штурм...

Я посмотрел на него с укором.

— Совсем за дурака считаете? Как только приблизимся к Савуази, сразу привал, отдых коням и людям, крепкий сон...

Он просветлел измученным лицом, с силой потащил коня в сторону своих рыцарей.

Последние пять миль дались нам тяжелее, чем первые сорок. Затем в страшное зарево заката поднялись высокие остроконечные башни огромного города-крепости, таким Савуази видится каждому путешественнику.

На прочном скальном основании, приподнятом над землей на три-четыре роста, окруженная массивными каменными стенами толщиной в пять-шесть футов, высится необъятная крепость, размером с иное королевство, десятки башен с остроконечными крышами, несокрушимые с виду здания, массивные и тяжелые, идеально приспособленные для обороны.

Чем ближе мы подъезжали, тем тише переговаривались рыцари, потрясенные огромностью и несокрушимым величием города-крепости.

Сэр Вайтхолд вскрикнул устрaшенно:

— Сэр Ричард! Этот город не взять и целой армии!..

— Гиллеберд умеет воевать, — пробормотал за нашими спинами сэр Клемент. — Такой город можно вообще оставлять без охраны...

— Охрана там есть, — упрямо сказал граф Эдгар. — А еще отсюда в двух конных переходах со стороны севера расположено лагерем элитное войско герцога Кристофера Беркширского, коннетабля Его Величества короля Гиллеберда. Герцог начал разворачивать его против наступающей армии короля Фальстронга, однако может повернуть и в нашу сторону.

— Может, — согласился я. — Тогда Фальстронг ударит ему в спину. Вообще, герцогу я не завидую. Он еще ничего

не знает о нашем... не побоюсь этого высокого слова, героическом переходе, но когда ему доложат...

— Что будет?

— У него голова лопнет, — сказал я злорадно. — Ну как он может понять, чего я вдруг приперся с малым для большой войны отрядом?

Сэр Вайтхолд сказал с легким сарказмом:

— Да, действительно, как он может понять?..

— Это же так ясно, — сказал ему в тон барон Саммерсет.

— Куда уж яснее, — поддакнул виконт Волсингейн. — А что, кому-то непонятно?

— Остряки, — сказал я с чувством, — значит, еще не устали, на вас еще можно воду возить...

Сэр Вайтхолд сказал просительным голосом:

— Ваша светлость, у меня трещит не только голова! Тоже от попыток понять непонимаемое.

— Не такое уж и непонимаемое, — сказал я утешающе. — Скорее недоперепонимаемое. Но это и неважно. А извозчики... в смысле, ваш лорд и сюзерен зачем?

— Чтобы думать? — подсказал барон Саммерсет с неуверенностью.

— Чтобы вести вперед! — сказал виконт Волсингейн.

— Чтобы обеспечить победу, — воскликнул сэр Клемент и потер широкие ладони с сухим стуком деревянных дощечек. — Себе славу, нам добычу.

— Все верно, — заверил я. — Все правы! И все будет.

Сэр Клемент перекрестился.

— Слава Господу, наконец-то.

Я тоже перекрестился и сказал благочестиво:

— Я долго молился, взывал к Господу и наконец-то услышал ответ, что надо верить в Его милосердие и благосклонность. Вон Христос по воде ходил, как водомерка какая, даже Петр пошел, да не поверил глазам своим и ушел в воду с головой, прорвав пленку поверстного натяжения... В общем, Господь заверил, что поможет. Я же как-никак пападин Господа, а не кто-нибудь!

Они переглянулись, померкли на глазах, сэр Вайтхолд вздохнул и сказал тусклым голосом:

— Ну да, ага, если сам Господь сказал...

— Вот так взял и сказал, — поддакнул барон Саммерсет.

Я изумился:

— Вы что, не верите Господу?

— Верим-верим, — ответил виконт Волсингейн поспешно за всех, — но говорят же, неисповедимы пути Господа. Сейчас мог пообещать, а потом передумать...

Я надменно улыбнулся.

— У Господа все продумано на века вперед тютельница в тютельница, как у лилипутов!.. Это мы, бывало, не так понимаем по гордыне и сомнению. А теперь, други мои, встречайте наше войско и устраивайте его на ночь.

Все повернулись в приближающейся колонне усталых людей и коней, заспешили встречать свои отряды, только сэр Клемент поинтересовался деловито:

— Ваша светлость, что насчет лагеря?

— А что вас интересует? — спросил я.

— Как оборудовать? — уточнил он деловито. — Только палисад с кольями в сторону противника или и глубокий ров?

— Люди устали, — сказал я, — какой там лагерь... да и зачем?

Он ответил неуверенно:

— Но если мы надолго...

— Очень, — сообщил я. — Очень надолго. Думаю, до утра. Потому постарайтесь успеть поспать хоть немного.

Он кивнул, но лицо напряглось, спросил деревянным голосом:

— А... потом?

— Следующую ночь будем спать в роскошных постелях Савуази, — заверил я, хотя у самого при таких наглых словах тут же до боли стиснулось сердце, вдруг да все рухнет. — Разве мы не заслужили?

Он подумал, кивнул.

- Вам виднее, ваша светлость. Значит, спим до утра?
- Лучше проснуться до рассвета, — уточнил я.

Он поклонился, не сводя с меня испытующего взора, и удалился принимать и размещать своих людей.

Когда при высадке на африканский берег Цезарь оступился, сходя с корабля, и упал на руки, все замерли в ужасе от этого недоброго предзнаменования, а он поднялся, отряхнул руки и крикнул весело: «Ты в моих руках, Африка!»

Небо все залито ярко-красной лавой, изредка в нем проступают оранжевые реки расплавленного металла, с востока наползают темно-сизые полосы шлака, трепет пробегает по нервам, когда смотришь в эту жуть, сердце сжимается в страхе при виде исполинской мощи, человек перед нею так мал, и я раскинул руки и сказал громко и торжественно:

— Господь, ты указываешь жестокую судьбу Турнедо... Я бы по милосердию своему пощадил, но ты говоришь устами своего сына, что не мир принес, но меч... И да залется этот нечестивый город кровью, и да погибнут отринувшие Тебя, Господи!

Мои военачальники стоят за моей спиной, до того галдели, как гуси, сейчас затихли, сопят и переступают с ноги на ногу, наконец сэр Вайтхолд сказал с облегчением в голосе:

— Это хорошо, что приметы в нашу пользу... Но все-таки, ваша светлость! При любом штурме здесь поляжет любая армия. И не одна. Этот город можно взять только длительной осадой.

Барон Саммерсет сказал невесело:

— Для этого потребуются армии всех четырех королевств.

— Каких? — ехидно спросил виконт Волсингейн.

— Я имею в виду и Сен-Мари, — сказал сэр Вайтхолд твердо. — За пару лет, возможно, сумели бы взять, если бы удалось перекрыть все дороги и пути доступа продовольствия.

— С той стороны река, — напомнил Саммерсет. — Продовольствие могут подвозить и по ней. Нужен еще и флот, чтобы перехватывать вовремя.

Я сказал напыщенно:

— Тем выше наша слава, если возьмем мы, армландцы!

Они переглянулись, на лицах молодых рыцарей восторг и готовность ринуться на штурм прямо сейчас, дураки, как хорошо у таких быть королем, но старшие смотрят с понятным сомнением. У таких королем быть труднее, но почетнее.

Наконец сэр Вайтхолд, выражая общее мнение отважных, но рассудительных, спросил негромко:

— Ваша светлость... мы знаем, вам многое удавалось. Хоть и говорят, что не столько по вашему уму, а больше по дурости противника, но злые языки всегда сопровождают победителя...

Он умолк и смотрел на меня с ожиданием.

— Ох, сэр Вайтхолд, — проговорил я с неловкостью, — вы не решаетесь о том спросить, о чем я не решаюсь сказать сам. Боюсь, не поверите, мы ведь все живем в реальном мире, а всякие Божьи знамения для нас... так, рассказы тех, кто сам не видел, но от кого-то слышал. Но я — паладин, что значит — воин Господа. Господь следит за мной ревностно, потому я, к примеру, и не пошел с вами в тот кабак к непотребным девкам, хоть хотелось, что аж визжал... А не пошел потому, что потерял бы Божье покровительство, а как без него жить? Как, спрашиваю?

Они переглянулись, видимо, тоже недоумевают, как жить без Божьего покровительства, уму непостижимо, хоть сразу головой в петлю.

Юный граф Эдгар, что дотоле молчал, спросил несмело:

— Ваша светлость, вам в самом деле был знак?

— Еще какой, — ответил я мрачно. — Нет, чтобы под утро, а среди ночи. Меня до рассвета трясло, страшно-то как!.. Когда сам мордой в грязь, то ничего, оботрешься, но

когда Господь указывает путь, а ты по нему ухитряешься споткнуться... это же стыд на всю жизнь! Потому и хорошо, когда Господь помогает, и страшно-то как...

Они снова переглянулись, никто ничего не понял, только уловили нечто смутное, как дым в тумане.

Сэр Вайтхолд переспросил с сомнением:

— Сам Господь указал путь?

— Именно, — ответил я и перекрестился. — Стены Иерихона падут! Мы ворвемся в пролом и завершим начатое. Нужно только пощадить дом блудницы и ее саму, поняли?

Юный граф спросил обалдело:

— А как ее найдем?

— Не читали Ветхий Завет? — спросил я с укором.

Он потупился.

— Увы, ваша светлость... Я больше с копьем упражнялся.

— Вижу, — сказал я ворчливо. — А в Ветхом Завете все сказано! Блудниц искать не надо, говорю вам твердо и со знанием дела, они сами нас находят. У них нюх, как у назозных мух на цветы. Хижина той, которую надо пощадить, прилеплена к стене с внутренней стороны, так было в Ветхом Завете. Всех остальных... без жалости, но только по дороге, не увлекайтесь. Наша задача — захватить сей презренный город и удерживать до прихода войск короля Фальстронга или короля Барбароссы!

Они все молчали, только из расположения лагеря донесся конский храп, словно только конь осмелился выразить свое отношение к моему рассказу.

Я смотрел гордо и уверенно, как Аттила на Париж, а барон Саммерсет спросил тихохонько, даже оглянувшись по сторонам, чтоб никто не услышал:

— А когда нам ждать... Божьего знака?

— Боюсь, — сказал я, — это случится в самое неподходящее для вас время. Говорят, вы поспать любите?

Он отшатнулся.

— Я? Да меня Господь наделил способностью не спать по неделе!.. Правда, потом отсыпаюсь столько же, но это совсем другое дело.

— Другое, — согласился я. — А еще можно отсыпаться заранее, в запас. В общем, если я верно понял Божий знак, стены сего блудного... заблудного... в общем, нечестивого и обреченного на гибель Иерихона рухнут перед самым рассветом.

— Когда самый крепкий сон, — сказал сзади сэр Клемент, он жадно прислушивался, — это хорошо, Господь тоже, оказывается, знает, когда лучшее время для штурма.

— А с какой стороны? — спросил барон Саммерсет. — А то город велик, стены этой несколько миль! Пока объедешь на ту сторону, любой пролом заделают.

— С нашей, — твердо сказал я. — Вы полагаете, Господь не видит, где мы? Ориентир у нас четкий: вышли из Леса Эльфов, а дальше мчались по прямой. Даже вы не промахнетесь, а почему Господь ударит не туда?

— По рассеянности, — ответил барон благочестиво. — Господь всегда в творении, неужто он только о нас и должен думать?

— Господь даже о каждом муравье думает, — заверил я твердо. — Вот он такой всевидящий!

Он усомнился.

— О каждом муравье?.. Их же сколько... А о мухах?

— О мухах не думает, — отрезал я. — Не Божье это дело, о каждой мухе думать или какой-нибудь мерзкой гусенице!

В лагере уже разожгли костры, прятаться нет смысла, на стенах города черно от народу, обсели, как вороны, никто ничего не поймет, кто мы и откуда, все знамена я велел свернуть еще на землях Армландии, а вот так предположить, что мы враги, в городе если и решаются, то не уверены...

Я некоторое время поворачивал эту мысль так и этак, но теперь поздно, это можно бы раньше как-то мимикрировать под войско герцога и войти в город, но теперь придется ломиться с большой кровью для обеих сторон...

Глава 12

Сэр Клемент, который Фицджеральд и прибыл от барона де Пусэ, громко и властно отдавал приказы, что выполняются бегом, мне это как теплым маслом по сердцу, окружают его такие же суровые и поджарые воины с голодными глазами.

Я на арбогастре подъехал ближе, он увидел меня и тут же преклонил колено. Его воины сделали то же самое, что мне понравилось еще больше.

— Встаньте, — сказал я медоточиво, — мы же не в дворце, а в походе. Сэр Клемент, вы обронули как-то, что знакомы с прямыми атаками и рейдами в тыл противника?

Он поднялся, прямо посмотрел мне в глаза, стараясь понять, чего я могу потребовать.

— Я несколько лет командовал объединениями, — сказал он, — что выполняли самостоятельные задачи.

Я кивнул.

— Прекрасно. Это я и хотел, чтобы вы повторили. Похоже, для вас будет особое задание.

Он выпрямился так, что затрещали позвонки.

— Ваша светлость! Только прикажите.

— Сэр Клемент, — сказал я значительно, — задание будет особым, а это значит, что очень важным.

— Ваша светлость!

— От его выполнения, — сообщил я, — будет зависеть очень многое для всех, а для вас... в особенности.

— Ваша светлость?

— Как продвижение по лестнице титулов, — пояснил я, — так и размеры пожалованной вам земли.

Его глаза вспыхнули голодным блеском.

— Ваша светлость, только прикажите!

— Когда ворвемся в город, — сказал я и, заметив недоверие на его лице, сказал настойчиво, — а мы ворвемся... ладно, скажем так, если ворвемся в город, ваша задача будет

прорваться со своим отрядом в королевский дворец, не ввязываясь ни в какие стычки. И даже не хватая добычу, пусть даже само полезет в руки! Но если выполните задание, добыча у вас будет такая, о какой и не мечтали, вы меня поняли? А вот если не сумеете... то потеряете и то, что у вас есть. Это, надеюсь, поняли тоже.

Он медленно наклонил голову.

— Ваша светлость... Что я должен сделать?

— Ворваться во дворец, — сказал я. — Королевский дворец. У вас, как я заметил, прекрасная выучка, но люди не обременены благородным происхождением?.. Нет-нет, не смущайтесь, у каждого в обществе своя роль и свое предназначение. То, что я вам поручаю, я не рискнул бы доверить рыцарям из знатных дворянских родов.

— Ваша светлость, располагайте мною и моими людьми!

Я кивнул и сказал уже тише:

— Вы должны ворваться в королевский дворец... и сделать так, чтобы никогда больше... повторяю, никогда больше!.. не возникало ни малейшей угрозы со стороны наследников и родственников короля Гиллеберда. Чтоб не осталось претендентов на трон, на земли... Вы меня поняли?

Он подтянулся, повеселел, задание жестокое и кровавое, но предельно ясное, мудрое, и для него, битого жизнью и выдавшего виды, правильное, как бы к этому потом ни отнеслись молодые и благородные рыцари.

— Все сделаю, — заверил он.

— И еще, — уточнил я. — Это ваше особое задание. О нем знаете только вы, ясно?

— Да, ваша светлость! Все сделаю.

— Своим людям, — закончил я, — можете сообщить о нем только перед самым дворцом.

Он смотрел мне в глаза твердо и сурово.

— Ваша светлость... если позволите сказать... это очень правильное решение, ваша светлость.

— Позволю, — сказал я благосклонно и, толкнув коня коленом, послал его дальше.

С вечера воздух еще теплый, прогретый, однако в полночь я проснулся, с севера подул резкий колючий ветер, костры начало разметывать, покатались угольки, дым пошел по всему лагерю. Часовые спешно затапывали угольки, а костры ограждали камешками.

Полумесяц изредка выглядывает из-за лохматых туч, они плывут стремительно, будто темные льдины с рваными краями при бурном половодье. Темные деревья тревожно шумят, вскрикивают разбуженные птицы.

Я подумал вяло, что утром увидим выброшенных ветром из гнезд беспомощных птенчиков.

После полуночи устало умолкли сверчки и болотные жабы, половинка луны плывет над горизонтом неторопливо, часто ныряет за верхушки деревьев.

Я лежал, глядя в ночное небо, а когда над горизонтом поднялась яркая утренняя звезда, именуемая Люцифером, сбросил с себя лапу Бобика, он еще и голову положил на мою руку, то-то занемела, будто всю ночь наковальню на себе держал.

Часовой подбросил в огонь сухих веток, вскочил.

- Ваша светлость?
- Вольно, — буркнул я.
- Что-то нужно?
- Бди, — сказал я.

Летучие мыши все еще носятся над головой, торопливо хватают ночных насекомых, сумрак — их время, но с рассветом скроются в пещерах, гротах, развалинах.

Военачальники начали подниматься от костров, хмурые и сосредоточенные, на меня стараются не смотреть, все в доспехах, только забрала шлемов подняты.

Сэр Вайтхолд сказал, глядя в сторону:

- Я велел оседлать коней. Все готовы, ваша светлость.
- Ждем, — ответил я.

Я тоже старался не встречаться с ними взглядами, да не увидят мой страх и неуверенность, вдруг гномы передумают,

вдруг Аттарка сместят и разорвут договор, посчитав его ловушкой, да вообще много чего может случиться...

Земля негромко дрогнула, качнулась. Толчок совсем крохотный, при таком землетрясении разве что вино в кубке чуть колыхнется, но я мгновенно ожил, заорал:

— Все в седла!.. быстро!

Сэр Вайтхолд еще растерянно смотрел в сторону города, как в сторонке грозно и страшно закричал сэр Клемент:

— По коням!

Приставленные ко мне гонцы ринулись во все стороны с душераздирающими воплями:

— По коням!

— В седла!

— Быстрее, быстрее!

— Все по коням!

Я вспрыгнул на Зайчика, выдернул меч и вскинул его высоко над головой.

— За мной! Кто отстанет, да падет на того позор!

Везде слышался конский топот, всхрапывание, возбужденные голоса. Я развернул арбогастра в сторону устрашающих стен и послал его в галоп.

За спиной послышался частый и нарастающий топот. Справа и слева начали обгонять всадники, это легкие конники виконта Каспара Волсингейна, дикие горцы, как он охарактеризовал, в самом деле свирепые ребята, воют и страшно режут на скаку, азартно прижались к конским гривам, я успел подумать, что как же велика их вера в меня, если вот так ринулись на неприступные стены...

Огромная массивная стена, вгоняющая в ужас одним видом, начала медленно опускаться на протяжении полутора сотен ярдов, захватив две башни по краям. Те покачивались, одна стала рассыпаться сразу, другая уходила в землю, как в болото...

Донесся тяжелый грохот, над обрушившимися строениями страшно поднялось облако серой пыли.

Сэр Вайтхолд, он скачет уже рядом со мной, вскинул меч и завизжал в диком восторге, как поросенок:

— Вперед!.. Господь с нами, так кто против нас?

Войско понеслось еще быстрее, но я перестал сдерживать Зайчика, под грохот копыт, от которого дрожит земля, обогнал, первым ворвался в облако пыли.

Толстая стена осела, даже не рассыпавшись на глыбы, из ямы красиво торчат зубцы, из-за которых лучники и арбалетчики обычно ведут огонь...

Остановившись на той стороне, я выхватил из-под плаща арбалет. Первые же всадники, попытавшиеся проскочить в полурассвете, не глядя, были сброшены с коней торчащими из земли каменными зубками, но, к счастью, сориентировались и начали указывать другим дорогу.

Через широкий пролом начала втягиваться наша компактная армия. Отряд барона Саммерсета сразу же пронесся к казармам и блокировал все ходы-выходы, люди виконта Рульфа, как и было оговорено, взбежали на стены и быстро очистили их от растерянных часовых.

Охранять проход я оставил доблестного сэра Геллермина, вдруг да из ближайших сел или замков кто-то вздумает прислать хотя бы малый отряд, а сам погнал Зайчика к королевскому замку.

Рыцари, как лютая буря, вломились в город, пошло торопливое избиение всех, кто выскакивал на улицы с оружием в руках. Люди юного графа Эдгара, оставив коней, ринулись по ступеням с внутренней стороны на стены. Ошалелых и все еще сонных, несмотря на грохот обвалившегося участка стены, часовых рубили и сбрасывали вниз, вскоре над башнями взвились мои знамена.

Ожесточенные бои завязались в Старом Городе, он господствует над всем Савуази, однако там увидели на всех башнях победно развевающиеся знамена Артании и пали духом. Их военачальник, сэр Гуго Спилберген, запросил перемирия, ему отказали, он предложил сдачу на почетных усло-

виях, всего лишь заберет с собой людей и оружие, а также вывезет королевскую семью, сэр Вайтхолд послал ко мне гонца уточнить условия.

Я велел сказать, что королевская семья вся, к великому прискорбию, погибла, вывести и вывезти никого из города не дадим, а единственное, что можем обещать, — это жизнь. Сэр Гуго сперва вспыхнул и заявил, что будут драться, пока все не погибнут с честью, я велел сказать, что помимо жизни гарантируем и достойное, вполне уважительное обращение.

К этому времени очаги сопротивления были подавлены с показательной жестокостью по всему городу, сопротивление нужно сломить в самом зародыше, и на помощь сэру Вайтхолду начали стягиваться остальные отряды.

Сэр Гуго увидел, что его людей просто перестреляют из арбалетов, никакой славной гибели в бою, и с зубовным скрежетом согласился сложить оружие на наших условиях.

Я ворвался в королевский сад, ажурные ворота из переплетенных стальных прутьев, украшенные коронами и эмблемами Гиллеберда, уже на земле, на дорожках с золотым песком разбросаны тела убитых, все с оружием в руках, хотя один оказался в одежде прислуги.

Мы проскакали мимо фонтанов и декоративных кустов к дворцу, на залитых кровью ступеньках лежат убитые воины в цветах королевской гвардии Гиллеберда.

Двери распахнуты, я пустил Зайчика по широким мраморным ступенькам и въехал прямо в зал. Пол залит кровью, убитых десятки, кое-где слышатся стоны.

С верхнего этажа сбежал молодой Каспар Волсингейн, увидел меня, просиял, как начищенный поднос под лучами солнца.

— Ваша светлость, дворец взят!

— Вижу, — сказал я нетерпеливо. — Где семья Гиллеберда?

Он посмотрел вверх.

— Там сейчас сэр Клемент с его людьми. Он велел мне спуститься и поискать подземный ход.

— Мудрое решение, — сказал я, — действуйте!

Зайчик недовольно фыркнул, показывая, что он мог бы взлететь и на второй этаж, как и на третий, однако я уже бежал вверх, а за мной ринулись двое крепких парней из отряда сэра Каспара.

На втором — схватка, по-видимому, была самой ожесточенной, кровь щедро течет по ступенькам, пол залит весь, даже на стенах красные брызги, а через убитых пришлось перепрыгивать на каждом шагу.

Я взбежал на третий, там крики, возбужденные голоса, звон железа. Я ринулся на крик и влетел в королевскую спальню. Несколько моих армландцев переворачивают залитые кровью тела, всматриваются в лица.

Один обернулся, я узнал сэра Клементы. Он распрямился, лицо виноватое, развел руками.

— Увы, ваша светлость, — сказал он громким голосом. — Было темно, когда мы сюда ворвались. Нам оказали сопротивление, двоих даже ранили...

— А когда зажгли свечи, — закончил я за него, — оказалось, что это королевская семья?

— Увы, — сказал он сокрушенно. — Кто ж знал, что дети кинутся в драку! Им бы спать и дальше...

Я кивнул на тела.

— Это они?..

Он вздохнул.

— Да. Старший сын и младший. А вон дочка... Совсем маленькая, но ее приняли за привидение, очень уж белое платье и сама вся беленькая...

— А королева?

Он кивнул в сторону. На двери шкафа висит, бессильно опустив руки и голову, немолодая женщина в ночной рубашке с кружевами, копьё пронзило ее насквозь и припилило к дереву. Конец торчит из груди, кровь все еще течет темно-красной струйкой, на полу у ее ног скапливается густая лужица.

— Кто ее?

— Я, — ответил он печально. — У нее в руке вон какая блестящая штука, видите? Думаю, мощный амулет, а то и вообще талисман. Она только начала произносить заклинание, я испугался за своих людей, они за мной какой путь прошли!.. Вот и...

Я кивнул.

— Сэр Клемент, вы все сделали верно. Это война! Не мы ее начали, но мы ее закончим. По своим правилам. Не надо было им гордиться, вот Господь и покарал. Это не вы ее, а рука Божия. Благодарю за оперативность.

Он вздохнул уже свободнее, мало ли что надумаю, сказал уже другим тоном:

— Ваша светлость, вы были правы. Вроде бы столица неприступна со всех сторон, однако дворец охранялся так, что я положил треть своих людей, пока пробился до этой спальни!

Я кивнул.

— Проследите, чтобы оставшиеся получили тройную добычу и тройное жалованье. Семьям погибших заплатим ту же цену. А теперь проверьте все помещения, любое сопротивление карать смертью на месте!.. Если понадобится, мой оперативный штаб прямо на площади.

Его лицо осветилось хищной радостью.

— Спасибо, ваша светлость! Слушаюсь, сэр Ричард!

Глава 13

Город хоть и проснулся от ужасающего грохота, но сонные жители оставались в домах. Из окон видно, как по улицам несутся тяжеловооруженные всадники на храпящих конях, кого-то рубят, цвета и гербы незнакомые, потому горожане торопливо запирали двери и придвигали к ним столы и комоды.

Соппротивление оказали еще в здании городской стражи, а казарму хотели обложить дровами и зажарить тех целиком, но там в конце концов сдались. Их повязали и под

усиленной охраной отвели в подземную тюрьму и надежно заперли.

Неожиданно яростное сопротивление было оказано в королевских конюшнях. Несколько человек забаррикадировались в главном здании и умело отражали все попытки их оттуда выбить. Барон Саммерсет предложил выставить охрану, и пусть сидят, пока не помрут с голоду или не сдадутся. Сэр Клемент возразил, что ночью могут выйти, когда никто не ждет, и устроить побоище, им там терять нечего...

— Ваша светлость, — обратился он ко мне, — я пошлю людей, пусть поищут таран или что-то подходящее. Надо выбить двери и покончить с этим.

— Хорошая идея, — согласился я.

В окнах второго и третьего этажей здания иногда мелькают лица, наши лучники время от времени прицельно бьют туда стрелами, но не думаю, что кого-то убили или ранили.

Я подошел ближе, прокричал:

— Удивительно, что конюшни защищены лучше, чем дворец!.. Кто отвечает за коней?

Некоторое время никто не отвечал, затем раздался злой голос:

— Тот, кто раньше охранял дворец!

— Да? — удивился я. — Тогда понятно... Могу я узнать имя героя, который предпочитает красиво погибнуть на конюшне?

После паузы донесся тот же голос:

— Вы его знаете, гроссграф.

— Гроссграф? — переспросил я. — Как давно это было... Сэр Райдер де Ортенберг?

В голосе говорившего послышался горький смешок:

— У вас хорошая память, сэр гроссграф.

— Сэр Райдер, — спросил я пораженно, — неужели вас тогда... сняли с ваших высоких постов?

Вокруг меня собиралось все больше воинов, все заинтересованно слушали нашу переключку. Из окна третьего этажа донесся усталый голос:

— Да, сэр. За то, что я тогда провел вас к королю, доверившись вам. Его Величество разгневался и выгнал меня из дворца, лишив высокой должности начальника дворцовой охраны. С того дня я работал старшим конюхом.

Я сказал виновато:

— Как же неловко тогда получилось... Ну хоть не в каменоломни, как вы опасались! Гиллеберд разгневался, да, понятно... Я тогда благодаря вам успел перехватить инициативу и выиграл многое. Может быть, даже спас шкуру... гм... Сэр Райдер, вы можете выйти без всякой боязни. Кроме благодарности к вам, я чувствую теперь еще и вину...

После долгой паузы, когда там наверху совещались, он прокричал громко:

— Я буду сражаться и умру со своими людьми!

Я крикнул в ответ:

— Конюхам погибать-то зачем?.. Сэр Райдер, я гарантирую жизнь как вам, так и вашим людям. Они могут остаться в городе, могут уйти.

После долгой паузы сверху прокричали:

— Хорошо, мы выходим!

Рядом со мной шумно вздохнул сэр Клемент. По лицу его было видно, что он не хотел бы, чтобы этот храбрый конюх, у которого за плечами была престижная должность начальника охраны всего дворца, погиб.

Дверь со скрипом растворилась, видно было, как убирают там тяжелую мебель, наконец начали выходить люди и бросать в сторону оружие.

Первым появился мужчина в простой рубашке, обычных рабочих брюках и стоптанных сапогах. На темном загорелом лице неожиданно ярко сверкнули очень светлые глаза, я только по ним узнал этого яркого рыцаря в великолепных доспехах дворцовой стражи, тогда мне казалось, что его глаза похожи на куски голубого льда, что не тают даже под жарким солнцем на раскаленных камнях.

Лицо все так же сурово и неподвижно, словно вырублено из камня, и в нем та же решительность и отвага, как в те дни.

Настоящий мужчина остается им, будь он на вершине власти или простым конюхом.

Мои воины следили за ним внимательно, но без неприязни. Он приблизился ко мне, но не склонил голову, напротив — взглянул остро и вопрошающе.

— Сэр Райдер, — проговорил я все еще в неловкости, — Господь моими руками уберег вас... нет, не сейчас, а тогда. Вы потеряли такую высокую должность и корили меня... Однако взгляните сейчас на ступени дворца, загляните в залы, пройдитесь по лестницам!.. Все залито кровью, защитники убиты до единого человека, а Господь уберег вас, послав к лошадям. Как часто мы в своем неразумении благодеяние принимаем за наказание!..

Люди Райдера столпились тесной группкой и смотрели в нашу сторону испуганными глазами. Райдер выслушал меня, на лице отразилось колебание, наконец взглянул мне в глаза.

— Что с семьей Его Величества?

— Увы, — сказал я со скорбью, — дворец захватывали еще ночью, не разобрали, кто воин с мечом, а кто ребенок... Убиты все. Охранять некого. И служить некому.

Он прямо посмотрел мне в лицо.

— Есть еще Его Величество король Гиллеберд.

— Он сражается с тремя королями, — напомнил я. — Уж молчу про себя, я хоть и не король, но столицу взял... У Гиллеберда нет шансов. Но я понимаю вас, сэр Райдер. Вы остаетесь верны королю. И потому сейчас отправляетесь под арест.

Он дернулся.

— Вы обещали...

— Я обещал только жизнь, — напомнил я. — А вашим людям обещал еще и свободу! Они могут уйти из города или остаться в нем прямо сейчас, как пожелают. Уверен, простолудины не настолько верны, как люди чести. А вот вы... Однако, если поклянетесь не обнажать против меня меч, я отпущу и вас.

Все замерли, ждали его ответа, он тяжело вздохнул и покачал головой.

— Я не могу дать такое слово.

— А я не могу отпустить, — сказал я. — Примкнете к какой-нибудь шайке, что попробует воевать против меня, погибнете. И снова буду чувствовать себя виноватым. Нет уж, лучше в тюрьму.

Сэр Клемент с сочувствием смотрел в лицо Райдера, угадав в нем такого же воина, как и сам, повернулся ко мне.

— Ваша светлость, позвольте?

— Говори, — поощрил я.

— Ему можно назначить домашний арест, — сказал он. — За порог — ни шагу! Даже на рынок только жена и дети.

Я подумал, кивнул.

— Сэр Райдер, за верность королю Гиллеберду и нежелание подчиниться моей власти вы приговариваетесь к заточению в стенах своего дома! Приговор окончательный, обжалованию не подлежит... и только в будущем возможны смягчения... Идите!

Сэр Клемент широко улыбнулся, хлопнул Райдера по плечу, тот поморщился от удара громадной пятерни, потом слабо улыбнулся, честь его спасена.

Я повел рукой, охватывая площадь перед королевским дворцом.

— Мой походный штаб здесь. Поставить стол, стулья, можно натянуть тент.

— Охранять вас тут труднее, — сказал сэр Клемент озабоченно.

— Зато ближе к событиям, — отрезал я. — Все видят своего лорда, а во дворце еще поискать придется. Да и очистить его надо сперва.

— Это уже делается, — заверил он.

— Не только от трупов, — уточнил я. — Там еще много придется... осмотреть.

Простучали конские копыта по выглаженному булыжнику площади, примчался на турнедском коне сэр Вайтхолд, свой отдыхает после тяжелого перехода.

— Ваша светлость, — прокричал он ликующе, — к вам отцы города!

Я сидел за походным столиком, за моей спиной зорко рассматривающие всех телохранители, быстро собирал сведения и рассылал гонцов, на вопль доблестного сэра только кивнул.

— Введите... гм, впустите.

Мои воины красиво выстроились в две шеренги, по ветру веют знамена моих лордов, я остался за столом и смотрел надменно на приближающихся пышно одетых вельмож.

Впереди поджарый высокий мужчина с лицом бывшего воина в прошлом, теперь лорд на покое, справа от него юноша в одежде цветов Гиллеберда несет знамя с королевским гербом, а слева такой же точно держит в руках древко с прицепленной к нему простыней, явно не нашлось даже белого флага.

Следом еще человек десять, но главный этот, что впереди, в руке у него на уровне груди большое кольцо с ручку для ведра, а на нем штук десять огромных амбарных ключей, не золотых или серебряных, а простых, словно это в самом деле подлинныя ключи от городских ворот, казны, арсенала, управы...

Я смотрел на него холодно и с пристальным вниманием, одна рука — по-хозяйски в бок, в другую сэр Вайтхолд сунул мне обнаженный меч, я упер его острием в зазор между булыжниками.

Глава городской управы, не сводя с меня взгляда, преклонил колено, но не голову, продолжая смотреть прямо и бестрепетно.

— Ваша светлость, — сказал он хриплым от сдерживаемых страданий голосом, — Господь помог вам овладеть нашим прекрасным городом, жемчужиной королевства Тур-

недо, великим Савуази. Прошу вас принять от него ключи и быть милосердным с его жителями.

Не поднимаясь с колен, он протянул мне связку. Я шевельнул бровью в сторону сэра Вайтхолда.

Тот понял, учтиво взял ключи, отвесив короткий поклон, и отступил к моим лордам.

Глава города поднялся, я видел, как в его глазах блещут слезы, а подбородок вздрагивает.

— А еще прошу, — сказал он наконец сдавленным голосом, — выпустить жителей и не причинять им насилий и утеснений... по возможности, потому что они и так потеряли в это страшное утро так много.

Я наклонил голову.

— Да, конечно, позволяю... Однако куда они уйдут?

Он ответил вздрагивающим голосом:

— Кто куда захочет.

— Я понимаю, — ответил я. — Однако это теперь мой город. Навсегда! Это не был набег, как вы все еще думаете. Кто идет за шерстью — возвращается стриженным. Ваш король пошел на мою Армландию — теперь он потерял и Турнедо. Да-да, не только эту столицу!

За его спиной раздался гул голосов, а сам он впервые растерялся, нижняя челюсть слегка провисла.

— Ваша светлость...

— Слушаю, — подбодрил я.

— Вы, — проговорил он, явно не веря своим ушам, — не собираетесь... уйти? На каких-то договорных условиях?

— Даже на условиях полной капитуляции, — заверил я. — Вы хотели взять Армландию? Берите, Армландия пришла сама.

Среди моих лордов прокатился гул горделивого восторга. Красивые и надменные речи всегда звучат значимо.

— Опасная и агрессивная политика, — пояснил я, — должна быть искоренена из общения между странами. Поэтому королевство Турнедо объявляю упраздненным. Его земли будут разделены между Армландией, Фоссано, Шател-

леном и Варт Генцем. Это я сообщаю вам из свойственной мне любезности, которую никак не могу в себе искоренить, потому что я человек крайне добрый, мягкий и до крайности впечатлительный.

Они все застыли, как громом пораженные, а я, решив, что впечатлил достаточно, кивком подсказал им, что сказано все, могут убираться к такой матери.

Сэр Вайтхолд едва дождался, когда делегация отойдет на достаточное расстояние, подбежал с несвойственной для него несолидностью.

— Сэр Ричард! — воскликнул он, уже и забыл, что я для него все еще «ваша светлость». — Это правда, что этот город войдет в состав Армландии?..

— А что, — спросил я надменно, — были какие-то сомнения?

— Ну... — проговорил он, запинаясь, — Савуази так далеко от границ Армландии.

Я вскинул в удивлении брови.

— Разве я не сказал, что Армландия пришла сюда?.. Это значит, что все земли с той стороны вливаются в Армландию. Включая этот город. А дальше, с той стороны реки, будут земли Варт Генца. Возможно.

Он просиял.

— Ушам своим не верю! Но, ваша светлость, как вы хорошо продумали, чтобы эта крепость была на этой стороне реки, а граница проходила по реке! Всегда можно держать водоплавание на замке, если захотим.

Я подумал, кивнул.

— Вообще-то, это не я разместил крепость на этом берегу, но место, вы правы, весьма и даже очень весьма.

— Только, — сказал он осторожно, — столице быть все же опасно так близко...

Я изумился, покачал головой.

— Сэр Вайтхолд, вы шутите? Это будет просто могучая и несокрушимая крепость! Мы над ее модернизацией еще и сами поработаем. А столица у нас Вексен в королевстве Фос-

сано, где правит Его Величество Фердинанд Барбаросса, как вы, конечно же, помните.

Он вздрогнул.

— В самом деле?.. Ох, как же я мог забыть!.. Конечно-конечно, это же все так... Значит, это будет территорией Фоссано?

— Ну да, — объяснил я. — Но только законы здесь будут армландские. И правительство. И все прочее будет армландское. А так да, конечно, Армландия — неотъемлемая территория королевства Фоссано.

Звонко прогрохотали по булыжнику площади стальные подковы, с коня соскочил и бегом подбежал один из рыцарей сэра Вайтхолда, в глазах восторг, рот до ушей.

— Ваша светлость, — прокричал он так, будто я на другом конце города, — на главной башне уже ваше знамя!

Сэр Вайтхолд сказал деловито:

— Пусть поднимут и на той стороне города. Чтоб отовсюду видели, чей это теперь город. Ваша светлость?

— Разрешаю, — ответил я милостиво. — Это в интересах дела, а не хвастовства для.

Он прокричал:

— Поднять знамена сэра Ричарда на всех башнях вокруг города!

Сразу несколько человек бросились в разные стороны, вот что значит ошеломительный успех, а это же те люди, что позавчера шли в диком страхе через Лес Эльфов, вчера едва-едва тащились в долгом рейде, ночью едва успели сомкнуть глаза, а сейчас все как свежие огурчики, просто умоляют дать им задание.

Я свистом подозвал Зайчика, все расступились, а я вытащил из седельной сумки слегка помятую бумажную трубочку, часть сургуча искрошилась.

Все смотрели очень внимательно, я показал болтающиеся на ленточках массивные ломти багрово-красного сургуча, все прониклись, узнавая оттиски больших королев-

ских печатей, затем сорвал их и распустил листок во всю длину.

Лорды ожидающе смотрели то на меня, больно серьезен, то на испещренный королевскими подписями и перепачканный печатями лист.

Я перевел дыхание, все смотрят во все глаза, я сказал очень торжественно:

— Братья по духу, ибо все рыцари — братья!.. Этот договор между четырьмя предводителями союзных войск... объясняет, почему мы совершили этот беспрецедентно дерзкий рейд в глубь территории могущественнейшего из противников.

Сэр Вайтхолд спросил почтительно:

— Что за договор, ваша светлость?

Я передал ему лист, он принял обеими руками, поклонился, а я сказал великодушно:

— Читайте. Обсуждайте. Вам понятно станет многое. А я пока пройдусь, надо кое-что осмыслить.

И про себя добавил: к счастью, не все вам станет понятно, но на то я и правитель, чтобы говорить искренне и смотреть предельно искренне, могу и слезу пустить, если надо для блага отечества.

Глава 14

Отряды, разбившись на небольшие группки, продолжали зачищать город, а я, захватив сэра Клемента, отправился осматривать громадный королевский дворец.

За моей спиной то и дело слышалось потрясенное аханье. Даже те, кто ворвался сюда и рубил все живое, выскочившее навстречу, сейчас в потрясении от сказочного великолепия залов, статуй, пилястров, роскошных мозаик стен, и так дивно украшенного, выложенного цветным камнем пола в виде нежнейших роз, что страшно наступать сапожищами.

Если в прошлый раз рубили тех, кто встретил с оружием, то сейчас шла окончательная зачистка: искали спрятавшихся. Слуг, правда, согнали в одну большую комнату, потом надо проверить, все ли из obsługi или есть и кто-то еще, а в последней кладовке, выбив двери, обнаружили насмерть перепуганного толстого человека, щеки на плечах и восемь подбородков уступами на груди до самого живота.

Он истошно верещал, что знает все тайны дворца, и если его пощадят, все покажет, расскажет, всех выдаст. Сэр Клемент, рассудив, что это явно не член королевской семьи, велел связать ему руки и, все еще сомневаясь, привел ко мне. Вельможа тут же рухнул на колени, зарыдал, трясясь всем телом.

Я всмотрелся, сказал злорадно:

— Да это же сам Бальза...

Вельможа только взглянул в мое страшное лицо, как охнул и, повалившись на пол, начал колотиться в него лбом. Звуки были такие, будто по камню били подушкой.

— Я ничего... я не виноват...

— Бальза, — сказал я, — ну вот мы и встретились. Помнишь, ты обещал, что нанесешь мне удар быстрее?

Он завопил плачуще:

— Ваша светлость, ваше великолепие!.. Так это я, ничтожный червяк, разве можно вашей грозности обращать свое высокое внимание на слова такой презренной мелочи?

Я пробормотал:

— Ну, тогда ты был не мелочь... да и я не был великаном. Но ты прав, повесить тебя сейчас... было бы слишком мелкой местью и не весьма достойно государя.

Он, стучаясь лбом о пол и не смея поднять глаз, продолжал вопить, обещая сделать все, что только я пожелаю. Я наблюдал с минуту, кивнул сэру Клементу.

— Спасибо. Это старый знакомый. Королевский управитель, в самом деле знает немало.

Он с облегчением перевел дух.

— Хуф, а я уж было совсем хотел его...

— Тоже неплохая идея, — согласился я, — но все-таки сперва попытаемся использовать это существо. Бальза, сам встать сможешь?

Сэр Клемент обнажил меч и с удовольствием кольнул толстяка в зад. Тот с поросычьим визгом поднялся, морда красная, пот катится градом, глаза в ужасе вылезают из орбит.

— Марш к слугам, — велел я. — Быстро наладить жизнь во дворце! Чтобы как будто никакой войны и не было. И чтоб птички чирикали.

Часто кланяясь, он попятился к двери, неожиданно ловко выскользнул в щель, словно как амeba умеет сплющивать свое громоздкое жирное тело.

Сэр Клемент обронил:

— Этот сделает.

— Надеюсь, — сказал я. — Проверьте королевские покои еще раз. И кабинет. Там могут быть неожиданности, я немножко знаю Гиллеберда, общался. Сэр Клемент, на вас возлагаю еще и охрану дворца. Как видите, это не домик, пусть даже очень большой, как у других королей, а даже не знаю что...

Он сказал четко и преданно:

— Только прикажите!

— Я сейчас отбуду из города, — предупредил я. — Возможно, на целые сутки. Но когда вернусь, чтобы дворец сиял, а в королевском кабинете... он отныне мой, можно было работать.

— Только прикажите! — ответил он, взглянул встревоженно, спросил: — С вами точно никого посылать не нужно?

— Точно, — сказал я. — Я туда и обратно. Только соберите в нижнем зале военачальников, оставляю последние инструкции перед отбытием.

Он не стал спрашивать, куда это, туда и обратно, при всей солдатской грубости хватает и деликатности, если сам не говорю, то и спрашивать не надо, только кивнул и отбыл.

Бобик ходит за мной неотступно и заглядывает в глаза, я наконец обнял его за голову, почесал за ушами и клятвенно пообещал и на этот раз взять с собой, но прибью, если будет путаться под ногами и пугать людей просто ради ха-ха.

Военачальники, оставив командование заместителям, собрались в главном зале, я не стал заставлять себя ждать, спустился к ним немедленно, хотя и неспешно, по роскошной лестнице, все еще залитой кровью, всматривался в их лица. Похоже, у них шок намного сильнее, чем у меня, дворец Гиллеберда превосходит даже королевский в Сен-Мари, здесь в каждом камешке чувствуется мастерство строителей, которых сейчас уже давно нет.

Даже равнодушный к всяческим красотам барон Саммерсет, что всю жизнь провел в суровом замке-башне, оглядываясь ошалело, подходил к колоннам в виде атлантов и осторожно ощупывал драгоценный розовый мрамор, а все остальные, словно и не лорды, вертят головами и переговариваются тихими голосами, словно находятся в величественном соборе.

Меня увидели, повернулись, я заговорил еще на лестнице:

— Свежие новости о герцоге Кристофере есть?

Виконт Каспар сделал шаг вперед.

— Ваша светлость, мои разведчики не спускают с него глаз.

— И что докладывают?

Он тяжело вздохнул.

— Заметно, что герцог приводит войско в полную боевую готовность. Однако армия Его Величества Фальстронга еще далеко.

— Значит, — уточнил я, — к нему уже докатились слухи, что Савуази захвачен противником?

Он поклонился.

— Боюсь, что так.

Барон Саммерсет предположил мрачно:

— Если армия Фальстронга еще далеко, он может попытаться быстрым маршем подойти к городу, захватить на рывке... если мы позволим, а потом вернуться на прежние позиции, указанные ему Его Величеством Гиллебердом.

— Такое возможно, — согласился я. — А из всех худших вариантов нам, конечно же, выпадет самый худший. Господь нас любит, потому и посылает тяжкие испытания.

Лорд Геллермин вздохнул:

— Ага, любит...

— На небо глянуть некогда, — поддержал виконт Рульф.

— Тем выше наша слава, — сказал я серьезно. — Так, что мы имеем? Герцог Кристофер Беркширский, по слухам, великий воин. Однако ему все-таки придется трудно, очень трудно.

Сэр Вайтхолд приосанился.

— Еще бы!

— Я о другом, — осадил я его крайне вежливо, — трудность его в том, что если он получил сообщение, что над королевским дворцом Гиллеберда развевается мое знамя, то он будет обязан как-то действовать. Как поступит?

— Ринется сюда? — предположил сэр Вайтхолд.

— У него строгий приказ, — возразил виконт Ральф. — Держать оборону на случай, если подойдут войска короля Фальстронга. А те уже идут, герцог знает!

Они загалдели, как гуси, прикидывая варианты, заспорили сперва вежливо, потом начали перебирать родословную друг друга, все-таки мнение графа должно быть выше баронского, вскоре спор перешел на личности, а как же еще...

— Разорвется на две половинки, — сказал в конце концов разозленный сэр Вайтхолд. — Или лопнет.

— Сойдет с ума, — сказал сэр Геллермин.

— Твердолобый, — с сожалением в голосе сказал барон Саммерсет. — Не сойдет. Настоящий рыцарь!

— Жаль, — сказал я. — Пока там выбирали бы ему замену, мы бы хоть как-то сумели укрепить оборону. Ладно, думайте сами. Стену выстроить не успеем, но ров выкопать

можно. И даже затянуть его сверху маскировочной сетью... Что, не знаете такой трюк? Эх, на острова бы вас... Ладно, объясню, дикие вы у меня люди...

Через полчаса я выметнулся через пролом, где в сотне шагов от него начали спешно копать глубокий и широкий ров, ясно же, что как только герцог узнает подробности, как удалось захватить город, он постарается ворваться через эту же брешь, благо у него десятикратный перевес. Стоит только ворваться в город, мы обречены...

И прорываться люди герцога будут именно в этом месте.

Зайчик несется с той скоростью, что увидевшие меня издали либо решают, что почудилось, либо думают на выбежавшую из леса нечисть, Бобик на этот раз сразу понял, что возвращаемся в лес, наш след еще не остыл, и несется по нему, счастливо вскидывая морду.

В сторонке иногда мелькают домики, Турнедо населено весьма, а развито до предела, Гиллеберд молодец, сволочь. Развил экономику, но всю ее подчинил подготовке к войне. Милитарист, Бисмарком бы тебе назваться, гад...

Небо на этот раз без туч, но все равно низкое, уже отвык, это давит, лучше смотреть только вперед, а не вверх, не монах же.

Лес появился на горизонте ровный и темный, начал увеличиваться, тоже неспешно и ровно, кроны деревьев как будто сострижены гигантскими ножницами исполинского садовника.

Серая стена стволов распалась на отдельные прутьики, а когда мы приблизились, эти прутьики уже разрослись до размеров в три-четыре обхвата, высокие настолько, что эльфам в самом деле небо ни к чему, зеленая крона защищает как от дождя, града или ветра, так и просто от солнца. А воду дерево достает корнями.

Пес пронесся между деревьями, я не успел крикнуть, и тут же арбогастр ринулся вслед с такой скоростью, что я инстинктивно прижался к его шее, а потом только вспомнил, что здесь нет низко растущих веток.

Глава 15

Когда деревья сдвинулись и мы пробирались уже медленнее, из густой переплетенной зелени ветвей прозвучал звонкий и мелодичный голос, но я ощутил в нем острую, как отточенная бритва, угрозу:

— Стой!..

Я ответил надменно:

— Не видишь, кто едет? Ричард, аменгер благородного конта Астральмэля!

Голос ответил с угрозой:

— Видим, только потому ты еще жив. Пока.

— Вы что? — спросил я с обидой. — Вы меня уже не любите?

— Стой там, — велел голос, — и не шевелись. А то любим.

Я остановил Зайчика, Пес тоже сел и смотрел в ветви с таким интересом, словно прикидывал: сумеет ли подпрыгнуть достаточно высоко, чтобы цапнуть хотя бы ногу и стащить вниз.

— Эй-эй, — произнес другой голос, более музыкальный и задумчивый, — собачку придержи.

— Бобик, — сказал я наставительно, — они невкусные. Они вообще противные, так что не стоит, понял? Сплюнь и отвернись.

Бобик посмотрел на меня с укором и тяжело вздохнул. Некоторое время в верхушках деревьев шелестело, словно эльфы, как обезьяны, перебегают с ветки на ветку, наконец недовольный голос прокричал:

— Можешь идти!

— Спасибо, — ответил я саркастически и напомнил: — Вообще-то, я иду к себе, так что не надо, поняли?

Зайчик пошел иноходью, а голос из веток прокричал вдогонку:

— «К себе» никогда у тебя здесь не будет!

— Поглядим, — ответил я самодовольно.

Не такие эльфы и проникательные, а увидеть, что человек врёт, могут только тогда, когда человек трясется и трусливо прячет глазки, а когда брешет уверенно, сам почти веря в свою брехню, как вот я, когда спасал свою шкуру от гнева прекрасной эльфийки, то я сам почти верю, будто успел заключить такой союз с Астральмэлем.

Деревья долго шли настороженно рядом, приглядываясь ко мне, даже к нам, и прислушиваясь, наконец красиво расступились, открывая, как почтительные слуги-стражи, великолепный дворец на усыпанной настоящим золотым песком исполинской поляне.

Группа эльфов беседует у входа, меня заметили, повернулись. Я соскочил на землю, хотя трудно назвать землей заскрипевшие под подошвами грубых сапог крупинки золота, сказал Бобику:

— Побудь с нашим любимым Зайчиком. Мне надо с женой пообщаться весьма.

Один из эльфов возразил утрумо:

— Сперва с Ее Величеством Синтифаэль.

— Ого, — сказал я, — расту! То не мог попасть на прием, а теперь вот так сразу... Иду-иду.

— Иди, — ответил эльф и добавил зловеще: — Только это тебя не обрадует... надеюсь.

Я снял притороченную к седлу Зайчика сумку, кивнул, и меня повели под стражей, хоть и не слишком строгой, во дворец.

Королева снова на троне, величественная и холодная в царственной надменности, издали вперила в меня недобрый взгляд, я чувствовал, как холодок пробегает по моей коже, постепенно пробираясь тонкими струйками во внутренности.

Я преклонил колени и застыл в позе полной покорности, еще сам не определившись со своим статусом здесь. Вроде бы и ого-го, но с другой стороны — аменгер. Кто знает, не ставит ли это в положение подданного...

Она понаблюдала за мною, не давая разогнуться, наконец обронила царственно:

— Сэр Ричард...

— Ваше Величество, — ответил я преданным голосом.

— Что привело вас к нам, сэр Ричард?

— Ваше Величество! — воскликнул я. — Очарованный красотой и величием эльфов, я ночами не ел, днями не спал, только о вас и думал пылко и страстно!.. И все мечтал как-нить снова, чтоб прильнуть к истокам вашей мудрости, насладиться вашими речами и вашим... э-э-э... видом. Обликом.

Она с сомнением всматривалась в мое лицо, а я уставился в нее бесстыжими глазами и сказал себе с восторгом, что она божественно прекрасна, красивее ее не видел в мире женщины и вообще существа, и как я счастлив снова быть здесь...

Ее лицо смягчилось, она произнесла уже мягче:

— Сэр Ричард, вы все-таки человек, хотя и не совсем... как здесь уже заметили. И вам не стоит здесь появляться.

Я вскрикнул:

— Но я ведь должен, обязан!.. Вы хотите, чтобы я нарушил священную клятву?.. Где моя возлюбленная Гелионтэль? Я надеялся, что она примчится навстречу, бросится мне на шею и скажет что-то эльфийское, нежное, теплое, пушистое, мягкое...

Она поморщилась, во взгляде появился холодок.

— Аменгерство не предполагает, — произнесла она ровным голосом, — чрезмерного сближения. В первую очередь это забота о жене друга, возможность дать ей ребенка, который продлит его род...

— Разумеется, — воскликнул я. — Именно так я и собирался поступить, но если мое сердце теперь принадлежит милой Гелионтэль?

— Я пошлю за ней, — пообещала она.

— Она далеко?

— Не очень. Сегодня наблюдает, как цветочные дракончики собирают нектар, сейчас как раз время. За этими шалунами нужен глаз да глаз. Что-то еще?

Я пожал плечами.

— Да так, сущие пустяки. Я очень благодарен за то, что позволили нам пройти через ваш Зачарованный Лес. Это дало нам возможность легко и красиво захватить столицу тех людей, что так не любят эльфов и наступают на ваш Лес. Теперь в том городе будут любить, еще как будут! Я всем предоставляю свободный выбор в духе демократизации общества: любить эльфов или отправиться на виселицу... Так что, как видите, я последователен в своем гуманизме и желании жить в равенстве и тоталита... толерантности ко всем расам, видам, подвидам и классам!

Она поморщилась.

— Что-то в ваших речах странное... Я должна бы радоваться таким изменениям в поведении людей, но что-то не могу. Скорее, напротив. С чего бы?

— Вы слишком чувствительны, Ваше Величество, — сказал я комплиментарно и в то же время обвиняюще, — а короли должны быть, как кабаны лютые и целеустремленные, а не мотыльки всякие. Я вот ваш теперь, а Гелионтэль — моя жена.

Она уточнила:

— Не жена, сэр Ричард! Она по-прежнему жена конта Астральмэля, трагически погибшего, а вы только временно замещаете его!

— Да-да, — сказал я, — до рождения ребенка, который продлит славный род конта Астральмэля. Но сейчас все мои думы и мысли о ней, я даже принес ей подарок...

Она равнодушно взглянула на седельную сумку, но глаза расширились, когда я высыпал на широкую столешницу сокровища, которые небрежно выгреб из ящиков в покоях трагически погибшей королевы Турнедо.

— Это... это же просто чудо! — воскликнула она. — Где вы такое взяли?

— Астральмэль, — произнес я скромно, — удачно выбрал аменгера, не так ли?... Эти пустячки, надеюсь, пригодятся моей милой Гелионтэль, пусть забавляется... А я бы хотел поговорить, Ваше Величество, с вами о более серьезных вещах, как правитель с правителем.

Однако она, не отрывая взора, рассматривала сокровища, наконец зачарованно подняла тонкий женский пояс из странного гибкого металла ярко-голубого цвета с ярко-оранжевой пряжкой, тоже из незнакомого металла.

— Это же священный пояс Аналлиэль! — прошептала она потрясенно. — Легендарной королевы Начала...

— Надеюсь, — сказал я, — он подойдет моей супруге...

— Она не ваша супруга, — возразила она автоматически. — Этот пояс подходит всем, им можно опоясать хоть гору, хоть стебелек... Он позволяет многое...

— Весьма рад.

— Но как... где вы его нашли?

Я пожал плечами.

— У этих злых людей, Ваше Величество. А я немножко убил всех, а запасики выгреб. Ну, такая у нас, людей, привычка. Можете оставить его себе, дарю, если эта вещь больше подходит королеве, чем простой эльфийке.

Она покачала головой.

— Контесса Гелионтэль — не простая, она из очень знатной и древней семьи, но у нас нет сословных различий, как у людей. Так что этот пояс пусть уж ей, как и все эти драгоценности. Они тоже эльфийские, вы не знали? Их ценность вовсе не в том, что это жемчужины со дна моря...

Я спросил с интересом:

— А в чем?

Она посерьезнела, ее глаза чуть потемнели, взглянула в упор.

— Это неважно. Что вам нужно еще, кроме как увидеться с Гелионтэль?

Я вздохнул.

— Ваше Величество... все, что я прошу, это взаимовыгодность и поддержка друг друга в добрых и предельно гуманных делах и вопросах. Если я от кого-то что беру, то и ему что-то даю... нужное или полезное. Или хотя бы красивое.

Она чуть наклонила голову, не отрывая от меня взгляда.

— Уже вижу.

— Спасибо, Ваше Величество.

— Говорите, — произнесла она нетерпеливо.

— Мы с вашей помощью прошли через ваш Лес, — сказал я, — и теперь вам от того города и вообще от населения, что под моей отныне рукой, никакие утеснения не грозят! Даже вот часть добычи принес, хотя в условиях этого не было. Разве это не взаимовыгодно?

Она спросила напряженным, как натянутая струна, голосом:

— Что вы... хотите... на этот... раз?

— Всего лишь небольшой поддержки, — объяснил я. — Те нехорошие люди, что не любят эльфов, попытаются отбить захваченный нами город. Вам это тоже ни к чему, верно? Насколько я изучил карту, они находятся практически с той стороны Леса, а когда возжелают ринуться на захват того важного для них города, они будут огибать ваш Лес по опушке... Там проложена очень хорошая широкая дорога, я сам видел. В обход, вернее, в объезд Леса.

Она кивнула, ее внимательные глаза все так же не отрывали от меня взгляда.

— И что?

— Вы можете мне очень помочь, — произнес я. — Хотя это я так говорю, что мне, на самом деле поможете и себе тоже. Сейчас наши судьбы связаны не меньше, чем моя с Гелионтэль...

Она сказала предостерегающе:

— Сэр Ричард!

Я послушно умолк на полуслове, потом заговорил другим тоном:

— Вы могли бы выставить своих непревзойденных лучников вдоль Зачарованного Леса, когда там двинется в атаку на мои войска закованная в прекрасные доспехи конница короля Гиллеберда, и осыпать их стрелами так, как можете только вы, эльфы. Симпатии всего моего войска будут на вашей стороне!.. Ваше Величество, я могу попытаться сорвать и обмануть, но нельзя заставить все войско, состоящее из простого и простодушного народа, обманывать хитро и умело. Вы сами увидите, как изменится их отношение, когда туча эльфийских стрел накроет конную лавину воинов короля Гиллеберда... и спасет жизни многим моим людям. Вы полагаете, не будут вам благодарны?

Она отрезала:

— Это исключено! Исключено, сэр Ричард.

Я вздохнул.

— Простите, Ваше Величество, я хотел обоюдной пользы. Но... как скажете. Вся власть в ваших руках. Но где же моя милая Гелионтэль?

Она поднялась с трона, но даже на высоких каблучках и с высокой прической едва достигала мне середины груди.

— Пойдемте ей навстречу, — предложила она. — Заодно увидите чуть больше нашего мира. Возможно, начнете понимать его лучше.

— С восторгом, — сказал я. — С превеликим!

Я подал ей руку, она слегка оперлась, это было так, как если бы колибри уронила мне на ладонь перышко.

Эльфы утрюмо и высокомерно смотрели, как мы прошли через зал, но вышли с другой стороны дворца, зона золотого песка здесь всего на десяток шагов, а дальше утоптанная до твердости гранита земля, даже позвякивает под моими подкованными каблуками.

А дальше, почти у далекой стены темных и грозных деревьев, с десяток лучников, стоя к нам правым боком, грациозно поднимают луки, одновременно натягивая тетиву, и направляют острия стрел куда-то вдаль.

Я проследил взглядом, на довольно большом расстоянии укреплены мишени в виде ярко раскрашенных кругов, из некоторых стрелы торчат густо, из другой по одной-две..

Мы медленно шли в ту сторону, за нами почти неслышно перебирают ножками в изящных туфлях с десятком придворных.

— Вы приехали только ради того, — уточнила она, — чтобы повидаться с Гелионтэль!

— Только! — клятвенно заверил я. — А там вообще хотел еще попутно промчаться навстречу герцогу Кристоферу Беркширскому, это главный полководец короля Гиллеберда. Именно он командует отборным войском поблизости и... может спешно двинуть его на Савуази. Савуази — это тот город, который мы захватили... благодаря вашей помощи, Ваше Величество.

Она поморщилась.

— Ничего мы не помогали.

— Дороги были все перекрыты, — напомнил я, — но вы позволили пройти через ваш Лес, чего никто из турнедцев не ожидал!

— А зачем, — поинтересовалась она, — вы собирались к этому герцогу? Он же ваш враг?

— Еще какой! — ответил я.

— Тогда зачем?

— Отговорить, — объяснил я. — Хотя он и враг, точнее — противник, но я предпочел бы, чтобы он остался жив. Как только античеловечный режим тирана будет свергнут, а я восстановлю истинно демократическое свое правление, то предпочел бы принять от герцога присягу на верность. Не люблю разбрасываться кадрами! Более того, охотно переманиваю чужие.

Она мило наморщила носик.

— Станный вы человек, сэр Ричард. Иногда в вас проscalaзывает даже что-то от эльфов, но чаще вы более омерзительны, чем тролли. Как выживаетесь?

— Человек широк, — ответил я, — а эльфячить, то есть суживать, не стану. Это и есть богатство, пусть даже почти все это богатство — дерьмо. Но мы умеем гордиться и дерьмом, это называется многогранностью натуры. Эльфам не понять.

Она произнесла с неудовольствием:

— К счастью, есть вещи настолько омерзительные, что лучше их не знать.

— Знание — сила, — сказал я гордо.

Мы приблизились к стрелкам, они поклонились, не выпуская из рук луков, и снова обратили горящие азартом взоры на далекие мишени.

Она произнесла с гордостью:

— Никто на свете не сможет тягаться с нашими стрелками!

Я прикинул на взгляд расстояние, поколебался, но рискнул сказать:

— Ваше Величество, вы полагаете, что это лучшие стрелки?

Она обратила на меня взгляд, полный недоумения.

— Разумеется.

— Не видели вы моих, — сказал я со вздохом. — Жаль, они за тысячи миль отсюда...

Она совсем не по-королевски наморщила нос.

— Ну да, конечно. Вот только проверить нельзя, верно?

Я сказал скромно:

— Ну, разве что я сам...

Она повернулась ко мне всем корпусом и смерила взглядом с головы до ног и обратно, смешно задирая личико.

— Какие же вы наглые, — произнесла она с отвращением. — Никто не может равняться с эльфами в стрельбе!

— Никто не может равняться с вами в красоте, — сказал я клятвенно, — это точно! А в метании стрел... люди такие изобретательные! Было бы в чем хорошем, а в стрельбе, драке, мордобое...

На миг в ее глазах проскользнуло нечто, но тут же покачала головой.

— Посмотрите внимательнее, как стреляют эльфы. И возьмете свои слова обратно.

Вельможи за нашими спинами переговаривались сперва тихо, потом начали все громче и азартнее комментировать удачные выстрелы. Королева наблюдала с явным удовольствием, но царственно помалкивала.

Я старался не показывать вида, что в самом деле впечатлен. Эльфийские стрелы бьют дальше и точнее, но главное — впятеро быстрее, чем у любого из наших лучников. Когда эльф выпускает стрелу за стрелой, его руки мелькают так, что не разглядеть пальцев, только слышны частые щелчки тетивы.

Я пробормотал:

— У них такой вид, что с луками и спать ложатся.

Она красиво изогнула губы.

— Лук — единственное оружие, которое мы признаем. Все остальное слишком грубо и дико. В том числе и эти ваши ужасные арбалеты... Видимо, потому нет нам равных в стрельбе.

Я пробормотал:

— И все-таки я уверен, что смог бы потягаться.

Она широко распахнула прекрасные глаза.

— Человек? С эльфами? В стрельбе из лука?

— Я в душе эльф, — напомнил я. — Тонкий, изысканный, чувствующий, нежный, деликатный, безумно скромный...

Она выразительно указала взглядом на лучников.

— Попробуйте? Если попадете в цель, я подумаю над тем, чтобы подумать над вашей просьбой.

— Заметано, — сказал я быстро. — Только давайте, если попаду, то не подумаете, а примете... и не просьбу, а мое деловое предложение. Ваше Величество, вы же понимаете, оно обоюдовыгодное. Вам выгоднее, чем мне! Просто я сейчас в несколько затрудненном положении и готов продать

вам этот лес по цене намного ниже той, которую мог бы заломить.

Она победно улыбнулась.

— Хватит разговоров, сэр Ричард! Покажите себя. Лук у вас тоже неплох... Я чувствую работу древних мастеров.

Мы вышли на самый край поля, с королевой зеваки раскланивались, но тут же поворачивались в сторону стрелков. То ли не такой уж и пиетет перед Ее Величеством, то ли здесь собрались все герцоги и принцы, себе цену знают и достоинство блюдут.

Тетивы шелкают коротко и сухо, стрелы идут удивительно точно, я снова залюбовался ювелирностью движений лучников. На меня враждебно косили глазом, однако присутствие королевы гасит любое недовольство.

Королева произнесла чарующим голосом:

— Конт Тулиэль, наш дорогой гость утверждает, что он тоже эльф... только из очень далеких стран. И готов это доказать.

Один из эльфов, с гибкой молодой фигурой и моложавым лицом поклонился, испытующе посмотрел в мою сторону.

— Выделить ему мишень?

Я ответил небрежно:

— Можно. Хотя годятся и эти. Ничего, если всажу и свою в какую-нибудь? Наши стрелы там не подерутся?

Он без улыбки смерил меня взглядом и повернулся к королеве.

— Ваше Величество?

Она милостиво наклонила голову.

— Да. Только не эти... мишени. Это для простых лучников, не так ли? А наш гость утверждает, что он герцог, эрцгерцог, курфюрст...

Эльф, которого она назвала контом Тулиэлем, посмотрел на нее, перевел взгляд на меня, затем снова на королеву.

— Ваше Величество...

В его приятном голосе прозвучало замешательство. Она сказала нетерпеливо:

— Значит, он должен стрелять лучше, чем простые лучники. Давайте вспомним спор Фоссаэля и Атаэля.

Его брови поднялись на середину глаза, а удлинённые глаза распахнулись, как два голубых озера под чистым небом, откуда ушли тучи.

— Ваше Величество!.. Хорошо, все сделаю. Позвать Шеллиэля?

— Именно Шеллиэля, — согласилась она.

Конт Тулиэль исчез, мое сердце тревожно застучало. По нервам пробежал холодок. Что-то здесь не то и не так. Я держался слишком опрометчиво, в мишени стрелять не дают, где-то попался, а королева не дура, таких мудрых за милую видит и заранее прикидывает, где и на чем поймает альфа-самца...

Она произнесла ангельски сладким голосом, полным яда:

— Вон там далеко видите лучника в зеленой одежде?

Я всмотрелся, на фоне изумрудной зелени кустов его еще надо рассмотреть, кивнул.

— Да, только лук у него за спиной.

— Лук ему не понадобится, — объяснила она. — Он известен тем, что лучше всех умеет бросать камни. Сейчас он бросит вверх... орех. Вон тот стрелок... видите в шляпе с розовым пером?... попадет в него с первой же стрелы.

— Ого, — сказал я невольно.

Она с ехидцей посмотрела в мое встревоженное лицо. Я не отрывал взгляда от эльфа с орехом в руке, далеко, гад, расположился...

— Что-то вы погрустнели, сэр Ричард, — заметила она с лицемерным сочувствием. — У вас так умеют?..

Я заставил свои похолодевшие губы шевельнуться:

— Что?.. Вы шутите... у нас так развлекаются дети!

Конт посмотрел на меня в изумлении, королева нахмурилась, голос ее прозвучал резче.

— Сэр Ричард!

— Ваша светлость, — сказал я учтиво, — давайте поступим так: если ваш Шеллиэль попадет в орех, то я сочту себя побежденным еще до начала соревнования. И, конечно, снимаю свое выгодное для вас предложение. Оставайтесь и живите по своему древнему уставу, постепенно отступая под натиском людей, которых так презираете... Но если его стрела не коснется ореха, вы принимаете мои... не буду повторяться. В общем, ваши лучники не дадут пройти мимо леса коннице герцога Беркширского.

Она внимательно всматривалась в меня, к ней вернулась ее обычная настороженность и бдительность, но я уже смотрю глупо-надменно, вид гордый и самоуверенный, она перевела взгляд на внимательно слушающего контя.

— Вы слышали?

Он торжествующе улыбнулся.

— Ваше Величество...

Она произнесла с нажимом:

— Постарайтесь, чтобы Шеллиэль не промахнулся!

— Ваше Величество, — произнес он истово, — вы увидите, все будет сделано.

Он исчез, я видел, как подходит то к одному эльфу, то к другому, те разбежались, через некоторое время приблизился тот, кто будет стрелять в орех, я его сразу узнал: выше других в росте, с длинными могучими руками, лук почти в его рост.

Конт Тулиэль торопливо подошел к тому эльфу, что должен бросить орех в небо, пошептал ему что-то в ухо, тот выслушал, кивнул и сделал несколько широких шагов в нашу сторону.

Несмотря на трусливую дрожь в теле, я ощутил слабое злорадство. Королева не желает рисковать и велела эльфу с орехом подойти ближе, чтобы их суперстрелок точно не промахнулся!

Конт посмотрел на нее с вопросом в глазах, она мило-стиво кивнула.

— Разрешаю.

Конт прокричал звонко:

— Приготовиться!

Я взял лук в руки и наложил на тетиву стрелу. Королева заметила краем глаза, насмешливо улыбнулась.

— Хотите сами попасть?

— В орех? — изумился я. — Ваше Величество, вы меня обижаете!

Она искривила губы и отвернулась. Конт перехватил ее взгляд, повернулся к полю. Эльф с орехом опустил руку почти к земле, даже присел от усердия, а суперстрелок Шеллиэль начал медленно натягивать тетиву.

Зрелище впечатляющее, гигантская дуга красиво гнется, я просто чувствую ту мощь, с которой тугая тетива метнет стрелу...

Королева внезапно произнесла:

— С моей стороны есть обязательства... а с вашей? Сэр Ричард, если Шеллиэль попадет в орех... вы оставляете мир людей и полностью и всецело переходите в наш мир, где будете пребывать в рабстве до конца дней!

Я похолодел, но заставил себя кивнуть и сказать вслух:

— Клянусь.

Конт прокричал:

— На счет «три»... Готовы?.. Один... два... три!

Эльф с орехом с руке разогнулся, сам как тугая тетива. Из его ладони, вскинутой к небу, стремительно вылетел крохотный комочек и понесся вверх.

Я быстро натянул тетиву и краем глаза следил за Шеллиэлем. Сердце стучит часто и мощно, все рефлексy в теле обострены, и едва Шеллиэль выпустил стрелу, я тут же разжал пальцы.

Он выстрелил, как я и думал, с таким расчетом, чтобы его стрела поразила орех в высшей точке взлета. Тогда тот, постепенно замедляя движение, на мгновение замрет в воздухе, прежде чем начать падать обратно, в это время попасть в него легче всего...

Зрители ахнули, в воздухе раздался короткий треск. В синем небе мелькнули две стремительные, как мысль, черточки. Стрела Шеллиэля расщепилась на две равные половинки, те упали на поле, а эльф на поле тупо смотрел на неповрежденный орех, подкатившийся к его ногам.

Королева вздрогнула, повернула ко мне голову. Лицо медленно бледнело, глаза расширились. Зрители возбужденно шумели, визжали.

В нашу сторону бегом ринулся конт, за ним с опущенной головой потащился Шеллиэль, вид бесконечно виноватый, взгляд направлен в землю.

— Вы, — произнесла королева, — вы... сумели...

Дрожь все еще колотит меня, но облегчение такое, что я готов был расплакаться от счастья.

— Ваше Величество, — произнес я как можно небрежнее, — я же сказал, что даже это забава для детей. Что скажете теперь?

Она уловила намек в моем голосе, тяжело вздохнула.

— Вы переиграли нас, сэр Ричард, — произнесла она негодующим голосом. — Но мы выполним все, что я пообещала.

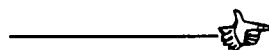
ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1.....	5
Глава 2.....	19
Глава 3.....	30
Глава 4.....	38
Глава 5.....	49
Глава 6.....	60
Глава 7.....	69
Глава 8.....	78
Глава 9.....	88
Глава 10.....	97
Глава 11.....	105
Глава 12.....	111
Глава 13.....	119
Глава 14.....	127
Глава 15.....	134

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1.....	143
Глава 2.....	150
Глава 3.....	155
Глава 4.....	166
Глава 5.....	171
Глава 6.....	180
Глава 7.....	186
Глава 8.....	194
Глава 9.....	198

Глава 10.....	205
Глава 11.....	212
Глава 12.....	217
Глава 13.....	225
Глава 14.....	234
Глава 15.....	243

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1.....	253
Глава 2.....	262
Глава 3.....	270
Глава 4.....	274
Глава 5.....	284
Глава 6.....	292
Глава 7.....	300
Глава 8.....	306
Глава 9.....	313
Глава 10.....	328
Глава 11.....	336
Глава 12.....	345
Глава 13.....	352
Глава 14.....	361
Глава 15.....	367

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — КУРФЮРСТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Л. Кузьмина*

Корректор *Ю. Иванова*

В оформлении переплета использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118,
411-68-99, доб. 2762, 1234. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Подписано в печать 20.05.2011. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 65 000 экз. Заказ № 4102326

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-50128-1

9 785699 501281 >

ISBN 978-5-699-50128-1

9 785699 501281 >

